

**ПОМНИ
ВОЙНУ**

1941—1945

Дороги к Победе рядового Федора Речкина
из села Памятное Белозерского района
фото И.Озерского

09

63.3 (2РЗГ-4КУА)
П 55

14

*Пусть помнят те, которых мы не знаем:
нам страх и подлость были не к лицу.
Мы пили жизнь до дна и умирали
за эту жизнь, не кланяясь свинцу.*

Николай МАЙОРОВ

ПОМНИ ВОЙНУ

1.252.329

Том 5

Курган
«Парус-М», 2005

Курганская областная
библиотека
на ул. К. Югова
Книгохранилище

002К
К03 (07)

60-летию Великой Победы посвящается

ПОМНИ ВОЙНУ

Том 5

Книга издана по инициативе Губернатора
Курганской области О.А.Богомолова.

Составители: В.А.Есетов, В.В.Усманов, Г.П. Устюжанин.

Администрация области, составители и коллектив «Парус-М» выражают глубокую признательность и благодарность фронтовикам и труженикам тыла Великой Отечественной войны, журналистам, работникам архивов, музеев, военных комиссариатов области, библиотек, краеведам, многим добрым людям, проявившим сердечное участие в подготовке к печати и издании этой книги.

Сборник рассчитан на массового читателя. Его издание расширяет познание правды о войне, трагическом и героическом прошлом, пережитом нашими земляками на путях и дорогах к Великой Победе. Эту правду нам всем необходимо знать, чтобы дорожить миром, быть ответственным за будущее Отечества. Сборник является пособием для изучения истории родного края в учебных заведениях области.

ISBN 5 - 86047 - 185 - 8.

© «Парус-М», 2005.

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
МАТЕРИАЛ

ПАМЯТЬ РАССКАЖЕТ

Народы стран содружества по борьбе с гитлеризмом готовятся отметить 60-летие Победы в самой страшной и кровопролитной войне в истории нашей планеты. Миллионами и миллионами жизней заплатилось тогда человечество. Особенно великую цену на алтарь Победы положили советские люди. Вы оглянитесь, ведь нет на нашей земле селения, где бы не стоял памятный обелиск с длинным списком имен и фамилий солдат, погибших на кровавых полях войны. И это не только в России – на всей территории еще недавно могучего государства – СССР.

В тот год Великой Победы люди освобожденной Европы и далекого американского континента воздавали хвалу, славу и честь советскому народу за его мужество и решающую роль в разгроме подлого и кровавого нацизма. Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль сказал, что «кроме советской армии, не было в мире такой силы, которая могла бы сломать хребет гитлеровской военщине...»

А что теперь, по прошествии шести десятилетий?

Великая страна развалена на группу малых государств. Одни из них уже вступили в военный блок НАТО, другие лезут из кожи, чтобы их туда приняли. Победой

над фашизмом начинают стыдиться.

Нашу Родину, ее армию – главную вершительницу Великой Победы, свои же “историки” с позиций “нового времени” пытаются отодвинуть на задний план. Ими “переосмыслено” многое, начиная от принятия решений в ставке Верховного главнокомандования, руководства фронтами и частями, вплоть до действий батальонов и взводов. Некоторые допереосмысливались до того, что солдат-освободителей называют оккупантами, а палачей-эсэсовцев – патриотами. В Латвии, например, ежегодно 16 марта устраивают шествие латышские легионеры WaffenSS. Они гордо маршируют с нацистскими знаменами. И мы молчим, и бывшие наши союзники по разгрому нацизма в Европе – молчат.

Как молодым поколениям России разобраться в истории, как не потерять уверенность в праведности подвига своих предков – народа-победителя? И это не праздный вопрос. Для нашего национального самосознания правда о войне является ключевым моментом в сегодняшних сложнейших условиях развития России. Победа в Великой Отечественной войне – это тот якорь, на котором должна удержаться в своем самоутверждении наша Родина.

Мы все в ответе перед поколением победителей за будущее страны, которую оно окропило своей кровью. Сохранить память о войне, ее трагизме, героизме и правде, какой бы горькой она ни была, помогут воспоминания и рассказы людей, которые сами прошли дорогами боев, побед и смертей, сами голодая, отдавали продукты фронту, сутками работали на полях и в цехах заводов, чтобы отцы и братья на фронте имели все для сокрушения агрессора, для победы.

В пятом томе книги “Помни войну” сто рассказов тех людей, кто жил тогда и сражался. Прочтите их и запомните. Это правда о войне.

*Генерал-майор Владимир Усманов,
военный комиссар Курганской области,
доктор педагогических наук,
член Союза писателей России.*

Алексей Белозеров

ТАКОВА ОНА – ПРАВДА О ВОЙНЕ

Алексей Николаевич Белозеров родился в 1918 году в селе Ик Каргапольского района. Отечественную войну прошел солдатом-артиллеристом. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны II степени, медалями “За боевые заслуги”, “За отвагу”, “За оборону Москвы”, “За оборону Сталинграда”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. После войны работал на различных должностях в Юргамышском районе. Много сделал по изучению и увековечиванию истории родного края.

Почему я решил описать некоторые события из моей фронтовой жизни? Да потому, что меня очень беспокоит то, что некоторые писатели опошляют действительность тех лет. Я же все это пишу не по рассказам бабушки или дедушки – я сам лично прошел через весь этот ад, видел кровь детей и стариков своими глазами, переболел все это своим сердцем и нервами.

Я не имею права говорить за дивизию, за армию – я говорю за наш полк, за наш дивизион, батарею, за взвод, в котором находился с октября 1941 года по октябрь 1945 года. Пробыл непосредственно в боях 3 года и 7 месяцев, и мы ни разу

нигде не отступили без приказа. В рядах нашего полка и батареи всегда был боевой дух, честь, мужество и отвага. Наш полк был многонациональным. Мы жили одной семьёй, не было разницы, русский ты или еврей, казах или мордвин, киргиз или узбек, грузин или лезгин, таджик или калмык. Это была великая советская семья и настоящая дружба народов. Мы помогали друг другу всегда и во всём. На фронте дружба была крепче любого металла и нежнее любого цветка.

В БОЯХ ЗА МОСКВУ

По прибытии на фронт нам сразу выдали тёплое бельё и запасное дали – НЗ, как мы его называли. В ноябре дали валенки и полушубки, а офицерам – телогрейки и меховые безрукавки. Не дали только шапки: их не было – мы ходили в подшлемниках, пилотках и касках. Шапки выдали в конце ноября.

Немцы нас называли азиатами, бросали нам листовки, что азиатов они в плен не берут, особенно сибиряков.

Под Москвой мы давали устную и письменную клятву, что врага в столицу не пустим, войти в неё он сможет разве только через наши трупы. И эту клятву мы свято сдержали. Враг не прошёл. На том месте в поселке Ленино-Снегири, где мы держали оборону, теперь стоит танк Т-34 – в знак нашей победы.

Солдаты насмерть стояли на своих рубежах, показывали своё мужество, отвагу и храбрость.

У нас в полку на вооружении были четыре 122-миллиметровых гаубицы. Дальность их стрельбы – до 14 километров. В орудие запрягали три пары лошадей, пушки были на конной тяге. Солдаты-ездовые имели карабины, разведчики – автоматы, а все остальные, в том числе и мы, связисты, были вооружены винтовками драгунского образца 1891 года. У всех ездовых и разведчиков были ещё клинки.

Каждый солдат имел противогаз. В конце войны мы их сдали старшине, а кто и вообще выбросил, хотя за это строго наказывали. Сумки от противогазов приспособили под патроны, гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Однажды дали приказ привести противогазы в боевую готовность. И что же случилось? Через два часа противогазы были у всех солдат.

Солдаты – очень находчивый народ, они с легкостью вывернутся из любого положения! Но после того случая противогазы берегли до конца войны.

У связистов всегда был комплект кабеля (это 12 катушек, то есть 14 километров) и 6 барабанов телефонного провода, который был очень устойчивый и хороший, а кабелем можно было пользоваться только в сухую погоду, так как при попадании на него воды он сразу же замыкал. В боевых условиях это было очень плохо, и мы часто “заимствовали” кабель у немцев: у них он был водонепроницаемый.

Мы, радисты, были снабжены радиостанциями 6-ПК, но у них был очень мал диапазон. В 1942 году у нас появились хорошие рации: РБ, РБМ, 5-АК (армейская корпусная). Вот с такой техникой я и работал, неся службу старшим радиотелеграфистом. За войну у меня было разбито осколками 6 радиостанций.

Тяжело было на войне, но мы мужали с каждым днём. У солдат появлялась воинская смекалка, они показывали образцы воли, доблести, геройства. Это касается и офицеров, и политработников. Особо мне хотелось бы отметить комиссара дивизии Бронникова Михаила Васильевича, комиссара нашей батареи Тютюнникова Василия Терентьевича и Тыло Гришу. Это были любимцы солдат! Они перед каждым боем словно заряжали нас своим словом, которое звало на подвиги во имя победы над врагом. По радио, да и в газетах часто можно теперь слышать о том, что якобы в партию тогда вступали для карьеры и выгоды, что якобы комиссары прятались за спины солдат. Это клевета и ложь! «Выгода» у партийца была одна – первому идти на смерть! Ведь при любом опасном задании впереди были коммунисты и комсомольцы, а самым первым – комиссар. А значит и пуля встречала его первым.

Перед каждым большим боем многие солдаты писали: “Хочу идти в бой коммунистом”, или “Если убьют, прошу считать коммунистом”. Никто их не заставлял делать этого – каждый писал добровольно и без всякой корысти.

В ноябре 1941 года мы вели ожесточённые бои на Волоколамском шоссе, обороняя подступы к Москве в населённых пунктах Сафониха, Дедово, Ленино, Снегири, Нефёдово, Селиваниха, Истра, Захарово. Против нас немцы бросили боль-

шие силы: одних танков было более 60 штук. Они рассчитывали прорвать нашу оборону и выйти на Волоколамское шоссе, на линию Истра – Москва. Битва была смертельной. Решался вопрос, быть или не быть России. Потери были огромными с обеих сторон.

Когда гитлеровское командование поняло, что план по захвату Москвы лопнул, оно вынуждено было прекратить наступление и перейти к обороне. Но не так легко было нам сломить их наступление. Это был сильный, опытный, вооружённый до зубов зверь. Я думаю, что мы, солдаты, сделали всё возможное и невозможное, чтобы отстоять столицу нашей Родины – Москву.

С той и с другой стороны наступило затишье. Около суток не было стрельбы ни с той, ни с другой из сторон. Нас спешно стали пополнять личным составом со всех трёх фронтов: Западного, Калининского и Брянского. Пополнили кое-какой техникой и особенно боеприпасами. 6 декабря наши войска перешли в контрнаступление. Ночью на 6 декабря, при 40-градусном морозе, мы не сомкнули глаз: приводили себя в порядок, готовились к бою. И вот рано утром заговорили пушки, миномёты. Мы, артиллеристы, дали мощные огневые залпы: артиллерия обрабатывала передний край противника, а также и глубь обороны. Артподготовка длилась около двух часов, после этого наша пехота пошла в наступление.

11 декабря нами был освобождён первый город – Истра (раньше он назывался Воскресенск). Этот город мы немцам последним сдали и первым освободили. Ночью на 11 декабря 2-й батальон лейтенанта Исупова длинной цепочкой прошёл след в след по проходу, проложенному сапёрами на минном поле. По обеим сторонам лежал чёрный снег, пропахший порохом и гарью. Сапёры установили вехи: воткнули в снег трофейные винтовки, разминированные диски мин, рукоятки от гранат и другие подручные средства. Так я первый с пехотой и рацией 6-ПК вошёл рано утром в город Истра. Наша 6-я батарея в то время поддерживала этот батальон своим огоньком.

Исключительную храбрость и мужество проявили солдаты и офицеры при форсировании реки Истра. (Тогда Истринское водохранилище было взорвано немцами). Мы переправились на западный берег и после упорных боёв освободили ряд насе-

лённых пунктов, превращенных немцами в узлы сопротивления.

Тогда командный пункт находился в районе больницы, а рядом, в подвальном помещении, было битком набито мирного населения: стариков, женщин, детей. Я думаю, что раньше в этом подвале находились какие-то склады.

От города Истра немец ничего не оставил – всё сжёг и взорвал, торчали одни трубы. Я видел только один целый двухэтажный дом около красавца-собора Нового Иерусалима, который немцы взорвали.

И до сих пор он не восстановлен: я там был на 50-летие Победы и осмотрел подвальное помещение собора, где мы были в последний раз на командном пункте (мы ушли оттуда последними со связистом Чепур Васей и командиром разведки, курганцем Жеребцовым Виталием Ивановичем).

Для нас ноябрь 1941 года был знаменателен тем, что наша 78-я дивизия стала гвардейской, а я был принят в кандидаты ВКП(б).

Битва под Москвой, несомненно, была звёздным часом нашей дивизии, которая из 139 стрелковых дивизий, принимавших участие в этой битве, первой стала гвардейской. Приказом № 342 от 26 ноября 1941 года, подписанным народным комиссаром обороны СССР Иосифом Виссарионовичем Сталиным, 78-я стрелковая дивизия за проявленные в боях отвагу, стойкость, мужество и героизм была преобразована в 9-ю гвардейскую стрелковую дивизию, а ее комдиву Белобородову Афонасию Павлантьевичу присвоено генеральское звание.

Гвардейские звания родились 15 сентября 1941 года, а нагрудный знак "Гвардия" вручался только с 21 мая 1942 года. Как известно, за Московскую битву гвардейского звания были удостоены 14 стрелковых дивизий. Первым оно было присвоено нашему соседу – 315-й стрелковой дивизии (Панфиловской), а наша дивизия получила его второй.

За декабрь 1941 и январь 1942 года вся Московская область была освобождена от немцев. Под нашими ударами враг откатился назад, и миф о непобедимости фашистов был развеян. В мае 1942 года наша дивизия была награждена орденом Красного Знамени.

Под Москвой, на истринской земле (деревня Кашино), родились две песни. Первая – "В землянке" Алексея Суркова:

*Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...*

Эту песню мы пели, лёжа в землянках, окопах, траншеях, писали в письмах и посылали своим девушкам. Мы её очень гордились и любили её петь.

Алексей Сурков был военным корреспондентом газеты Западного фронта "Красноармейская правда". Он прибыл к нам в часть, чтобы написать о героях, а ему пришлось принять участие в разгроме парашютистов, высадившихся в тылу нашей дивизии. Он действовал как боец.

Вторая песня была написана нашим солдатом Меером – о 9-й гвардейской стрелковой дивизии:

*Путей-дорог прошли бойцы немало.
Гармонь-подруга – спутник боевой.
Что ж, запевай, товарищ запевала,
О славных днях дивизии родной!
Любой из нас запомнит эти годы,
И в памяти народа не стереть,
Как мы громили вражеские орды
Под лозунгом "Победа – или смерть!"*

Припев:

*Согрета лаской Сталина
И Родиной прославлена
Девятая гвардейская, рождённая в боях,
В ней мужество народное
И доблесть благородная
Живёт в её отважных сыновьях!*

*Когда страна нам сердце доверяла,
Чтобы его сердцами защищать,
Дивизия в боях не отступала
И никогда не будет отступать!
Она была на подступах столицы
Заветам дедов и отцов верна.
В снегах Москвы воскрес былой Царицын,
А штык колот, как в дни Бородина.*

Припев:

*Над нами гордо реет наше знамя,
Почётный дар народа и страны.
Ответ дают гвардейскими делами
Стальных полков отважные сыны.
Нам дорога честь знамени святого,
И пусть не ждёт пощады наглый враг:
Дивизия всегда к боям готова,
Она всегда готова для атак.*

Припев:

*Пока ряды фашистские не смяты,
Гвардейский горн не протрубит отбой!
Дивизия! Народные солдаты!
Смелей вперёд, на подвиг боевой!
Дела гвардейцев прогремят ответом,
Их смелость к новой славе поведёт.
За Родину, за Сталина к победам
Гвардейская дивизия пойдёт.*

Припев:

*Когда семья гвардейская вспомянет
В огне боёв потерянных друзей,
Печаль о них великой мстью грянет
И оживит дела недавних дней.
И эту мсть, как самое святое,
Клянёмся мы нести всегда с собой,
Как нашу честь, как знамя боевое
Дивизии любимой и родной.*

Припев:

СЛОВО ОБ АРТИЛЛЕРИСТАХ

Как всё это было недавно, как все это было давно! Вот как раз сегодня День артиллерии, и я пишу про войну, и ещё захотелось подробнее написать о нас, артиллеристах: ведь я прошёл всю войну в рядах "богов войны".

Нашему 28-му гвардейскому артиллерийскому полку много раз приходилось непосредственно вести огонь в крупных сражениях под Москвой, Сталинградом и Курском. Я часто вспоминаю те дни, когда пехота просила нас "дать огоньку" или добавить его и подавить объект сопротивления, который возникал на пути ее продвижения, не давал им развить наступление. И такой "огонёк" мы, артиллеристы, давали.

Наша батарея в большинстве случаев наступления, да и в обороне была на прямой наводке, в первых цепях пехоты, и огнём прокладывала путь к победе. Батарея уничтожила десятки танков.

Я хочу рассказать о том, какую роль сыграла в Великой Отечественной войне наша ракетная артиллерия – гвардейские миномёты, которые мы называли "Катюшами". Помню, в 1941 году, когда мы только что прибыли на фронт с Дальнего Востока под Москву, то в первый же день нас "окрестила" первая "Катюша". Мы до этого их не знали и не видели, и нам о них никто ничего не говорил. "Катюша" подошла сзади нас и дивизионом ударила по врагу. Всё вокруг стало светло, хотя была ночь: посыпались искры, огонь – казалось, что небо распалось и валится на нас. Мы всё побросали, попадали в кусты: не могли понять, в чём дело. Наши лошади разбежались, и из двуколок вылетели катушки – мы их потом собирали более часа. Позднее нам растолковали раненые солдаты, которые шли с передовой, что это новое грозное оружие – "Катюша".

Помню, в то время у нас был солдат Шкурко, с Дальнего Востока. Он написал своей жене, что в первый же день познакомился с Катюшей. Она ему ответила: "Не успел ещё оглядеться, а уже стал заглядываться на Катюшу! Ты, балбес, поехал воевать, так защищай нас с дочерью, а не заглядывайся на каких-то там Катюш". Мы долго над ним смеялись! Но в 1942 году нашего друга Шкурко не стало – подорвался на mine.

Это грозное оружие: "Катюши" и "Андрюши" – сметало всё на своём пути. Я лично не раз видел, как они били не только по открытым и закрытым целям, но прямой наводкой по танкам и живой силе противника. Сейчас я часто думаю, что благодаря их мощи мы завоевали победу.

Мы шли в бой с фашистскими бандами, овеянные славой

наших предков: Александра Невского, Александра Суворова и Михаила Кутузова. Солдаты по зову своего сердца, сознательно шли на самопожертвование. Шли на автоматы, шли на танки во имя нашей победы, во имя Родины – России. Это забывать нельзя.

Битва за Москву будет служить символом братской дружбы народов СССР, единства партии и народа, великого преимущества советского государственного и общественного строя.

Я помню многих своих командиров и политработников, а тем более солдат нашего взвода, которые воевали отлично, до конца выполнили свой долг перед Родиной: помню и тех, кто погибли, как герои, и тех, кто, пройдя через всю войну, остались в живых и продолжают до сих пор прославлять Отчизну теперь уже славным трудом и воспитанием молодого поколения России.

ВПЕРЕДИ – ГОРОД ВЯЗЬМА

19 декабря 1941 года мы вышли на рубеж реки Руза, на подступы к городу Вязьма. На этом рубеже бои продолжались до середины января 1942 года. В это время мы находились вначале в 33-й армии, а позднее в 33-й Западного фронта. Наше командование делало отчаянные попытки освободить из окружения дивизии 33-й армии, но брешь была закрыта -амертво. Командующий генерал-лейтенант Ефремов Михаил Григорьевич при прорыве из окружения, около деревни Жары Вяземского района, был тяжело ранен и во избежание плена застрелился.

Помним кровавые бои в районе Захарово в феврале 1942 года, на рубеже реки Угра, которые мы вели вплоть до 16 апреля. Мы потеряли здесь замечательных командиров-коммунистов: командующего артиллерией дивизии подполковника Погорелова, комиссара 258-го стрелкового полка старшего политрука Гука. После этого нас сняли с боевых порядков и отправили на формирование.

Я думаю, сейчас уместно рассказать о том, как мы, солдаты жили на войне, познакомить с солдатским бытом. Когда в разговорах с молодыми людьми на встречах скажешь, что в течение всей войны не ночевали в хатах, то они смотрят на

тебя с таким удивлением, как будто ты что-то недоговариваешь. Вот я и решил поведать о солдатской жизни.

Во-первых, мы жили всю войну под открытым небом – как зимой, так и летом. Крышей было небо, а полом – земля! Мы копали траншеи в рост человека, чтобы можно было более безопасно передвигаться. Рыли отдельные ровики, в них делали ниши, куда ложили боеприпасы: гранаты, бутылки с горючей смесью (мы их называли карманной артиллерией) для борьбы с танками. Копали землянки – каждый расчёт свою, а мы, связисты-радисты в общем взводе управления, – свою. Я всегда копал два ровика: один для убежища, другой для рации. Подкопаем в стене нишу и поставим туда рацию, и она становится в большей безопасности сверху: хорошо замаскируешь или пластами, или травой, деревьями.

Печей не было – их делали прямо в стене, и дым отводили иногда в сторону, чтобы его не было видно с воздуха и не было дыма в землянке. Топили, кто как сумеет: если поблизости есть лес, то дровами, а нет – то порохом. Порох заготовливали сами от разбитых снарядов “Катюш” и “Андрюш”. Правда, порох их очень длинный, и мы его ломали, как макароны. Но чаще использовали порох от своих орудий – дополнительные мешки. Они требовались в основном тогда, когда вели огонь на дальнее расстояние или при плохих метеорологических условиях (на поправку). Ну а когда мы вели огонь с близкого расстояния или прямой наводкой, то эти мешки с порохом не были нужны – мы ими и пользовались для отопления. А огонь с близкого расстояния и прямой наводкой вели очень часто.

Продовольствием нас снабжали почти без перебоев. Перебои были, когда бомбили тылы. В этом случае давали сухари. Зимой хлеб всегда был стылый. Если его рубить, то останутся одни крошки – мы его пилили пилой. Супы чаще всего были гороховые или пшеничные, картофельные, а зимой – из сухого картофеля. Каши давали разные: гречневую, пшённую. Мясные блюда были очень редко и мало. А когда стали помогать союзники, то появились мясные консервы, мясо-тушёнка и сало-шпик, яичный порошок, сахарин. Зимой давали по 100 граммов водки – это “наркомовские”. Иногда давали спирт. Если в какой-то день водку не подвозили, то компенсировали на следующий день.

Табакom снабжали хуже: табак разный давали только офицерам, иногда они получали папиросы, а солдатам давали махорку – мошок. Иногда солдаты курили из трубок. Они оказались удобнее: во-первых, светомаскировка, а во-вторых, не нужно бумаги, а то все немецкие листовки искурили! Иногда ребята делали обмен между собой: ты сегодня пьёшь мою водку, а я завтра твою. Кто курил очень много и кому не хватало курева, те меняли водку и сахар на табак, так и выручали друг друга.

Письма писали – треугольники без марок, и они доходили до родных.

Спали на соломе, траве, еловых ветках. Постелью служила шинель. Мы её стелили, ею укрывались и её же ложили под голову. Кроме этого, зимой и летом была плащ-палатка: она не промокала, и её не продувало.

Солдат хоронили без гробов. Похоронное бюро хоронило на общей могиле – в воронке от бомб. Укладывали рядами, закрывали плащ-палатками, а если в батарее были похороны одного-четырёх человек, то всех завёртывали в плащ-палатки.

Солдату давали “заработную плату” – 26 рублей, но мы их не получали, так как они нам были не нужны. Мы ежегодно подписывались на заём, а остальные деньги вносили в фонд обороны. А офицеры высылали их аттестатом домой, семье.

В свободное от боёв время днём или ночью в землянке тихо пели разные песни. Тексты их получали от родственников или от любимых, находили в газетах. Это были “Огонёк”, “В землянке”, “Варяг”, “Катюша”, “Каховка”, “Раскинулось море широко”. Часто в газетах читали статьи Ильи Эренбурга, Александра Фадеева, Михаила Шолохова и других, делились друг с другом мнением о работе в тылу, об ударах наших войск по противнику и т. д. У меня в отделении был солдат Костромин Иван Васильевич – он знал наизусть роман “Евгений Онегин”. Мы часто просили его рассказать и слушали, затаив дыханье.

На войне не было отбоя или подъёма – отдыхали, кто как может, и когда есть свободное время. Спали не раздеваясь, ведь в любую минуту может прозвучать команда “батарея, к бою!” Разувались только тогда, когда нужно просушить портянки. И так длилось всю войну – 1418 дней и ночей.

Самым дорогим "оружием" для солдата была его ложка. Она всегда была при себе – за голенищем. Даже дома, после войны, перед едой я ещё часто касался голенища: долго не мог отвыкнуть!

На командных пунктах всегда вели разговоры только по малым кодам: например, солдат называли шапками, снаряды – огурчиками, патроны – семечками, машины – коробками, орудия – факелами, связь – нитками.

Про связь надо сказать особенно. Связь – это нерв армии, но в войну она работала недостаточно, из-за этого было много потерь в живой силе и технике. Я и сейчас часто задумываюсь об этом и надеюсь, что наши военные начальники извлекли уроки из прошлого. Связь – это пятьдесят процентов успеха в любой операции.

ЕЩЕ ОБ АРТИЛЛЕРИЙСКОМ БЫТЕ

Бань на фронте не было до 1944 года. Я вспоминаю, как к нам однажды прибыла на передовую машина-жарилка. Члены obsługi раскинули палатку, очень большую, поставили бочки-печки и бочки с водой, на полу настелили сантиметров пятьдесят хвойных веток и пригласили нас в эту жаровню, чтобы избавить нас от вшей (а их в то время у нас было с избытком, они, гады, сильно нас кусали). Только мы разделись, сдали бельё в камеры жарить и стали мыть друг друга – в этот момент налетела авиация противника. Взрывной волной сорвало палатку, и мы на 40-градусном морозе стояли голые. Но, к счастью, никто не пострадал. Мы бегом расхватали бельё, кто какое успел, – и по землянкам! А на следующий день разменивались с товарищами гимнастёрками, шинелями, брюками. Вот так мы "помылись" в баньке!

Или ещё случай на реке Руза. Мы заняли боевые позиции около деревни Иванково или Иванковская, на задах этой деревни, в ста–ста пятидесяти метрах. Оставшееся население деревни пригласило нас помыться в баню. Мы пришли на место, нашли бочки, чтобы нагреть в них воду, помыться и ошпарить кипятком наших врагов – вшей, а бань-то и не оказалось: жители моются и парятся в печах! Вначале топили печь, потом выгребали из неё золу, угли, стелили солому, влезали в печь, жарились, вылезали, обмывались – и всё. Вот так мы

начали борьбу в 1942 году со вшами-кровососами, которых после этого у нас почти не стало. Как это было в других подразделениях, не знаю. Но эту деревню я запомнил навсегда.

Когда мы шли к реке Руза, то нас сопровождал 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Доватора. Сначала он нас поддерживал, а потом ушёл в рейд по тылам противника. Генерал Доватор Лев Михайлович погиб зимой 1941 года во время рейда по тылам врага: в районе города Руза, у деревни Палашкино, он был сражён пулемётной очередью. На месте гибели легендарного комкора-кавалериста воздвигнут памятник. Когда мы были в Москве и ездили по местам боёв нашей дивизии, то посетили могилу Доватора, где написано: "Здесь 19 декабря 1941 года в боях с немецкими захватчиками погиб Герой Советского Союза генерал-майор Доватор Лев Михайлович. Высокий подвиг его – пример беззаветного служения Советской Родине, верности воинскому долгу".

На берегу реки Руза был наш НП, откуда мы вели наблюдение и корректировали огонь. На нём находился наш командир взвода Нахимчук со своими разведчиками, связистами. Был там и командир отделения связи сержант Костычев. Их атаковали фрицы, окружили, и завязался бой. Командир взвода лейтенант Нахимчук пошёл на прорыв и вышел из окружения без потерь, а на снегу осталось 10 трупов фашистов. Нахимчук сам лично заколол троих штыком, а остальных положили разведчики. Видимо, фашистам была поставлена задача взять наших живьём.

В деревне Ванюхино шли тяжёлые бои, в живых остался один пулемётчик Пётр Огнев. От его пулемёта полегли сотни фашистов. Тогда фрицы выкатили орудие и прямой наводкой в упор расстреляли героя.

Разве можно забыть своих друзей, товарищей по оружию, патриотов нашей Родины, героев России!

Имея опыт оборонительных боёв под Москвой, дивизия сыграла свою славную роль и в ожесточённых боях в междуречье рек Оскол и Дон, в районе города Серафимовича и на дальних подступах к Сталинграду.

Наш 28-й гвардейский артиллерийский полк был в то время на конной тяге. Это нас сковывало, так как маневренность была очень маленькая. Мы сосредоточились в небольшой

балке. Кругом было чистое поле, не было ни единого кустика. Мы хорошо окопались, замаскировались, но противник пока не появлялся. После занятия боевых порядков 20 июня 1942 года, мы сразу поняли, что копать ровики нужно глубже и зигзагами. Нам, правда, повезло в том, что земля на нашем участке была хорошая, копать было легко. Не прошло и часа, как мы закончили все работы.

И тут налетела авиация – около 60 самолётов-бомбардировщиков “Юнкерс” и “Хейнкель”, началась сильная, но не прицельная бомбёжка. В годовщину начала войны фашисты решили взять реванш за поражение в битве за Москву. 22 июня 1942 года, рано утром, гитлеровцы двинули свои войска на нашем участке фронта. В воздухе были самолёты с рассвета до наступления полной темноты: через каждый час-два летели и бомбили наши порядки. А по земле шли танки.

Мы были на линии связи, когда началась бомбёжка наших порядков. Мы кинулись в ложину и ждём своей участи. Вдруг возле нас что-то упало. Мы лежим и не дышим, ждём, что вот сейчас рванёт – и прощай, Родина! Но взрыв не последовал. Когда мы подняли головы, то увидели, что около нас лежит метровая деревянная ступа. Мы потом долго смеялись над этим.

Всё это делалось для действия на психику людей, чтобы влиять на нервную систему.

Помню жестокие, кровопролитные бои, которые развернулись в междуречье рек Оскол и Дон, под городами Купянск, Валуйки, станцией Тополи и по берегам рек Большой и Малый Бурлук. Наши бои там были очень неудачными, можно даже сказать – очень плохими. Противник над нами имел [позиционное] превосходство: у него берег реки Большой Бурлук был на возвышенности, а у нас – низина, и всё, что у нас происходило, он видел как на ладони. Каждое наше движение он сопровождал сильным огнём из всех видов оружия.

И вот однажды в полдень, когда светило радостное солнце и вокруг было тихо – вдруг раздалась команда: “Воздух!”. На нас двигалась громада самолётов противника. А рядом с нами в домах мирное население: старики, женщины и дети. И все они ринулись к нам в траншеи и полностью их заняли. Получилось так, что в одной из траншей рядом со мной оказалось

трое детей от шести до девяти лет. Они упали в траншею, а их сверху накрыл своим телом какой-то капитан. И когда кончилась бомбёжка, то оказалось, что капитан мёртв, а рядом с ним – солдат с разорванным животом, кишки которого лежали на земле, и он молил всех не о помощи, а чтобы его пристрелили, но этого никто не мог сделать. Дети остались живы. Вот так и было на войне: сам погибай, а товарища выручай! И штурчали! Своей жизнью спасали друзей боевых. Поэтому и побеждали.

Артиллеристы ведут огонь

Кирилл Достовалов

КЛЯТВА СЕРЖАНТА

Две войны выпало на долю Кирилла Прокопьевича Достовалова. На финскую его призвали в январе 1940 года с четвертого курса сельхозтехникума как лучшего лыжника. Тогда он впервые участвовал во взятии Выборга. Второй раз освобождал его уже в Отечественную, причем перерыва в военной службе у него между войнами не было. О блокаде Ленинграда знает не понаслышке: все 900 страшных дней он был среди защитников города-Героя.

В город на Неве, – вспоминает он, – нашу часть перебросили в апреле 1941-го. Меня направили в пулеметно-зенитную полковую школу. Думал, дослужу там срочную – и домой, в Зауралье.

Отчетливо помню утро 22 июня. Мы находились в лагерях на берегу Финского залива. Разбудил нас пушечный выстрел с Кронштадта. Объявили боевую тревогу. Но только в Ленинграде узнали, что на нашу страну напала Германия. Подумал тогда: «Ну, немцы это не финны, война будет тяжелой».

Вместе с несколькими сотнями младших командиров попал сержант Кирилл Достовалов в резерв, где ежедневно формировались и отправлялись на фронт батальоны. Его же поставили на артснабжение. На грузовиках возили они на пере-

дний край боеприпасы. В одной из таких поездок он был тяжело контужен, оглох и месяц пролежал в госпитале. А немцы в это время уже сомкнули кольцо вокруг Ленинграда. После госпиталя Достовалов попал на знаменитые Синявинские болота.

– Немцы на высоте, а мы внизу, в болотных топях и кочкарнике, – говорит Кирилл Прокопьевич, – сколько наших бойцов там полегло, жуть, но оборону мы держали крепко. Был приказ – ни шагу назад!

После госпиталя командовал взводом управления корпусной батареи. Под началом были отделения разведки, связи, радио и топовычисления. Не раз приходилось бывать в осажденном Ленинграде. В память навсегда врезались холодный, заснеженный город, бредущие по улицам исхудавшие ленинградцы, трупы на тротуарах. А еще запомнились стойкость его жителей, их мужество. Умирали, но не сдавались!

Бадаевские склады с огромным запасом продовольствия, которые могли бы прокормить город в течение длительного времени, были разбомблены немцами в первые же дни войны. Голод пришел не только к горожанам. Голодали и бойцы, защищавшие его. Дневная норма ржаного хлеба пополам с дурандой (хлопковым жмыхом) на каждого бойца составляла всего 300 граммов. Ели убитых лошадей, на которых подвозили на передовую снаряды, а потом и их не стало. Когда подняли затонувшую в Ладожском озере баржу с ржаной мукой, то начали выдавать ее по 60 граммов на душу. Мешки, к счастью, промокли не до конца: корка из теста спасла муку. Но болтушка из нее была затхлой и горчила.

Кириллу Прокопьевичу Достовалову приходилось особенно тяжело, потому что он отвечал за взвод. Теряющих силы солдат надо было поддержать морально. Не заметил, как и сам обессилел, как ни крепился, все-таки слег. И если бы не вмешательство командира полка, умер бы. Тот, узнав о тяжелом состоянии сержанта, не раз ходившего за «языком», приказал на пять суток увеличить ему дневную норму хлеба до 600 граммов, и это спасло.

Там, под Ленинградом, перед лицом смерти Кирилл Прокопьевич Достовалов дал себе клятву, что если доведется ему выжить, то всю жизнь будет выращивать хлеб.

На Синявинских болотах получил он первую свою боевую

награду – орден Славы III степени. Потом были другие.

Рассказывает об этом фронтовик так:

– Перед нашими позициями в обороне стояла испанская Голубая дивизия. Воевали испанцы вяло. А тут как раз появился у нас капитан, тоже испанец. Ознакомившись с обстановкой, попросил разрешения сходить на ту сторону, провести агитацию среди соотечественников. Сходил раз удачно, а на второй – привел с собой целый взвод испанцев, не захотевших больше воевать. Не знаю, то ли это послужило причиной, то ли другое, но Голубая дивизия была спешно переброшена на другое место, а ее сменила немецкая. Потребовалось срочно узнать, что за она и откуда.

В разведку за «языком» пошло нас семеро. Прodelав дыру в проволочном заграждении, мы благополучно проскользнули на немецкие позиции. Пропустив на дороге встречного ездового (с этого немца вряд ли бы вышел толк), мы прошли дальше и укрылись в заброшенном доме. Выбитое окно завешали плащ-палаткой, а сами устроились внутри. Ребята очень устали и задремали. И я, хотя со мной раньше такого никогда не случалось, словно провалился куда-то. Проснулся так же внезапно от какой-то тревоги. Осторожно поднял край плащ-палатки и обмер: метрах в трехстах от нас стояла немецкая пушка, а в протекавшем ручейке мылись немцы.

Разбудил ребят: «Братва, немцы рядом! Заняли круговую оборону».

Однако судьба благоволила к нам: немцы, обычно очень осторожные, так и не проверили наше убежище. Весь день мы пролежали в напряжении. Следующая ночь, как назло, выдалась лунной. И только к утру, когда луна ненадолго скрылась, мы взяли «языка». Правда, перебраться с ним к своим так и не смогли. Немцы, пока мы были у них в тылу, соединили траншеи и заделали прорезанный нами в заграждении проход. А еще навешали в этом месте пустых консервных банок и набросили спираль Бруно из колючей проволоки.

«Языка» пришлось кончить, но, к счастью, у него при себе оказались документы с указанием номера части и дивизии – как раз то, что требовалось узнать. Обрато прорывались под автоматными очередями противника: один из разведчиков, посланных вперед, нечаянно наделал шума. Нам оставалось

одно – набросить ватники на проволочное ограждение, перемахнуть и бежать, прямо по минному полю к своим. И снова повезло – пришли без потерь.

Когда в штабе полка изучили принесенные нами документы, то выяснилось, что «соседей» к нам подбросили более чем серьезных – эсэсовцев дивизии «Мертвая голова», известных своей жестокостью. Всех разведчиков за эту операцию наградили. Было это осенью сорок третьего...

Под Ленинградом получил письмо из дома. Узнал, что и отца, знатного кузнеца и мастера на все руки, оставленного по брони в МТС, призвали, и он воюет где-то неподалеку от нас. Появилась надежда, даст Бог, может, и свидимся. Не получилось, хотя оба участвовали в прорыве блокады. Отец в одном из боев был тяжело ранен в ногу. Солдаты ушли вперед, а он, истекая кровью, лежал в лесу, пока на него наткнулись санитары. Но было поздно: началась гангрена. И вскоре Прокопий Дормидонтович умер.

После Ленинграда наша батарея в составе 65-й армии 1-го Украинского фронта была немцев в Германии, а затем в Чехословакии участвовала в освобождении Праги. В одном из боев удалось подбить 6 танков и 2 самоходки. Был представлен к ордену Красного Знамени, но документы затерялись.

Отгремели победные залпы, солдаты возвращались домой, а у Достовалова служба продолжилась еще на год. Австрия, Германия, Венгрия... Их часть перебрасывали с места на место. А всего на его солдатских сапогах вместе с войной побывала пыль шести европейских государств. И везде Кирилл Прокопьевич приглядывался, как ведется сельское хозяйство, что из зерновых сеют крестьяне. Душа его рвалась к мирной жизни, но в родное село Елошное возвратился лишь весной сорок шестого. Дома не был больше шести лет.

Надо было доучиваться. Поступил на заочное отделение агрономического факультета Курганского сельхозинститута. Но учиться передумал. Мать набедствовала за войну, помочь ей, кроме него, было некому. Требовалось быстрее получить профессию. Документы подал в Шадринский сельхозтехникум, который через год окончил с отличием.

Любимая его Маруся, смешливая студентка педучилища,

с которой познакомился еще до войны, когда учился в техникуме, дождалась его. Она учительствовала в маленькой деревушке, потом работала секретарем райкома комсомола, а затем инструктором обкома ВЛКСМ. Они поженились.

После завершения учебы агронома Достовалова направили на работу в родной Лебяжьевский район. Начинал с агронома отделения, вскоре был назначен главным. Семья переехала на центральную усадьбу, в Черемушки. Жена стала преподавать в местной школе. Всего в совхозе Кирилл Прокопьевич проработал 14 лет, еще 19 лет возглавлял агрономическую службу в Басковском совхозе Макушинского района. Там за высокие урожаи Достовалов награжден орденом «Знак Почета», бронзовой и двумя серебряными медалями ВДНХ. А ведь земли после укрупнения хозяйства стало немало – 26 тысяч гектаров пашни, из которых 17 тысяч засеивали зерновыми. Но он добился, что урожайность в 20 центнеров зерна с гектара перестала быть диковинкой. И пока он работал в совхозе, она постоянно держалась на высоком уровне. Не раз предлагали ему возглавить разные хозяйства, но он отказывался, предназначением своим всегда считал работу в поле.

Добрую память о себе оставил Кирилл Прокопьевич и в Черемушкинском совхозе, куда снова вернулся после Басковского и откуда ушел на заслуженный отдых, стал Почетным жителем села. Главными для него всегда были земля и хлеб. Клятву, данную на фронте, он выполнил с честью.

С супругой своей Марией Нестеровной вырастили они троих детей. Дочери по материнскому примеру стали педагогами, а вот два внука, к большой радости и гордости деда, выбрали ту же стезю, что и он, – работу на земле. Еще два агронома появились в их роду.

И вот о чем мне хотелось бы рассказать особо – о письмах, листочках из дневников, записках, которые бережно хранит дочь Достоваловых Людмила Кирилловна Налимова, учительница Баксарской средней школы. В них история любви родителей, их жизнь начиная со знакомства в 1938 году и кончая 1946 годом, когда Кирилл Прокопьевич закончил учебу в техникуме.

Переписка двух любящих сердец, которую не смогла прервать война. Ветхие от времени письма, фронтовые треугольники, написанные то на листочках из тетрадей, то на обрыв-

как газетной бумаги. Я бережно перебирала их, вчитывалась в поблекшие строчки и удивлялась, как молодые люди сумели сберечь их! И как, должно быть, любила своего Кирилла симпатичная дивчина Маруся, если сохранила даже записки, в которых он в студенческие годы приглашал ее на свидания. И как любил ее Кирилл, если в вещмешке там, на фронте, носил с собой письма подруги.

И этих писем в старой желтой школьной папке – толстенная пачка. Значит, были они для людей, писавших их, гораздо больше, чем простая переписка. С разрешения Кирилла Прокопьевича я приведу отрывки из некоторых:

18.04.40г. «...Сегодня мы принимали присягу – это самый волнующий день для меня. Я поклялся многомиллионному советскому народу, а значит, и тебе, так как ты представляешь частицу его, быть преданным, защищать нашу страну до последней капли крови. И я не пожалею жизни, если это потребуется».

7.02.41 г. «...Несмотря на то, что сады в Армении, где я сейчас несу службу, красивее и интереснее, чем садик промкооперации (в Кургане), он для меня дороже, потому что это садик нашей первой встречи, садик первого поцелуя, садик моей первой искренней любви. Как хорошо я его изучил, вот и сейчас он перед моими глазами во всей красе и вместе с тобой...»

24.04.41 г. «...Нас перебросили в Ленинград, и я опять попал в полковую школу. Черт возьми, как мне не везет! Но ничего, нам объяснили, что это школа такого направления, что нас к осени выпустят командирами запаса и отпустят домой. Как я жду этой, встречи, милая!»

6.02.43 г. «...За три года с момента последней нашей встречи с тобой, Маруся, я много чего повидал и испытал. Я видел, как умирают люди за святое дело. Я сам, контуженный, летел под откос 15 метров, перенес ленинградскую блокаду, а это было большим испытанием. Все это «повытрясло молодость из карманов», и я уже другой...»

17.04.45 г. «...Чувствуется конец войне. Скоро немецкая берлога перестанет существовать, у нее остались считанные дни. Чем ближе мы к Берлину, тем все яснее предстает передо мной картина нашей встречи с тобой, такой долгожданной!

Но произойдет ли она, пока трудно сказать, такие жестокие идут бои. Но она будет. Письмо пишу в одном из немецких садов. Цветут яблоны, черешни, сливы... И так хочется жить!»

12.05.45 г. «...Война победоносно закончена, нахожусь сейчас в Чехословакии... Население радостно встречает нас как освободителей чешского народа. Повсюду флаги. Пишу тебе в еловом лесу на горе. Неподалеку проходит шоссе, по которой двигаются с чемоданами девушки и мужчины всех национальностей: русские, украинцы, чехи, французы. Увидев наших бойцов, еще издали приветствуют их на своем языке и машут руками. Да, война закончилась, но когда отпустят до дому, трудно сказать. Я люблю тебя...»

28.12.43 г. «...Родной мой, где ты в этот час! Идешь ли в разведку, идешь ли в бой или в редкие минуты фронтового затишья крепко спишь где-нибудь в землянке после тяжелого боя, все равно, где бы ты ни был, я всегда с тобой...»

15.05.45 г. «...Кирюша, каждый день жду твоих писем, а еще больше жду тебя, желанный мой... Когда же ты приедешь! Мне кажется иногда, что не будет конца моим ожиданиям. Знаешь, как истосковалась душа...»

19.06.45 г. «Родной, любимый, дорогой! Наконец-то получила от тебя письмо. Готова кричать как девчонка от радости. Твое письмо... твоё письмо... твоё письмо! Можешь ли ты представить, как оно было дорого для меня. В течение пяти с половиной лет живу только твоими письмами...»

Вспоминает Людмила Кирилловна:

– Мама наша была доброй, чуткой и справедливой. В Басковском у нас было море цветов возле дома – она так любила их! А еще любила нас, детей, отца и своих учеников. И все мы отвечали ей тем же. Жаль, что она так рано ушла из жизни.

Вторую супругу Кирилла Прокопьевича, с которой он прожил уже почти 20 лет, тоже зовут Мария. Мария Гавриловна. Наверное, так угодно судьбе, чтобы всю жизнь находился с ним рядом добрый ангел-хранитель в образе женщины с таким прекрасным именем.

Людмила ЖОРНОВА

Иван Магдибор

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ – НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Жаркий летний ветер носил по пшеничному полю запахи пороховой гари, копоть от дымящихся подбитых танков и разбитых орудий. Запах тлеющего шинельного сукна, паленого жнивья и горелых человеческих тел. Отбита третья яростная атака немцев. И в наступившей вдруг на этом пшеничном поле передышке, где держали оборону бойцы Шестой армии, в этой звенящей, давящей, непривычной тишине какая-то пичуга подала свой голос. Сначала робко, а потом, поднимаясь выше в бездонное, белесое от зноя небо, песня ее становилась все громче и громче. Даже тяжелораненые, пересилив адские боли, молчали, слушая эту песню. И еще было слышно, как, догорая, трещали хлебные колосья. А бойцам чудилось, что где-то ломают кости, ведь для них, многих деревенских – хлеб, поле были всегда святыми и живыми.

Таким нестерпимо–длинным был этот летний – 29–й день войны. Сколько их будет еще впереди, будут ли они, эти бойцы, живы завтра или скосят их злые осколки и пули, как скосили колосья возле их окопов. Никто из них не знал этого и не гадал надолго. Чего уж тут загадывать – война. Не загадывал свою судьбу и красноармеец Иван Магдибор. Он сидел на дне окопа, цепко сжав в руках винтовку, слушая смелую птаху.

Очень хотелось пить. И вспоминалось Ивану большое озе-

ро, на берегу которого вольготно раскинулось его родное село Анновка. Летом вода в том озере была ласковой и прохладной. Ребятишки плескались в нем до тех пор, пока шумливые мамы и бабушки не выгоняли их, посиневших, из воды и не гнали домой. На другом берегу стояло еще село, и в нем однажды в сильный ветер случился пожар. Горело село, и через озеро ветер донес жар в Анновку, сюда же летели черные искрящиеся клубки горящего сена. Было очень страшно маленькому Иванушке...

За большой землей и волей пришли в эти края его предки выходцы из Херсонской и Киевской губерний, и основали Анновку. Родители Ивана познакомились и поженились уже здесь. У мамы, Анны Сидоровны, было пять сестер и два брата – отсюда и надел земельный небольшой: землю делили на мужские души. Не хотел Сидор Степанович, отец Анны, отдавать дочь за Петра Магдибора. Не отдам, говорит, за перестарка, и все тут. Двадцать пять лет было Петру, а невесте – 16. У невесты – коса до пят, да и работающая она, не смотри, что росточком и годами мала.

Но Петро не отступал – увез Аннушку из родительского дома, мать еле успела благословить. Была свадьба – вечер. Не пустил ведь гордый Сидор Степанович никого из родни своей на этот праздник.

Пережили. Потом жребий тянули молодые Анна и Петр – кому отделяться от большого семейства Магдибор. Выпало им. Стали строить землянку. И в этой землянке о двух комнатах (роскошь по тому времени!) один за другим пошли дети: Григорий, Василий, Мария, Ирина, Иван, Павел.

Много всего пережила семья Магдибор. Богатым куделю пряли, огороды пололи. Неурожайные годы были – голодали. Анна Сидоровна тянула всех. Многие в округе знали и Петра Магдибора – мастера швейных машин “Зингер”, хотя был почти слепой. Подросли дети. Старший сын, Григорий, ушел в работники в Жилино. А Василий – в коммуны в селе Башкирском, был первым трактористом, часто ночевал в борозде рядом с трактором. Боялся, что кулаки что-нибудь сотворят с его “железным конем”, парня стращали, угрожали расправой.

Вскоре в Башкирку переехала и вся большая семья Магдибор. В школу Ваня пошел босой, в одной рубашонке: надеть

было нечего. В конце сентября неожиданно выпал снег. Перепугался Ваня, заревел: как домой попадать теперь, а потом решился, и бегом босиком по снегу до дому. Пока грелся – снег растаял. Ваня надевал на ноги отцовские кожаные рукавицы, завязывал веревочками, чтобы не спали, так и бегал в школу. В классе было тепло: уборщица Фрося Земляных хорошо топила печи. Положит Ваня свои “сапоги” на печку, пока уроки идут – они и высохнут.

Учился Иван хорошо, все предметы давались легко, особенно любил рисовать. В третьем классе на новогоднем празднике директор школы прямо с елки снял подарок – премию Ивану – красивые ботинки и его заветную мечту – хорошие краски. Как билось мальчишечье сердце, когда бежал домой с подарком. Отец не разрешил зимой носить ботинки: “Еще поцарапаешь!”. А весной сколько было зависти в глазах соседских мальчишек, когда он вышел на улицу в обнове, правда, уже тесноватой. Больше всего любил Иван рисовать природу. Отец радовался успехам сына и сам, чувствуя сердцем красоту земную, подсказывал, помогал сыну: “Вот здесь уточку посади, сынок, гнездышко вот здесь нарисуй”.

Со слезами и проклятьями, в хриплых спорах до первых петухов, в табачном дыму, в тяжелых раздумьях, с надеждой, верой и сомнениями, страхами, с бойкими лозунгами и призывами рождались коммуны и колхозы, умирали и снова рождались. Где как, а чаще через колено ломался старый уклад жизни села. И вот уже вслед за Василием, братом Ивана, их сестра Ирина, окончив курсы трактористов в Половинном, обогнав многих мужиков, села на трактор. Да так работала, что ее вместе с будущим Героем Труда Екатериной Ивановной Родионовой, как передовиков, отправили в “стольный град” области Челябинск, на Сельскохозяйственную выставку. Охая и ахая, побывали они в театре, чуть не залезла под кресло Ирина в кино, когда прямо с экрана неся на нее на горячем коне легендарный Чапаев. Ходили по магазинам, покупали всем гостинцы. Ивану досталась красная рубаха.

После окончания семи классов, по путевке райкома комсомола, Ивана Петровича выдвинули на работу в сельскую библиотеку, а потом, в 1937 году, назначили старшим пионервожатым. Проводили в школе игры, слеты, пионерские сборы и

костры. Летом школьники пололи пшеницу, осенью собирали колоски, зимой собирали золу и куриный помет для удобрения полей, чтобы удивить округу урожаями.

Электричества в селе не было, лампы в классах технички заправляли керосином. Много чего не было в довоенных сельских школах, но было огромное желание учиться. Работал ученический комитет – на нем заслушивались отстающие, делились опытом передовики в учебе и поведении. Учителей не было на заседаниях учкома, все решали сами ребята. А в клубе – черный круг радио и наушники. Слушали Москву, переживали за свободолюбивых испанцев, радовались успехам страны, гордились Красной Армией, хотели быть похожими на папанинцев и Чкалова.

Здесь, в Башкирской школе, встретил Иван Магдибор свою любовь – красавицу Надежду Игнатьевну, учительницу начальных классов. А через год родилась у них дочка. Назвали ее диковинно для здешних мест – Элла. Души в ней не чаяли, называли ласково Элличка.

В буранный декабрьский день 1940 года вся школа вышла проводить на службу в Красную Армию Ивана Петровича. Закутанные в шали, заплаканные лица матери, сестер, жены. Маленькая Эллочка была серьезна и немного напугана. Прощался Иван Магдибор с учителями и учениками. Слезинки застыли в глазах матери. Отвернулся неловко отец, поправляя и без того безупречную конскую сбрую – собирался отвезти солдата в Половинное и дальше – в Лебяжье. Последний раз взглянул на родные лица солдат, последние объятья, рукопожатия, пожелания. И вот уже прости–прощай родное Башкирское.

– Служи, сынок, достойно, – уже в Половинном сказал ему отец.

Служить Ивану Петровичу, а затем воевать пришлось на земле предков – на Украине. Новоград–Волынский – древний город на старой советско–немецкой границе. Восстанавливали осыпавшиеся доты, ходы сообщения, пункты связи. Немецкие войска были уже в Польше и во всем чувствовалось – не миновать войны, хотя и не говорили об этом вслух, но разве солдата обманешь. Не успели обжиться в Новограде–Волынском, как отдельный автотранспортный батальон шестой ар-

мии перебросили в Винницу. Жили в летних лагерях – оружие в казарме.

В воскресенье, 22 июня, солдаты готовились идти в увольнение. После подъема никого из части не выпустили. Солдаты шептались, что ночью была “тревога”, а что за ней – никто не знал. Казарма была разделена пополам. За дощатой перегородкой располагалась другая часть. Прибежал дневальный: “Тише, важное правительственное сообщение!”. Все бросились к стенке – слышат, что немецкие войска перешли границу, идут бои. Потом там, за стеной, приказ зачитали – выйти на защиту государственных границ.

В два часа дня и в их казарме объявили боевую тревогу. Приготовили ранцы, скатки, в руках винтовки, построились. Командир батальона Пантелеев зачитал Приказ, объявил, что началась война. Вечером выехали из военного городка. Ехали через Винницу – на улицах города толпы народа, военные машины, солдатские колонны.

Всю ночь ехали на Запад. Утром полетели самолеты. Одни солдаты кричали “Наши!”, другие – “Немцы!”. Самолеты развернулись и начали бомбить колонну. Взрывом в клочья разнесло машину с шофером. Закричали раненые, бойцы увидели первых убитых товарищей, поняли, что это война.

Иван очнулся, видимо, задремал. Слышны были команды – бойцы готовились к отражению новой атаки.

Немцы в тот день на пшеничном поле больше не наступали. Они обошли оборонявшихся справа и слева, и пришлось бойцам прорываться сквозь кольцо врага.

В 1983 году дочь Ивана Петровича Элла прислала отцу “Роман–газету”, в которой была напечатана документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны. Автор ее, поэт и писатель Евгений Долматовский, – очевидец и участник трагедии сопротивлявшихся фашистскому нашествию бойцов Шестой и Двенадцатой армий превосходящим силам противника. Называется легенда “Зеленая брама”. Иван Петрович Магдибор и был участником тех трагических и героических сражений, что гремели во второй половине июля 1941 года, когда 6–я и 12–я армии, отесненные от основных сил фронта на юг, продолжали отчаянно сра-

жаться, находясь в плотном кольце окружения.

Из письма тех дней красноармейца Ивана Магдибора родным: *“Дорогая Надечка, милая доченька Эличка, папа, мама, Маруся и все родные. Шлю горячий привет. Жив, здоров, чего и вам желаю. Не знаю, как дальше будет. Хотя иду в бой с кровавым фашистом, если погибну, то знай, Надя, я верный твой муж. До свидания, милая жена, доченька, родители. Прощайте. Ваш сын, твой муж Иван. 25.07.1941г.”*

Удивительно, что дошло, добралось это письмо до зауральского села. В огне битв сгорали техника и люди, письма и документы. Видимо, отправлено оно было с тяжелоранеными на самолете, когда в окруженные части Шестой армии посылались легкие самолеты для того, чтобы вывезти их на большую землю.

Село Подвысокое, что на Кировоградчине. Высокая дубрава – та самая Зеленая брама. На опушке – памятный знак из красного гранита. На лицевой стороне высечено: **“В этих краях 2–7 августа 1941 года вели героические бои воины 6–й и 12–й армий под командованием генералов И.Н. Музыченко и П.Г. Понеделина. Вечная память героям, погибшим за Советскую Батьковщину”**. Гранит, на котором высечена эта надпись, местный. И из этого самого гранита сооружена могила Неизвестного солдата в Москве.

Иван Петрович отходил со своей частью от самой границы сюда, к Умани, в жестоких боях прорывались из одного вражеского кольца в другое. В ночь на шестое августа остатки шестой армии сделали отчаянный рывок в направлении Первомайска. В прорыв ринулись: автоколонна, артиллерийские тягачи, тракторы, автомашины с пехотой и ранеными, пешие стрелки, несколько танков, броневиков. Их встретил огонь вражеской артиллерии. На рассвете налетели бомбардировщики. Машины горели, колонна растянулась на десяток километров. Нарушилась связь. Бой повсюду, и уже не за выход из окружения, а за то, чтобы подороже отдать свою жизнь.

Разорвавшимся снарядом оглушило Ивана. Сколько он провалялся в дорожном кювете, не помнит. Очнулся, когда остановившийся над ним немец пинал его ногами, заставляя подняться. Пленных погнали в Умань, добивая раненых и

выбившихся из сил. Бойцы просто не могли держаться на ногах.

Пленных согнали в глубокий котлован между Уманским кирпичным заводом и птицефабрикой. Перед птичником стояли виселицы, костры пылали внизу для устрашения, ветер качал веревки. Котлован – бывший карьер, где брали глину для кирпичного завода. На дне ямы – вода от дождей, которую пленные перемешали в желтую мутную жижу. Много дней их не поили, и пленные выпили все под ногами через пилотки, гимнастерки. Падали и спали в этой грязи – было холодно, а на многих не было даже гимнастерок. Каждый день здесь умирало больше ста человек.

Из Уманской ямы Ивана вместе с другими пленными вывезли в лагерь, а оттуда – в Германию. Два раза бежал Иван, и два раза его ловили. Последний раз привезли в Здолбуново, в подземные казематы. Неделью допрашивали, били. Перевезли в Ровно. Снова лагерь, снова в поезд: Германии была нужна рабочая сила. Шесть суток, и вот они уже на немецкой земле.

Привезли в лагерь близ города Зондерхаузен. Лагерь – старая шахта – был обнесен колючей проволокой и строго охранялся. Пленные работали на нескольких заводах и фабриках. Лагерь был переполнен: спали на двухъярусных деревянных нарах. Кормили два раза в день: утром что-то вроде пережженного ячменя, разбавленного водой (немцы называли это пойло “кофе”), в обед – баланда из листьев свеклы и капусты, вечером выдавали на завтрашний день по 200 граммов эрзац-хлеба, который был пополам с опилками.

Переодели пленных в робы с прямоугольными нашивками и с буквами “ОСТ” на груди, спине и на брюках. Спали и работали в этой одежде. В холодную и дождливую погоду прикрывались рваньем. Многие были босиком. На фабрике, производившей удобрения, работал Иван. У пленных эта соль разъедала ноги до крови. Болезни буквально косили людей, никто их не лечил, а само слово “санчасть” означало – смерть. Больных и неспособных работать увозили в концлагеря “на переработку”. Издевательства и побои были ежедневными. Особенно немецкие офицеры и охранники вымещали на пленных злость, когда на русском фронте терпели поражение. Так было в 1942 году после неудач под Сталинградом, в 1943 – после

Курска. А когда наша армия погнала немцев на запад, начался настоящий ад в лагере.

Весной 1945 года “подобрел” хозяин фабрики, да и охранники нет–нет да угощали пленных сигаретами. Вдруг начало уходить из Зондерхаузена немецкое население, а майским утром сбежала охрана лагеря. В лагерь вошли американские войска. Впервые Иван увидел негров – сами дымчато–черные, а зубы белые–белые. Водку распечатали, угощали пленных, луком закусывать предлагали. Из советского представительства приехал подполковник. Когда повезли из лагеря, колонна остановилась на дороге: наши девушки–регулирующие в военной форме с красными флажками, наши парни – бойцы, русские, родные. Крики, слезы, объятия.

Из письма Ивана родителям: “Я освобожден из немецкой неволи. Красная Армия спасла мою жизнь, и я снова сын своей Родины. Пишу вам первое письмо. Я жив, здоров, но измучен. Фашисты помучили меня, высосали соки. Я чувствую себя радостным по возвращении Красной Армии. Ждите, увидимся. Ваш сын Иван. 21 мая 1945 года”.

А потом было несколько фильтрационных лагерей. Допросы – где служил и с кем, где воевал, особо – как попал в плен. Ловили на слове. Из письма Ивана родителям: “Я пишу письмо, от волнения сердце стучит, рука трясется, от мыслей голова кругом идет. Вот настал, настал тот день, о котором мечтал дни и ночи я, томившийся в неволе у немцев-извергов. Это все прошло, осталось позади. Теперь я знаю, что такое фашисты”.

В октябре 1945 приехал Иван на станцию Лебяжье. В ботинках и пальтишке каком–то, ветром насквозь продуваемом, перемерз. Вышел – снег по колено, ни следочка. Решил зайти в какой-нибудь дом. Было холодно, хотелось есть. Зашел. Покормили добрые люди, попался фронтовик, накануне пришел из армии и на себя похоронку на почте успел получить.

А на нефтебазе какой–то капитан попросил шоферов отвезти Ивана и еще четверых фронтовиков домой, в Половинное. В Половинном повезло – встретилась сватья, она и отвезла совсем обессиленного Ивана домой.

Решил Иван зайти сначала к отцу–матери. Зашел в ограду – отец, стоя на коленях, рубит чашу.

– Что сам рубишь? – спросил Иван.

– Некому, – молвил отец, не узнав сына.

Мать доила корову. Слышит родной голос. Не веря себе, выбежала с подойником в руках, кричит: “Ваня! Ваня! Сынок!”. Подойник выпал из рук, льется молоко, сердце где-то в горле, дышать трудно.

Не может встать от волнения отец, топор выронил из рук. Народ сбегаться начал. Толпа расступилась. Надежда Игнатьевна, на ходу развязывая давящий на горле платок, пробежала к воротам, да там и замерла. Стояла возле открытых ворот, смотрела на такого родного и будто чужого человека. А Эллочка не приняла гостинцев: не узнала отца.

Закончил Иван Петрович Петуховское педучилище, стал учителем начальных классов, преподавал арифметику, рисование, черчение, труд... Всегда рядом была жена, готовая поддержать в любую минуту. Одна за другой родились дочери – Тамара и Людмила.

Иван Петрович много рисовал. Пройдя все муки ада, он сохранил в себе всепобеждающую жизненную силу. Первыми зрителями картин всегда были дети. Иван Петрович дорожил их мнением. Подросли незаметно дочери, упорхнули из родительского гнезда учиться, определять свою жизнь. В феврале 1977 года постигла Ивана Петровича горькая беда – в одночасье заболела и сгорела, словно свеча на ветру, Надежда Игнатьевна. Написал он о своем горе брату Григорию в Донецкую область. В ответных письмах рассказал брат об одинокой женщине. Зовут ее тоже Надежда, Надежда Артемьевна. Написал фронтовик ей письмо, стали переписываться, а потом съездил Магдибор и привез Надежду Артемьевну в Башкирское. Вот уже двадцать семь лет живут они вместе.

Сорок два года учил Иван Петрович детей доброму, вечному, прекрасному. Но главный урок – это его жизнь: трагическая, героическая, буднично-ежедневная. Уже принадлежит прошлому веку сорок первый год, но я думаю, все живущие должны знать, что были кровопролитные сражения, Уманская яма, концлагеря. Были Победа и торжество жизни. Живых участников тех далеких лет все меньше и меньше. И мы не вправе забывать того, что было в нашей истории.

Леонид ШМАКОВ

Иван Кулаков

ЖИВИ ДОЛГО, СОЛДАТ!

Небольшой, но добротный дом под четырехскатной крышей, по-хозяйски аккуратное с постройками подворье, яростно-веселый лохматый пес, рвущийся встретить гостей, неожиданно зашедших в ограду (а мы, представители военного комиссариата района, действительно, приехали незвано). А вот и сам хозяин, чинивший у сарая рыбацкую сеть. Небольшого роста, просто и опрятно одетый, Иван Иванович Кулаков прикрикнул на неугомонного пса, повернулся к нам и, как бы оправдывая собаку, сказал: «Ну что поделать – работа у нее такая...».

Собирая материал о героях Великой Отечественной войны, не раз приходилось удивляться: люди, прошедшие через злое пекло, многое помнят о тех днях, рассказывают подробности так ярко и живо, что невольно будто сам становишься участником событий. Не все, конечно, из ветеранов великие рассказчики, но с Иваном Ивановичем нам повезло.

Суховей гнал по степи соленые шары перекаати-поля, поднятую конскими копытами серо-желтую пыль, трепал и гнул акации в палисадниках, приносил из далекой стороны терпкий запах осыпающейся полыни... Деревенские девчонки в белых платочках, строгие лица старух, заплаканные глаза матерей, обхвативших натруженными, загорелыми руками своих дорогих сыновей, лейтенант из районного военкомата,

нервный, с впалыми щеками, в пропыленных сапогах, стелющийся густой махорочный настой и гармонист-инвалид, с утра уже пьяный, но играющий все равно исправно...

Стоял сухой, палящий сентябрь 1942 года. Где-то далеко-далеко, там, на западе, уже второй год грохотала война. А в этот день жители Наумовки, что в Сталинградском районе Казахстана, провожали на фронт земляков. Ивану только недавно исполнилось девятнадцать. Обручем сжимало горло, едва сдерживался, когда, длинно просигналив, разбитая напроць полуторка дернулась, завияла по ямочной дороге. «Не дрейфь, Ванька!». Этот звонкий, а потом срывающийся девичий голос он помнил долго и не дрейфил в самые страшные минуты...

Попал Кулаков сначала не на сам фронт, как рассчитывал, а в Алма-Ату, в пехотное училище. Через полгода только увидел войну. По-настоящему. Часть доставили в район города Сталинграда, переукомплектовали и отправили на Белорусский фронт, где всю шла заваруха. Пехота. Полковая разведка. Не зевай, Кулаков! Испугаешься, проморгаешь, и все, крышка, так меж собой говорили. Но, главное, погубить можешь тех, кто за тобой следом идет, – товарищей! Об орденах-медалях не думали, даже разговоров таких не было, и записки не было. Главное – выжить. И вперед! Но воевать нужно было с умом, как нередко наставлял пожилой капитан-разведчик, и не раз это вспоминалось. Война сначала умом выигрывается, а уж потом силой. Врага «передумать» надо.

Первую награду – медаль «За отвагу» – старший сержант Кулаков получил за «языка». Немец, засмотревшись, не успел головы повернуть на шум, и всё, уже лежит тихо и постанывает. Когда же очухался, то рассказал ротному, что знал. Покладистым оказался, жить сильно хотел. Как обещали награду, так и вышло, только гораздо позже, конечно, дали медаль «За отвагу».

Вон она, с краю стола лежит, исцарапанная, ей, как и хозяину, досталось. Иван Иванович прерывает рассказ и тихо улыбается, трогая медаль пальцем. Первая награда – она ведь самая дорогая. «Языка» Кулаков брал потом еще одного, так сказать, «попутно». Не это было главным у разведки. В переделки попадали не раз. Бой при этом был всегда злым, коротким. Кто кого! Повезло – живой! Кровь в таком бою билась

толчками, рвалась наружу, до тошноты доходило.

В Литве пришлось задержаться. Бои шли трудные, тягучие – наступали. Но и отступать приходилось, хотя командование и не одобряло. Немцы яростно дрались. Там получил Кулаков первое ранение, лечился в госпитале, потом догонял своих.

Реки? А как же, форсировали, приходилось. За форсирование Немана он орден Славы получил. «Мостов, конечно, никто нам не оставлял. Подошли, через день получили приказ, стали готовить бревна, доски, старые лодки в ход шли, чинили, торопились. Переpravлялись, естественно, ночью. К тому времени мы уже были привычные. Товарищей нескольких сразу за одну переправу потерял. На другом берегу зацеплялись, держались, опять с потерями. Раненых было очень много, а вот мне чудом повезло – ни царапины!». Иван Иванович опять улыбается виновато. Не знал тогда молодой боец Кулаков, что счастье жизни вытянул из смертельной потери...

Война неуклонно откатывалась на Запад. Восточная Пруссия. Фашисты уже явственно чувствовали приближающийся конец, сопротивлялись с остервенением, бои шли кровопролитные, потери советских войск временами были большими. Немецкие укрепленные пункты были, как говорится, на каждом шагу. За разведывательные операции, штурм укреплений и получил командир отделения, старший сержант Иван Иванович Кулаков, одну за другой следующие награды – два ордена Отечественной войны. Особенно памятно взятие Кенигсберга. Там же, в Восточной Пруссии, был награжден Кулаков орденом Красной Звезды и был назначен старшиной роты.

Вовсю расцветала весна 1945 года. Мощной подковой наши войска стягивались вокруг Берлина, и думал гвардии старшина Кулаков, что посчастливится ему, простому сельскому парню, участвовать в захвате логова зверя. Казалось, что родила его мать «в рубашке». Да не тут-то было. 18 апреля 1945 года в одном из предместий западного прусского местечка во встречном, уже почти выигранном небольшом бою, прошла свинцовая коса по Ивану. Сразу вдруг чужой стала нога. Вторая пуля попала в голову.

День Победы встретил гвардии старшина Иван Иванович Кулаков в госпитале. Помогло природное здоровье – выжил. Стойко перенес все операции. Медсестры только головами

качали, удивлялись. Выкарабкался. После войны служил еще в Прибалтике, в городе Риге.

Демобилизовался в 1948 году. Сразу поехал домой, на родину! А через некоторое время решил навестить родную тетку, которая жила в Курганской области, в маленьком городке Петухове. Поездка была решающей: встретила на пути большая любовь – Екатерина. Решил остаться, женился. Поступил работать в органы милиции. Пригодились тогда бывшему разведчику фронтовые навыки. Затем по взаимному согласию молодая семья Кулаковых переехала в село Пашково Петуховского района, где и осела надежно. Катерина работала в колхозе счетным работником, бухгалтером, затем главным бухгалтером хозяйства. А сам Иван Иванович, впоследствии получивший инвалидность (сказалась-таки война), в селе большую часть жизни трудился на выборных должностях в сельсовете, а перед уходом на заслуженный отдых – председателем сельпо.

На судьбу бывший фронтовик не жалуется, как говорит, каждому свое в ней достается. Иван Иванович Кулаков вместе с женой Екатериной Клавдиевной прожили долгую жизнь. Вырастили двух сыновей, есть внуки, внучка. До сих пор, несмотря на почтенный возраст, Кулаковы содержат на подворье хозяйство, корову. Одними из любимых увлечений Ивана Ивановича многие годы являются охота и рыбалка. Да только вот здоровье все чаще подводит, силы убавляются. Но мечтает ветеран Второй мировой встретить 60-й юбилей самого дорогого праздника – Дня Победы! «Должен дотянуть, обязан, хотя бы ради светлой памяти моих фронтовых друзей, которых уже нет!».

Дотяни, дорогой наш защитник – старый солдат Отчизны, и живи еще много лет! Мы, молодое поколение, верим в тебя!

Уезжая из села, мы оглянулись. Иван Иванович Кулаков, вышедший проводить нас за ограду, показывал рукой в сторону озера, за которым простиралось поле. Над промерзлой, еще не отогревшейся прошлогодней стерней медленно и низко летели журавли. А это хорошая примета: журавль – к теплу, солнцу и радости жизни.

Владимир БАДУЛИН

Александр Бородавкин

ТАКОЙ ОН, ФРОНТОВИК

“Жизнь прожить надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...”
Николай Островский.

Наш фронтовик Александр Владимирович Бородавкин с полным правом может сказать, что бесцельно прожитых лет у него нет, да и легкими их никак не назовешь.

Ему было девять лет, когда умер отец. Осталось в семье, как он вспоминает, “восемь душ”. Жили очень бедно, в 1926-28 годах даже ходили по миру. В 1928 году семья вступила в колхоз. До 1932 года Александр Владимирович в школе не бывал – не было возможности.

В городе Кургане жил тогда хороший друг-фронтовик старшего брата – Леонтий Васильевич Зюзин, с которым они воевали вместе еще в империалистическую войну с 1914 года по самую революцию. К нему и отвезли Александра. Леонтий Васильевич устроил его работать на олифо-красочный завод, где сам трудился. И вообще Александр в семье Зюзиных был за сына: к нему хорошо относились, наставляли, а осенью отправили учиться в вечернюю начальную школу, четыре класса которой он и окончил в 1936 году.

И на работе все получалось благополучно: освоил профессию, прошел техминимум и с 1937 был уже мастером цеха,

пользовался уважением рабочих и руководства завода.

А потом, с 1938 года, Монголия, служба в Красной Армии, полковая школа тыла. Начало 1941 года. Служба подходила к концу, все складывалось благополучно, готовился Александр Борисович домой, но июнь все перевернул, началась Великая Отечественная.

В конце сентября механизированная дивизия 17-й Армии, где служил старшина Бородавкин, прибыла на фронт, под Москву. В тридцати километрах от нее держали оборону сибиряки. О героической обороне столицы написаны сотни книг, в которых отдается должное стойкости, мужеству, отваге сибиряков, в рядах которых воевал и Александр Владимирович. Всего навиделся он на фронте, война есть война: и смерть товарищей, и горечь отступлений, и радость побед. С особым теплом наш земляк вспоминает настоящую фронтовую дружбу. Участвовал в сражениях за Киев, при форсировании Днепра, взятии Винницы, где была ставка Гитлера, прошел всю Западную Украину. А в Венгрии не повезло: получил серьезные ранения в руку и в висок. За ратный труд Александр Владимирович награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями "За отвагу", "За боевые заслуги".

В конце декабря 1944 года инвалидом второй группы Бородавкин приехал домой. А уже 5 января 1945 его пригласили в райком партии и предложили стать председателем колхоза имени Сталина в деревне Романово, но Александр Владимирович попросил направить его в Боровское, где и начал работать начальником участка Белозерского леспромхоза. В 1945 году была организована Боровская МТС, куда Бородавкина перевели заведующим хозяйством, а в 1949 Александра Владимировича избрали председателем сельсовета.

Александр Владимирович вспоминает: "Я долго не давал согласия – это же большущая ответственность, как на войне. Но потом – таки пошел. Война нанесла колоссальный ущерб России, надо же кому-то раны залечивать". Александр Владимирович работал, не считаясь со временем. В 1952 году в стране начался переход от семилетнего к десятилетнему образованию всего населения.

"Тут меня заело, – рассказывает Бородавкин, – сам ведь я малограмотный, плохо же мне, надо, чтобы у нас была деся-

тилетка и ребята получали образование дома. Собрались в райкоме руководители затобольной зоны и решили сообща построить в Боровском среднюю школу. В 1958 году школа-десятилетка уже работала. В этом же году была открыта больница на 15 коек, потом довели ее до 25 мест. Затем открыли поликлинику. Стали думать о своей пекарне. Директор Леспромхоза Ковков бесплатно выделил брус, строили, в основном, коммунисты, методом воскресников. Потом наша пекарня пекла лучший хлеб в области.

Не держались у нас участковые инспектора милиции: не было жилья. Построили и квартиру, и рабочее место. Участковые Соловьев, Заповев подолгу проработали у нас.

Мы не только строили, но и много озеленяли. Мне и сейчас не стыдно пройти по селу: у школы шумят тополя, у больницы – клены, тополя. Одно плохо: их уже начали пилить”.

Не считался со временем бывший фронтовик, он как самоотверженно воевал, так и работал. Вставал и ложился затемно, в отпуск – только зимой, когда работы поменьше. И где бы и кем бы ни работал – к делу всегда относился с большой ответственностью. Более девяти лет Александр Васильевич возглавлял Боровское сельпо. И оно все эти годы было рентабельным.

И сейчас, в свои 87 лет, равнодушным или уставшим человеком Бородавкина никак не назовешь. Он привык жить делами и заботами своих односельчан. Поэтому и не может пройти мимо тех проблем, что сейчас возникают на селе. Раньше многие вопросы решались общим сходом жителей села. И люди шли, решали и делали.

«Извините меня, – пишет он в редакцию, – но я не могу даже спать, когда на гражданские собрания приходят десять-пятнадцать человек: ведь решаются вопросы, которые важны для всех. Помню, как раньше проходили сходы: явка 70-80 процентов». Разные вопросы жизни решались на них: о гражданской ответственности, о воспитании детей, о неблагополучии в отдельных семьях, о пьянстве на селе и непринятии мер со стороны администрации, общественности – все это сейчас болевые точки нашей жизни и они волнуют нашего ветерана.

Жизнь прожить – не поле перейти. Трудная жизнь была у Александра Владимировича, трудная, но и интересная, дея-

тельная – много сделано людям хорошего, много он и продолжает делать. Верным помощником на его жизненном пути была его жена, Александра Михайловна, с которой прожили вместе 55 лет. Вместе воспитали троих детей, всем дали высшее образование, никто из них не принес своим родителям неприятностей. Так что Александр Васильевич не зря говорит о своей жизни, что она удалась и что ему не будет “мучительно больно за прожитые годы”.

*записал Дмитрий АЛИНИН
Белозерский район*

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

*Когда пройдет у Мавзолея
Последний четкий ряд солдат
И трубы сводного оркестра
Конец парада возвестят, -
Показ могущества не кончен:
Еще пойдут у стен Кремля
Неисчислимыми рядами
Врачи, ткачи, учителя...
И да не взыщут дипломаты,
Что тут шеренга не стройна.
Зато та армия сильна,
Где впереди идут солдаты,
А вслед за ними - вся страна!*

Алексей СМОЛЬНИКОВ

Георгий Воронин

ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО

И в детстве, и в юности, и в зрелом возрасте, пока живешь – работаешь, все строишь какие-то планы на будущее, все бежишь по жизни вперед и вперед, не оглядываясь. А когда будущего остается с каждым днем все меньше и меньше, начинаешь вспоминать прошлое, осмысливать его, анализировать события, факты, свои поступки, смотреть на них как бы со стороны. Особенно обостренно чувствуешь прошлое, когда смотришь на фотокарточки или разбираешь сохранившиеся документы, какие-то бумаги, письма.

Как-то, разбирая письма моего отца с фронта, я подумал: кто знает, не получится ли так, что, когда меня не станет, письма могут быть случайно выброшены на свалку как ненужные бумаги.

Поэтому я взял и показал эти письма Фаине Дмитриевне Русаковой и Леониду Петровичу Осинцеву, чтобы они посмотрели и определили, а нельзя ли их сдать в государственный архив как документы военной поры, может быть, в будущем пригодятся какому-нибудь исследователю. Когда они посмотрели и почитали письма, для меня было полной неожиданностью предложение издать их книгой. С этого все и началось.

Сохранились все 130 писем отца. Переписывался отец не только со своей семьей, но и с родными, друзьями. Таких его адресатов, судя по письмам, наберется около двадцати.

Круг родных и знакомых был большой, в письмах встречаются фамилии и имена семидесяти девяти человек. О тяготах военного времени писали откровенно, не скрывая. Может быть, с точки зрения психологии это и не совсем правильно, но что есть, то есть.

Из писем видно, что почта с середины 1942 года работала по законам военного времени. Из села Могильное, в 16 километрах от Шадринска, до передовой линии фронта в Карелии письмо шло семь-десять дней. Писем в конвертах приходило немного, но конверты эти не сохранились, так как их переворачивали изнанкой вверх, снова склеивали, писали адрес и отправляли с письмом-ответом на фронт.

Чтобы как-то заполнить пустоту, образовавшуюся после гибели отца, мама брала его письма и заново перечитывала, при этом всегда плакала. Смотреть равнодушно на это я не мог и уговаривал маму не плакать. Чтобы она не читала письма, я стал их прятать. А прятать дома дальше, чем на дно деревянного сундука, было некуда. Туда я письма и положил. Конечно, мама знала, где они (а я-то был в то время уверен, что нет), но при мне больше не читала. Так эта папка с письмами и переезжала вместе с нами с квартиры на квартиру.

Текст писем, кроме нескольких, которые удалось прочесть с большим трудом, сохранился полностью.

В письмах с фронта иногда отец присылал мне деньги "на конфетки". Эти деньги мама мне расходовать не разрешала, говорила: "Деньги папкины, пусть лежат на память". Так до сих пор у меня сохранилось пять купюр по три рубля и одна достоинством в один рубль (все они 1938 года выпуска).

Письма разные по форме, но основная масса – знаменитые в то время треугольники. Бумага некоторых писем хуже некуда – темно-коричневая, шершавая. С переднего края писали на чем придется, даже на обертках концентрата "каша пшеничная". Приходили также открытки, изготовленные из грубой цветной бумаги. Все письма в основном написаны простым карандашом, иногда химическим. Были такие карандаши, которые при смачивании "сердечка" (чаще всего языком) писали фиолетовым цветом.

В письмах нет никаких высоких патриотических слов, все в

основном житейские. В тылу вестей с фронта ждали и боялись. И когда видели идущую почталонку, то сердца замирали от предчувствия радости или горя, потому что уже в начале войны стали приходиться похоронки на погибших отцов, мужей, братьев. И, может быть, самое горькое было читать письма, пришедшие после похоронки. Знаешь, что убит, а письма приходят, как от живого.

Погиб мой отец в октябре 1943 года на Карело-Финском фронте. Открытка с последним "прощайте" была им написана за пять дней до гибели...

Как рассказывали служившие вместе с ним земляки, ночью он выносил раненого с "ничейной" полосы, и когда они ползли, то заделали мину, при взрыве которой осколком в голову отец был убит, а раненый, которого он тащил, остался жив.

Прах отца покоится в братской могиле №4, которая находится на станции Раменцы Октябрьской железной дороги Сеgezского района Республики Карелия. В октябре 1961 года на братской могиле был установлен памятник.

Кроме того, имя отца увековечено в Карелии в книге "Вечная слава героям", том 2 (стр.535), Петрозаводск, 1992.

Письма шестидесятилетней давности не дают забыть тяжелые трагические дни безжалостной войны. Будь она трижды проклята!

9 мая 1945 года был объявлен Днем Победы и нерабочим днем. Все радовались. А вот моя мама в тот день плакала.

Вообще, этот день праздником для нее не стал. Он был

14 ноября 1941 года. Семья Ворониных. Снимок сделан перед отправкой Георгия Максимовича на фронт

еще одним напоминанием о гибели отца. Для мамы День Победы был днем грусти.

Юрий ВОРОНИН.

ПОХОРОНИЛИ ДРУГА ПОД ЗЕЛЕНУЮ СОСНУ

Письмо писано 20 октября 1943 года.

Пишет Михеев Михаил Яковлевич, я родом из Канашей. Пишу жене Воронина Георгия Максимовича, но как вас звать, не знаю. Во первых строках нашего письма шлю я вам свой привет. И сообщаю нерадостную для вас весть о том, что ваш муж Воронин Георгий Максимович погиб от вражеской мины 19 октября 1943 года и похоронили его 20 октября. Вот что и хотел вам коротенько сообщить о вашем муже. А может, я буду жив и приду домой, то обскажу все подробно, как получилось.

21 октября 1943 года.

Здравствуйте, семья моего друга. Шлет вам знакомый Охулков А.К. нерадостную весточку про своего друга любимого Воронина Георгия Максимовича. Жаль, жаль мне было расставаться со своим другом любимым, с товарищем Ворониным. Но пришлось похоронить, погиб на выполнении боевых заданий. Похоронили друга под зеленую сосну. Вам больше не видать своего любимого мужа.

Я ДУШОЮ О ВАС БЕСПОКОЮСЬ

1942 года января 24 дня.

...Варя, одежда, в которой я зимую, – шуба, фуфайки нет, мне надо было взять свою, было бы лучше. Валенки хорошие, шинели нет, а остальное все было получено в Шадринске. А с питанием у нас хорошо: хлеба 900 грамм, масла 25 грамм, вина 100 грамм, варят кашу два раза в день. Хлеба мне хватает, но я только думаю о вас, как вы питаетесь.

1942 года февраля 20 дня.

...Варя, как я рад, что получил от вас враз два письма, как две весенние первые ласточки, и стал очень доволен, и мне стало легче. Когда прочитал, вспомнил все, как жил дома,

бывало, придешь с работы, Юра ждет: папка, давай играть в домино.

1942 года июня 6 дня.

...Варя, я теперь здоровый (письмо написано после болезни - ред.), ничего не болит, но только в походах ногам надсадно, но как-нибудь вытерплю. В 42 году войну закончим, фашизм разобьем и вернемся по своим семьям. Мне очень хочется повидаться с вами. Я тогда возьму, достану карточку, посмотрю на вас с Юрой, поцелую и скажу: эх, где же вы, мои родные! Это письмо писал в 4 часа утра, был дневальным в землянке. У нас ночи нет, все время светло. Солнце заходит и снова всходит.

1942 года июня 19 дня.

...Я пишу это письмо и слушаю фронтовые залпы, как наши славные артиллеристы бьют врага, и думаю: скоро настанет тот день, когда мы врага сломим, и покончим истцу с фашизмом. Если жив буду, к празднику Октябрьской революции приду домой, и заживем мирной, трудовой жизнью...

Варя, вы мне писали, чтобы приезжал косить сено, но к сенокосу мне дома не бывать. Найми на сенокос, денег не жалея, если есть они. Варя, я ваше письмо получил, в котором вы писали, что идешь с работы с болота, а Юрочка бежит и кричит:

"Мамка, мамка, от папки опять два письма, пойдем в избу, будем читать".

Все мы теперь находимся на фронте. Охулков в хозяйственной части, у нас в роте, а я в строевой, но только у меня болят ноги, надоедает ходьба. Живем в лесах, в болотах, в землянках, построенных из дерева.

1942 года июля 8 дня.

...Варя, дорогая моя, все же ты меня не забываешь, письма пишешь часто. В моем взводе все бойцы говорят: у нас Воронин почту получает со всего Советского Союза.

1942 года августа 6 дня.

...Я пока жив и здоров, того и вам желаю. Я переносу боль-

шие трудности, но, может быть, останусь жив. У нас все время дожди, день и ночь мокрый, сушиться негде, так что здоровья потеряется много. Живем в лесах, хотя есть землянки, но в них плохо, протекают от дождя. Ну, жив останусь – все перенесу. Прощайте.

19 декабря 1942 года.

...Я нахожусь в госпитале на лечении, 17 числа начал ходить на костылях, но на больную ногу ступать не могу. Поздравляю тебя. Варя, с днем ангела – 17 декабря. Желая доброго здоровья, готовить Юрочку к учебе в 1943 году, воспитать его, вырастить большого, одеть и накормить. В твои именины мне было очень трудно. Вечером к нам в палату пришли дети – школьники, пели песенки и рассказывали стихи. В это время я вспомнил про Юрочку, когда он на сцене рассказывал про автомобиль. Когда дети находились в палате, я не мог вытерпеть и заплакал...

12 января 1943 года.

...22 ноября 1942 года старшему лейтенанту по политчасти нашего саперного подразделения было поручено проверить наблюдательные пункты на передовой линии фронта. Он взял меня с собой связным. На передовой наши саперы ставили рогатки и натягивали колючую проволоку. С утра мы на лыжах прошли по передовой, проверили посты и возвращались обратно уже во втором часу дня. Нам нужно было дойти до нашей землянки, расположенной на расстоянии около километра от передовой линии. Проходя через сопку, мы вдруг услышали, что землянка обстреливается минометным огнем противника. Мы остановились, постояли. Когда стихло, снова пошли, лейтенант впереди, я за ним. Когда до землянки оставалось метров пятьдесят, противник снова открыл по этому месту минометный огонь. Я лыжи с ног сбросил и зарылся в снег, а мины рвались вокруг меня. И вдруг я почувствовал удар в левую ногу выше лодыжки. Смотрю, валенок цел, а ноге больно. Когда канонада стихла, я приподнялся и переполз на другое место, где можно было лучше укрыться. Смотрю, метрах в пяти от меня лежит мертвый сапер, которого убило осколком в голову. Ранило меня в три часа дня.

1943 года марта 11 дня.

...Наступила весна, уже оттепель, солнце сияет. Как-то чувствуешь себя приятно и мечтаешь: скорее бы покончить с врагом и к весне вернуться домой. Варя, я о вас беспокоюсь душою, что у вас, наверно, хлеба нет.

1943 года июня 11 дня.

...Варя, я сегодня получил от вас два письма и очень доволен. Вы пишете – отдавать или нет в школу Юрочку? Я вам так советую: если есть возможность его одеть, ты, Варя, ничего не жалея, одежду и обувь ему справь во что бы то ни стало. А в школу отдать надо, если не учить, то за год много воды утечет.

1943 года 20 июля.

...Варя, я пока жив и здоров, с Охулковым видимся каждый день, если какие недостатки имеются у того и другого, выручаем друг друга. Варя, я из вашего письма узнал, что вы отроили пчел – еще семью, так что теперь уже будет три семьи. Варя, пиши, как будет проходить сенокос. Узнал, что хлеба нынче растут хорошие и травы тоже, но только вам, Варя, очень трудно одной, потому что вы нынче работаете на производстве.

14 октября 1943 года.

Здравствуйте, дорогая моя жена Варя и милый сынок Юрочка, шлю я вам горячий привет и желаю доброго здоровья. Варя, я от вас сегодня получил письмо и сообщаю, что я жив и здоров. Пишите, что нового, как живете и как ваше здоровье. Сегодня видел Вахрамеева, поговорили про вас. Прощайте.

Ваш Воронин.

Это была последняя весточка от отца, до его гибели оставалось 5 дней.

Иван Балакин

ОТЦОВСКОЕ ПОЛЕ

Живет в селе Зайково Щучанского района Иван Владимирович Балакин – скромный человек, трудяга, удостоенный ордена Ленина за дела свои и заботы.

Солнце уже садилось. Его лучи, словно светящиеся нити, еще играли, то вспыхивая, то чуть затухая и окрашивая позолотой опушку леса, дорогу и свежевспаханное поле. И во всем этом ощущалось какое-то счастливое спокойствие: будто тихая прекрасная музыка звучала между землей и небесами. А от земли такой, – ни с чем не сравнимый, хмельной запах – запах родимой земли... Отцовское поле...

Сколько лет прошло, а всё как будто вчера. Ждем отца с работы. Помню его счастливые глаза, белозубую улыбку на темном от пыли лице. Во всем его облике душевная радость: отец хорошо поработал. Он часто приходил поздно. Мама ворчала: "Петро уже давно дома, а ты все до ночи с трактором не расстнешься". А отец шуткой-прибауткой на это парировал. Мы знали, что отец допахивал полосу, чтобы не гнать туда трактор завтра.

Зима. Ремонт тракторов и всякой техники. Отец возвращается после работы из мастерской Щучанской МТС. В сумке остатки мерзлого хлеба. И я, хоть старше своих братишек и сестреноч, так же, с нетерпением, жду стылый "подарочек от зайки". Мама чуть ли не колет, смеясь, замерзший как льдин-

ка, стряпанный ею пышный калач, мы грызем с наслаждением – такая вкуснотища...

Отца в семье видели мало: то ремонт техники, то посевная, то сенокос, то уборка хлебов, то пахота. Но если бывал он дома, всегда в руках топор или лопата, или молоток: хлев для скота строит, сарай, забор или изгородь мастерит. Во дворе всегда порядок. И сыновей к этому приучил. Всё мечтал вырастить сад...

Немногословный в порицаниях, он как бы и не воспитывал нас. Уже позднее я поняла: вся его жизнь, поступки, его скромность и трудолюбие, отношение к людям и ко всему окружающему были для нас примером, его уроком жить. Помню, кто-то из нас получил плохую отметку в школе. На семейном совете, где главной всегда была мама, отец произнес: "Как сейчас учитесь, так и будете потом жить". Это единственное его назидание за все детство. Но нам, ребятишкам, всегда было стыдно, если что-то не так сделаем, даже когда родители и не замечали этого. А ты в душе переживаешь.

Из рассказов отца, хотя и редких, мы знали, что служил он на Камчатке, на Курилах. Призвали его на действительную службу в 1939 году, а домой вернулся в сентябре 1946 года. Помнится, какое необыкновенное чувство волнения охватывало меня, когда отец вспоминал об одной из переправ через пролив на паромах. Их минометная батарея попала под бомбежку: ужас, крики, стоны, грохот взрывов. Все смешалось – люди, лошади, паромы... Сколько бойцов тогда погибло!

Остров Шумшу, или Шимуши, как называет его отец, представляет собой небольшой холм площадью 35x16 километров. Это остров-крепость, катакомбы которого уходили на 70 метров под землю. В те годы он был сильно укреплен японцами, оснащен мощною военной техникой и снабжен продовольствием на год. На подступах к острову наших бойцов встретил шквальный огонь из дзотов и бойниц. Здесь яростно сопротивлялись прикованные цепями к пулеметам смертники. Три дня длилась осада крепости... Пришлось даже "выкуривать" японцев: выливали из бочек горючее и поджигали. И самураи не выдержали – капитулировали. За участие в этих боях отец был награжден медалью "За победу над Японией".

Демобилизовавшись, он решил связать свою жизнь с работой на земле. Его трудовой стаж в колхозе имени Цвиллин-

га, а затем в совхозе “Петровский” – 39 лет. И все эти годы работал он на гусеничных тракторах “ДТ-54”, “Т-75”, “ДТ-75”, а начинал еще на – “Сталинце” и комбайне “Коммунар”. Помню грохот этих мощных стальных “коней”.

Перед глазами встают картинки из детства: большое чистое озеро, деревня Фролиха, березы, нависающие над прозрачной водой... На высоком берегу – кузница, где кузнецом работал бабушкин брат Федотов Иван Афанасьевич. Сюда мы, ребяташки, и бегали к отцу, когда он приезжал на своем тракторе что-нибудь подремонтировать. Напротив – колхозный сад и огород, а внизу – «купальный» берег и полевая кухня. Такое приволье...

Послевоенная жизнь налаживалась... Труд многих сельчан, в том числе и моего отца, был отмечен наградами. Он получил медаль “За освоение целинных и залежных земель”, а позднее – еще две трудовые медали. В 1961 году, как и многие другие, наша семья переехала в село Зайково. Отец работал с полной отдачей сил, без выходных и отпусков: считал для себя это обычным, нормальным образом жизни. И такая самоотверженность не осталась незамеченной – в 1971 году за высокие показатели в работе и за преданность хлеборобному делу ему вручили орден Ленина.

Любовь к своей профессии, родной земле отец передал детям. Анатолий после окончания Петуховского техникума много лет работал в сельском хозяйстве, сейчас – в Сухоборской школе. Саша мог бы стать хорошим врачом: ему давали направление в мединститут, но он категорично заявил, что будет работать с отцом и остался в родном селе. Нина тоже трудится в колхозе. Иван, самый младший, получил два высших образования и тоже остался верен району.

Мама всю жизнь поддерживала отца, все домашние заботы несла на своих плечах. В апреле 2003 года её не стало, но отец не один – рядом его дети, одиннадцать внуков и семь правнуков.

Я благодарна судьбе, что есть у меня такой отец. Дай Бог ему здоровья еще на долгие годы. Но время идет, меняется лицо земли... Больно смотреть на поля, где прежде волнами играли хлеба, а теперь растет сплошной бурьян. Кто же так жестоко, предательски обошелся с деревней и хлебопашцами? Заросло травой хлебородное отцовское поле. Кто же теперь возродит отцовскую пашню?

Зинаида ХЛЫЗОВА

Степан Бабушкин

РАССКАЗ СОЛДАТА

Подробная биография Степана Евгеньевича Бабушкина, будь он более словоохотливым человеком, уместилась бы, наверное, в отдельную книгу. Ведь столько прожито и пережито... Летопись Великой Отечественной, порой безжалостная в своей статистичности и последовательности, отпечаталась и в его судьбе. Родился он за 20 лет до начала войны, в апреле 1921 года, в селе Косолапово в крестьянской семье Евгения Давыдовича и Евдокии Степановны Бабушкиных. Из мирных профессий Степан Евгеньевич освоил очень нужную в сельском хозяйстве – стал токарем-универсалом. Более 40 лет проработал шофером. Живет в Целинном. Сейчас находится на заслуженном отдыхе, вспоминает:

Когда началась Великая Отечественная война, я работал трактористом в колхозе. Нас, несколько человек молодежи, оставили по брони. 31 декабря 1941 года, когда в клубе шел новогодний бал-маскарад, вдруг слышу: «Бабушкин, на выход!» Выхожу. Говорят: «Быстрее домой, переодевайся. Пришла повестка из военкомата, что срочно нужно отправляться в Шумиху». Что делать? Запрягли председательского коня и поехали. Из Шумихи привезли в Курган. Направили на

курсы.

Всех курсантов поместили в барак, который совершенно не отапливался, дали шинели и ботинки с обмотками. На учения ходили по снегу, набирая его в обувь. Ноги мерзли, обогреться негде. Потом все же поставили в барак железную печку, дрова приносили на себе – по бревну каждый. Утром умываться на реку Тобол бегали в одних гимнастерках.

Если занятия организовывались в самом Кургане, то по городу маршировали с песней. Я запевал.

В марте в теплушках нас отправили на фронт. На железной печке мы готовили обед из выдаваемых продуктов – то переварим, то не доварим, а самым главным из еды был чай. Ехали и ни о чем не думали, никакого страха не было, будто в гости куда отправились или на экскурсию. Слышались веселые рассказы, смех – словом, царила полная беспечность.

Стали проезжать Москву. Когда увидели кучи наваленных трупов – все больше немецких солдат, то сразу, будто нас подменили, исчезла беспечность, мы разом повзрослели. Отсчитали от столицы несколько километров, поезд остановился. Послышалась команда: «Выходи строиться!».

Попали на Волховский фронт. С марта 1942 года по сентябрь 1944 я был минометчиком и командиром минометного расчета. Перед походом миномет разбирали – каждый из расчета должен был нести порученную ему часть. Когда занимали оборону, нужно было окопаться, собрать миномет, приготовиться к обороне.

С боями прошли Калинин, Вышний Волочек, Бологое, Боровичи, Малую Вишеру, Новгород, Чудово, Волхов и Ленинград. Иногда вырывались вперед на несколько километров, но слышалась команда: «Назад!». И так несколько раз. Этим мы показывали, что нас очень много.

Встречающиеся села оказывались выжженными – ни одного дома – только печи. Объявят, что сейчас будет село, ну, думаем, обогреемся. Подходим – пусто. Лишь кое-где на уцелевших столбах, березах висят трупы мужчин, женщин, даже стариков и детей. Жутко смотреть, слезы пробиваются на глаза: что делают эти изверги, палачи!

На привал обычно останавливались в лесу. Разбивались на группы по несколько человек. Ломали сосновые ветки, бро-

сали их на снег, мы сами не ложились, а падали от усталости – несколько человек внизу, часть сверху. Через несколько минут менялись. Командиры будили, заставляли размяться, потом снова ложиться: боялись, чтобы мы не замерзли.

...Со станции Чудово пошли на Волхов. Были зачислены в состав 996-го стрелкового полка 286-й стрелковой Ленинградской дивизии. Началась подготовка к обороне Ленинграда. Наше подразделение направили на Ладожское озеро охранять одну-единственную дорогу в Ленинград.

Немецкие самолеты прорывались сквозь залпы зенитной артиллерии. И нам из винтовок редко удавалось их сбить. Озеро. Кругом лед. Днем солнышко пригреет, он подтает, ночью – мороз. Валенки и полушубки застывают. А огонь развести нельзя. Очень мерзли.

Страшно даже вспоминать то, как проходили машины по Ладогге. Бывало, зенитчики не могут сбить самолет, и бомбы летят прямо в автомобили. Иногда водители успевали выскочить из кабин, а порой вместе с техникой уходили в воду. Случалось, подойдешь к разбитой машине, что везла мешки с мукой, а на этикетках написано: доставлены они из родных мне мест – Мишкино, Чумляка.

Перевели нас ближе к Ленинграду, заняли оборону. Наступление не начинали, так как было мало оружия и бойцов. Подождали подкрепление. Случалось и такое. Ждем кухню. Ее нет. Командир говорит: «Ребята, потерпите, кухню разбило, а лошади утонули в болоте». Приходилось терпеть. Недалеко от передовой было картофельное поле, которое осенью не успели убрать. Добрались до него. По-пластунски, лежа вырыли мерзлую картошку, на саперной лопатке над пламенем костра испекли. Ели, хоть и размокшую. И командир попросил его угостить. Даже такую условно называемую еду добыть было непросто – немец не дремал – регулярно обстреливал.

Прибывала колонна за колонной – все сибиряки – народ стойкий, отважный. Откуда только появились снаряды, минометы, пулеметы, самолеты, артиллерия! И вот – наступление. Под мощным натиском более 200 самолетов, артиллерии немец стал отступать, покидать окопы, которые находились ближе к нашей обороне.

Но у противника тоже была большая сила. Командир ска-

зал нам: «Ребята, как только немец начнет покидать ближние окопы, нужно любым путем занять их, чтобы фашисты не вернулись. Тогда мы живем».

Я и еще один боец из полка – Иванов – первыми прорвались и заняли оборону, быстро подошли остальные. За этот бой меня наградили медалью «За отвагу», а затем еще и «За оборону Ленинграда».

Пришлось помогать хоронить ленинградцев. Ходили по квартирам. Душа не выносила смотреть, как люди – кто в сидячем положении, кто лежа, приняли смерть. Умирали от холода и голода. Иногда находили живых, но совершенно беспомощных, увозили их в больницы и госпитали.

... В одном из боев 22 февраля 1943 года я был ранен осколком мины, который прошел под правую лопатку. Пока был в сознании, даже бежал быстро. Вижу: едет боец на монголке – подвозил снаряды. Я упал на сани, кричу: «Гони быстрее. Вдали танк движется!». Снег глубокий, проехали немного, лошадь тонет. И вдруг - снаряд. Скотину убило, солдат погиб. Я кое-как поднялся и поплелся в сторону от передовой. Двигался очень медленно, кровь сочилась из раны, гимнастерка смочена. Вижу: идет солдат из разведчиков. Я еще смог попросить закурить. Он не отказал, но я уже упал без сознания.

Очнулся в полевом госпитале. Это большая палатка-землянка, сделанная из жердей, закрыта ветками от сосен, а сверху засыпана землей. Посередине стоит печка, сделанная из бочки. Кто лежит к ней близко, тому жарко, а дальше – холодно.

Операционная – такая же землянка. Стол из жердей, накрыт простыню. Положили меня на него, привязали: двумя простынями – обезболивающих средств не было. Одна медсестра села на поясицу, а вторая держит за плечи. Врач говорит: «Держись, парень!». И дернул осколок. Я тоже дернулся – сестер как не бывало, простыни полетели.

Принимал соответствующее лечение. Стал выздоравливать. Однажды больные, кто ходил более-менее, отправились в кино. И мне хочется. Сестра согласилась помочь. Взяла под руку, я поковылял. Уже началась оттепель, поскользнулся и упал, сестричка тоже не удержалась. На носилках меня обратно унесли в землянку. Больше в кино не просился.

Выписали 9 апреля 1943 года. Опять фронт. После освобождения Ленинграда стали готовиться к взятию Выборга. Мощная артподготовка, большое количество минометов, пулеметов, самолетов, артиллерии. Город взяли быстро и пошли на Хельсинки – столицу Финляндии, но финны капитулировали.

В Выборге меня направили на курсы парторгов. Учились и воевали одновременно. Окончил их в январе 1945 года. Получил звание младшего лейтенанта.

Из Выборга нас сгрузили в трюм баржи и отправили через Финский залив в Кронштадт. Баржу кидало на волнах, вода с большой силой заливала палубу. Я и еще несколько бойцов были на ней. Матросы не очень-то радовались, что разрешили нам остаться здесь. Им нужно свою работу выполнять да еще за нас переживать. Кричат: «Держитесь за поручни, а то смое!».

Смотрим: летят немецкие самолеты, ждем, что начнут бомбить. Но наши зенитчики их обстреляли. Вражеские бомбы падали в нескольких метрах от баржи – наверное, немцы от страха за свою жизнь из-за обстрела зенитками не попадали в цель.

Когда баржа приблизилась к берегу, самолеты отступили, а мы увидели в воде что-то необычное. Моряки объяснили, что это чудо – дельфины.

Добрались благополучно. Метров 20 не доплыли до берега, как прозвучала команда: «Высаживаться!». Вода оказалась выше груди, но до места мы все же дошли.

С января 1945 года я служил парторгом 225-й стрелковой Краснознаменной ордена Кутузова II степени дивизии. С боями освобождали Эстонию, Литву, Латвию, Польшу. За что я был награжден орденом Красной Звезды.

В Польше моя задача была, как парторга, поднять солдат в наступление. Созвал коммунистов, а комсорг батальона - ленинградец Иван Бибин – комсомольцев. Говорю своим: “Как выстрел даю из пистолета, быстро за мной и не отставать”. Трудной оказалась задача, но коммунисты поддержали.

Проблема возникла еще из-за того, что прислали нам на пополнение якутов. Думали: народ выносливый, северный, охотники знаменитые, так что держись, немец! Но не тут-то

было! Не идут якуты в бой. Бились, уговаривали, но... вынудили они нас дать залп в воздух из пулемета. Смотрим – поднялись. Много их тогда погибло. Наши же сибиряки, башкиры, татары, казахи отважными воинами оказались, на них и приходилось опираться, надеяться.

Бывало и такое. Ночью с Иваном Бибиным ходили по окопам и проверяли солдат, чтобы они оставляли дежурных, иначе немец мог выкрасть. Заблудились. Видим – землянка. Заходим, сидят два немца, едят. Мы опешили, но быстро пришли в себя, а фашисты перепугались и не успели схватить оружие. Так мы их пленили.

Один из боев был очень тяжелым. Мы несли большие потери. Немец наступал. Нас прижали к бору. Вдруг передышка. Противник затих. Где и кто из своих? Что делать?

Я и боец из Иркутска встали к сосне и запели во весь голос. Думаем: умирать так с песней. Но фашисты наступление не возобновили. Оставшиеся в живых солдаты собрались возле нас и все вместе отправились к своим. Командующий удивился: «Бабушкин, ты опять живой! А где твой батальон?».

... Бои шли за боями. Немецкая пехота пошла в наступление. Наши пехотинцы не могут пойти, так как впереди немецкой пехоты медленно передвигается танк и обстреливает наши позиции. Увидел, что недалеко стоит противотанковая пушка. Пробираюсь к ним, кричу: «Почему не стреляете?». «Нет приказа». «Тогда у меня есть!». Навожу и прямой наводкой подбил танк. После этого наша пехота пошла в наступление. Пошли на Берлин. Добрались до реки Одер. Начали форсировать – кто на наскоро сделанных плотках, кто вплавь. Я возглавил переправу, объявил: «Коммунисты, за мной!» Несколько солдат кинулись в ледяную воду. Нужно было занять противоположный берег Одера и подготовиться к обороне. Мы первые под обстрелом немцев добрались до берега и заняли позиции. За успешное проведение этой операции получил Благодарность и орден Отечественной войны I степени. Присвоили звание лейтенанта.

После форсирования Одера (март 1945) мы пошли в наступление. Немец чувствовал, что скоро конец войне, но сопротивлялся жестко. Командование решило провести агитацию среди солдат противника, чтобы было меньше потерь с

нашей стороны. Это поручили мне, как парторгу. Я выбрал одного парня, принятого в армию из пленных, которые жили у хозяев. Некоторые имели уже семьи, жен с детьми отправляли домой – на Украину, а мужчин зачисляли в армию. Вышли с этим парнем, только он начал: «Внимание! Немецкие офицеры и солдаты!». И тут неожиданно прилетел снаряд, оратора убило. Мне только кое-где шинель пробило. Агитация сорвалась.

В Берлин попал уже после разгрома основных сил фашистов. Кое-где шли уличные бои. Во время передышки я проводил беседу с солдатами в землянке. Сидя на пороге, читал им интересную информацию из газеты. Было тихо. Тут снаряд прилетел прямо в землянку. Всех придавило, а я чудом остался жив.

После победы из Германии меня перевели в сотую дивизию. Прошли Чехию, Австрию, Венгрию, где и обосновались. Наш штаб был расположен недалеко от Будапешта. Командиров распределили на квартиры. Хозяева к нам относились доброжелательно. Наш хозяин плохо говорил по-русски. Но рассказывал, что сын у него погиб на Украине. Тех, у кого родственники погибли на Украине, немцы собрали и повезли получать там земельные участки. “Нас собралось много. Приехали к месту назначения. Земля хорошая, но не успели присмотреться. Вдруг появились самолеты и начали обстрел. Кое-как унесли ноги. Я сказал: чужой земли мне не надо! И домой вернулся”.

После Венгрии дослуживал в Киевском военном округе и демобилизовался домой в августе 1946 года.

...Каждую весну Степан Евгеньевич Бабушкин встречает как долгожданную Победу. Долгих лет Вам, Степан Евгеньевич! Храни Вас Бог!

*записала Валентина ЧЕТВЕРНИНА,
село Целинное*

Иван Филатов

ИВАНАМИ ДА МАРЬЯМИ ГОРДИЛИСЬ МЫ ВСЕГДА

Иван Гордеевич Филатов не слушает прогнозы погоды. Синоптикам он не доверяет, а доверяет своей правой ногой. Вернее, бывшей правой ногой. Перед непогодой она так болит и свербит, что давление от этой маеты за 200 зашкаливает. Когда на улице ведро, боль сворачивается мирным ужином и засыпает до следующего дождя или снега. И так с 4 декабря 1943 года.

А в ночь на 4 декабря Иван Гордеевич почти не спал – с утра готовилось наступление на Оршу. О чем думал 19-летний солдат, командир отделения, пулеметчик? Может, о мамке, что ждет его за далеким Уралом, может о батяне, что сгинул на войне. А может, вспомнил о последних шести месяцах, что провел на фронте. Вчерашний краснофлотец после курсов пулеметчиков попал сразу под Ельню. Быстро сделал “горькую карьеру”: с первого номера в отделении дошел до командира. И не потому, что лучше других знал свой “максим”, а потому, что убило того командира. А потом были бои, бои, бои. Когда прут фашистские танки, и кончились патроны, а командир кричит: “Ни шагу назад!”, и ты точно знаешь, что если побежишь, сдашь позицию – получишь пулю от своих. Когда хлесткий снег с дождем попеременно превращает обмундирование в гремящий жестью панцирь и хочется плюнуть на всё, встать во весь рост – и пусть

тебя лучше убьет шальная пуля, чем такие муки. И вставал, и шел – но Бог берег. Берег ровно полгода...

4 декабря. Раннее утро еще не подернулось предрассветной серостью, но уже чувствовалось его приближение. Все чаще слышались уханье снарядов, трескотня автоматов. Противники примеривались, прощупывали друг дружку. И вот началось! Не знает Иван Гордеевич, долго ли коротко ли длился тот бой. В горячке сражения часов не наблюдают. И боль в ноге почувствовал не сразу, только когда сапог захлюпал от крови, понял – ранило. Еще стрелял, еще заряжал, еще таскал ящики с патронами, если видел, что друзья – товарищи падают, скошенные пулей или осколком. А потом и сам упал, но пересилил себя, встал и еще нашел в себе силы докандыбать до блиндажа, где был полевой госпиталь...

– Сразу операцию-то не сделали. Пока то да се, бой кончился, раненых – убитых собрали, – вспоминает Иван Гордеевич. – А потом уж хватились – гангрена. Когда пришел в себя после наркоза, чую – нога раненая болит, а глянул – нет её, ноги-то.

Подлечили солдата и отправили домой. Обещанные перед боем награды и повышение в звании за уничтожение вражеской точки (а он-таки уничтожил её) так и остались где-то там, на линии фронта. А 19-летний Иван Филатов начал учиться жить по-новому. Сначала просто ходить, потом копать, косить, ну, в общем, что там еще положено мужику. Не спился, не пошел христарадничать по вагонам поездов, не скатился в уголовщину – а таких примеров с героями – калеками было ох как много.

Однажды за окном поезда, мчавшего Ивана Гордеевича из Петропавловска, где он безуспешно пытался устроиться на работу (езде говорили: ну куда, мол, ты годен, без ноги!), промелькнула станция со смешным, как ему показалось, названием: Макушино. И он решил здесь сойти и остаться. И как ведь верно судьба распорядилась! Сюда же в гости к сестре приехала из Челябинска красивая девушка Маша Федорова.

– Сначала мне страсть как жалко было моего нового ухажера, – вспоминает Мария Трофимовна. – Я вообще так всегда раненых жалела, что во время войны мимо ехали. Плакала так всегда. Наверное, чувствовала, что и мой суженый так же где-то мается. В общем, жалела–жалела, пока не пришла пора в Челябинск возвращаться. Да он меня и там нашел.

Настырный. Пообещал: никогда, мол, в жизни тебя не обижу.

Так оно, в общем-то, и вышло. 44 года вместе Иван да Марья и все ладно у них было. А вот самого Филатова жизнь обидела, ох как обидела. Больше всего она ударила его в 60-каком-то году. Когда грубиян–чиновник – фамилию его Иван Гордеевич не стал называть (может жив еще, да и дети ведь у него) – на просьбу инвалида – фронтовика о какой-то мелочи, типа куба досок, ответил, мол, ты ногу свою на войне потерял не меня защищая, а себя. Больше Иван ни к кому ни за чем с просьбами не ходил. Обошлись без этих треклятых досок – дом с Марьей собственным горбом построили. А работал одноногий Иван так, будто было у него три руки. На работу, кстати, устроиться не мог. А как без работы – группа-то третья, на пенсию последнюю ногу протянешь. “Легкого труда”, положенного по закону, почему-то не находилось. А вот кочегаром – пожалуйста. Так и кочегарил в сезон Филатов, пока сил хватало. Короче, все умел, все мог.

– Он ведь у меня и рыбак, и охотник, и строитель, и ребятишкам нянька, – вздыхает Мария Трофимовна. – Я-то на “железке” всю жизнь, по сменам. Он и обед приготовит, и корову подоит. Никогда не жаловался. И не бил себя в грудь, мол, герой-фронтовик.

Он и сейчас не любит о войне рассказывать, говорит коротко: “Вспомню – волосы дыбом встают”. Это уж я из скупых, обрывочных фраз про тот последний бой его сама додумала. Иван Гордеевич вообще показался мне каким-то немного ожесточенным что ли, суровым. Но разве можно его за это осуждать? Откуда доброте и мягкости взяться, когда жизнь так колошматила! И только разговор о внуках и правнуках заходит – светлеют глаза у старого солдата. Это их он защищал, Марию свою, меня вот, чиновника того бездушного, соседей по своей улице Энгельса, тебя, читатель...

На прощанье полюбопытствовала: “Иван Гордеевич, а какая погода завтра будет?” Он прислушался к себе, как бы советуясь со своей ногой-синоптиком, а потом выдал прогноз: “Сегодня не очень ноет. Так что дождичек будет завтра. Но небольшой”.

Так оно и случилось.

Елена ДРОЗДЕЦКАЯ

Николай Терещенко

ВЫПОЛНИЛ ОТЦОВСКИЙ ЗАВЕТ

*Терещенко Николай Ильич – защитник Ленинграда.
Живет в Кургане.*

Моя армейская служба началась осенью 1940 года, после окончания десяти классов Шадринской средней школы № 9. И на шесть месяцев раньше до официального призыва я был направлен в Литву в район Шауляя и стал служить во второй пулеметной роте 576-го стрелкового полка 115-й стрелковой дивизии.

Вскоре меня и Виктора Зеленина – прекрасного и довольно крепкого парня, призванного из деревни Малое Банниково ныне Каргапольского района, определили номерами на станковый пулемет “Максим”.

Служба наша была очень напряженной. Дивизия отличалась высокой мобильностью. И мы, восемнадцати – девятнадцатилетние парни, уже в середине декабря 1940 года, в полном боевом снаряжении, в условиях, приравненных к военным действиям, при ограниченном режиме питания, совершили восьмисотсорокилометровый марш по дорогам, лесам и болотам Прибалтики и в январе 1941 года вышли к городу Кингисеппу Ленинградской области. Здесь продолжили боевую подготовку.

В мае 1941 года, зашив в брюки именные медальоны, мы

совершаем очередной бросок – теперь уже на новую границу с Финляндией. По прибытии туда стали осваиваться и закрепляться на новом месте.

Своим положением в роте я был доволен. Тогда не было преступной дедовщины, какая сейчас терзает армию, хотя служба в Красной Армии для личного состава была очень и очень строгой и напряженной.

Я достойно овладел оружием, закалился физически. По линии политического руководства роты, комсомольской организации, её секретаря лейтенанта Каплунова постепенно втягивался в общественную работу. Уже в городе Кингисеппе мне было поручено руководство занятиями по изучению Красноармейского политучебника с молодыми бойцами, как и я.

И вдруг, 22 июня 1941 года фашистская Германия напала на Советский Союз, а 26 июня 41 года Финляндия также объявила нашей стране войну.

Весть о войне нами была встречена с напряженным спокойствием. Мы были морально подготовлены к таким событиям.

Объявив войну Советскому Союзу, финские войска развернули наступление на фронте шириной в 150 километров. Наибольшую активность проявили на Выборгском и Кенсгольмском (Приозерском) направлениях. 23-я армия, куда входила и наша 115-я стрелковая дивизия, прикрывающая Ленинград со стороны Карельского перешейка, начала оборонительные бои.

С седьмого августа мы стали с боями отходить на Выборгском направлении. Развернулись тяжелые бои, которые уже не прекращались до конца августа.

Мы оставили совершенно безлюдный Выборг. Стало трудно с питанием. Но наш вездесущий старшина, забыл его фамилию, раздобыл где-то несколько ящиков прессованной пастилы и сделал “заначку”, уложив их в пулеметных повозках. В дни, когда еду не привозили, подкармливал нас, выдавая нам по кусочку этой сладости.

Всем трудно в бою. Но в условиях отступления и окружения особенно трудно и опасно пулеметчикам. Их задача не только поддерживать наступление стрелков, но и прикрывать их при отходе.

В одном из таких боев противник обрушил на нас артилле-

рийский огонь. И один из снарядов разорвался рядом. Нас с Виктором Зелениным вместе с нашим тяжелым пулеметом волной бросило на огромный камень, а младшего сержанта Забияка и несколько бойцов убило. Мы с Виктором отдела-лись ушибами. У пулемета заклинило болт тонкой наводки, из-за чего мы лишились возможности маневрировать секто-ром огня.

Отступая от Выборга, наша дивизия и взаимодействовавшая с ней 123-я стрелковая дивизия, измотанные тяжелыми боя-ми, оказались прижатыми к берегу в районе Койвисто. Отдель-ные их подразделения были окружены. И командование фрон-том решило отвести нас в Ленинград. Нам пришлось выхо-дить из окружения. Мы пошли на прорыв и попали на кинжаль-ный огонь немцев. Немало было убитых. Меня и тут, как вы-ражаются в простонародье, “Бог миловал”. Поскользнувшись – а было очень сыро, шли дожди, – я, падая, перелетел через убитого. В этот момент немецкая пуля ударила рикошетом по моей каске, но голова осталась целой.

Нас, уцелевших, более 12 тысяч бойцов и командиров, на-чали переправлять в Ленинград на канонерских лодках, брон-екатерах и десантных баржах Краснознаменного Балтийс-кого флота.

Я оказался на самоходной десантной барже с 12 молоды-ми бойцами, пополнением из Чувашии. И уже на борту мы узнали, что эта баржа пришла в порт Койвисто из Германии 14 июня 1941 года в обмен на хлеб. Так торговля между СССР и Германией продолжалась до самого дня начала войны.

Третьего сентября мы прибыли в район обводного канала и влились в 576-й стрелковый полк, стали непосредственны-ми защитниками Ленинграда. Здесь я расстался с Виктором Зелениным.

И почти через 44 года мы с ним встретились уже в городе Кургане. В 1985 году заканчивалась первомайская демон-страция. Мы уже начали спускаться с трибуны, чтобы продол-жить свой путь к “Вечному огню”. В это время ко мне подошел мужчина и назвал меня по имени. Им и оказался Виктор Зеле-нин. Он меня сразу узнал.

С 1941 по 1944 год он находился в Финляндии, затем вер-нулся на Родину. Сопровождал грузы по железной дороге в

освобожденный Крым. Там им предложили после войны остаться, занимать сохранившиеся дома и заниматься виноградарством. “Но мы подумали, – сказал он, – как же можно было расстаться с зауральской картошкой”. И он вернулся в Зауралье и обосновался на жительство в поселке Рябково.

В сентябре 1941 года командующим Ленинградским фронтом стал Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов. Обстановка в городе была очень и очень сложной.

Подвоз продовольствия и всего остального, необходимого Ленинграду, по железной дороге прекратился. Были перерезаны шоссейные дороги. Стало невозможным судоходство по Неве. Было проведено снижение норм продажи хлеба населению.

С четвертого сентября Ленинград начала обстреливать артиллерия, а восьмого сентября гитлеровские войска захватили Шлиссельбург. Ленинград оказался в блокаде. В тот же день город подвергся массированному налету авиации. Начались страшные пожары. Один из них охватил Бадаевские продовольственные склады. Сгорели три тысячи тонн муки и две тысячи пятьсот тонн сахара.

Немцы закрепились на левом берегу Невы, близ Невской Дубровки, и начали форсировать её, чтобы соединиться с финскими войсками, действовавшими на Карельском перешейке, и создать второе кольцо блокады Ленинграда, лишающее его сообщения со страной через Ладугу. Чтобы этого не произошло, нашу дивизию перебросили в район поселка Невская Дубровка. И мы с ходу вступили в бой. Дубровка полыхала в огне. Уже через несколько дней здесь не было ни одного целого дома. Все вокруг рушилось и горело.

Теперь моим партнером по станковому пулемету был назначен Михаил Степанович Груздев из города Шадринска. Нам приказали – стоять насмерть! И не допустить немцев на правый берег Невы. И дивизия выстояла.

В тяжелые для Ленинграда дни Ставка направила в осажденный Ленинград генерала армии Георгия Константиновича Жукова. Он вступил в командование Ленинградским фронтом. И уже 17 сентября им был отдан боевой приказ “Ни шагу назад! Не сдавать ни одного вершка земли на подступах к Ленинграду!”

Конечно, это было достигнуто жестокими мерами. Почти каждое утро зачитывались приказы прямо в траншеях. В них звучало: «За невыполнение боевого задания ...», а дальше оставим это на совести многоточия. Видимо, уже иного выхода не было.

И армии добились перелома в ходе боевых действий. Ставка Верховного Главнокомандования решила использовать этот момент, чтобы попытаться деблокировать Ленинград с востока ударами 54-й армии, с запада – силами Невской оперативной группы Ленинградского фронта, куда входила наша дивизия. Форсировать Неву в районе Невской Дубровки должна была опять же наша дивизия и четвертая отдельная морская бригада.

Вдруг 15 сентября меня в траншее разыскал бывший наш ротный – лейтенант Каплунов. После прибытия в Ленинград я его не видел. Его назначили начальником штаба одного из батальонов нашего полка. Он сказал: «Я пришел за тобой, хочу перевести тебя в свой батальон. Давай подадим рапорт в штаб дивизии». Я ему ответил, что сейчас штабу дивизии не до какого-то бойца Терещенко. И после некоторой словесной дискуссии он со мной согласился. Каплунов ушел в свой батальон. А вскоре мне передали, что он погиб на Невском пятачке. Его нашли в окопе с зажатой в руке трубкой полевого телефона. Как корректировал огонь, так и погиб. Сердце мое сжалось от этой вести. А в ночь с 19 на 20 сентября наш батальон, которым командовал капитан Дубик, без артиллерийской подготовки, на рыбацких лодках и самодельных плотках переправился через Неву. Бесшумно мы забрались по обрывистому берегу, внезапным ударом выбили гитлеровцев из первой траншеи и двинулись дальше.

Затем на отбитый у врага клочок неевского берега высадилось еще несколько подразделений, в их числе и батальон четвертой бригады морской пехоты. Командовал Невской оперативной группой генерал – майор Василий Фомич Коньков, до этого он был командиром нашей дивизии. Был предпринят ряд решительных действий в общем направлении на Мгу. Немцы спешно перебросили сюда отборные части, стремясь ликвидировать наш плацдарм. Но осуществить им это не удалось. Так образовался знаменитый «Невский пятачок».

Уже в первый день гитлеровцы атаквали не только пре-

восходящими силами пехоты, но и танками, с воздуха их поддерживала авиация. Тысячи мин, снарядов и авиабомб перепахали землю "пяточка" вдоль и поперек. Казалось, что уже ничего живого не может остаться на этом клочке земли, но, к изумлению врага, да и нас самих, его защитников, плацдарм держался.

Мы не только отбивали все атаки немцев, но и сами нанесли врагу удары.

Целый месяц наша дивизия и бойцы четвертой бригады морской пехоты, истекая кровью, кипели в этом огненном котле. Это был месяц нечеловеческих испытаний. И как написал потом поэт Прокофьев: "Здесь в скрежете металла и огня земля, снега и наша кровь кипели". И действительно, на Невском "пяточке" и над Невой не было затишья ни днем, ни ночью.

Метр за метром наши войска расширяли Невский "пяточок". Каждый следующий метр мог оказаться концом твоей жизни. По нам била артиллерия, а немецкие самолеты на бреющем полете расстреливали из пулеметов и сбрасывали не только бомбы, но и куски рельсов, бетонные надолбы, железные бочки с пробоинами и камнями.

От дыма, от поднятых вверх туч земли и песка, вокруг ничего не было видно. Всех томила жажда, и хотя Нева рядом, до воды было не добраться.

Размеры Невского "пяточка" менялись почти еженедельно. То наши части выбивают гитлеровцев из их же траншей, то немцем удается оттеснить нас. Но в основном размеры стабилизировались в пределах от 2-х до 3-х километров по берегу и 600-800 метров в глубину.

Крошечный кусочек земли был заполнен землянками, блиндажами, траншеями, огневыми точками. Здесь находились медицинские пункты, узлы связи, командные пункты. Но это, конечно, сказано громко, так как, например, под командные пункты батальонов и полков были приспособлены воронки, ямы, овражки.

Плацдарм настолько был насыщен, что почти каждый вражеский снаряд вызывал на "пяточке" потери. Например, 9 ноября 1941 года сюда переправился сформированный из ленинградцев первый ударный коммунистический полк и вступил в бой. К вечеру в нем осталась лишь треть состава.

В одном из боев я получил указание продвинуться с пулеметным расчетом вперед и закрепиться. Ползем под сильным автоматно-пулеметным огнем. Меняю тактику: первым ползу я, а Михаила Груздева попросил прикрыть меня огоньком. И вот пуля пашет землю у самого моего подбородка, другая прошивает левое плечо шинели, а следующая пуля навывлет пробивает мне бедро правой ноги. Михаил Груздев потянул меня в тыл под обстрелом к берегу Невы. Надо было ждать темноты под открытым небом у берега.

Вывоз раненых с "пяточка" вменялся гребцам – перевозчикам, самоотверженно выполнявшим свой воинский ратный труд. Каждый их рейс на другой берег Невы был своеобразным вызовом смерти. Однако в 12 часов ночи с седьмого на восьмое октября 1941 года нам удалось без потерь причалить к спасительному правому берегу.

Нас разместили в госпитале по проспекту Гисперовского – Петроградская сторона, в довольно мощном кирпичном здании. Мой спаситель и сподвижник – Михаил Груздев, дважды побывавший на Невском "пяточке" и дважды там раненый. А всего он получил три ранения и в 1943 году вернулся домой в город Шадринск. Там мы с ним и встретились после войны.

Битва на Невском плацдарме – это ярчайший пример самоотверженной и титанической борьбы. Здесь полегли храбрейшие из храбрых. Об этом напоминают надписи на величественном монументе.

Сейчас в земле на Невском "пяточке" лежит 150 тысяч тех, с которыми и я стоял насмерть и которые стояли после нас. Земля здесь насыщена металлом. В одном квадратном метре приневской земли содержится более десяти килограммов стали, свинца, железа и меди. Это пули и осколки мин, снарядов и бомб. Вот почему не приживаются тут деревья и кустарники, не цветут цветы, не растет трава.

Раненым не было покоя и в госпиталях города Ленинграда. Уже через два дня наш госпиталь жестоко бомбили. На город было сброшено 15 фугасных и около тысячи зажигательных бомб. На наше счастье нам достались только зажигательные бомбы. Горели двери, рамы окон, все то, что поддается огню. Тяжелораненых эвакуировали через выгоревшие окна. Раненных полегче бросали через окна, там их ловили,

но некоторые падали на землю, а там вода, грязь, да и было уже холодно. А мы одеты только в бязевое белье и носки.

Нас, мокрых, испачканных грязью, поместили в комнатах какого-то общежития. Меня положили на раскладушку и чем-то укрыли. И я, видимо, крепко уснул. А утром, проснувшись, не узнаю своего места. Оказывается ночью нас перевезли на новое место, но я не проснулся. Таким был уставшим.

Через месяц из госпиталя я был направлен в 286-й стрелковый полк 90-й стрелковой дивизии. 8 ноября 1941 года нас разместили по вагонам на Финляндском вокзале, чтобы ехать к линии фронта. Дали нам по банке шпротов на двоих.

В этот момент немцы выпустили по Финляндскому вокзалу около сотни снарядов. Нам дали команду: «В укрытие!». Но в вагонах только и слышен был крик: «Открывай банки, а то убьют – и не попробуем шпроты». Мы с напарником тоже опорожнили банку. Люди были просто изголодавшиеся.

В 90-й стрелковой дивизии я воевал под городом Колпино, где получил второе тяжелое ранение. Осколком снаряда мне выбило левый голеностопный сустав, восемь сантиметров, как потом стало известно, малой берцовой кости, вся голень была раздроблена.

В отношении боли я совершенно не могу вспомнить – была ли она и какой степени. Сознание я никогда не терял. Я потянул на себя раненую ногу и попытался её приподнять – стопа повисла. В голове пронеслась мысль – «Надо нож». Я полагал, что стопа висит на коже и будет мне мешать ползти, и хотел её отрезать. Но ножа в кармане шинели не оказалось. Да и рядом не было никого живого. Тогда я снял брючный ремень и им связал стопу, шинельным ремнем стянул колени. Выше колена перетянул левую ногу бинтом, переворачиваясь на правый бок и хватаясь за кочки, попытался ползти. Моё передвижение вперед было по 2-3 сантиметра. Так я тянул себя, пока меня не подобрал санитар. Он же доставил меня в санбат. Я был уверен, что у меня отнимут стопу левой ноги, и подумал в санбате: «Кому же я буду нужен без ноги?» И когда ко мне подошел врач и сказал, что будут ампутировать стопу, чтобы избежать гангрены, я категорически отказался. Врачи потребовали подписать отказ, что я и сделал, не читая бумаги. На исходе третьих суток после ранения меня принесли в

операционную. Там слышу, что первой группы крови нет. А у меня первая группа. Видимо, никто из медиков не верил, что я выживу – был так плох. Ведущий хирург сказал: “Мы ему не можем дать наркоз – может остановиться пульс”. Это, видимо, и спасло мою ногу. Врачи очистили рану, а затем заложили ногу в гипс. Боль была ужасной, казалось, что к стопе прикладывают каленое железо.

После того, когда все было завершено с ногой, один хирург, обращаясь ко мне, стал хвастать своей работой. Он сказал: “Мы, хирурги, разные люди. Один коснется человека, тот ойкнет, и хирург скажет ему: «Потерпи, отдохни». И так будет мучить больного четыре–пять часов. Я же всё делаю быстро, кричи – не кричи, и сокращаю муки больного”. Ты, мол, видел, как я работал. Да, действительно, он работал быстро.

И всем чертям назло, перенеся немалые страдания, я выжил. И в январе 1942 года отметил свое двадцатилетие. В честь дня рождения мне дали вдоволь кипятка, а я хлеба накопил, экономя в течение недели от своей суточной трехсотграммовой пайки хлеба со жмыхом по кусочку. Хотелось хотя бы раз ощутить себя не голодным. В 1942 году меня вывезли из Ленинграда по “дороге жизни” на большую землю. И после долгого скитания по госпиталям я вернулся домой в Шадринск.

Я не совершил каких-то великих подвигов в Отечественной войне. Мой вклад в историю войны очень и очень мал. Но главное – я был верен воинскому долгу и заветам семьи.

Мой отец служил в Лейб-гвардии Двора Его Величества Императора Николая Второго, в полку, расквартированном в Царском Селе. Гвардейцы подбирались туда по цвету лица царя и росту от метра восьмидесяти сантиметров и выше.

Отец был свидетелем важнейших событий в истории Петрограда. Провожая меня в армию, дал наказ: “Знай, сынок, без Отечества нет счастья!” И крупные слезы покатались по его лицу. Я на всю жизнь запомнил эти слова.

Да, без Отечества нет счастья! Мой долг – служить Отечеству, защищать его. И я счастлив, что выполнил наказ отца, я дважды окропил своей кровью нашу общую большую Победу.

Иван Комков

СЕРДЦА НАШИ РЯДОМ!

Дорогие товарищи и друзья! Прочитал в газете “Северный Казахстан” статью о том, что в вашей области готовится книга “Помни войну”. Решил написать свои воспоминания.

Мне 80 лет. Когда началась война, мне было 16. Жил в селе, работал в колхозе. Пахали, сеяли, убирали – усталости не знали, так как были молоды, работали с утра до вечера, а подворный план убирали ночью, особенно при луне. Ждали весточки от братьев и родных, а их у меня на войне было 5 братьев и 2 дяди. В 42-ом году призвали отца, стало труднее, так как дома еще шестеро и больная мать, но мы не унывали, работали достойно, с охотой и увлечением, особенно когда нам доверяли технику и лошадей. Работали больше на лошадях, ибо горючее экономили для работы на комбайнах и тракторах.

Настал 1943 год. Мне в январе исполнилось 18 лет. Меня и моих товарищей призвали в армию Полуденским военкоматом. Собрали нас на станции Токуши – 35 километров от Петропавловска. Набрали полный состав из крытых товарных вагонов и отправили на Дальний Восток. В это время с Востока шли поезда на Запад с солдатами на фронт. Какие это были brave ребята – это лица, которые нельзя забыть никогда!

Долгий наш путь лежал на Восток. Несколько раз водили нас в столовую и в баню, и вот 28 января мы прибыли в мес-

течко Раздольное. Месяц проходили курс молодого бойца, а потом нас распределили по частям. Мы расстались с друзьями—товарищами и заняли места тех ребят, которые ушли на фронт. Попал я в укрепрайон на границу, в Хасанский район, где служил и учился на радиста. В то время и на границе было неспокойно. Японцы постоянно нарушали границу. Но мы четко несли службу.

И пришел долгожданный день – 9 мая 1945 года. Радость для всех нас и всего народа. А потом началась война на Дальнем Востоке с японским империалистами. Здесь непосредственно участвовал и я – радистом нашей части. Опишу коротко, как это было.

Наши войска вплотную подошли к границе. Танки замаскировались в лощинах. Пехота находилась на высоте 986. На рассвете 9 августа наша батарея “Вихрь” нанесла мощный удар по военному городку японцев – Мадиро. В это время я был на НП командира батареи и корректировал огонь по рации. Первое впечатление описать невозможно, как это происходило. Наши разведчики-саперы заранее приготовили проходы в заграждениях, войска двинулись дальше. Тяжелая батарея не могла пройти по горам, и мне начальник связи дал задание – идти в соседнюю часть для обеспечения связи, а это 20 километров по горам. Дали мне помощника в сопровождение – Юру Хасанова из Татарстана. И мы днем двинулись в путь. Прошли километра два и наткнулись на японцев в каньоне, их было 80-90 человек, а нас двое. Не ввязываясь в бой, мы доложили командиру. Он сказал, что наша часть в срочном порядке пошла в наступление. Мне приказал явиться в первую роту и держать связь со штабом, так как радиста этой роты убило. Так я стал радистом при командире первой роты.

Наша часть наступала. Впереди был город Хунчун. Он запомнился горящим и сильно стреляющим. Дальше наши части двинулись в направлении города Кейчен, но путь преградила бурная река Тумень—ула. Здесь мы задержались, так как мосты были взорваны, пошли в обход, к другому мосту. Танковая часть переправлялась по понтонам и угодила под огонь дзотов, несмотря на то, что самолеты их бомбили.

Тяжелая война в горах, особенно когда они высокие и незнакомые. Мы прошли к мосту. Он тоже был взорван, и сапе-

ры стали делать лестницы–переходы. Меня командир назначил держать связь со штабом дивизии, пока переправа не будет завершена.

Пока подошли другие части и меня сменили, я отстал далеко от своих, – пришлось догонять. На переправе я чуть не утонул, хорошо товарищ Виктор Колесников из Саратова помог. Мы догнали своих.

На другой день меня со взводом направили в небольшой городок. Переход по горам длился двое суток. Мы подошли к городу. Спротивления японцы не оказали, они ушли ночью. Нас встретили местные жители – китайцы, с большой радостью и доброжеланием, накормили и напоили. Мы отдохнули, получили ориентировку и отправились на Харбин. Спротивление японцев было разное. Это зависело от их руководства.

Наша часть не дошла до Харбина. 3 сентября Япония капитулировала. И наша часть вернулась на свое прежнее место – в укрепрайон. Батальон наш потерял 36 бойцов. После этих боев меня перевели в штаб части заведовать секретным отделом, где я прослужил до 1948 года. Работа в штабе была многогранная и интересная.

Придя домой, работал секретарем сельского Совета, потом поступил на железную дорогу. Ездил начальником почтового вагона: 6 лет на Харьков, Москву, Джезказган и Алма-Ату. Интересная была работа. Мне особенно нравился обмен корреспонденцией. В Кургане – это мой любимый пункт – мы сдавали и принимали почту не спеша, так как стоянка была нормальная. Сейчас, когда проезжаю Курган, вспоминаю с благодарностью, как это было.

На пенсию ушел в 1985 году. Построил дом, вырастил трех ребят, имею 6 внуков, 4 правнука. Получаю пенсию, живу спокойно.

Уважаемые товарищи – друзья! Наши города рядом. Курган и Петропавловск в разных государствах, но мой взор обращен на Россию, на вас, поэтому тоску свою написал вам. Вы поймете. Если будет возможность, сообщите мне – буду Вам благодарен.

Мои родные так и не пришли с войны, все полегли в боях под Брестом, Москвой, Тихвином. Печально.

г.Петропавловск, Республика Казахстан

Савватий Перминов

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА ЖИВЕТ В СЕЛЕ ПЕСКИ

Савватия Алексеевича Перминова с полным основанием можно назвать человеком-легендой. И не только потому, что в силу своего преклонного возраста – ему исполнилось 90 лет – он повидал столько, что хватило бы на троих, а испытал еще больше. Служил когда-то под началом маршала Блюхера, воевал под командованием маршала Жукова. В течение трех суток был последовательно назначен командиром взвода, потом роты и, наконец, батальона. Сражался под Москвой и на огненной Курской дуге. Награжден пятью орденами...

Самого Блюхера Савватию Алексеевичу видеть не довелось, хотя служил он не где-нибудь, а в оперативном отделе Особой Дальневосточной армии. Служба в РККА запомнилась строжайшей дисциплиной и организованностью. Слова из песни «Красная Армия всех сильней» в 1935 году вполне соответствовали своему содержанию.

На фронт в заснеженное Подмоскovie 1941 года Перминов попал не в качестве безусого юнца из наспех сформированного ополчения, а 30-летним мужчиной, прошедшим отличную армейскую школу и к тому же имевшим за плечами Кировское пехотное училище.

...Деревня Леденево несколько раз переходила из рук в

руки. В рукопашном бою погиб командир роты, и единственного из оставшихся в живых командиров взводов старшего сержанта Перминова назначили вместо него. Потом от прямого попадания снаряда на командном пункте погибли сразу командир батальона и комиссар. Подъехавший на броневике командующий армией приказал Перминову возглавить батальон (точнее, то, что от него осталось) и любой ценой взять деревню. Наш земляк сумел разместить уцелевшие пулеметы таким образом, что предпринявшие попытку выдвинуться вперед фашисты попали под их кинжальный огонь и навсегда остались лежать на почерневшем от жестоких боев снегу. Приказ был выполнен.

Правда, и с нашей стороны уцелели немногие. Перминов был ранен, но не покинул поле боя, пока не подошли основные силы.

В госпитале он узнал, что был Приказ Наркома обороны о присвоении курсантам его училища первого офицерского звания – младший лейтенант.

Получается, что битву под Москвой Савватий Алексеевич начал старшим сержантом и помощником командира взвода, а закончил командиром батальона и младшим лейтенантом.

На Курскую дугу попал после окончания командирских курсов «Выстрел». Назначили помощником начальника оперативного отдела 35-го стрелкового корпуса. В его распоряжении был американский «Додж» и две радиостанции. Начальник отдела кадров корпуса, подполковник (фамилии он не запомнил), сразу оценил его опыт, сноровку и умение разбираться в сложной боевой обстановке. И удивился, почему такой опытный боевой командир не имеет ни одной награды. Он сделал запрос в наградное управление и через полмесяца пришел документ о том, что за мужество и отвагу, проявленные в боях, Савватей Алексеевич Перминов награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды.

Когда он приехал в Москву для получения наград, обратно на фронт его уже непустили. Войска остро нуждались в офицерских кадрах, и капитана Перминова назначили старшим преподавателем тактики в Московское военное пулеметное училище. Там он и прослужил до октября 1945 года. Вышел в запас в звании майора.

На «гражданке» работал, как и воевал, с полной выкладкой. Был награжден орденом «Знак Почета». К юбилею Победы – орденом Отечественной войны I степени.

Сейчас живет один в маленьком домике в селе Пески. Даже на его улице многие не знают, что рядом с ними проживает человек беззаветного мужества и отваги, человек-легенда.

Михаил БОЛОТОВ

* * *

*Я на войне под гул раскатов
Еще безусым, молодым,
Пройдя нелегкий путь солдата,
Стал преждевременно седым.
Кого винить мне в том, Россия,
Когда пылала ты в огне?
Да разве мог по долгу сына
Я оставаться в стороне
От слез твоих, тревог, рассветов,
В себя впитавших кровь и дым,
А после прикрываться где-то
Высоким именем твоим!
И горд я тем, что там, где было
С избытком горя и смертей,
Россия, ты не усомнилась
В сыновней верности моей.*

Леонид ШКАВРО

Мария Медведева

О МОЕЙ МАМЕ – ВДОВЕ СОЛДАТСКОЙ...

Что я помню о войне? Я вспоминаю ее с грустью и со слезами.

22 июня, когда фашисты напали на нашу страну, мне было четырнадцать лет. Жили мы тогда в Читинской области в рабочем поселке Холбон. Среди дня по радио вдруг стали передавать сообщение о том, что началась война, на нас напала Германия. Радио гремело на всю нашу улицу, так как радиозузел был рядом со школой-десятилеткой. На небольшую площадь начали сбегаться люди, пришло начальство, объявили митинг. Люди повесили головы, особенно женщины, но паники не было. Мужчины стали записываться в добровольцы. Так начались для нас черные дни.

Однажды объявили по радио: "Явиться в военкомат мужчинам таких-то годов рождения". Это была весна 1942 года. Папа пошел, хотя у него была «бронь», так как он работал на шахте. Его вместе с другими восьмого марта отправили в Шилкинский военкомат, на призывной пункт. Мы туда с папой приехали, а это от нашего поселка километров пятнадцать. Командир начал зачитывать фамилии, а нашего папы в списках не оказалось. Тогда он подошел к командиру и заявил об этом. Тот проверил – действительно нет. "Ну что ж, запишем". Папа сказал: "Записывайте", – и умолчал о брони. Мы вдвоем, старший брат и я, все это видели и слышали. Так и оста-

лись мы, пятеро детей, с мамой одни, уже без папы.

А через два месяца, 16 мая, мама родила двух девочек. Одна из них через полтора месяца померла. В декабре 1942 года призвали старшего брата Сергея в Красную Армию. Он поначалу не был в действующей армии, а служил в запасных частях в Иркутской области. Папа с фронта нам часто писал и просил маму детей сберечь, вернуться живым – всех воспитаем. Но не вернулся, выстоял Сталинградскую битву, а на Украине, под Харьковом, пуля его не пожалела. Похоронили его 23 июня 1943 года.

Мы в войну жили по-разному. Я работала, помогала маме во всех хозяйских делах. В целом жили сносно, если можно то время по тем годам так оценить. Нас отоваривали по карточкам кое-какими продуктами, давали хлеба на человека по четыреста граммов. Но особенно трудно было всегда весной, когда все припасы заканчивались. Поэтому с младшим братом я ходила собирать прозимовавшую в поле картошку. Из нее мама пекла оладушки, они тогда нам казались такими вкусными. А осенью ходили в поля, тоже пешком, за пшеничными колосками, босые ноги искалывали до крови. Потом колоски эти мы шелушили руками, вымолачивая зерна. Мама варила супчик, забеленный молоком. Порой нас верховые на конях гоняли с плеткой за то, что мы ходили по полям, брата один раз здорово хлестанули.

В 1943 году у нас в поселке открыли госпиталь для раненых. Мы, старшие школьники, ходили на вокзал помогать на разгрузке раненых. По четыре человека несли одну носилку с раненым бойцом до госпиталя от вокзала, так как тогда машин не было. Затем часто навещали раненых, сдавали кровь, писали от их имени родным письма, приходили с концертами, как могли, так и радовали их. И конечно, и им, и нам очень хотелось любить, и конечно же любили, а эта дружба и любовь им помогала выздороветь. Кто мог, по здоровью снова попадал на фронт, а кто нет – отправлялся домой. А еще мы вязали носки, вышивали носовые платочки и посылали на фронт.

В 1944 году к нам привезли пленных немецких девушек. Они копали окопы, так как жили мы недалеко от границы, а были слухи о том, что японцы на нас собираются напасть.

Пленные немецкие девушки ходили в ботинках, с деревянными подошвами. На нас не обижались, даже улыбались дружелюбно.

Сколько живу, часто вспоминаю тот факт, что ведь ни одному поколению не досталось такой судьбы, как нашему. Мы и плакали и грустили, но пели, танцевали, любили. Наши мальчики и дома, и на фронте пели и сами сочиняли песни. Потому, наверное, они были такие душевные. Вот некоторые из них: "Твое имя в лесу перед боем ножом вырезал я на сосне", и еще "И верю я – мы победим врага и встретимся с тобой, любимая, и вновь под липою будем, милая, сидеть вдвоем", "Землянка". Я и раньше, и сейчас, иногда, в застолье пою эти песни. Их любят мои сыновья, они всегда пели вместе со всеми. Старшему сыну по его просьбе я написала слова песен.

День Победы я встретила в поле, на посевной. В ту пору я жила уже год в деревне, где родилась. Работаем, вдруг видим: мчится верховой на коне с красным флагом и кричит: "Победа! Победа!". Все стали обниматься, кто радовался, а кто плакал, так как у многих сыновья или мужья не вернулись домой, погибли. Но для нашей семьи война еще не закончилась. Настал черед и брату Сергею повоевать – правда, с японцами. Ему пришлось быть на фронте недолго, так как эта война закончилась нашей быстрой победой. Домой он вернулся цел и невредим.

И теперь все эти годы 22 июня я всегда плачу о прошлом, далеком нашем страдании и горе. Вот и эти воспоминания я пишу и не могу вспоминать все пережитое без слез. Вся жизнь перед глазами пролетает.

Моими родителями были: папа Медведев Андрей Матвеевич и мама Мария Романовна. Без папы нас было 5 детей, а через 2 месяца, как папа ушел на фронт, мама родила двух девочек близняшек. Всего нас у мамы с папой было десять детей, пять девочек и пять мальчиков, но три брата умерли еще до войны, а сестричка в 1942 году. И так мама нас шестерых, оставшихся в живых, всех воспитала, иначе и быть не могло. Мама была хотя и малограмотная, но мудрая, стойкая, не позволяла себе расслабиться, она берегла нас, как наказывал ей наш папа, ее муж.

Так получилось, но из Читинской области мы уехали. Вре-

мя было очень страшное. В конце 1944 года очень явственно нависла угроза нападения на нашу страну Японии. Граница была рядом. Поэтому мы боялись: а вдруг придет японец и будет издеваться так же, как фашисты?

Уезжали 24 ноября. Я это помню хорошо, потому что в этот день увольнялась из бухгалтерии предприятия “Холбонзолотопродснаб”, где работала учеником-счетоводом. А еще летом пришло письмо из Башкирии от маминой мамы, которая там жила. Она беспокоилась за нас и звала к себе. Мама продала корову, сено, картошку, и мы поехали на поезде. Ехали долго, целых 25 суток. Подолгу стояли на станциях: в первую очередь пропускали военные эшелоны, составы с военной техникой. Наконец, 19 декабря приехали на место. Добрались до деревни Константиновки Еремеевского района. Мама купила небольшой домик. Но прожили мы в Башкирии чуть более года. Было голодно там, а работать негде. Жили на картошке да на молоке.

Приехала как-то к нам мамина двоюродная сестра Мария Ивановна Митина из города Шадринска Курганской области. Работала там она на металлопрокатном заводе, в отделе кадров. Мама рассказала ей про все наши беды, а тетя Мария предложила переехать к ней, за Урал. Вскоре пришел вызов оттуда. Председатель колхоза на этом основании и отпустил нас. Такое было то время. 25 января 1946 года поехали всей семьей на новое место. Приехали 2 февраля.

Нам дали при общежитии комнату, а мама работала в нем уборщицей. Жить было трудно. Она еще ухаживала за семьей слепых: стирала белье, воду носила, продукты покупала, да что только ни делала. Ей за это платили. И мы с младшим братом устроились на работу. Я в столовую завода официанткой, брат на завод – токарем. А старший брат Сергей уехал в Иркутскую область, где служил в войну и после войны, потому что у него там была семья, жена – учительница и сын Миша. И вот мы маме с братом Мишей помогали растить еще троих детей, младшей было четыре годика. В 1947 году Михаила призвали на флот. Он прослужил пять лет. Младшие Саша, Галя и Аня учились в школе.

В ноябре 1947 года я вышла замуж за Суханова Петра Ивановича, участника войны. Он учился в Киевском танковом

училище, а в феврале 1947 года, согласно Указу, уволился в запас. В октябре 1948 года у нас родился сын Женя. Моя мама была рада нянчиться с внуком, так как давно не держала на руках малышей. А через семь лет я родила второго сына – Сергея, и Петр Иванович был очень рад, что род Сухановых множится.

Мой муж провел бурную жизнь и трудовую деятельность, которые были связаны с учебой сначала в техникуме, а потом в машиностроительном институте, который окончил в 1971 году, будучи в возрасте сорока семи лет. После учебы был приглашен на работу в Курган, на завод имени Ленина, начальником автоматного-револьверного цеха, затем начальником механо-сборочного производства, где и проработал до пенсии. Был награжден орденом “Знак Почета” и медалями за доблестный труд. Уже девять лет как его нет в живых. Но слава о нем осталась добрая: он помог вывести цех из отстающих, наладил производство, за что директор завода Михаил Александрович Захаров был очень благодарен. Наши сыновья такие же труженики, как родители.

Мама очень гордилась моей семьей и с радостью помогала мне растить мальчиков, а Петр Иванович всегда говорил: “Да вашей матери надо при жизни памятник поставить”. Ведь она еще помогала растить одиннадцать внуков и внучек. Мы, ее дети, всегда гордились и сегодня гордимся нашей мамой. Она была настоящая Мать-Героиня. И не только по ее материнским наградам, а и по жизни.

Прошло много времени. Теперь в ее комнате в городе Шадринске по улице Комсомольской, в доме №15, живут другие люди. Для всей нашей большой родни этот дом очень памятен. Сколько было совместных вечеров организовано, сколько песен спето, сколько радостных дней проведено. Но вот и остальные дети разъехались по другим городам. Младшая сестра Галя с мужем живут в городе Полтава на Украине. Брат Миша живет в поселке Каратуз Красноярского края, сестра Аня – у дочери в Энгельсе, а старшего брата Сергея и младшего – Саши (“Шурик-бравый” – так звал его папа) уже нет в живых.

Мама, будучи полупарализованной, не побоялась своего состояния, поехала вслед за младшей дочкой. Она ее очень

любила, так как считала Галю сиротинушкой, родившейся без отца. Мама успокоила свое сердце, погостила немного. Я за ней поехала и привезла домой в Шадринск. Но она уже плохо себя чувствовала. И в октябре 1983 года мама уснула, сердце трое суток еще билось, а потом остановилось навсегда. Врач сказала, что такое бывает, но редко.

Похоронили маму с почестями. Проводить ее в последний путь съехались все дети. Нынче, в год 60-летия Победы, моей маме исполнилось бы 100 лет.

Когда папа погиб, то в первой похоронке его место захоронения было указано одно, а годами позже нас уведомили о том, что создан единый братский мемориал, куда и перенесен вместе с другими его прах. Сначала в 1985 году я написала в Харьковский облвоенкомат письмо с просьбой, как и когда я могу навестить братское кладбище. Мне ответил Изюмский военком. Я в марте туда поехала. Приехала к сестре Галине в Полтаву, и потом ее муж нас повез на машине в село Каменка прямо к памятнику. Нашла на стене мемориала надпись: "Гвардии рядовой Медведев Андрей Матвеевич, 1905 года рождения". И все. Папе в тот день "встречи" с ним я обо всем рассказала. Как мы без него жили, и что мама осталась верна ему, как она нас всех сберегла и воспитала, кому из детей удалось получить образование, и кто как работал. Взяла с братской могилы горсть земли и привезла маме на могилку. Вот так они через много лет и встретились.

И еще хочу вспомнить окончание войны. Все в то время работали в поле, была посевная, а в минуты отдыха женщины садились в кружок и начинали петь песни. Вдовы, конечно, плакали, так как слова песни ранили их сердца. Я все слова уже не помню, а вот самые трогательные – в памяти остались: "Я без любви растаяла, как свечка, а без тебя – завяну, как трава". Эту песню они, вдовы, себе сами сочинили.

Валентина СУХАНОВА,
*старшая дочь солдатской вдовы,
город Курган.*

Зоя Оглуздина

ПАМЯТЬ ХРАНИТ

Мы, девчата, подвигов не совершали – мы были во втором эшелоне и заменили мужчин, ушедших на передовую.

В составе 1088-го зенитно-артиллерийского полка было 15 батарей, располагавшихся в Вязьме, Ярцево, Рославле, Пропойске, в окрестностях Смоленска и в самом Смоленске.

Наша 10-я батарея 4-го дивизиона стояла в Смоленске. Батарея охраняла госпиталь и вокзал, который представлял собой поле битого кирпича. Но поезда останавливались тут.

На вооружении были 85-мм полуавтоматические пушки. Вес снаряда – 16 килограммов, темп стрельбы – пять секунд. Я была седьмым номером расчета, обслуживала прибор ПУАЗО-3 (прибор управления артиллерийско-зенитным огнем).

Когда бои шли за город Орша, запомнился мне массированный налет. Сначала фашистские самолеты набросали осветительные бомбы. Не стало видно лучей прожекторов, шарящих по небу, город был освещен, как днем, а мы слышали только прерывистый гул самолетов и вели заградительный огонь. На приборе делать нечего, и наш расчет распределили на орудия подносчиками снарядов.

Вой бомб, взрывы, грохот, пороховой дым, израненная земля как будто стонет, вздрагивает под ногами. Вдруг бомба упала около второго орудия. Комбат кричит: "Есть кто живой?!"

Сержант Бирюков после некоторого молчания отвечает: “Все живые”, бомба не разорвалась.

И так всю ночь, до четырех часов утра непрерывно продолжалась бомбежка. Потом наши самолеты поднялись в воздух и прогнали фашистских стервятников.

Наступила невообразимая тишина. На нас, девчонок, навалилась такая усталость, что прилечь бы у орудия и уснуть, прямо в ровике. Недалеко от батареи стояли разные дома, теперь их не стало, только торчали бревна из-под земли, да кое-где трубы. Население возвращалось из бомбоубежищ, в основном женщины. Они, не увидев своих домов, горестно спросили: “Доченьки, как же вы остались живые?!”

Из Смоленска нас повезли в Польшу через город Киев. По дороге перед глазами мелькали выжженные села, где остались только печи – напоминания о селах, разрушенные города. За что же мы должны Германии? Только диву даешься, кому мы только нынче какие-то долги выплачиваем?

В Польше нас разместили около города Люблин, где был лагерь смерти Майданек. Собрали нас, парторгов!

Гуськова Рая была парторгом, я была комсомольским секретарем батареи, и комбатов повезли на экскурсию в этот лагерь ужасов. Мы увидели страшное зрелище. Печь с герметично закрывающимися топками, где сжигались узники, баня, где была дверь и маленькое окошечко – здесь умерщвляли узников газом. Рядом – операционная, где вырывали золотые зубы и снимали золотые украшения.

Аккуратно заметенный пепел, на нем лежал венок. Это сделали поляки, после освобождения от фашистов. Далее сарай, где хранилась обувь сожженных: от пинеток и женских туфель до простых солдатских сапог – обувь со всех стран Европы! Досчатые бараки, где ветер не задерживался, так как доски были прибиты не вплотную друг к другу, столовая, где стояла громадная мясорубка (в ней мельчили что угодно, только не мясо). Разрытые рвы. Вдоль их остались волосы: рыжие, черные, белые, русые – всех мастей. Мы онемели от этого ужаса. Все в нас кипело, клокотало. Вот с каким врагом мы дрались, вот от какой участи мы своих людей защищали.

Немцев выбили так быстро, что они не смогли скрыть следы своих преступлений.

Когда мы поехали обратно из лагеря, все молчали. Было гнетущее состояние. Каждый думал о чем-то своем, а я о своих земляках и о том, как хорошо, что эту варварскую орду мы разгромили и выбросили из нашей страны.

Далее нас отправили в город Прагу – предместье Варшавы. Приехали, остановились около лесочка, поем, смеемся. Нас предупредили: “Прекратить пение, говорить вполголоса”, а мы еще хорохоримся, отвечаем: “Стреляные воробьи, все видали”.

Но то, что произошло вскоре, раньше не испытывали. Только начали разгружать матчасть, начался артобстрел. Рвутся снаряды, визжат осколки, летят комки земли, во рту все пересохло, бьет нервная дрожь. А пушки наши – четыре с лишним тонны. Снаряды по четыре штуки в ящике. Тащим, не чувствуем тяжести. Но вот артобстрел кончился, облегченно вздохнули, начали понемногу отходить.

Между боями, а они были в основном ночью, мы изучали матчасть, учили армейские уставы, проводили политзанятия. Даже была организована художественная самодеятельность. И все это помогало, отвлекало от боев и смертей.

8 мая 1945 года у поляков из каждого окна вывесили флаги. Спрашиваем, в чем дело, что за торжество. Отвечают, что Германия капитулировала.

9 мая 1945 года для всех нас был “праздник со слезами на глазах”. Мы обнимались, смеялись, плакали, вспоминали о тех, кто уже никогда не вернется домой. Еще острее почувствовали боль утрат и великую безбрежную радость Победы.

Буйно цвела вокруг белая акация, разнося аромат окрест. А мы радовались: “Домой, домой! Скоро домой!” Это чувство обарывало все.

Василий Дикарев

ГЕРОЙ ИЗ КРЮКОВО

Дикарев Василий Федорович родился 21 марта 1925 года в деревне Вяткино Юргамышского района. Призван в Красную Армию 9 января 1943 года. Сержант, командир отделения. Воевал в составе 421-го отдельного стрелкового полка Прибалтийского фронта. Награжден орденами Славы III и II степени, Отечественной войны II степени, медалями “За отвагу”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Демобилизован в 1947 году. Работал в геологоразведывательной партии. Живет в селе Лесниково.

Военкомовский УАЗик колесил по поселку. Ямы и рытвины – дело привычное для нашей местности.

– Еще один поворот – и мы на месте, – говорит глава Лесниковской сельской администрации Ольга Усольцева, выступающая в этой поездке в роли проводника.

Машина остановилась у ничем не примечательного дома. Такие невзрачные жилища – отличительная особенность нашей огромной и бедствующей глубинки. Да и Крюково, пожалуй, не исключение из правил. Скорее наоборот. На воротах усадьбы поблекшая, выветренная временем табличка, повествующая о том, что здесь живет участник Великой Отечественной войны.

Когда мы зашли в дом, Василий Федорович отдыхал, при-

мостившись на диване у окошка. Узнав, кто мы и зачем, он оживился, удивил своей непосредственностью. И, окончательно осознав, что мы приехали сюда исключительно по его душу, разведя руками, заявил:

– А зачем это?

Скромность не всегда являлась основной чертой нашего национального характера. Но зато во все времена украшала человека, обладающего этим весьма полезным качеством. Вот только к месту ли она в данном конкретном случае? Думаю, что нет. Ведь речь идет не о какой-либо личной выгоде, а о гражданском долге перед своим Отечеством, о победе в войне – как состоявшемся замечательном событии в нашей истории. И благодаря кому достигнута была невозможность оккупации СССР в 1941-1945 годах? Да благодаря вот таким скромным по своей натуре героическим людям. Итак, можно предположить, что все встало на свои места. И трудно не ошибиться, утверждая, что этому человеку, награжденному орденами Славы второй и третьей степени (помимо других наград), нечего рассказать.

Передо мной сидит человек преклонного возраста, и выглядит он на все то, что ему отмерил Господь – ни убавить, ни прибавить. Спортивные штаны и синяя трикотажная рубашка скрывают его отнюдь не богатырское телосложение. Эти жизнерадостные, можно сказать, веселые глаза повидали на жизненном пути великое множество как ужасного, так и забавного. А о том, что их хозяину пришлось немало испытать, свидетельствуют руки, ладони этого человека. Они выделяются своей жилистой упругостью, той внешне не заметной силой, которая в случае необходимости способна мобилизоваться на выполнение задуманного.

– Сержант Дикарев, – так представился мой собеседник.

Затем слегка наклонил голову в мою сторону, туловище при этом осталось в прежнем положении.

– Он у нас не очень хорошо слышит, – комментирует происходящее дочь ветерана и добавляет: – Последствия контузии.

Я понимающе киваю, приготовившись записывать, уточнять.

Когда началась война, Василий Федорович, тогда еще просто Вася, был шестнадцатилетним пацаном, работал прицепщиком в тракторном отряде, а спустя несколько месяцев, когда

мужикам, одному за другим, начали приходить повестки из военкомата, сел за рычаги “железного коня”. А в 1943 году настал и его черед. Прошел курс молодого бойца в Свердловске. Дальше – фронт.

– В “учебке” нас быстро, месяца за полтора, обучили и по железке – на запад, в Тулу. Оттуда – в 421-й отдельный стрелковый полк связи в Белоруссию. Под Полоцком прямо с ходу бросили на штурм немецкого укрепрайона. Василий Федорович вспоминает, как буквально на его глазах снарядом разорвало командира роты. А его самого контузило. Как тогда казалось – слегка. Неделью командиру отделения пришлось провалиться в медсанбате. “Дали отдохнуть!”.

Потом была Прибалтика. Участвовал в освобождении Риги. В последние месяцы войны полк был перебазирован в Румынию. Там, под Бухарестом, и встретил Дикарев Победу.

Затем полк в пешем порядке было решено отправить на восток, в Молдавию. И марш этот, хотя путь следования проходил по свободной от боев территории, был не из легких.

Вспомнил сержант Василий Федорович Дикарев, как брал вместе с товарищами “языков”. Хотя данная задача по своей сути не входила в функцию связистов.

– Было и такое! По крайней мере, два раза, – говорит Василий Федорович.

По его понятиям о том времени, такие истории не являлись чем-то из ряда вон выходящим. Особенно для связистов, которые умели относительно незаметно от врагов ползти с бухтами провода хоть по снегу, хоть по грязи. Такая сноровка и помогла Дикареву и его товарищам неслышно перебраться через линию проволочных заграждений на “их” территорию, схватить зазевавшегося фрица и без потерь вернуться назад.

Потом замолкает. Дело-то было давненько. Да и возраст имеет свойство сглаживать многие подробности даже самых острых ощущений прошлого. Но, тем не менее, ветеран войны из поселка Крюково Кетовского района держится молодцом, не теряет своей непосредственной жизнерадостности. И дай Бог ему, его товарищам, фронтовикам, труженикам тыла быть и оставаться такими же бодрыми при нынешней, прямо скажем – “фронтовой” ситуации в государстве Российском.

Альберт СИЛИВОНЕЦ

Виктор Баев

РАЗВЕДКА БОЕМ

Виктор Иванович Баев родился 1 августа 1924 года в селе Ожогоино. До войны учился в средней школе № 1 в городе Кыштыме. Закончить десятилетку ему не пришлось – началась Великая Отечественная война. Прямо со школьной скамьи ушел на производство. Сначала сборщиком живицы, затем вздымщиком. А вскоре был назначен начальником одного из лесоучастков Кыштымского химлесхоза, заменив своего отца Ивана Баева, ушедшего на фронт. Отец погиб под Курском.

Как только по Уралу прошла молва о формировании танкового корпуса, Баев одним из первых записался в него добровольцем. В октябре 1943 года он – курсант танкового батальона. Декабрь 1943 года – Первый Украинский фронт, 4-я танковая армия, 10-й добровольческий Уральский танковый корпус, 61-я Пермская танковая бригада – старший сержант, командир башни танка Т-34. Комплектование экипажей было в Брянских лесах. Боевое крещение – под Шепетовкой.

За освобождение Львова танковая бригада стала Краснознаменной. Уральские танкисты одними из первых вступили на территорию Польши, с боями вышли к Висле, форсировали ее и подошли к границе с Германией.

В феврале 1945 года он – курсант Сталинградского

танко-технического училища. В 1958 году закончил бронетанковую академию и по 1990 год Баев служил в рядах Вооруженных Сил.

Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны II степени. Медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги”, “Ветеран Вооруженных сил”, “Ветеран труда” и еще 14-ю медалями.

Об одном памятном дне войны и поведает этот рассказ.

В феврале-марте 1944 года наша 62-я гвардейская Пермская танковая бригада в составе 10-го добровольческого Уральского танкового корпуса вела тяжелые бои за освобождение Западной Украины. Снег, грязь, слякоть, распутица изнуряли и изматывали бойцов. В сумерках на озере совершались ночные марши колоннами, без освещения, не на уставных скоростях. Развертывание батальонов и рот в атаку, особенно в поле, по пахоте, давало возможность противнику наносить нам ощутимые, невосполнимые потери. Спали урывками, от усталости валились с ног. Для нас существовала лишь одна команда – только вперед, только на линию огня, только к победе.

Город Копычинцы (южнее Тернополя). Танки в прорыве, тылы из-за бездорожья отстали. Тишина. Ну, думаем, наконец-то наступил блаженный миг! Нас сменят, встанем на формировку, получим пополнение, новые машины. Но главное – отдохнем, отоспимся. И вдруг команда: “Приготовиться к бою! Занять круговую оборону!” Что-то необъяснимое двигало нами, то, что выходило за пределы возможного. Все пришло в движение, загремело, загрохотало. Каждый взвод закрепился на своем месте, усталости как не бывало. Немцы лавиной прорывались через наши тылы к своим. Появились “Катюши”. Одна из них оказалась сзади наших машин. “Танкисты! Закрывайте люки! Будем стрелять через вас!” Всюду дым, стоны, грохот, огонь.

Земля русская стонала и содрогалась. Только небольшой части противника удалось прорваться к своим. Почти все “бешеные псы” были уничтожены огнем полевой и реактивной артиллерии. Обстановка была запутанной. Где немцы, сколь-

ко их? Где наши тылы, что с ними? Принято решение – провести разведку боем.

Людам, несведущим в военной терминологии, надлежит напомнить, что “разведка боем” означает “вызываем огонь на себя”, разведчики превращаются в “подсадных уток”. Данная разведка обязана создать ложное впечатление наступления и стянуть на себя как можно больше сил противника, дезориентировать его. Чуть позже в другом месте начинается атака основных сил. Но прежде надо хорошенько “подразнить” противника, завязать бой, несмотря на неравенство сил. Отступать только по необходимости, по команде старшего начальника. Врага надо знать – это всегда окупается, – это основополагающая стратегия войны.

В разведку назначили боевую группу, состоящую из трех танков, артиллерийской батареи с расчетами, десантом автоматчиков на бронетранспортере и танках. Все личные документы сдали в штаб. Получили “НЗ” на три дня и рано, до рассвета – вперед! На марше двигались не спеша, с короткими остановками. Дозор работал осторожно, радиостанции – только на прием. Противник обнаружен, стоит в обороне. Машины ложиной вышли в назначенное место, рассредоточились. Ближе к оврагу – батарея, на левом фланге – танки. Автоматчики рыли ячейки. По два человека от каждого экипажа поползли на рекогносцировку. В бинокль увидели на опушке леса немецкие танки, закопанные по башни в землю. Немцы не спеша убирали маскировку и сетки.

Был полдень, тихо, тепло, солнечно. Стояла до обидного мирная, благословенная тишина. Как будто и не было никакой войны. Запомнили ориентиры, обозначили секторы стрельбы, ждали команду. Наконец, прозвучал первый выстрел. Танк выскочил на бугор и быстро скатился назад. Второй танк проделал такой же трюк. За ним подкрались и мы на этот бугор, переползая из стороны в сторону. Батарея следовала примеру танкистов. Противник не реагировал на нашу игру “в кошки-мышки”. Мы так увлеклись, что потеряли очередность и счет выстрелам. Даже наш стрелок-радист стал палить из лобового пулемета в вечернее небо. За что его и отматерил “ласково” командир.

Вечерело. Батарея, обозначив себя, меняла позицию, а мы

продолжали выскакивать на бугорок, стрелять, пятиться назад. И вот, "додразнились"! Боеукладка пустела, брезентовые гильзоулавливатели переполнились. Освобождая их, гильзы выбрасывали через башенный люк. Вентиляторы не успевали проветривать кабину танка от пороховых газов. Мы задыхались, в голове шумело, уши заложило, глаза слезились. Но помогала злость, и мы с остервенением продолжали делать свое дело.

И тут началось! На нас обрушился шквал минометного огня. Появились немецкие танки, за ними – пехота. Загорелся один наш танк, другой, автомашины батарейцев. В кузовах рвались свои же снаряды, разлетаясь в сумерках фейерверками. Стояла мрачная ночь, окутанная кровавыми тенями. По радио поступила команда открытым текстом: "Всем отходить, пушки развернуть в сторону фашистов, непрерывно вести огонь". Что мы и делали. Но только мы одни. Больше никому. Помощи ждать тоже нет смысла. Темень непроглядная. Свет только от горящих машин и танков. Прибежал начальник разведки. Собрал несколько оставшихся в живых автоматчиков и танкистов. Батарея перестала существовать. Наш экипаж, к счастью, уцелел. "Ранена" была только машина. На ней мы двое суток добирались к своим, а там уже никого не было. Лишь случайно нашли свою кухню на колесах. Повар-старшина удивился и сказал, что мы считаемся погибшими и уже сняты с довольствия. На нас посмертно пишут наградные. В штаб доложили, что экипаж Баранова в горящем танке непрерывно героически отстреливался из пушки и пулеметов. Все погибли. На самом деле горел не наш танк. Горела автомашина со снарядами. Мы находились в створе огромного пламени, что и видели представители командования с наблюдательного пункта. Нас наградили за эту разведку орденами Славы III степени, а командира – орденом Отечественной войны II степени.

записал Арсентий ВОЛОГИН

Анатолий Белканов

НА КЛАДБИЩЕ В БРЕСЛАУ

Было это в 50-е годы, в начале моей армейской службы в Польше. Командование части решило провести для вновь прибывших солдат экскурсию на офицерское кладбище, что находится в городе Вроцлаве (Бреслау). На нем были похоронены только офицеры, погибшие во время войны при штурме города.

Шел тринадцатый год после Победы, но следы войны были видны повсюду. Город был частично разрушен во время штурма, его окраины находились в руинах. На стенах домов и зданий виднелись надписи: "Добьем врага в его берлоге!", "На Берлин!" и другие.

Центр города пострадал мало, здесь прекрасно сохранились все многочисленные мосты, а их, кстати, было около ста, великолепные здания ратуши, костелов, и даже мрачный замок Геринга оказался нетронутым. Нам рассказали, что весь центр немцы минировали и хотели взорвать, но наша разведка опередила их и не дала осуществиться черному замыслу.

При взятии города шли упорные уличные бои. Немцы отчаянно оборонялись. Берлин уже был взят, а Бреслау, оставаясь в тылу советских войск, не сдавался. Но все равно при взятии города погибло очень много наших солдат...

Офицерское кладбище поразило своими размерами: в аккуратных могилах, расположенных тесно друг к другу, покоил-

ся прах десятков тысяч доблестных воинов – младших лейтенантов, подполковников и даже, по-моему, генералов. Все они отдали жизни за Польшу, хотя знали, что Берлин уже взят. Это не громкие слова – истина!

Надо отдать должное – на кладбище был идеальный порядок: многочисленные букеты цветов, ни травинки, ни мусоринки, все заботливо ухожено. На трех входах на кладбище – триумфальные арки, где на специальных площадках, как бы в наидание будущим поколениям, установлены пушки и танки, принимавшие участие в штурме Бреслау. Вся территория кладбища окружена кустарником, заботливо подстриженным, который представлял собой живую изгородь. Говорили, что за содержание кладбища советское правительство платит золотом.

После посещения кладбища, притихшие под впечатлением от увиденного, мы при возвращении в часть лишь изредка перебрасывались короткими фразами. А перед самым ужинком стали свидетелями еще одного растревожившего душу события. Раздалась команда: "Выходи строиться!". Распахнулись ворота, и на выезд двинулись автомобили, кузова которых были покрыты тентами. А в поднятых задних клапанах тентов стояли плотно друг к другу и прощались, махая руками, демобилизованные солдаты.

Оркестр играл "Прощание славянки", а машины медленно приближались к КПП, следом шли провожающие. У большинства новобранцев слезы наворачивались на глазах. А мелодия, тревожная и возвышенная, разносилась далеко за пределы части. Мне раньше никогда не доводилось слышать этот марш в исполнении духового оркестра вживую, разве что только в кино. И вот тут я понял, какие чувства в душе человека может затронуть мелодия...

А солдаты в машинах, обмундированные с иголочки, все – в бархатных погонах, с нашивками отличий, молодые, улыбающиеся – словно стая журавлей, улетающих в родные края. У нас, сменивших этих ребят, впереди было еще три года службы, а на бессменном посту оставались могилы тех, кто закончил здесь боевой путь в победном 45-ом.

Иван Плотников

МАЛЕНЬКИЙ ЭПИЗОД БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

К октябрю 1941 года на московском направлении созда-лось угрожающее положение. Перевес в силах, и до-вольно значительный, был на стороне гитлеровской армии. И наступление на Москву немцы готовили как завершающую опе-рацию всей русской кампании. Они дали ей кодовое название «Тайфун», предполагая, что никакая сила не устоит против всеокрушающего фашистского урагана. Сам Гитлер рассчиты-вал, что его войска быстро сломят сопротивление советских войск и еще до наступления холодов победоносно завер-шат войну на Востоке. Но он и его приспешники просчитались.

На защиту столицы спешили сибиряки, дальневосточники, формировались полки народного ополчения. И врага в конце ок-тября-начале ноября 1941 года удалось остановить. Гитлеровские войска вынуждены были в 80-120 километрах от Москвы пе-рейти к обороне. Столица готовилась к уличным боям, но только на самый крайний случай. Все были полны стремления не пус-тить ненавистного врага в город. И 7 ноября 1941 года, как обы-чно, в Москве состоялся военный парад, участники которого, прой-дя по Красной площади, сразу же направлялись на передовую.

Фашисты не оставляли попыток захватить столицу СССР, дойдя до населенных пунктов, расположенных в 30-35 кило-метрах от Москвы. Но это была агония «Тайфуна», и к 4-5 дека-бря наступило полное затишье. Немцы выдохлись полнос-

тью, а наши войска, подкрепленные свежими силами, наоборот, были готовы к контратаке. И победоносное наступление началось. Первое большое в ходе войны. Калинин, Михайлов, Серебряные Пруды – рос список подмосковных городов, очищенных от врага, и к началу 1942 года фашисты были отброшены от столицы на 100, а кое-где и на 250 километров.

Инициатива на всем советско–германском фронте перешла на сторону наших войск. И хотя каждое захваченное село, деревушку фашисты превратили в укрепленные пункты, это им не помогло. Наши войска в лютые морозы, при глубоком снеге, все же наступали, продвинувшись еще на 70-80, а на иных участках на 100-180 километров. И угроза для Москвы в середине апреля 1942 года исчезла окончательно.

Германская армия, по словам одного из английских историков, «так и не вернула утраченную энергию, а в глазах всего мира она лишилась ореола непобедимой армии». В этом есть вклад и наших земляков. Ведь, как известно, большое складывается из малого. Так и великий подвиг победы нашего народа в Великой Отечественной войне, начало которому положила битва под Москвой, складывался из крупинок усилий каждого отдельного солдата.

Сегодня мой рассказ об одном из них, Иване Иосифовиче Плотникове, который верой и правдой сражался на фронтах войны с первого до последнего ее дня.

Калининский фронт. За спиной – Москва. До нее около 30 километров. Артиллерийский полк, в котором наш земляк служил разведчиком, прикрывал столицу с западного, самого опасного направления. Однажды в разгар боев Ивана Иосифовича вызвали в штаб дивизиона, а оттуда отправили в штаб дивизии.

Командир дивизии, сибиряк Селиверстов, не стал скрывать от группы разведчиков, что в скором будущем планируется начать крупную наступательную операцию наших войск. Для ее успешного проведения требовались точные данные расположения огневых средств противника. Нужен был «язык». При этом пленный должен быть артиллеристом, офицером.

В состав группы отобрали 7 человек. В случае успеха всем обещали награды и отпуска домой. Выбрав место для перехода через линию фронта, разведчики сутки вели наблюдение за сопредельной территорией. Ночью двинулись в путь.

Первым, как водится, шел сапер, чтобы группа не угодила на мины. Он проводил разведчиков почти до фашистских окопов. Дальше уже действовали самостоятельно.

Иван Иосифович был призван в армию в 1939 году. Он уже третий год носил погоны старшего сержанта и в группе разведчиков был одним из самых опытных. На позицию фашистской батареи вышли безошибочно. Залегли по обе стороны натоптанной тропинки, которая вела от землянки в тыл врага. Несколько раз мимо них проходили рядовые артиллеристы, но командир группы ждал офицера и не давал условного знака к нападению.

Наконец появились двое. Один в офицерской форме. Его скрутили, а солдата «убрали». Светало. Поэтому на обратном пути группу обнаружили...

Иван Иосифович на какое-то мгновение прервал свой рассказ. Волнуясь от нахлынувших воспоминаний, 84-летний ветеран словно заново пережил этот эпизод едва не стоивший жизни и ему, и всем разведчикам.

Первым вызвался прикрывать отход группы Саша (фамилии бойца он не помнит). Отступающие слышали, как он вел огонь из автомата. Потом раздались взрывы гранат, и все стихло.

Перед самой линией фронта в засаде остался второй разведчик. Остался навсегда. Если бы не мощная огневая поддержка с нашей стороны, возможно, никто бы не вернулся.

«Язык» оказался «важной птицей» и дал ценные сведения. Благодаря им наши войска сумели прорвать линию обороны и успешно развить наступление, ставшее впоследствии историческим, положившим начало разгрому фашистских армий.

К медалям «За боевые заслуги» и «За отвагу» на гимнастерке разведчика Плотникова добавился орден Славы III степени. Позже Иван Иосифович был награжден медалями «За оборону Москвы» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Войну он закончил в Германии, где «под самый занавес», 7 мая 1945 года, получил слепое осколочное ранение грудной клетки и долгожданный для всех День Победы встретил в 742-м полевом госпитале.

Один боевой эпизод – маленькая крупица в истории большой войны, выигранной такими солдатами, как наш земляк, житель города Далматово Иван Иосифович Плотников.

Михаил БОЛОТОВ

Иван Беляковцев

КОГДА СОЛДАТ ПЛАЧЕТ...

Беляковцев Иван Семенович родился 8 ноября 1923 года в деревне Сапожниково Ольховского района. Призван в августе 1941 года. Ефрейтор, разведчик-наблюдатель. Воевал в составе 138-го артиллерийского полка 162-й стрелковой дивизии на Юго-Западном, Донском, 2-м Прибалтийском фронтах. Ранен. Награжден орденами Красной Звезды, Славы III степени, Отечественной войны I и II степени, медалями "За отвагу", «За боевые заслуги», "За оборону Сталинграда", «За взятие Вены». Демобилизован в 1947 году. Работал редактором районной газеты «Маяк». Умер 6 октября 1998 года, похоронен на кладбище поселка Варгаши.

Неправда, что солдат на фронте никогда не плачет. 15 мая 1942 года. Шел четвертый день нашего очень трудного и неудачного наступления на Харьковском направлении. С командиром взвода разведки артдивизиона лейтенантом Сальниковым мы поскакали на огневые позиции второй батареи, с которой прервалась связь. На полпути к цели попали под минометный огонь противника. Одна из мин разорвалась совсем рядом с нами: еще не очень опытные, мы скакали рядом. Гнедой Сокол, с которым я не разлучался пять месяцев, закачался подо мной и тяжело рухнул на землю. Я еле успел

высвободить ноги из стремян.

Лейтенант, проскакавший за эти мгновения немного вперед, тут же вернулся. Не говоря ни слова, он вынул пистолет из кобуры и дважды выстрелил в голову тяжело раненного коня. Мгновение спустя поблизости от нас разорвалось еще несколько вражеских мин. Лошадь Сальникова, дико заржав, понеслась в сторону передовой. А лейтенант стоял с побелевшим лицом и левой рукой держал правую, из которой хлестала кровь. Из раны торчала белая кость. Вот тут я сел на землю и заплакал.

Лейтенант опустился рядом и очень тихо сказал:

– Ванюшка, у тебя ведь есть перевязочный пакет. Достанька его и перевяжи мою рану.

Мои глаза враз высохли, и я неумело стал перевязывать рваную рану на руке моего взводного.

Второй раз плакал я на Курской дуге. На третий день немецкого наступления со стороны Белгорода в направлении на Обоянь и Курск, мы с командиром отделения сержантом Хрустенко сопровождали командующего артиллерией 67-й гвардейской стрелковой дивизии подполковника Николина на НП 138-го артполка. Ехали на трофейном мотоцикле. На передовой шел жаркий бой с танками противника. Бронебойные снаряды и болванки, выпущенные фашистскими танками, то и дело рикошетили о запекающуюся землю. В нескольких десятках метров от НП шрапнельный снаряд разорвался буквально над нами. Мотоцикл, который вел Хрустенко, немного повилил и уткнулся в неглубокую воронку. По лицу сержанта текла кровь, он ничего не видел. Подполковник откинулся на спинку сиденья и смотрел невидящими глазами. Лицо белое, как бумага. Я в отчаянии крикнул:

– Товарищ подполковник, что с вами?

Он все так же, не мигая, смотрел в небо. И только тут увидел я, как тоненькая струйка крови вытекала из уголка его рта. Подбежали какие-то незнакомые военные, вытащили подполковника из люльки и положили на землю. Он был мертв.

Тут я не заплакал. Наверное, был в шоковом состоянии. А вот когда на другой день хоронили командующего артиллерией дивизии, разревелся. Ведь это он, командуя летом 1942 года вторым дивизионом нашего артполка, будучи еще капи-

таном, спас меня во время переправы через Дон. Со стереотрубой, ракетой и личным оружием мы вчетвером отчалили от берега на утлой рыбацкой лодке. Примерно на середине реки вражеский снаряд опрокинул нашу лодку. Я отвечал за сохранность стереотрубы и ухватился за ремень футляра, в котором хранился оптический прибор. Плавал я не так уж плохо, все же вырос на речке Ичкино в Шадринском районе, но обмундирование, карабин и вещмешок за спиной, стереотруба – все это тянуло ко дну. Сильная рука командира дивизиона ухватила меня за заплечный вещмешок и вытянула на поверхность.

– Держись за меня! – крикнул капитан и уверенно поплыл к берегу.

И вот я стою на краю могилы своего спасителя, не в силах сдержать подступивших рыданий.

В третий раз плакал под Полоцком в Белоруссии летом 1944 года, когда убило Петю Сутягина, моего единственного земляка, оставшегося к тому времени во всем дивизионе. Он был из соседнего Шатровского района. Прибыл к нам с пополнением где-то под Сталинградом. Конечно, мы очень дружили.

Убило Петю на НП во время артиллерийской дуэли. Сидел он в "вороньем гнезде" на высокой ели и вел наблюдение за действиями противника. Вражеский снаряд срезал половину ели и на части разорвал молодое тело разведчика. На его могилу мы поставили исковерканную стереотрубу.

ПРИЗНАНИЕ

*Я все прошел – и горы, и моря
Под южным благодатным щедрым небом.
А сам скучал по северным полям,
По жаворонку звонкому над хлебом.*

*И что поделать – верен я тебе,
Негромкая березовая роща,
Снегам российским, рубленой избе.
А кажется: чего быть может проще?*

Николай ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ

Николай Заика

С «КАТЮШАМИ» ОТ МОСКВЫ ДО БЕРЛИНА

Николай Филиппович Заика родился в октябре 1920 года в селе Дзюньков Плисковского района Винницкой области. В 1939 году призван в армию и направлен в артиллерийское училище в город Тбилиси.

Воевал на Первом Белорусском фронте. Имеет тяжелое и два легких ранения. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны первой степени, орденом Отечественной войны второй степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За освобождение Белоруссии», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина», «Ветеран труда» и другими.

После войны работал двадцать восемь лет на Курганском машиностроительном заводе: начальником цеха, начальником корпуса, помощником директора по реконструкции завода.

После окончания артиллерийского училища меня оставили обучать новичков искусству стрелять. Но я хотел попасть на фронт. На месте этого вопроса решить не мог. Поэтому написал в Главное политическое управление Красной

Армии. И своего добился.

В октябре 1941 года уже был под Москвой командиром батареи «Катюш». Это были гвардейские минометы, о которых немцы еще и не знали. По крайней мере, не испытали их огонь на собственной шкуре. Был я тогда лейтенантом.

На подступах к Москве в те дни шла круглосуточная работа населения столицы и воинов армии по укреплению обороны. Мы вместе с населением копали траншеи, противотанковые рвы, строили надолбы.

На торжественном собрании в честь двадцать четвертой годовщины Октябрьской революции присутствовал наш комиссар. В своих беседах с бойцами он говорил о твердой уверенности вождя страны – Иосифа Виссарионовича Сталина в советском народе, в армии и флоте, в неизбежной победе нашего народа над фашистской Германией. Наши бойцы и командиры еще более воодушевились, взбодрились, уверились в нашей победе при обороне столицы. Участники парада прямо с Красной Площади ушли на передовую. И тоже принесли с собой победный дух и настрой.

Пришла зима. А фашисты рассчитывали покончить войну за лето и не приготовили для своих вояк теплую одежду, поэтому тем пришлось кутаться в награбленные пожитки: одеяла, женские шали, обуваться в соломенные эрзац-сапоги. Но и нам, по моему, зима принесла немало вреда: немцы отступают, а мы не можем обогнать их, отрезать пути к отступлению и уничтожить из-за больших завалов снега, транспорт наш застревал. Вот если бы раньше американцы подбросили нам свои «Студебеккеры», то не удрать бы немцам из-под Москвы, а то наша артиллерия, в том числе и «Катюши», застревали в снегу.

Очень правильным был отдан приказ – «Ни шагу назад! За нами Москва, отступать некуда!».

Я был очень молодым, малоподготовленным политически командиром, но теперь понимаю насколько партийные и комсомольские руководители умело цементировали армию, воодушевляли нас на героическую борьбу. Сам я чистокровный украинец. Но видел наяву, что русские воины, особенно сибиряки, увлекали своей отвагой, мужеством всех на фронте. Большую роль играло и мужество высших командиров.

Под Москвой был такой случай. Немецкие танки уже под-

ходили к нашим пушкам, за которыми стояли, в то время совершенно секретные, мои «Катюши». У одной из пушек погиб весь расчет бойцов. Некому бить фашистов. Тогда я взял своих двух бойцов, и мы подбили из этой осиротевшей пушки два танка. Так вместе с другими орудиями артиллерийского дивизиона заставили убраться восвояси фашистов. За это мне и моим бойцам вручили медали «За отвагу». Это была моя первая боевая награда.

После разгрома немцев под Москвой прибыли мы в Сталинград. Немцы всю дерутся в городе. Больше того, на железнодорожный вокзал прибыл состав, из которого выгружаются фрицы. А неподалеку от привокзальной площади, на берегу Волги, расположен штаб армии Чуйкова. Чуйков дает команду ударить по немецкому эшелону.

И «Катюши» ударили. От эшелона одни ошметки остались.

За бои под Сталинградом меня наградили орденом Красной Звезды. И отправили в госпиталь с ранением в голову.

Побывал в ряде госпиталей. И там, где уже окончательно решалась моя судьба, лечащий врач сказал, что моя военная жизнь закончилась. Но он ошибся. Я хотел жить и воевать.

И осенью 1943 года прибыл на первый Белорусский фронт. Здесь за умелую подготовку данных и успешное поражение заданных целей меня наградили орденом Отечественной войны второй степени. Как начинался бой и окончился, это можно рассказать пехотинцам, артиллеристам, танкистам. А у нас, определивших координаты и уничтоживших цели... не знаю, о чем и рассказывать: нам указали координаты, мы ударили – а там оценивали наши дела в дивизионных, армейских и во фронтовых штабах.

Подшли к Висле. Передо мной была поставлена задача: переправиться и поддержать наступление пехоты, уже находящейся на том берегу. Стали мы переправляться. Первая же моя «Катюша» ушла на дно вместе с понтоном. Пока делали все, чтобы поднять «Катюшу», приехал офицер из «смерша»:

– Товарищ подполковник, сдайте оружие. Вы арестованы.

– А кто будет без меня поднимать машину и выполнять задачу командования по поддержке наступления пехоты? Вы?

Тут офицер вроде бы засомневался, мешать мне не стал, уехал докладывать. Подняли мы «Катюшу» на берег, перепра-

вили и другие машины, сделав для них плоты нужной грузоподъемности, поддержали наступление пехоты, поразили указанные нам цели. Был я тогда заместителем начальника штаба полка. Командир полка после этого сказал:

– Если бы не подвел понтон, да еще и доклад офицера из «смерша», представил бы тебя к Герою, но и к Красному Знамени тоже хорошо.

Дошли мы до Одера. Здесь уже не надо было делать самим переправу. Прислали нам понтоны, способные выдержать двадцатитонные «Катюши». Легко переправились. Едем. Видим, на улице в небольшом городке стоит ездовой боец со своей повозкой. Колет он трофейным штык-ножом голову русского сахара и наделяет кусочками немецких ребятишек. А сам плачет. Остановились мы, спрашиваем, почему воин плачет. Оказывается, у него большая семья осталась дома, но не знает, живы ли дети после оккупации их местности немцами.

За бои в районе Одера меня наградили орденом Отечественной войны первой степени за точное поражение заданных целей.

Самым крупным, сильно укрепленным районом в Германии были Зееловские высоты на подступах к Берлину. Подтянули туда два полка «Катюш». Они, вместе с другими частями и авиацией, хорошо там поработали и сокрушили мощь немецкой обороны.

За успешный выход к Берлину и активное содействие войска штурмующим главное логово врага, я был награжден орденом Отечественной войны I степени.

После войны почти тридцать лет работал на Курганском машиностроительном заводе. До сих пор участвую во всех мероприятиях заводского совета ветеранов.

Записал Андрей КУТИН

Клавдия Никитина

КЛАВДЕЯ

Когда я вошла в дом со словами: “Можно в гости?”, то меня встретили добрые глаза и торопливый говор: “Проходите, проходите!”. Разговор с одной из старейшин села, Клавдией Григорьевной Никитиной, состоялся в уютной и чистой комнатке. “Родилась я здесь, в Байдарах, в 1911 году, 14 ноября. Много мне пришлось в жизни повидать и выдержать. Было нас в семье два брата и две сестры. Отец наш работающий был и нас всему учил: и быков, и лошадей запрягать, как дровни веревками правильно перевязывать. Мы помощниками были в доме. Брат Георгий Григорьевич всю жизнь проработал в родном селе учителем истории. А брат – Иван Григорьевич – работал вначале в сельсовете переписчиком, затем в редакции, а позднее в райкоме партии, вторым секретарем. Но сейчас осталась у меня одна сестра, живет в Подмоскowie, Анастасия Григорьевна, – тоже работала учителем.

Родители у нас строгие были, мы их очень уважали и побаивались, да и Бога боялись прогневить. А сейчас – то молодые люди не боятся ни бога, ни дьявола. Пьют много, бранятся, курят, никого не стесняются. Нехорошо это. Ох, как плохо.

Я в начале заведовала колхозными яслями, потом завфермой, также до войны, еще девчонкой, работала на комбайне штурвальным. Помню, как-то на уборке работали в Осиповке и в Яковлев-

ке, даже премию получили: комбайнер двести рублей, а я сто.

А в войну-то, ой, как нам, бабам, досталось! В колхозе работали, на быках зимой за соломой ездили. Пурга, мороз, быки дойдут до поля, а дальше не могут, снег рыхлый, проваливается. А мы с подругами, Анфизой Никитиной да Анной Богдановой, распряжем быков и дровни на себе везем. Где увидим кучку с соломой, собираем по полю. И так пока не нагрузим воз. Затем к быкам подвезем, запряжем их и в деревню. Вот как работали, сейчас расскажи – не поверят. Бывало, с Ниной Андреевой всю ночь зерно сушим, сушим, а днем другая работа, спать некогда, да и дома надо что-то для семьи делать.

А замуж я вышла за Пантелея Михеевича Пахомова. Любил он меня крепко и уважал, добрый был. Сильно мы дружили, а в 1936 году родилась у нас дочь Зинаида, затем сын Иван – в 1940 году. Счастье было в доме, да недолго оно продлилось. Пантелей мой работал бригадиром в тракторном отряде. А в подчинении были одни девчата да два парня, так что во всем сам помогал им, особенно в ремонте. Так вот лежал под трактором, подшипникам переподтяжку делал, а ему повестку на фронт привезли. На другой день я его и проводила. Сыну годик был, он совсем не помнил отца”.

По ее щекам то и дело бежали слезы, она вытирала их и продолжала беседу. “Добрый он был у меня, шибко добрый”. Она встала и подошла к сундуку, открыла крышку, из-под рушников достала коробочку, вынула оттуда серенький старый конверт. “Вот все, что осталось от моего Пантелеюшки. Он сам писать не умел, просил сослуживцев”.

Я взяла письмо с фронта, и почему-то тяжело стало в груди, к горлу подступил комок, перехватило дыхание. А Клавдия Григорьевна сидела, глядя в окно, и ее взгляд уходил куда-то вдаль, и, конечно, она видела его – Пантелея, того молодого, крепкого, каким проводила на фронт.

Я с разрешения бабы Клавы начала читать письма. Такая серенькая бумага. Письма три: первое 20 ноября 1941 года, второе – от 26 ноября и последнее от 10 декабря 1941 года.

Клавдия Григорьевна делала запросы в часть, где он служил, два раза приходили из Москвы, из Народного Комиссариата обороны ответы, что такой боец в списках части не зарегистрирован. Это было в 1943 году. И лишь на третий раз

пришло извещение. Это было уже 6 мая 1947 года. "Извещаем вас о том, что ваш муж, находясь на фронте, пропал без вести в декабре 1941 года".

Баба Клава повернулась и говорит: "А я до сих пор жду, Понтелеюшку моего, ведь не погиб, без вести пропал. И сейчас жду! Детей я вырастила не хуже других. Работала в колхозе, от чистого сердца и совести, везде пришлось потрудиться, поднимали хозяйство, ведь надо было жить. Дочь Зинаида вышла замуж в Дундино, там и живет большой семьей. Сыночек Иван женился, привез жену Нину, появились внуки у меня. Да вот Ивана свалила с ног болезнь, – нет у меня теперь Ивана. Спасибо, сноха Нина ходит ко мне, – слезно говорит баба Клава, – где молочка, пирожков принесет. Не забывает меня. А то правнуки забегут из школы. Много у меня внуков, да одиннадцать правнуков. Дочь Зина зовет к себе, да только как я из родного села, из своего угла поеду, тут все мило сердцу и людей всех знаю. Умирать буду на родной земле".

Живет теперь Клавдия Григорьевна неприметной жизнью. Сочувствует чужому горю, радуется за радость людскую. "Раньше весело было, – говорит баба Клава. – Ребята с девочками, с гармошками по селу ходили, песни пели, частушки. Ругательных слов не говорили, старших уважали. А в выходные дни – все в Рощу. Летом с гармонью из Золотого молодежь приходила. Деревни пустовали в такие дни.

А вот сейчас уже 80 лет району – праздник, заслуженный поколениями. Хочу, чтобы работа была, чтобы люди добрее друг к другу относились. Хочется внукам помочь".

Долго длилась наша беседа. Много пришлось пережить Клавдии Григорьевне, но не очерствела ее душа, нет злобе и зависти места в ней. По дороге домой я все еще как будто вела беседу с бабой Клавой. И как будто слышались строки из фронтового письма: "Здравствуй, дорогая жена Клавдея! Сообщаю тебе, что жив-здоров, нахожусь на фронте в Вологодской области. Идем пешком...".

Не дошел солдат до родного дома с войны, не открыл двери, где по сей день его ждет любящая Клавдеюшка.

Татьяна НЕРСИСЯН

Половинский район

Лидия Кузеванова

ПОМНИТЕ ВОЙНУ

ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Война 1941-1945 годов – это одно из страшных, трагических событий в истории многострадальной России.

Да, многострадальной. Народы нашей страны еще хорошо помнили кровавую бойню Первой мировой, революционные события и гражданскую войну, вплоть до коллективизации 30-х годов.

Убивали людей только за то, что Россия являлась родиной живущих втянутых в водоворот кровавой бойни. Но все-таки невероятные потери и трудности пережили, только жить бы да жить по-человечески на свете, но...

Я помню кое-что из жизни нашей деревни в предвоенные годы. В 1938-39 годах в наших местах был небывалый урожай. Моих односельчан из Бутырино волновал вопрос хранения полученного хлеба на трудодни. Деревенские пристройки не вмещали огромного количества зерна, причитающегося за коллективный хлебоборбский труд.

В магазинах перед войной появились товары первой необходимости: кое-какие сладости, соль, мыло, керосин, готовые изделия, мануфактура (так называли различные ситцы и сатин).

Мой отец Лазарь Иванович Кузеванов возглавлял колхоз имени Кагановича. В день начала войны он разрешил колхозникам отдохнуть после окончания основных весенних работ.

Я позволю себе немного отступить от основной темы – темы войны. После тяжелого крестьянского труда были у селян и радостные минуты отдыха. Радио было уже в каждом доме. Передачи в то время колхозники могли слушать часами и с большим интересом. По вечерам изба-читальня (так назывались центры культуры на селе) почти каждый вечер была полна людьми, желающими совместно отдохнуть. Кто-то просматривал газеты, другие играли в шашки, домино, участники самодеятельности готовились к очередному концерту, репетировали роли.

Кроме молодежи среди отдыхающих было много семейных пар, отдававших предпочтение песне. Братья Битюцких (Никифоровичи) были активными участниками хора. Среди них особой ода-ренностью в пении отличался Федор Никифорович Битюцких.

Избу-читальню возглавлял, если мне память не изменяет, Павел Терентьевич Афанасьев. Его без преувеличения можно назвать самородком – юмористом не только села, но и всей округи. На районных смотрах он, нисколько не хуже теперешнего Хазанова, смешил весь зал. Он мог своей сатирой напо-вал сразить кого угодно (если бы не цензура) и мог сочинить хвалебные стихи, да такие, что адресаты готовы были сию же минуту отблагодарить поэта.

Однажды мы с отцом поехали до ближайшей рощи. С нами в ходочке оказался наш избач. Несколько минут он что-то бор-мотал про себя, мурлыкал, потом вдруг запел на мотив новой песни «Ой вы кони стальные»:

Поднимался рассвет из тумана,

Урожай поднимала земля.

На колхозном коне на буланом

Объезжал Кузеванов поля...

Конечно же, в знак благодарности получил от председателя пачку сигарет, на что безусловно рассчитывал автор экспромта.

Об экономическом развитии хозяйства я рассказать не могу. Детей эти проблемы не интересовали. Но старожилы и мои сверстники, конечно, помнят, что наш колхоз первым приобрел для выезда вороных коней, а позднее, перед самой вой-ной, автомашину. Колхозники гордились своей полуторкой, но недолго. Стало быть, деньги на счетах колхоза имелись, коли покупали новенькую технику.

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

В этот день во дворе кадрового военного Алексея Емельяновича Иванова был накрыт стол для гостей. Я точно не помню, но вроде бы хозяин приехал на побывку, а, может быть, гостей принимали его родные. Среди желанных гостей были отцы и старшие братья моих сверстников, недавно вернувшиеся с Финской войны. Я хорошо запомнила Николая Емельяновича Першина. Мы, дети, обязаны были почтительно называть старших – дядя Коля, дядя Леша и т.д. К столу подходить ребятишкам было строго запрещено, но все-таки гостинцы от матерей нам перепали. Мы с особым вниманием слушали их разговоры, но они были уже тревожными. Беседы сменялись песнями, тогда радости не было предела. Люди нашей деревни умели хорошо работать и петь.

В этот день чаще звучали напевы, связанные с разлукой, – «Лейся, песня, на просторе, не грусти, не плачь жена», «Катюша», «У реки на восточной заставе», «В далекий край товарищ улетает» и др. Как красиво, задушевно пели мои дорогие земляки! Как будто уже предчувствовали скорую разлуку, для некоторых – навечно.

Как-то внезапно песни умолкали, и снова начинались разговоры о войне. Только успел сказать дядя Коля Першин, что война с Гитлером неизбежна, что верить заявлениям и договорам германского правительства о ненападении ни в коем случае нельзя. И вдруг все насторожились, услышав рыдание девочки – десятника Сельсовета, еле произносившей сквозь слезы «война». (Десятниками называли дежурных у телефона в сельском Совете).

Председателя колхоза срочно вызвали к телефону не то военкомат, не то райисполком. После получения достоверного сообщения о начале войны мой отец на второй день передал всю документацию колхоза своей сестре Марии Ивановне Кузевановой. Первых мобилизованных во главе с руководителем колхоза уже через 3-4 дня провожали в Петуховский райвоенкомат.

Из глухой деревни сразу отправили не менее 20 человек на колхозной машине полуторке, тоже мобилизованной на войну.

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ДЛЯ ПОБЕДЫ

Дорогие читатели. Я хочу вам рассказать о том, как жил народ в тылу, все отдавая, что родила земля, для фронта, для победы. Мы только что не слышали разрыва снарядов и не видели ежедневной смерти от пуль. Зимой мы учились. В холодных классах писали в основном карандашами на обрывках газет и старых книг. Чернила из сажи замерзали, поэтому ручками выполняли задания дома.

С 1943 года я продолжала учебу в Частоозерской средней школе. Работали с нами эвакуированные учителя. Голод и холод преследовал всех и в школе, и дома, и в дороге, по которой мы бежали по субботам в Бутырино. Мои сверстники, среди них Нина Туркова, Люба Бабиченко, Зоя Кузьмина, Аня Воробьева, Лида Туркова, Тася Битюцких и другие, забросили учебу (доучивались после войны). Самыми стойкими оказались сестры Часовщиковы Лиза и Тая и мы с Володей Шахуриным – будущим хирургом города Петропавловска, а затем одного из городов Прибалтики.

В летнее время нам отдыхать было некогда. Наши матери выполняли мужскую работу на полях – убирали хлеб литовками (с грабельцами), а мы с бабушками содержали домашние и колхозные огороды. Кроме того, пололи вручную хлеба на полях. Осенью, после просушки, веяли зерно, своими ручонками приводили в движение механизмы веялок.

На складах работа по спасению хлеба не прекращалась ни днем, ни ночью. Целыми сутками в печах поддерживали огонь, а потом, по мере надобности, ворошили зерно лопатами, чтобы оно не пригорело.

Руководил подработкой зерна незаменимый и заботливый кладовщик Иван Александрович Воробьев, инвалид Первой мировой. Но для нас, детей и подростков, особенно изнурительным был труд при копке картофеля в холодную и сырую погоду, да на прополке хлебов в жаркие июньские дни.

Заготовка дров и сена тоже очень тяжело давались женщинам и детям. Конечно, мы в этих делах были на подхвате у взрослых. А вот наши мальчишки вместо отцов, ушедших на войну, работали на быках и лошадях от зари до зари. Очень часто прихватывали ночи, доставляя зерно на склад. На этом же транспорте отвозили хлеб на Петуховский элеватор. А их матери на своих коровушках тянулись по этому длинному пути

вслед за своими сыновьями.

Нельзя не вспомнить юных тружеников тыла, взваливших на свои плечи тяжелые хлебобобовые дела и заботы – это Павлик Битюцких, Саша Путилин, Ваня и Миша Ляпины, братья Боярчиковы, Хабонины, Черниковы, Турковы, Семеновы, Романовы, Савельевы, Валя Студенихин, Саша Федоров, Коля Воробьев и многие другие.

Так что ни о каком серьезном образовании сельских подростков, пока шла война долгие 4 года, не могло быть и речи.

ПИТАНИЕ ВОЕННЫХ И ПЕРВЫХ ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ

Хлеб стряпали наши родители из всевозможной травы, правда, иногда зерно для муки добывали мы же, дети: собирали колоски после жатвы, зорили норы грызунов, не имея никакого представления о туляремии. Мы же мололи драгоценные зернышки на ручных мельницах-жерновах.

Кроме того, кормила нас родная матушка-природа, созданная Богом, к которой мы в наше время относимся порой очень жестоко. Грибы, ягоды, рыба, ближе к осени – картошка – составляли основной рацион летнего питания. Дары природы все жители села заготавливали впрок: сушили, солили, вялили для зимы. Соль выпаривали из воды озера Медвежье. Молоко было почти в каждой семье, но налоги с каждого подворья были весьма приличными: сдавали государству молоко, яйца, шерсть, да еще готовили всем миром посылки на фронт, а еще наши матери подписывались на военный заем.

А где взять деньги? Опять же нужно было продавать часть продуктов от семьи, так что на питание подчас оставались, как говорится, «рожки да ножки».

ОДЕЖДА ВОЕННЫХ ЛЕТ

Верхнюю и легкую одежду мы со взрослыми мастерили сами: юбки, кофты, полушалки. Домотканное сукно шло на изготовление сермяжек (верхнее полупальто). Из льняного и конопляного полотна, сотканного на ручных станках (кроснах), шили сорочки, блузки. Такие «сорочки» кожу сдирали до крови, пока не выпадут колючки из наших дерюг. Сапоги и бутки нам тачали деревенские мастера. Я хорошо запомнила сапожника села Илью Ивановича Смолянинова. Материал для

обуви изготовляли в домашних условиях. Выделкой кож и овчин занималась Прасковья Анисимовна Хабонина. Она слыла мастером по этому промыслу не только в селе, но и в близлежащих деревнях. Зимой мы ходили в пимах, скатанных умелыми руками мастеров семей Черниковых и Шахуриных.

Работой своих детей – Миши и Вали – руководила и выполняла самые сложные операции Елизавета Александровна Черникова. В ночное время мастерили валенки Клавдия Александровна и Алексей Сергеевич Шахурины, если хозяину позволяло время; в дождливую погоду Алексей Сергеевич, Федор Терентьевич Афанасьев, Андрей Васильевич Воробьев (в тылу были оставлены по брони) возглавляли тракторные бригады. В их подчинении были женщины и подростки старше нас двумя-тремя годами.

Трактористки Фекла Степановна Андреева, Елизавета Кондратьевна Андреева, Екатерина Александровна Сусякова, учетчики Мария Филипповна Андреева, Люба Федорова, подвозчики воды и горючего, штурвальных комбайнов по воле судьбы с упорством, без жалоб и стонов трудились день и ночь во имя жизни на селе и в стране.

Неимоверно тяжело всем жилось в годы войны, но люди не сдавались. И ничто человеческое нам было не чуждо. В те дни появились новые песни о войне: «22 июня ровно в 4 часа», «Синий платочек», «На позицию девушка провожала бойца», «Когда я уходил в поход», «Темная ночь», «То ли в Колпино или в Рязани» и другие.

Наши доблестные войска все еще вели тяжелые бои на территории Европы, но воспрянул духом стар и млад. Летом под окошком мы лихо отплясывали, высмеивали ненавистных врагов в своих частушках. Особенно доставалось Гитлеру. Мои земляки – бутыряне – от природы очень одаренные люди. Песня для них – Дар Божий. У нас не было телевизоров, домашних библиотек, по радио в годы войны передачи были очень тревожными – жить или не жить? Поэтому единственным утешением в минуты горя и отдыха была песня – грустная и веселая, зависело от сообщений с фронтов. Так что, я думаю, разговор о песне в моих воспоминаниях вполне уместен.

ПОБЕДА! ПОБЕДА! ПОБЕДА!

Вся деревня ликовала, встречая своих фронтовиков, и вся

деревня рыдала у того дома, который был одет в траур.

Мой отец вернулся с Дальнего Востока тяжело больным и умер в расцвете лет. Похоронен на старом кладбище села Частоозерье.

На всю жизнь фотографии дорогих нашему сердцу земляков, обрамленные черным крепом, остались на самом видном месте в родных домах. Я назову, насколько это будет возможным, их имена: Александр Филиппович Андреев, Андрей Петрович Битюцких, Степан Данилович Бородкин, Архип Максимович Верюгин, Иван Васильевич Воробьев, Григорий Васильевич Колмаков, Алексей Емельянович Першин, Семен Николаевич Першин, Степан Александрович Тоскуев, Игнатий Нефедович Студенихин, Андрей Тимофеевич Часовщиков, Михаил Куприянович Долгушин, Степан Мартынович Васильев, Дмитрий Степанович Федоров (водитель полуторки), Игорь Николаевич Малькевич (уважаемый директор Бутыринской школы) и многие другие.

Имена погибших земляков напечатаны в областной Книге Памяти. Все библиотеки района обеспечены историческими томами. Вечная память погибшим! А царствие небесное и бесконечную блаженную жизнь ратникам Бог дарует навсегда!

Те, кому судьбой было суждено остаться в живых и вернуться домой, всю жизнь посвятили родной земле: Федор Петрович Битюцких, Павел Трифонович Сусляков, Николай Данилович Бородкин, Борис Максимович Верюгин, Даниил Александрович Воробьев, Иван Васильевич Скачков, Федор Алексеевич Шуляков, братья Гусевы Игнатий Григорьевич и Анатолий Григорьевич, Григорий Тимофеевич Ляпин, Иван Кузьмич Иванов, Александр Никифорович Битюцких и многие другие.

Дорогие земляки! Мы не думали, что доживем до страшных дней: развала нашего многонационального государства. Но знайте, уважаемые частоозерцы, особенно младое племя, знакомое и незнакомое, что дороже матери и Родины нет никого и ничего на свете.

Наши отцы и братья в годы войны ценой жизни спасли родную Россию, а вы храните ее, какая она есть, не покидайте ее до конца своих дней. Не прельщайтесь на богатство заморских стран, а живете и работайте для своей Родины.

С уважением ко всем своим землякам,

Людия КУЗЕВАНОВА

Дмитрий Семенов

ПОЛ-ЕВРОПЫ НА «ЗИС-5»

Дмитрий Яковлевич Семенов родился в 1917 году в селе Митино Кетовского района. На действительную военную службу был призван курганским горвоенкоматом в 1938 году. Служил на Дальнем Востоке механиком-водителем танка БТ-7. В боях против японских захватчиков в районе Халхин-Гола его танковый полк не участвовал, хотя находился в полной боевой готовности. В 1940 году демобилизовался. А в августе 1941 года снова призван в армию. В составе Степного, а затем 1-го Белорусского фронтов прошел от Харькова до Берлина. Награжден тремя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды, тремя медалями «За боевые заслуги» и другими. С 1957 по 1978 год работал на Курганском машиностроительном заводе: сначала контролером по приемке тягачей, затем сменным мастером.

Одиннадцатого июня 1941 года я женился на Полине Ивановне, а в августе уже надел военную форму, был зачислен в Челябинский учебный танковый полк. Единственным занятием моим там было ремонтировать танки «Клим Ворошилов», которые поступали с фронтов. В мае 1942 года для этих целей были созданы походные ремонтные базы и отправлены под Харьков, где шли ожесточенные бои. Меня назначи-

ли бригадиром, дали машину «ЗИС-5», шофера и четверых слесарей-ремонтников. Было сформированно таких бригад четыре.

В районе Харькова мы ремонтировали наши подбитые танки. Но задержались там не долго. Фашистские войска упорно наступали, и мы отходили с нашими войсками вплоть до Сталинграда. Там ремонтировали наши танки на тракторном заводе, где иногда приходилось брать в руки автоматы, и вместе с другими рабочими завода отбивать вражеские атаки.

После разгрома немцев под Сталинградом нас перебросили на Курскую дугу. Мы проверяли состояние танков, которые готовились к наступлению. При необходимости ремонтировали их.

На Курской дуге было гигантское танковое сражение. Выходили из строя сотни танков ежедневно. Мы не знали ни дня, ни ночи, часто переезжали на своей машине с места на место, работали в полевых условиях, без крыши над головой. Будка на «ЗИС-5» была у нас и мастерской, и жильем, и кухней. Всю войну мы не ожидали полевой кухни, а сами по выданным нам карточкам получали продукты, шофер выполнял еще и обязанности повара.

От Курска, вслед за передовыми частями, двинулись мы на Киев. Тоже жаркая была работа. Затем перебросили нас в Белоруссию, в состав 1-го Белорусского фронта. Там в периоды наступлений мы едва успевали справляться со своей работой. В моменты перерывов в боях меняли двигатели танков даже на передовой. В районе Двинских болот вытаскивали из топей танки и восстанавливали их.

Двинулись наши войска на Варшаву. Но брать ее почему-то не стали. Обошли. И быстро двигались до Одера. А там – стоп! Сильно укрепились немцы. Наши самоходки и пушки стояли на прямой наводке. Даже «Катюши» были недалеко от переднего края. И почти после каждого залпа «Катюш» прилетали немецкие самолеты, бомбили весь передний край, добавляя нам работы.

Здесь же немцы часто безнаказанно бомбили наши колонны машин. Мы всегда оставляли свою машину на дороге и укрывались кто где мог. И лишь один раз взрывной волной открыло ее борта, не нанеся машине никакого вреда. Так мы

и добрались на ней, полученной в 1942 году в Челябинске, до логова фашистов – Берлина. После Победы сдали наш «ЗИС-5» для отправки в народное хозяйство страны вполне исправный.

Сохранились и мы все шестеро обитателей этой машины. В Берлин мы не заезжали. Разместили нас в лесу. А после капитуляции Германии мы в городе Ваймар на заводе капитально ремонтировали наши танки.

Демобилизовался я в звании старшего сержанта в 1946 году, приехал в Курган к своей Полине Ивановне, которая ждала меня всю войну. Живем мы с ней все эти годы.

Я проработал на Курганском машиностроительном заводе до выхода на пенсию.

Записал Андрей КУТИН

О ДОЛГЕ

*Пыль поднималась, слой за слоем.
В степи, где окопался полк...
Нет, не речей, не многословья
Он требует – солдатский долг.
...Была надежда на гранату –
Уже без лишних слов и поз
Туда, навстречу “фердинанду”,
Мой друг со связкою пополз.
И взрыв! И за могучей встряской
Машина черная зажглась...
А мой товарищ по-крестьянски
Неторопливо щурил глаз.
И солнце за пшеничным полем
Садилось, красное, в леса...
И не сказал он: “Долг исполнен!” –
Он просто вытер пот с лица.*

Михаил НАИДИЧ

**Николай и Валентина
Секисовы**

ДВАЖДЫ РОЖДЕННЫЙ

Победный день 9 мая для супругов Секисовых из села Мостовского – дата особенная. Именно в День Победы Николай Иванович и Валентина Александровна будут праздновать 52-ю годовщину совместной жизни. Двадцать пять лет назад, 9 мая, женился их сын Виктор. Начиная с 1945 года Николай Иванович отмечает свой день рождения не 17 мая, как записано в паспорте, а 9 мая, когда была объявлена долгожданная победа над фашистской Германией.

А путь до нее был нелегким и долгим. Николай Иванович был призван в армию из деревни Секисово, едва исполнилось восемнадцать лет. Служба его началась в городе Чебаркуле, где дислоцировался запасной полк. Уже через пару месяцев, пройдя обучение, молодой пулеметчик вместе с другими новобранцами ехал в военном эшелоне на западный фронт. Не добравшись до фронта, получил контузию, когда немецкая авиация разбомбила эшелон. После бомбежки уцелевших бойцов расформировали по частям. Из-за контузии Николаю Ивановичу пришлось ненадолго задержаться на станции. Как раз в ту пору подошла кавалерийская часть, в которую он и был зачислен. Так, начиная с 1943 года, Николай Иванович всю войну прошел в составе 26-го гвардейского кавалерийского полка 8-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта и дошел с боями до самой Праги.

Кавалерийских частей в годы войны было немного. Кавалерийских частей в годы войны было немного. Кавалерийских частей в годы войны было немного.

лерия участвовала в боях, как пехота. Только пехота сражалась в окопах, а кавалерийская сила применялась на прорывах, когда нужна была молниеносная атака. В кавалерии воевал отчаянный народ, не зря немцы называли кавалеристов «красные черти». За годы войны Николай Иванович трех коней сменил. Очень переживал потерю своих четвероногих боевых друзей. Сам был дважды ранен, снова вступал в строй и только после третьего тяжелого ранения попал в госпиталь. Это случилось почти в самом конце войны. Приближался май, когда Николая Ивановича перевели в выздоравливающую команду, где бойцов подлечивали и готовили к выписке.

– Хоть бы в день моего рождения война закончилась. На всю жизнь бы память осталась, – мечтал он в госпитале.

– Ну, считай, как война закончится, так день рождения будешь отмечать, – шутили бойцы.

Победа пришла чуть раньше. С тех пор 9 мая Николай Иванович считает своим днем рождения.

А Валентину Александровну война застала одиннадцатилетней девчонкой в родной Калужской области. Немцы оккупировали деревню, убили мать и сестру. Оставшись одна, девочка нашла свою тетю и до конца оккупации жила у нее. Отчаянной была девчонкой. Вместе со своими друзьями мстили немцам как могли: воровали у них боеприпасы и прятали в укромных местах, подвергая себя и своих родных большому риску. Немцы считали, что это дело рук партизан.

После отступления немцев и снятия блокады Ленинграда она с тетей поехала к маминому брату в Ленинград. Ее, как полную сироту, приняли в педагогическое училище, а после его окончания, по распределению, Валентина Александровна приехала в Курганскую область, а затем в Мостовской район.

9 мая 1953 года вышла замуж за Николая Ивановича Секисова. С тех пор прошло пятьдесят два года. Выросли сыновья. Виктор, как и отец, женился в день Победы. Таким образом, семья фронтовика навсегда связала свою судьбу с этой великой знаменательной датой. Мы от всей души поздравляем семью Секисовых с днем Победы и днем создания семьи, а Николая Ивановича еще и с днем рождения.

Большого вам счастья и крепкого здоровья на долгие годы!

В. ШЕСТОПАЛОВА

Аркадий Ендуткин

МЫ ВЕРИЛИ – ПОБЕДИМ!

Аркадий Егорович Ендуткин родился в 1922 году в селе Неверкино Пензенской области. В армию призван в декабре 1941 года. Участвовал в боях под Сталинградом. Тяжело ранен. Награжден орденом Славы III степени, орденом Отечественной войны I степени, медалью «За оборону Сталинграда» и другими. После войны работал главным врачом Альменевской районной больницы, хирургом в Кировской больнице Мишкинского района, хирургом в медсанчасти Курганского машиностроительного завода имени Ленина. Живет в Кургане.

В 1941 году я окончил 10 классов средней школы, активно участвовал на выпускном вечере, а на следующий день началась война.

Призвали нас в армию, намеревались направить в летную школу, но она не дождалась нашего приезда, эвакуировалась. Тогда отправили нас в Амурскую область, а там я попал в разведроту, где готовили к войне против японцев до июля 1942 года. Потом отправили под Сталинград, где мы прошли за двое суток, в город Калач-на-Дону, девяносто километров пешком. Это было очень тяжелое испытание. Жара страшная. Частые бомбежки.

Однажды, во время обеда, получили мы в котелки суп. Съели. Начали получать на второе кашу. А тут фашистские стер-

вятники налетели. Мы бросились в щели, выкопанные в огородах до нас местными жителями. Прижались к земле. Четыре часа длилась бомбежка. Вылезли на поверхность все пыльные, грязные, не узнаем друг друга. И давай разбираться, кто во время бомбежки кричал «мама». Оказалось, это те, кто до сих пор кричали: «Быстрее бы на фронт!» И над ними от души все смеялись: «До встречи с фрицами ты был героем, а сейчас оказался теленком!»

При переходе на исходные позиции самым страшным были ни голод, ни ночевки под открытым небом, а отсутствие воды. Походную кухню нашу разнесла бомба, а старшина где-то достал сушеной воблы и к ней придал нам по несколько сухарей. До места назначения далеко, а воды нет. Жара под сорок градусов.

Увидели балку, а в ней что-то блестит. Оказалось, две лужи от недавно прошедших дождей. По берегам и в самих лужах следы телят, коз, овец, помет. Вода вонючая. Зато мы напились вволю, цедя эту воду через носовые платки и рубахи, набрали ее в баклажки.

К вечеру ни у кого не осталось и этой жидкости. Стали просить друг у друга. У меня в баклажке немного осталось, хотя у самого давно во рту пересохло. Один солдат совсем обессилел, дал ему глотнуть, от него фляжка пошла по рукам, а мне и капли не осталось.

Долго мы еще шли, страдая от жажды. Наконец, речушка. Как с ума посходили: бухнулись в нее и давай лакать воду. Командиры предупреждают, что много пить нельзя, но бойцы не послушались, а потом болели не только в этот, и на другой день.

В назначенное время мы прибыли на исходный рубеж. Разведроته предстояло внедриться на тридцать километров вглубь обороны противника. Нашему взводу – узнать, есть ли немцы в станице Нижне-Чирской. Добрались. Немцев там не оказалось. Через два дня наши полки вступили в бой, и десять дней сдерживали наступление немцев. Затем, поступил приказ двинуться навстречу танковой армии генерала Гота, прорвавшей нашу оборону. На какое-то время мы остановили врага, подбили около тридцати танков, уничтожили много живой силы и продвинулись более чем на десять километров вперед.

Это была наша первая победа, вдохновившая нас, вселив-

шая в нас уверенность. А ведь вооружены мы, пехотинцы, были винтовками. Автоматы ППШ были только у командиров отделений.

Наступило затишье. Двенадцать дней мы стояли в обороне. Немцы, видимо, подтягивали свои силы. Направили нас в разведку. Около железной дороги мы устроили засаду. Среди ночи услышали шум мотора. Развернулись к дороге. Автомашина остановилась от нас метрах в двадцати. Вышел (по форме видно – офицер) по естественным надобностям. Немного отошел от машины. Мотор работает. Мы приблизились, бросили гранату. Офицер упал замертво, а шофер прямо через нас удрал, бросил командира. Взяли мы у офицера полевую сумку, в которой, как потом обнаружили, были важные документы, касающиеся подготовки немецкого наступления.

Подтянув необходимые силы, фрицы пошли в наступление, пытаясь окружить нашу дивизию, но хорошие действия разведки и умелое руководство командиров обеспечили выход войск из почти замкнутого мешка.

В августе ежедневно шли ожесточенные бои. Нас постоянно бомбили. Минометы, артиллерия и танки обрушивали на нас ураганный огонь. Мы постепенно отступали. Но командование шестьдесят четвертой армии сумело организовать контрудар. Потеряв много техники и живой силы, противник откатился назад на 14-16 километров. Наступление армии генерала Гота на Сталинград было остановлено.

Каждый день боев выявлял новых героев в наших рядах. Артиллеристы истребительно-артиллерийского дивизиона под командованием лейтенанта Гриппа отбили атаку пятидесяти двух фашистских танков, уничтожив девять из них. Бронбойщик Виктор Шумилов подбил в бою три танка. Красноармеец Изюмов под огнем подполз к вражескому танку, подбил его гранатой и выстрелами из винтовки уничтожил его экипаж. На одном из участков боя дрогнула часть красноармейцев, увидев перед собой немецкие танки и густые цепи автоматчиков. Тогда командир роты Андрей Звездин отдал приказ: «Ни шагу назад! Кто струсит – пристрелю!»

И рота во главе с командиром мужественно встретила фашистов, пустив в ход пулеметы, винтовки, противотанковые гранаты. Атака гитлеровцев была отбита с большими для врага

потерями, хотя и наша рота потеряла многих своих отважных бойцов. Геройски погиб и командир роты. Посмертно его наградили орденом Отечественной войны первой степени.

Вспоминается такой эпизод. Нам приказали провести разведку для дивизиона «Катюш». Ночью мы заняли удобную для этого позицию. С рассвета до середины дня наблюдали за тем, как менее чем в километре от нас, в большой степной балке немцы накапливали силы. Собралось там около тридцати танков, сто двадцать грузовых машин с пехотой и боеприпасами, артиллерия. Через связного мы передали сведения командованию. Через час «Катюши» сработали. Это было страшное зрелище. Позиции противника исчезли в сплошном огне и дыму. Видно было лишь, как выше дыма и пламени взлетали обломки автомашин, орудий и еще куски чего-то. Со стороны балки несло дымом и запахом горящего человеческого мяса.

Этот огневой налет вызвал в нас гордость от сознания того, что у нас есть чем громить врага, да еще как громить!

После огневого налета «Катюш» стало необычно тихо. И мы слышали, что неподалеку от нас кто-то стонет и зовет: «Анне... Анне...» Я сам из Чувашского села и знаю, что «Анне» по-чувашски «мама».

– Ребята, – сказал я своим товарищам по разведке, – там лежит кто-то наш. Надо помочь. Втроем мы поползли к брошенным окопам. И в одной из поларазрушенных траншей нашли раненого красноармейца. Он был ранен в ноги и все время просил пить. Мы на плащ-палатке перетащили его в более удобное место и перевязали. Боец оказался чуть ли не моим земляком, родом из Чувашии. По приказу командира мы оставили свои позиции, вернулись в разведроту, а раненого отправили в медсанбат.

Наша разведка в основном занималась наблюдением, засекали расположение огневых точек противника. Вели разведку боем. При мне три раза ходили в тыл врага.

Не всегда удавалось взять «языка». Встретились однажды мы в трех километрах от передовой с немецкой разведкой. Началась перестрелка. Они осыпают нас пулями из автоматов, а мы по ним одиночными – из винтовок. Вынуждены были отойти без «языка».

Наткнулись однажды на двух фрицев, которые хорошо око-

пались. Одного подстрелили, но, видимо, сильно, он скончался. А другой так быстро побежал, что догнать не смогли: ноги у него длиннее наших оказались, как мы потом сами над собой острили.

Кроме жесточайших боев, несвоевременной доставки боеприпасов и продовольствия, отсутствия питьевой воды, свалилась на нас и другая беда. В расположении наших войск была мельница. И нам выдавали муку грубого помола вместо сухого пайка. Мы в котелках варили густую баланду. Но не было соли. Так было несколько дней.

Особенно памятен мне день 11 сентября 1942 года, когда бои шли уже вблизи волжских берегов. Наша разведрота вместе с другими подразделениями, общей численностью около батальона, обороняла высоту на территории совхоза «Горная поляна», сдерживая наступление гитлеровцев на Сталинград.

Немцы сначала покروшили нас артиллерийским налетом в течение сорока пяти минут. Потом пошли в атаку. Мы отбили их. Снова атака. Снова отбили. И так несколько раз. Потом на наши позиции двинулись шестнадцать танков с автоматчиками на броне. А у нас только пулеметы, винтовки и противотанковые гранаты, и то в небольшом количестве, как и патроны. Командир приказал: «Ни шагу назад! Экономить патроны!»

Теперь стреляли мы не одиночными, а залпами. Три танка подбили гранатами. Остальные то спрячутся в балке, то снова идут на нас. А потом поднялись на высоту и стали утюжить наши окопы. Положение стало критическим. Нужна была поддержка авиации или артиллерии, но связь не работала. Посланные к командиру батальона не возвращались. Тогда командир разведроты Плешков приказал мне добраться до штаба батальона, доложить о сложившейся обстановке и просить огня.

Комбат огня не пообещал и приказал: «Отступить с боем!» На обратной дороге меня выследил фашистский снайпер и попал разрывной пулей в ногу. Как передать приказ? Ведь погибли многие десятки бойцов. И тут бежит прямо на меня боец без пилотки, без винтовки, весь грязный с испуганными глазами.

Кричу:

– Стой! Стрелять буду!

Беглец сел на колени и говорит:

– Танк задавил моего товарища, а я испугался и убежал.

Держа беглеца на мушке, повелеваю:

– Расстрелять тебя, дезертира, надо. Но ты можешь испугать свою вину. Немедленно возвращайся на высоту и скажи командиру разведроты Плешкову, что связной Ендуткин ранен, идти не может, а он нес приказ комбата «Отступать с боем». Иди и не вздумай удрать! Пристрелю.

Что приказ комбата дошел до командира роты, я убедился, когда вскоре подполз ко мне политрук нашей роты удостовериться, был ли дан такой приказ. А за ним еще приполз и командир взвода с тем же вопросом. Тогда отступление без приказа было большим преступлением. И тут появился тот беглец. Я попросил у политрука разрешения передать мою винтовку этому несчастному. Тот разрешил и послал бойца в арьергард, обязанный прикрывать отступление роты.

В это время подошли резервные части с «Катюшами». Бой разгорелся с новой силой. Высота «Горная поляна» была очищена от гитлеровцев и оставалась в руках наших войск до конца Сталинградской битвы. А меня перевязали и вместе с другими ранеными отправили в санбат.

Лечился в городе Фрунзе. Затем воевал в войсках НКВД, но рана воспротивилась воинской службе, и через год я снова в госпитале, где сделали четыре сложнейшие операции, спасая мою ногу.

После войны, как и многие молодые люди, пошел учиться. В Казанском медицинском институте через пять лет получил диплом врача. Направили в село Альменево с задачами: возглавить мизерную, неблагоустроенную поликлинику, построить здание для районной больницы, подготовить для поликлиники и больницы необходимое количество младшего медицинского персонала, построить жилье для будущих врачей поликлиники и больницы, возглавить созданную больницу. Выполнил все. А врачей прислали.

Потом работал в селе Кирово Мишкинского района ведущим хирургом, а с 1974 по 1994 год (в том числе 12 лет уже будучи на пенсии) в медсанчасти Курганского машиностроительного завода. Не теряю связи с заводским советом ветеранов, участвую в военно-патриотическом воспитании молодежи, выступая в учебных заведениях города.

записал Андрей КУТИН

МНОГОЕ ИСПЫТАТЬ ПРИШЛОСЬ

Я, Субботин Петр Григорьевич, родился в селе Серебряное в 1922 году. В Красную Армию был призван 2 ноября 1941 Макушинским военкоматом. В Кургане был зачислен в 218-й лыжный батальон, после учебы, в декабре, поехали на фронт в Карелию. Не доезжая до станции Май-Губа, выгрузились в лесу и на лыжах добрались до озера Н. Там в обороне простояли до весны. А в апреле 1942 года нас бросили под Москву, в город Подольск. Оттуда меня направили в Нижний Тагил, в танковое училище.

После училища получили танки, и нас эшелонами отправили под Сталинград. У станции Калач попали под сильную бомбардировку, но успели быстро разгрузиться и перейти в наступление. «Прицел бронебойным и осколочным по два снаряда беглым – огонь!» – командовал нам башенный. Взяли станцию Лозовую, потом двинулись на Запорожье. Пересекли шоссе Миллерово и вышли на Донец. Мост взорван. Пробили мы прорубь, посмотрели: вроде толщина льда должна выдержать. Первый танк зашел на лед и – провалился. Сколько ни тянули – не смогли вытащить. Пришлось искать другую переправу.

Недалеко от города Запорожье вошли в село. Помню, там был маслозавод, большой сад, а посреди села – школа. В ней наши пленные. Освободили их. Командир скомандовал: «Украинцы по

домам! Сибиряки с нами!» У последнего в селе дома остановились, замаскировали танки и стали ждать. Смотрим: фашисты пушки тянут, устанавливают их примерно в 2 километрах от нашего села. Капитан дает команду: «Четырем экипажам разбить и раздавить врага!» Наш танк пошел первым, пересек балку, заехал прямо на пушки и пулеметы. И мы их всех прямо на танках раздавили. И так в этот день, 25 февраля 1943 года, это повторялось три раза, пока не согнуло ствол у моего пулемета. Потом из-за неосторожности своих же нам пробил бок, я был ранен.

А потом получилось так, что нам вовремя не завезли горячее, и нас в селе окружили. Сняли мы с танков все вооружение, машины вывели из строя, хоть и жалко было такую технику бросать, и двинулись к своим. Шли ночью. Меня оставили из-за ранения в деревне Александровка, под Лозовой, у одних стариков. Четыре месяца я отлеживался у них, они меня на ноги подняли. Узнал староста, выдал немцам. Когда забирали, я в коридоре упал, немцы увидели в голове осколок – вытащили и подали прямо в руки...

Когда везли на площадке вагона, удалось бежать: у станции Ракитное прыгнул в реку. Весь диск в меня часовой выпустил, но эшелон ушел, а я остался. Ощупал себя – вроде цел. Добрался до партизан. Допрашивали меня три раза. А потом начальник их штаба меня увидел и признал, что мы из одной 11-й отдельной танковой бригады. По приказу с большой земли наш отряд перешел в Каменец-Подольскую область. Делали засады, рвали мосты. Однажды мы, 18 человек, нарвались на целый батальон. Кончились патроны. Я пытался уйти по льду, провалился. Просидел в воде, пока немцы не ушли. Потом заполз за куст и замерз, как льдина. Но все-таки дошел до своих.

Наш отряд соединили с регулярными войсками. А я сильно заболел. На подводе меня отправили за линию фронта, в госпиталь партизанского движения в город Новгород-Волынский. После излечения продолжил воевать в Польше (2-й Белорусский, 2-я дивизия, 13-й стрелковый полк). 11 февраля 1945 года был представлен к награде – ордену Красной Звезды, а 17 февраля был тяжело ранен и по инвалидности комиссован. Сейчас передвигаюсь с трудом, а помощи никакой – только что пенсию получаю и все.

Леонид Карепанов

В НЕМЕЦКИХ САПОГАХ ДОШАГАЛ ДО БЕРЛИНА

Карепанов Леонид Иванович родился 17 августа 1926 года в поселке Климовка Кировской области. В октябре 1943 года призван в Красную Армию. Старший сержант, командир орудия. Награжден орденами Славы II и III степени, Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медалями “За отвагу”, “За освобождение Варшавы”, “За взятие Берлина”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Демобилизован в мае 1948 года. Работал слесарем, стропальщиком, фрезеровщиком, термистом на КМЗ. Живет в городе Кургане.

Первая моя военная специальность – заряжающий 76-мм орудия. Пока ехали до фронта, на сухом пайке проголодался и променял на одной станции свои новые военные ботинки на банку молока, пирожки и старые с отпавшими подошвами ботинки. Когда прибыли на место, чистосердечно рассказал об этом и попросил старшину заменить мне ботинки, показывая на привязанные кабелем подошвы. А тот, горестно улыбнувшись, сказал, что обувь придется добыть в бою. Что я и сделал.

Первый бой. От одновременного выстрела десятков наших пушек по немецким огневым точкам я оглох. Гляжу, а у коман-

дира орудия Митрохина уши заткнуты ватой. Мне ваты было взять негде: обмундирование-то новое, не рваное. Замазал уши глиной.

Чтобы добыть себе обувь, пришлось идти вперед вместе с пехотой. Выбили немцев из одной траншеи, другой, третьей. В последней увидел убитого фашистского офицера, снял с него отличные сапоги. Хотите верте, хотите нет, но в них и пришел в Берлин.

Первым огромным препятствием на нашем пути на Запад, была река Висла. Танки «Иосиф Сталин» преодолели ее спокойно, хотя фрицы ужасно бомбили место переправы. А вот тридцатьчетверок много осталось на дне. Где башня виднеется, а где только антенна. Многие пехотинцы не смогли добраться до противоположного берега. Наша батарея переправлялась на понтонах. От взрыва одной из бомб наша пушка улетела в воду. Но «ИС» тросом вытащил ее на противоположный берег Вислы, и сразу танки и мы, артиллеристы, вступили в бой. Часа через три, в течение которых вышло из строя много наших танков, пушек и пехотинцев, был отвоеван плацдарм, на который в течение суток прибыли наши основные войска.

В другом бою, когда десятки немецких танков и туча пехоты шли на нас, мы успели подбить танк, но в нашу пушку попал снаряд. Пушка вышла из строя. Нас, оставшихся в живых, командир дивизиона направил в другой расчет, где пушка была целая, а в расчете осталось лишь два бойца. Но и там нам не повезло: фрицы разбили и это орудие. Тогда командир дивизиона послал нас в тыл за новыми орудиями. По дороге встретился какой-то полковник, увидев, что мы артиллеристы, в сердцах строго спросил:

– Что, бросили пушки?!

– Да, – отвечаем, – бросили.

Он вынул из кобуры пистолет и направил на меня. Но тут подоспел наш командир дивизиона:

– Это мои лучшие артиллеристы, а пушки полностью разбиты. Я послал их за новыми.

Выручил нас командир, и мы благополучно выполнили задание: доставили на передовую другие орудия и снаряды к ним. С тех пор я никогда не держал в голове мысли оставлять

даже в пух и прах разбитую пушку, хотя понимал, что это никакой пользы нашим войскам не принесет. А с полученными нами новыми орудиями наша батарея в тот же день вывела из строя пять вражеских танков, в том числе два подбил я.

Когда я был уже командиром орудия, мы участвовали в очень жестком бою, где-то уже за Варшавой. Сначала было двинулась вперед наша пехота, а мы поддерживали ее огнем. Немцы двинули на пехоту десятки танков и открыли артиллерийский огонь. Пехота залегла. Тут появились немецкие самолеты. Здорово досталось от них и пехоте, и нам. Но дивизион наш сумел вывести из строя четыре вражеских танка.

Потом появились наши танки с десантом. Общими силами мы отбили немцев. А к полудню они снова с танками двинулись в нашу сторону, а их артиллерия открыла ураганный огонь. Мы били по танкам и пехоте противника непрерывно, выбиваясь из сил. Немало осталось на поле боя и немецких, и наших танков, и пехотинцев. Успеха не добилась ни та, ни другая сторона. Отошли на исходные позиции. Бой затих.

Осмотрелись мы. От нашей батареи, из шести пушек, осталась только моя. И расчеты, наши опытные артиллеристы, почти полностью погибли. И снарядов не осталось, все пустили в дело. Послал я двоих бойцов за снарядами в тыл.

Только решили мы отдохнуть, увидели, что лавина немецкой пехоты с шестью танками снова наступает. А нашей пехоты и танков впереди нас не отказалось.

Противник движется пока по полю, на которое наши войска сегодня не доходили. А мы, артиллеристы, около одной пушки столпились, стрелять нечем. Оставить орудие боюсь. Вспомнил я того полковника. Да и приказа отходить не получал.

И случилось тут невиданное мной прежде: промчались над нами с воем снаряды, как узнал потом – с “Катюш”. Что там было! Никто из фашистов не уцелел. До сих пор не знаю, кто вызвал огонь “Катюш” в такой критический для нас момент. Но мы были спасены. И люди, и наша пушка.

Попали мы однажды в пробку перед проездом под железной дорогой. Скопилось множество танков. Машин с пехотой и пушками. Временами немцы артналетами крошили скопившиеся здесь войска. Водитель машины, возившей нашу пуш-

ку, Яша, не находил себе места:

– Зачем нам здесь ждать, чтобы нас не за понюх табаку накрыли минами? Давайте прорвемся вперед, и если погибнем, то в открытом бою.

– А как прорвемся? – спросил я его.

Он ответил:

– Я сейчас устрою.

И направился к этому железнодорожному мосту. Минут через десять вернулся и скомандовал:

– Все по местам!

Мы забрались на машину и поехали. Нас беспрепятственно пропустили под мост. Под огонь рветесь – пожалуйста. А там жаркий бой! Немцев видимо - невидимо. С ними танки и орудия. Сплошной грохот. наших танков, пушек и пехоты совсем мало. Мы тут же вступили в бой. Били по танкам, пехоте, орудиям. Расстреляли все свои снаряды. Пушка осталась целой, а водитель наш погиб. Я сел за руль машины, подцепил пушку и поехал обратно к мосту. У моста нас встретил уже выбравшийся на эту сторону командир дивизиона Рыбалко, расспросил о происшедшем и сказал мне:

– Молодец!

Перед Зееловскими высотами нам удалось в одном бою подбить шесть танков. Сейчас вспомнить многое трудно: нам ведь уже не 17-19 лет, как было на фронте. А вот как в феврале мне в реке искупаться пришлось, хорошо помню.

Послали меня с бойцом Железняковым за обедом для дивизиона. Поехали на бричке. Получили обед, подъезжаем к реке, а тут по нам немецкий миномет ударил. Лошадь убило, термосы улетели в воду. Река глубокая. А обед-то надо доставить. Пришлось нырять в ледяную воду. Нашли термосы и доставили обед пешком, стуча зубами. Нас спиртом отогревали снаружи и внутри. Дали выпить спирта. Чуть не задохнулся.

Еще один необычный бой удивил меня. Было это под Берлином, занял наш дивизион указанный рубеж. А между нашими пушками наставили орудия разного калибра и, зачем-то, прожектора. Рано утром разразился неслыханный гром. Била артиллерия разного калибра. Старались и мы. "Катюши" тоже долали свое дело. В небе армада наших бомбардировщиков.

Потом наступила тишина. В воздух ворвались разноцветные ракеты. Вспыхнули прожектора, двинулась в бой наша пехота на ослепленных фашистов. И мы открыли снова огонь по фрицам через головы наших стрелковых подразделений. Потом пошли наши танки с автоматчиками на броне. Такого моря огня, и прожекторов, и орудий мне не приходилось видеть ни до, ни после этого боя.

После тяжелых, упорных боев в Берлине, я, как и многие воины, расписался на рейхстаге.

Не потерял боевой выучки и после войны. Однажды, на артиллерийских учениях, надо было шестью снарядами поразить цель. Я выпустил лишь три, и все в цель. За это Василий Иванович Чуйков отправил меня в отпуск на десять дней. Съездил к отцу и матери. А после демобилизации приехал в Курган и проработал десятки лет на Курганском машиностроительном заводе в инструментальном цехе.

Записал Андрей КУТИН

ЧЕТВЕРТЫЙ СПРАВА

*Живым поверка – слава мертвым.
В строю не стало одного.
Он от меня стоял четвертым,
И я равнялся на него.*

*Был бой... Он пал, я жив остался.
Он как герой исполнил долг...
Я по нему один равнялся,
Теперь равняется весь полк.*

Георгий ТРИФОНОВ

Дмитрий Мокин

ОТ ВОЛГИ ДО БАЛТИКИ

Мокин Дмитрий Михайлович родился 5 ноября 1923 года в селе Пески Юргамышского района. Призван в Красную Армию 4 сентября 1941 года. Старший сержант, командир отделения. Воевал в составе 43-го стрелкового полка, а с февраля 1944 года в составе 138-го артиллерийского полка. Награжден орденами Красного Знамени, Славы III степени, медалями "За оборону Сталинграда", "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.". Демобилизован в 1947 году. Работал начальником участка в Мишкинском райгазе. Умер 23 августа 2002 года, похоронен на кладбище поселка Мишкино.

В конце 1941 года меня, 18-летнего жителя деревни Поляковка Мишкинского района, призвали в Красную Армию. В верхневолжском городе Калязине я успешно окончил шестимесячную школу полковых разведчиков-радиостов.

...Раннее августовское утро. Группа разведчиков из четырех человек, в том числе я, радист и командир из штаба артиллерийского полка, с чердака пустого двухэтажного здания на окраине города Калач ведем наблюдение за передвижением немецкой автоколонны и нескольких танков. По радиопередатчику РБ-5 (вес с батареями питания 12 кг) передаю шиф-

ром координаты скопления живой силы и техники врага. Теперь мы быстро покидаем опасное место. Снаряды наших артиллеристов летят точно в цель. Горят, взрываются танки, грузовики с боеприпасами. От ответного немецкого артиллерийского обстрела рушатся здания городской окраины. Мы перебежками от дома к дому возвращаемся в расположение своей части. От близкого взрыва осколком снаряда я был ранен в правую руку.

... 10 ноября 1942 года после лечения в полевом госпитале я вернулся в строй. Наша 67-я стрелковая дивизия вела бои севернее Сталинграда. 19 ноября началось контрнаступление советских войск по всему Сталинградскому фронту.

Отделению разведчиков, в которое я вернулся, был дан приказ: взять “языка” из числа офицеров немецкого понтонного батальона, что укрылся в оврагах у деревни Мариновки.

После целого дня наблюдения мы ночью устроили засаду в ходу сообщения (цепи окопов), ведущего к блиндажу вражеского штаба. На рассвете по обороне противника был дан залп из установки реактивных минометов “Катюша”. Когда немецкий подполковник и его адъютант, оглохшие, контуженные, вылезли из блиндажа, мы их пленили.

В декабре 1942 года наши войска все плотнее сжимали кольцо окруженных немецко-фашистских войск в районе поселка Сталинградского тракторного завода. “Как долго враг еще способен обороняться в этих?” – задумывались командиры и требовали от разведчиков достать любых “языков” из передовых немецких позиций.

Днем в бинокль я заметил, что противник ведет дноуглубительные работы в передовой траншее. Вероятно, с большей интенсивностью враг будет окапываться ночью и, если располагает минами, то будет их ставить. Надо действовать.

Четверо бойцов-разведчиков, среди них и я, младший сержант, устроили ночную засаду. Четыре с половиной часа напряженного ожидания – и немецкий солдат-сапер пленен.

Когда в штабе полка разведчики развернули плащ-палатку и вынули кляп изо рта пленного, то ругнулись чертыхнулись враз.

– Ты кто – узбек? Киргиз?!

Это был узбек в красноармейской форме и в немецкой пи-

лотке. На днях его схватили немецкие лазутчики и, едва не расстреляв, заставили углублять оборонительную траншею. На вопрос, почему в первую или во вторую ночь не бежал от немцев, "язык" по-русски ответил: "Кругом много мин". Раб-смертник был очень рад, что безопасно и довольно комфортно вновь пересек нейтральную полосу и вернулся к своим.

В мае 1943 года в числе лучших бойцов полка был награжден медалями "За оборону Сталинграда", "За боевые заслуги" а полгода спустя – нагрудными знаками "Отличный артиллерист" и "Гвардия".

К лету 1943 года на моем счету было несколько удачных ночных групповых вылазок в ближний вражеский тыл.

В боях за освобождение Белоруссии был ранен. После лечения в госпитале вернулся в свой 138-й артиллерийский полк 67-й Гвардейской Витебской стрелковой дивизии.

Перед тем, как форсировать реку Западную Двину, моему отделению была поставлена задача – перейти на противоположный берег, найти удобный плацдарм для высадки наших войск.

Нас было восемь человек. На связанных бревнах мы переправились на тот берег, отыскивали подходящее место и передали кодовое сообщение своим.

Вдруг замечаем, как тихо едет и останавливается камуфлированная легковая машина "Опель-адмирал". Дал команду бойцам рассредоточиться и осторожно продвигаться к машине. Немцы - офицер и три солдата - спокойно занимались своим делом (пытались запустить мотор), так как знали, что русские на противоположном берегу реки. Наш окрик "Хенде хох!" застал их врасплох. Немцы подняли руки и недоуменно таращили глаза. Мы взяли их в плен, а заодно штабные документы и рацию.

Документы оказались ценными, они помогли нашему командованию уточнить обстановку и одержать победу на этом участке фронта.

За успешное выполнение задания командования все бойцы отделения были представлены к правительственным наградам. Мне был вручен орден Красного Знамени.

Очень памятен мне и бой 30 марта 1945 года на территории Латвии. Наши войска не могли двигаться без артиллерий-

ской подготовки. Артогонь же надо было корректировать. Местность всюду болотистая, низкая. Единственная возвышенность – деревенское кладбище. Мы пробрались туда и повели наблюдение, засекали огневые точки немцев и стали передавать ориентиры артиллеристам. Вдруг замечаем, что на краю кладбища возникли фигуры трех вражеских солдат. Один из них нес рацию. "Тоже корректировщики", – определил я. Мы подпустили их ближе и открыли огонь из личного оружия. Двое были убиты, одного взяли в плен.

За этот бой я был удостоен ордена Славы III степени.

В 1945-47 годах служил в звании гвардии старшего сержанта в портовом городе Лиепая. Еще на фронте на белорусской земле, вступил в ряды коммунистической партии.

После демобилизации оказали большое доверие, избрали председателем исполкома Лебяжьевского сельсовета. Затем в селе Коровье работал заместителем председателя сельпо, затем радиотехником МТС, старшим монтером Коровинской электростанции, киномехаником сельского Дома Культуры, начальником автотранспортной колонны Мишкинского предприятия "Трансельхозтехника".

Моя будущая жена Валентина Васильевна Ивина в 1942 году была призвана в ряды Красной Армии и направлена на учебу в Рязанское пехотное училище. Получив звание младшего лейтенанта, она в годы войны служила в Китайском районном комате. После войны мы встретились, создали семью, вырастили и воспитали дочерей – Любовь и Татьяну. Первая – медсестра, вторая – бухгалтер. Они работают по своим профессиям. У каждой по двое детей.

В 1985 году Дмитрий Михайлович Мокин награжден орденом Отечественной войны I степени.

Все дальше в историю уходят годы Великой Отечественной войны, но они никогда не изгладятся из нашей памяти. Это была священная война за независимость и свободу нашей Родины.

Воспоминания записал Александр СЫЧЕВ, краевед

Борис Макаров

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК МАКАРОВ!

С Борисом Васильевичем Макаровым я знакома давно. И, кажется, время не властно над ним. Высокий, поджарый, подтянутый, в любой одежде аккуратный. От него идут энергетические потоки жизнелюбия. Под стать ему и жена, бывшая учительница истории Нина Федоровна, негласный секретарь семьи Макаровых. Если вы захотите побывать в их семье и познакомиться с хозяевами, уверяю вас, вы не пожалете потраченного времени. От них вы уйдете с большим багажом нового, интересного.

Борис родился в 1926 году в селе Косолапово Усть-Уйского района. Мать, уважаемая учительница Христина Петровна, уроженка города Риги, работала завучем школы. Отец Макаров Василий – комиссар. В 1928 году направлен в Бреды Челябинской области для укрепления Советской власти. Когда встал вопрос о переезде семьи в Бреды, районный отдел народного образования не отпустил Христину Петровну с работы. Время было суровое. Так распалась семья. Мать осталась с тремя сыновьями: два своих и один приемный. Старшие Николай и Обанин Александр и младший Борис жили дружно. Борис помнит, когда еще был совсем мальцом, отец привез в подарок новые валенки, полные яблок.

Началась война. Старших братьев проводили уже в первые месяцы войны.

Борис рос живым, бойким и, пожалуй, не по возрасту смысленным мальчишкой. Рано научился плести «морды» для рыбалки и ловил рыбу, охотничал, одним словом, был в семье добытчик. Ну кто еще мог в восьмилетнем возрасте тайно стянуть у матери вязаную из белых ниток десятого номера скатерть и, сидя на чердаке, распустить ее на сети? В каникулы всегда работал в колхозе вместе с друзьями. Учился в 8 классе, когда война началась.

В одном классе с ним были и его друзья Курочкин Анатолий – паренек из семьи эвакуированных с Украины, Запорожец Анатолий. Еще чуть-чуть не дотянули до шестнадцати, стали просить военкомат о добровольной отправке на фронт. Наверное, чувство долга, а может, пример братьев не давали покоя ребятам.

Шел 1943 год. Вчерашних школьников в Красную Армию провожали всей деревней. Двадцать три молодых, веселых парня уходили на войну. Первый пункт был Чебаркуль. Там разлучили друзей-товарищей, отправили по разным фронтам. Вместе в одной дивизии, но в соседнем полку находился Бабушкин Иван. Светлая память ему. Начинал боевой путь с Белоруссии – Паричи, Бобруйск и дальше до границы. Затем освобождал Польшу, Прибалтику. Кстати, ему пришлось освободить родину бабушки и матери, город Ригу. Дальше солдатские дороги вели на Берлин.

Интересно, есть ли статистика, сколько сапог истоптал наш солдат, прошагав до Берлина? Мы с Борисом Васильевичем не смогли ответить на этот вопрос. А война есть война. Без жертв не бывает она. Счет шел на тысячи. Служил на первом Белорусском, Прибалтийском фронтах. Дивизия защищала Сталинград. Это была 75-я дивизия прорыва. Командовал ей генерал-майор Герой Советского Союза Василий Акимович Горишний, удостоенный двух орденов Ленина, четырех – Красного Знамени, двух орденов Суворова, ордена Кутузова второй степени. Почти постоянным командующим их фронтом был маршал Константин Константинович Рокоссовский, а на подходе к Берлину командование перешло к маршалу Георгию Константиновичу Жукову.

Было всякое. Окружение, когда двадцать суток не могли вырваться из лап немцев, поели все, что можно, в том числе

лошадей, но вышли, вырвались. И оглушающая канонада при штурме городов и селений, особенно Берлина.

На фронте Борис – автоматчик, станкометчик. Ох и доставалось немцам. С детства заядлый охотник. Лет с 6 имел свое ружьишко. Сам Бог помогал молодому автоматчику лупить врага за братьев, за людей, погибших в лагерях смерти. Пришлось солдату увидеть концлагерь Майданек. Чудовищная картина открылась перед глазами советских солдат. Крематорий из шести печей, где сжигали детей, женщин, стариков. То, что увидели они, не возможно выразить словами. Это был ужас ужасов: человеческая кожа для шитья сумочек, перчаток, портмоне, волосы для матрацев, пепел для удобрения полей, рядом с обувью взрослых остались маленькие башмачки и пинетки детей. Неслыханное зверство

Единственное желание было – вперед, на запад, быстрее разгромить логово врага. Когда брали Берлин, не видел города, не до этого было. А уж потом, после Победы, повезли в Берлин на экскурсию, Борис, как и другие солдаты, расписался на каком-то фасаде здания. Неважно, какое это здание, главное – удостоверить свою причастность к Великой Победе и штурму твердыни фашизма. И получилось.

После боевых действий служил в политаппарате. На долгие годы подружился с начфином полка Зоткиным Евгением Алексеевичем. Жива переписка с Лыкасовым Андреем Трофимовичем (учительствовал в Тюменской области). Дружат семьями с Запорожцем Анатолием Ивановичем с Украины. Украинская газета писала о друзьях-товарищах, прошедших эту проклятую войну «Дорожить друзьями так, как мы, фронтовики».

Каждый год поздравляют друг друга однополчане. Сожалеют о том, что стало с нами всеми. Анатолий Иванович Запорожец свою боль выразил так: «Сейчас люди воют не зная за что, мы же тогда были в одном кулаке – русский, украинец, белорус, татарин, узбек, грузин, молдован. И все вместе отдавали свои жизни за многонациональный наш союз, за нашу дружбу и нашу свободу.

Мы – люди, литые из стали, нас, как орех, раскусить невозможно. Мы умеем дорожить друзьями, на то мы и фронтовики».

В 1948 году ушла из жизни мать Христина Петровна, и Борис Васильевич приехал на похороны в родное село Косолапово.

После похорон вернулся в свою часть. Служил в десанте. На его счету 33 парашютных прыжка. А получилось так. Предложили поступить в авиационное училище. Желание летать было огромное. Набрали группу из 20 ребят. В 1946 году из Калуги привезли в Ворошиловские лагеря авиадесантников. Так Макаров стал десантником, военная служба, с ней не поспоришь.

Вместе с ним в родной дивизии служил будущий известный актер Иннокентий Смоктуновский. В первом альбоме, довольно солидном, присланном из Москвы, в одном ряду с солдатами и Иннокентий Смоктуновский. А когда на одну из встреч ветеранов-однополчан съехались в Москву, Смоктуновский просидел всю ночь в гостинице и рассказывал анекдоты, читал стихи, вспоминали события и своих друзей.

Судьба благосклонно отнеслась к Борису Васильевичу. Прекрасная память. Не задумываясь называет адрес штаба дивизии: Тула, Советская, 15. Воинская часть – три пятерки, две девятки. Не глядя, называет числа, имена, события. Это прекрасно. Пока есть память, человек многое может.

Только 20 октября 1950 года приехал солдат домой, совсем, навсегда. Здесь его ждала милая женщина Нина Федоровна с сыном Леней.

Борис Васильевич удивительный человек. 26 лет проработал с молотом в кузнице, потом строителем, строил дома, коровники. И везде с азартом, старательно, только вперед.

Можно рассказывать о нем по книгам, альбомам, благодарственным адресам, переписке с однополчанами, с друзьями. Не предана забвению фронтовая дружба, верность, достоинство и честь.

Макаровы побывали в Тростянце. Фронтовые друзья безмерно рады были гостям. Долгие дорогие сердцу фронтовые воспоминания и снова родное Зауралье.

У Бориса Васильевича большое родовое древо, где сильные корни и не менее мощная крона. 4 сына, внучки, внуки и правнуки. А сколько от них поздравлений, где говорится: «Мы именовем гордимся Вашим. Долго-долго живите на белом свете!»

Совет ветеранов войны 75-й Гвардейской Бахмачской стрелковой дивизии поздравляет с годовщиной Великой Победы и желает долгих лет, крепкого здоровья и благополучия. Председатель Совета Герой Советского Союза В.И.Кулаков, город Москва.

Я рада, что среди моих знакомых есть такой замечательный человек. До сих пор он и рыбак, и охотник, и садовод, и давний пчеловод. Глядя на него, согласишься с одним из законов: жизнь – это движение. Его руки не знают покоя. Любая работа не в тягость. Про него не скажешь: «старик» – глаза зоркие и стан прямой. Нет, не старик! Человек, прошедший тысячи километров войны, видел смерть, ходил рядом с ней и победил. Он знает великую цену жизни.

И дай Бог здоровья и благополучия Борису Васильевичу и его жене Нине Федоровне. С Днем Великой Победы!

Совсем немного осталось тех, кто не по книгам, не в кино видел и слышал о войне, а прошел через нее, уцелел. Я низко кланяюсь вам, мои дорогие земляки, Анастасия Иосифовна Шаповалова, Петр Иванович Титов, Степан Афанасьевич Макеев, Филипп Петрович Лобачев. Желаю вам долгих лет жизни.

Валентина ТОКАРЬ,

село Косолапово Целинного района

ВЫСОТА

*Комбату приказали в этот день
Взять высоту и к сопкам пристреляться.
Он может умереть на высоте,
Но раньше должен на нее подняться.
И высота была взята,
И знают уцелевшие солдаты –
У каждого есть в жизни высота,
Которую он должен взять когда-то.
А если по дороге мы умрем,
Своею смертью разрывая доты,
То пусть нас похоронят на высотах,
Которые мы все-таки берем.*

Михаил ЛЬВОВ

Алексей Блиновский

ОТ СТАРОЙ РУССЫ ДО РИГИ

Блиновский Алексей Иванович родился 8 февраля 1923 года в деревне Новые Байдары. Призван в октябре 1941 года. Сержант, разведчик. Воевал на Северо-Западном фронте в 1-й гвардейской дивизии. Ранен. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны I степени, медалями "За отвагу", "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.". Демобилизован в 1947 году. Работал на КМЗ. Живет в городе Кургане.

В октябре 1941 года я был призван в Красную Армию и направлен в Чебаркульскую школу младших командиров. Учили там неплохо, но питание было никуда не годное. Многие страшно теряли в весе. Но меня это не коснулось – видимо потому, что рос я сиротой и нормального питания не видел. Учился я хорошо и получил звание сержанта.

В мае 1942 года мы прибыли на Северо-Западный фронт, в известный в то время Демьянский мешок. Трудно было понять, кто был в мешке – мы или немцы. Не было там дорог, зато сплошь болота. То немцы нас обстреляют с неожиданной стороны, то мы на них навалимся откуда не ждали. И вот немцы отрезали нас от базы, с которой мы получали боеприпасы. Наши самолеты сбрасывали нам только питание. И что

удивительно: получали мы говядину тушеную Курганского мясокомбината, изготовленную в 1938 году.

Чтобы соединиться с базой материального снабжения, мы построили лежневку (дорогу через болото), а до этого за двадцать пять километров носили снаряды и патроны.

Отбили мы у фашистов село Великое. Немцы удрали далеко в лес. Командир роты Кутявин любил выстраивать подчиненных и напоминать им кое-что из воинского Устава. А был он необычным человеком: более десяти лет до войны работал клоуном. И любил шутить, когда подвернется удобный случай. Однажды выстроил он роту, а тут летят высоко над нами пули. Командир роты командует: «Ложись!» Все легли, а он от всей души хохочет: «Пули-то улетели, а вы лежите!» Так было с нами, новичками.

Приближалась годовщина присвоения нашей дивизии звания гвардейской. Кому-то пришло в голову отметить ее карикатурами. Нарисовали Гитлера и Геббельса так, что со смеху на пол покатишься. И эту большую картину вывесили как можно ближе к немецкой передовой. На охрану такого «произведения искусства» послали нас девять бойцов. Из бурьяна, расположенного около карикатуры, выскакивают десятка полтора фрицев, хватаются за картину, а мы по ним ураганный автоматный огонь. Кого убили, кто удрал, а одного раненого фрица взяли в плен. Он дал хорошие данные о предстоящем наступлении немцев через три дня, то есть в день годовщины присвоения имени гвардейской нашей дивизии. И точно, в этот день фашисты двинулись на нас. Но, к великому сожалению, у нас не было возможности подтянуть необходимые для отпора силы, и нашу дивизию потеснили на 5-8 километров.

Немало и радостных событий случалось. Послали как-то нас двоих за обедом для нашего взвода. Тогда я был уже в дивизионной разведке. Летят девять фашистских самолетов. Мы легли. Наши зенитки открыли огонь. Попали в ведущего. От него только клочья полетели, к земле нечему было падать. Потом задымили два боковых. И пять стервятников в общем итоге было уничтожено. Мы радовались будто сами их с неба смахнули. Вот ведь как бывало.

Несколько месяцев простояли мы в обороне, потом пошли в наступление и к маю 1943 года немецкую группировку раз-

били. Но и мы сильно пострадали. Отошли на переформировку. В августе с новыми силами двинулись на Старую Руссу. Долго, упорно бились мы, но нас снова сильно проредили. Снова переформировка и снова нас бросили в горячую битву под Великие Луки, как раз под Новый 1944 год. Мне пока везло. Не царапнуло.

В июле 1944 года наш взвод разведки передали подвижному отряду танко-самоходного полка. Тут уж мы не пешком двигались, а на технике, на брони. Проехали мы около сорока километров. А тут около одной деревни два озера и шоссейная дорога, напичканная немцами. У нас было тогда около семидесяти танков и самоходных орудий. Генерал выстроил всех, указал цели и приказал выпустить по пять снарядов. Немцев как не бывало. Пехотная дивизия наша пошла вперед беспрепятственно. Дальше мы двигались по тридцать километров в день, прокладывая дорогу пехотной дивизии. А когда дошли до сильно укрепленного немцами района, а многие наши танки вышли из строя, пехота остановилась, а нас, разведчиков, вернули в штаб дивизии.

Идем мы группой в двадцать человек во главе с командиром роты Шустовым Николаем передовым дозором. Встретилась речушка с крутыми берегами. На другом берегу деревня. Зашли, никого нет. А за ней на дороге колонна немцев. Командир роты связался с дивизией и сообщил: мы ввязываемся в бой, пришлите помощь. Из штаба обещали прислать целый батальон. Немцы открыли по нам ураганный огонь, а потом еще подтянули пушки, и те – по нам. Пришлось отходить через речку в лес.

А помощь вовремя так и не пришла. Когда подошли наши основные силы, бой здесь шел целую неделю, так как у немцев было уже сооружено сильное укрепление.

Впереди наступающих войск всегда шла полковая разведка, а мы – дивизионная – подключались только тогда, когда следовало провести по болоту, лесу батальон или полк к намеченному месту. Так, однажды шли мы вдесятером, а за нами батальон пехоты. Задача – взять деревню. Добыли мы пленного фрица, он пояснил, что в деревне целый танковый полк. Пока то да сё, фрицы заметили нас и стали окружать. Наше отделение разведчиков вышло на опушку леса, окопалось.

Вдруг не спереди, а сзади идут танки и стреляют по нам. Меня ранило в руку. Солдату Маньяку – раздвоило палец ноги. Надо двигаться в медсанбат. Пошли мы по кустам, перебежали след танка, примявшего кусты. Разговаривают немцы. Мы залегли. Решил я заменить опустошенный диск автомата на полный. Но он не поддался, не мог вытащить, его заклинило осколком снаряда. Считаем проходящих немцев. Тридцать восемь! И идут туда, где остались наши ребята. Вскоре там началась перестрелка.

Мы шли к своей роте. Но ее на месте уже не оказалось. Не знаем, куда двигаться. Лежим. Через какое-то время пришли сюда еще семеро наших. Дождались ночи. На рассвете видим лежащих на земле спящих немцев. Прошли недалеко от них гуськом. И тут пулеметная очередь. Двое наших погибли. Пятеро здоровых пошли отдельно впереди, а мы, раненые, сами по себе. Прошли мы по болоту к своим. Меня отправили в госпиталь. Впоследствии я узнал, что из тех пятерых трое искали своих дней двадцать, а двое дней десять, но вернулись целыми.

К новому 1945 году из госпиталя я вернулся в свою дивизию. А в Латвии, в апреле был контужен. Демобилизовался в 1947 году.

После войны двадцать шесть лет работал на Курганском машиностроительном заводе токарем, наладчиком станков с программным управлением. Награжден на заводе медалями «За доблестный труд. К 100-летию со дня рождения В.И.Ленина» и «Ветеран труда».

* * *

*Скакал малыш на деревянном конеке,
С пластмассовою саблею в руке...
Вот из таких и выросли полковники,
Что грудью заслонили путь к Москве!*

Фиала БАСКАКОВА

Виталий Жеребцов

СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ!

Жеребцов Виталий Иванович родился в 1918 году в деревне Кошкино Белозерского района. Защищал Москву, воевал на Сталинградском и других фронтах. Инвалид войны. Награжден тремя орденами Отечественной войны, Красной Звезды, Красного Знамени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда» и другими.

В моей военной судьбе было два величайших военных сражения – это разгром гитлеровцев под Москвой и Сталинградская битва.

В сорок первом мне выпало защищать Москву, сражаясь в прославленной 9-й Гвардейской дивизии комдива Белобородова, которую так и называли «Белобородовская». Это была жестокая схватка двух сил. Фашисты бросили все что могли, чтобы нас сломить. Им были нужны теплые квартиры, отдых, а для этого надо было взять Москву. И мы знали, что отступить нельзя. Надо выстоять. Победить. И русская природа помогала нам – морозила до костей непрошенных «гостей» и их боевую технику.

А летом сорок второго держал рубежи обороны под Сталинградом. Наши солдаты, выполняя приказ, стояли насмерть! Много можно было бы вспомнить эпизодов, которые сердце не забудет никогда.

Немцы шли в наступление, бросив против нас большое количество танков, пехоты и авиации. Во время этого боя мне пришлось корректировать артиллерийский огонь наших батарей. Подбили несколько танков, уничтожили или обратили в бегство немецкую пехоту...

Но что мне особенно запомнилось, так это немецкие бомбежки, бомбежки, бомбежки... Вместо бомб немцы сбрасывали еще и пустые железные бочки с отверстиями. При падении они издавали какие-то невыносимо жуткие звуки: вой, визг, грохот. И не было никакого спасения от этих душераздирающих звуков.

И все-таки мы выдержали все испытания, не сдав немцам Сталинград. Многие и многие тысячи людей навечно остались лежать в святой волжской земле. Вечная им память и слава!

Из нашей семьи ушли на фронт пять родных братьев. Дмитрий и Олег – полегли на полях сражений, Глеб вернулся без правой ноги, Анатолий – тоже весь израненный. От ран и умерли оба уже в мирное время. Не остался в стороне от войны и наш отец. Он воевал еще в гражданскую, домой покалеченный приехал, с сопровождающим. В Великую Отечественную он служил в охране военной базы на Просвете. Огромную беду пережило наше поколение в грозные сороковые годы. Все надо сделать, чтобы этого больше не повторилось.

* * *

*Следы войны заливают время.
Седых отцов сменяет молодежь.
Каким ты будешь, молодое племя?
Какую радость миру принесешь?
Ты выросло на крыльях той победы,
Тебе идти к вершинам новых дней.
Не забывай, какими были деды,
И помни вечно подвиг матерей!*

Леонид КУЛИКОВ

Леонид Ушаков

ВОЕВАЛ И В ТЫЛУ ВРАГА

Перед самой войной, – вспоминает ветеран Великой Отечественной войны Леонид Петрович Ушаков, – меня призвали на срочную службу в Красную Армию. До этого успел закончить семь классов в Глядянской школе, хотя сам я из Чернавки, и два курса горного техникума. Как более грамотного, направили меня в город Ригу, в полковую сержантскую школу. Закончить не успел. Весь полк 15 июня 1941 года подняли по тревоге и пешком направили на границу с Пруссией. Уже тогда были разговоры, что вот-вот начнется война с германцами. Через неделю, а это было 21 июня, мы подошли к границе. Там уже доты, дзоты стояли, но пустые, оружия не было. Впереди нас были только пограничники. Они первые и приняли бой.

В четыре утра немецкие самолеты полетели – и все вглубь нашей территории. Слышно было, как завязался бой у пограничников. Вскоре и нас стали бомбить и обстреливать. На второй день войны осколком от авиабомбы был ранен в ногу. Мне, можно сказать, повезло – жив остался, а наш полк почти полностью погиб.

После госпиталя направили под Смоленск, там наши войска стояли в обороне. Как у командира отделения, у меня винтовка была. Тяжело говорить, но почти половина солдат были без оружия, это горькая правда. Вот так и воевали. Один поги-

бал – винтовка доставалась другому.

На мгновение замолчал, будто что-то припоминая, Леонид Петрович продолжил:

– Хотя и в обороне, но очень много тогда ребят полегло. Эти беспрерывные бомбежки, обстрелы – казалось им конца не будет. Потом опять с боями начали отступать до самой Вязьмы. Под Вязьмой при атаке меня второй раз ранило. Одной пулей обе ноги прострелили. Там и в окружение попал.

– Помню, – продолжает ветеран, – лежим мы, раненые, в хате. Заходят немцы. И всех из дома выгнали, но никого не тронули. Ночь на улице ночевали, думали утром – или в лагерь, или расстреляют. А днем они уехали. В деревне раненых много было, жили сами по себе. Немцев почти не видели. Нашли в лесу походную полевую кухню, в ней и готовили. В поле брошенную колхозную картошку, капусту собирали. Лошадей по лесам, тоже бесхозных, много было. Их ловили. А что делать, жить-то надо!

Сдружился я там с кубанским парнем, с ним и подались в Брянские леса – слышали, что там партизаны.

Я на костылях, раны плохо заживали, лечить нечем было. Медленно, но шли. Встречали таких же, а кто и из плена бежал и не знал, куда податься. Мы уже почти до Смоленска дошли, нас уже пятеро было. Решили на краю деревеньки в бане переночевать. Видимо, кто-то нас выдал. Утром русская полиция нас арестовала. Так мы и попали в лагерь. Оттуда каждый день отправляли на лесопилку работать. Кормили хлебом из опилок с добавлением отрубей да гнилыми овощами. С лесопилки мы втроем и сбежали и пошли снова в белорусские леса. Так и попали к партизанам.

После проверки меня определили в группу спецназначения. Был бойцом диверсионной группы. Наш партизанский отряд базировался на границе с Литвой. По неделе, а то и две, ходили к железной дороге, а она находилась под Вильно. Шли обычно ночами, днем отсыпались где-нибудь в лесу. Немцы железную дорогу с овчарками охраняли, поэтому мы заходили из-под ветра, чтобы собаки не учуяли. Охрана пройдет – мы тут же к насыпи, ухо к рельсу приложишь и слушаешь: если состав идет – 15 килограммов тротила между шпал уложишь, и назад, ждешь подхода поезда. Нашей группой было взорва-

но шесть эшелонов и с техникой, и с солдатами. Последний эшелон пустили под откос средь бела дня.

Соединились мы с армией в 1944 году, когда Минск освободили. Тут же домой письмо написал. Родителям еще в 1942 году бумага пришла, что я без вести пропал, они уж думали, что я погиб. Воевать больше не пришлось. Больше года в Минске танки на заводе ремонтировал.

Домой вернулся в сентябре 1945 года. Из-за ранений, которые с трудом заживали, пошел работать «избачом». Затем уехал в Курган. Но опять потянуло в деревню. Вернулся. Перед пенсией работал в колхозе «Сибирь» учетчиком.

С женой Марией Степановной 52 года дружнехонько прожили. Воспитали троих детей. Нет ее теперь со мной. Внуки, правнуки приезжают, не дают мне, старику, скучать.

Боевая награда – Орден Красной звезды – нашла бывшего партизана лишь через 22 года после войны.

Владимир ЖОРОВ

* * *

О.Корниенко

*Мы вышли из большого боя
И в полночь звездную вошли.
Сады шумели нам листвою
И кланялися до земли.*

*Мы просто братски были рады,
Что вот в моей твоя рука,
Что, многие пройдя преграды,
Ты жив и я живу пока.*

*И что густые кудри ветел
Опять нам дарят свой привет,
И что еще не раз на свете
Нам в бой идти за этот свет.*

Георгий СУВОРОВ

Дмитрий Букин

НЕ В ОРДЕНАХ СУТЬ – В УВАЖЕНИИ ТОВАРИЩЕЙ

Дмитрий Иванович Букин родился в 1926 году в деревне Челноково Кетовского района. Призван в армию в 1943 году. Прошёл фронтовыми дорогами от Ржева до Штеттина. Награждён орденом Отечественной войны, медалями “За боевые заслуги”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.” и другими. После войны более двадцати лет работал на Курганском машиностроительном заводе имени Ленина.

Рос я в большой многодетной семье и уже с десяти лет работал в колхозе. О начале войны узнал на поле. Началась для нашей семьи тяжёлая жизнь. Ушёл на фронт отец, когда один его сын воевал, а второй уже погиб в бою.

Идёт мне семнадцатый год. Я двинулся в военкомат. Но там из-за малого роста забраковали. Однако через несколько походов к военкому добился: призвали, хотя до семнадцати лет мне не хватало восьми месяцев.

Какая для нас была радость, что мы едем бить фашистов! всю дорогу до места назначения пели, смеялись, шутили. Под Свердловском приняли нас в запасной полк, где мы готовились стать радистами-связистами. А в середине 1943 года нас отправили в Калининскую область. Дорогой наш эшелон немцы разбомбили. Командиры собрали оставшихся в живых

бойцов и разместили в каком-то соломенном строении.

Вскоре назначили нас в батальон связи и отправили на передовую. Там выдали автоматы. Тут мы почувствовали себя настоящими фронтовиками.

Под Великими Луками шли жесточайшие бои. Нам пришлось во время боя и бомбёжек налаживать связь. За это я был награжден медалью “За боевые заслуги”.

Когда немцы сильно разбили станцию Себеж, где находился штаб фронта, нам пришлось под бомбёжкой восстанавливать связь. И трудность была еще в том, что делали мы это ночью. И восстановили. Руководивший нами капитан пообещал представить к награждению орденами всех оставшихся в живых. Погибших на этот раз многочисленных связистов, как и всегда, мы похоронили в братской могиле. А обещанных орденов так и не получили. И не горюем. Главная нам награда – остались живы!

Дальше дорога на Запад для меня и моих товарищей, которых перевели на обслуживание связи штаба 2-го Белорусского фронта, была не столь суровой, ежедневной. Не так часто рвалась связь. Но восстанавливать её хоть и при более редких, но таких же жестоких артиллерийских налётах и бомбёжках было для бойцов не менее опасным. И был ещё у нас строгий запрет: налажил связь – не вздумай послушать переговоры, так как ведутся они между штабом фронта и Москвой. Так пришёл я в Германию.

Демобилизовался в 1950 году. Приехал в родную деревню. Из нашей семьи уходили на фронт пятеро, вернулись трое: я и два брата. У матери в хозяйстве только кошка да одна курица. Купил я ей тёлку, которая весной стала коровой. Легче жить стало. Помогал матери по хозяйству. Работал в колхозе. Затем ушел на стройки Кургана. Был мастером на строительстве ресторана “Сокол”, кулинарного училища, Дома связи (Главпочтамт), Универмага. Затем больше двадцати лет работал на Курганском машиностроительном заводе печником, кузнецом. Хорошо трудился. Так оценивали товарищи и начальство.

Степан Кубасов

С КРОВАВЫХ НЕ ПРИШЕДШИЕ ПОЛЕЙ

Шестьдесят четыре года прошло, как началась самая подлая война в истории человечества. Но время не властно над людской памятью. До сих пор война болью отзывается у ветеранов, у народа, пережившего войну, у людей, которых она осиротила и лишила детства.

Более 300 мужчин ушло на войну из нашего села и меньше половины вернулось. Среди тех, кто не пришел с полей войны, два брата, Артемий да Степан – сыновья Селиверста Кубасова.

Артемий ушел в первый день войны защищать Родину. Был стрелком 290-го стрелкового полка, и самая первая похоронка в наше село пришла именно на него. А чуть позже пришло письмо от самого Артемия, которое более двух месяцев блуждало по дорогам войны. Это письмо находится теперь в школьном музее деревни Кубасовой. Читать его было особенно больно и горько, зная, что дорого оно и что родного человека уже нет в живых, что умер он в эвакогоспитале №1390 в октябре 41 года. Умер, оставил жену да двоих сыновей.

А что Степан? Вспоминает жена Степана, Фекла Николаевна:

– Помню, утром 22 июня муж сказал, что будет митинг по итогам посевной и он задержится. Пришла на работу коров доить, а товарки с сердечным трепетом и болью говорят: “Вой-

на, Феклуша, началась, Гитлер на нас напал!". Прибежала домой, а свекровь плачет: "Угнали Степушку вместе с трактором в МТС (что было в Мехонском). Побегай, Феклушка, простишь хоть с мужем. До сих пор помню, как бежала до Мехонки. Задыхалась, падала, вставала и снова бежала. Тогда казалось, не добечь мне, сердце выскочить норовилось из груди, но все равно бежала и молила: "Боженька, миленький, помоги мне успеть". Успела... Затем погрузили женщин в машину, мужиков – в тракторную телегу и повезли в Шляпниково. Мужа вернули домой, не было на него повестки. Родила при нем сынишку Гришеньку в 1942 году, а вскорости забрали и моего Степана. Когда уходил из избы, попрощался со всеми, прижал Гришульку к груди и попросил родителей: "Не обижайте мою семью, а что случится, помогайте Фекле сына вырастить".

Вначале был в учебке, затем красноармейцем 604-го стрелкового полка. Прислал всего одно письмо, да не сохранилось оно, но что написано, помню. Писал, что скучает по нам, особенно по сынишке. Уже был в бою. Война есть война. Страшно не то, что погибну тут под пулями, а думаю, как вы там, родные, будете без меня. И как же ты, Феклуша, сыночка нашего вырастишь?! Завтра иду во второй бой, знали бы вы, родные мои, как страшно ожидание боя, и одна мысль, скорей бы уж атака... Вернусь – напишу.

Но не написал, погиб в декабре 1942 года. Похоронен в Воронежской области.

Ну, а я долго еще жила с его родителями, в семье Артемия. И хотя трудное, голодное было время, между собой жили дружно, горе всех сблизило.

Я ведь родом-то из Неонилиной. Было мне 2 года, когда умерла мама. Жила с мачехой почти 10 лет, так что ни ласки, ни радости, ни счастья в детстве не видала. А когда отец умер, взяла меня к себе двоюродная сестра в Кондино. Сразу робить пошла в колхоз. Меня заставили поварить, а я даже кисель гороховый не смогла сварить. Но научили меня всему, относились хорошо, жалели. А потом замуж пошла за Степана. Долго жила со свекровью. Ну, а как уж жили и работали в войну, все помнят женщины, что на своих плечах тянули колхозную «лямку», все работухи руками бабьими вершились и с домашними делами управлялись ими же. Награда за работу

была для всех одна – День Победы. До пенсии работала в колхозе телятницей, птичницей, дояркой. А уж выйдя на пенсию, работала в детсаде няней, потом в столовой. Стажу у меня 52 года. Сейчас бы жить да жить, да вот здоровья нет.

Сейчас Фекле Николаевне 84-й год идет, а сын Григорий Степанович уже на пенсии. Живут с женой Галиной Николаевной недалеко от матери, часто проводят, помогают во всем.

И у людей, не пришедших с кровавых полей войны, была любовь к матери, к Родине. Простая человеческая любовь к людям, к земле. Они дышали воздухом зеленых лесов, полей, и уже не кровь текла по их жилам, а соки берез и хлебов. Такую землю они любили, за нее отдали самое дорогое – жизнь.

*Людмила ЛИННИК,
деревня Кубасова*

СЕСТРА

*Когда, упав на поле боя –
И не в стихах, а наяву, –
Я вдруг увидел над собою
Живого взгляда синеву,*

*Когда склонилась надо мною
Страданья моего сестра, –
Боль сразу стала не такую:
Не так сильна, не так остра.*

*Меня как будто оросили
Живой и мертвою водой,
Как будто надо мной Россия
Склонилась русой головой!..*

Иосиф УТКИН

Афонасий Белоусов

ЖЁСТКИЙ ОРЕХ - БЕРЛИН

Афонасий Васильевич Белоусов родился в 1926 году в Шатровском районе. Призван в Красную Армию в 1943 году. Воевал в составе 1-го Украинского фронта. Награждён орденами Отечественной войны и Красной Звезды, медалями "За освобождение Праги", "За взятие Берлина" и другими. Демобилизован в 1950 году. До 1955 года работал на Челябинском тракторном заводе. В 1955 году приехал на Курганский машиностроительный завод с тягачом № 712, который этому заводу предстояло выпустить, работал здесь до ухода на пенсию.

В 1943 году привезли нас в Чебаркуль, в двенадцатый полк, где предстояло учиться и стать младшим командиром. Но младший командир из меня не получился. При никуда не годном питании и при моём приличном росте в метр и 76 сантиметров я дошёл до 49 килограммов веса, стал дистрофиком, как и немало других моих сверстников, по несчастью оказавшихся в этих богом забытых лагерях. Меня отвезли в Лебяжье. На лечение. За три месяца лечения я добавил три килограмма веса, то есть весил уже 51 килограмм, что далеко мало до моего роста. Надо ещё добавить минимум 25 килограммов. Но признали меня годным для службы в армии и направили на Увал учиться на механика-водителя танка. Освоил я

назначенную профессию и был отправлен в Нижний Тагил. Там мы получили танки с полным экипажем. Потренировались. Выезжали на учения. Вернулись в город. Там машины контролёры проверили, начальство забрало от нас всех членов экипажа (бывших фронтовиков). А нас с танками отправили на фронт, одних механиков-водителей. Прибыли в город Катовицы в Польше. Там укомплектовали экипажи. Танки на небольшой привокзальной площади поставили очень густо. Выстроились. Выступает перед нами представитель полка, фронтовик капитан, говорит, куда поедем. Вдруг раздаётся ужасный взрыв. Разбежались мы кто куда. Потом выяснилось, что взрыв был подготовлен для нашего эшелона к моменту его прибытия, но запоздал, мы быстро выгрузились.

И двинулись мы своим ходом в Германию. Встречались многократно с немцами. Но наступление наше было организовано эшелонами. Шли впереди одни, их сменяли другие, тех – третьи, четвертые, пятые. И как-то получилось, что мы-то шли четвертым, пятым эшелонам, когда перед нами почти всё разбито, стёрто с лица земли.

Но почти... это значит – не всё. Доставалось и нашим танкам и десанникам. Правда, в уменьшенной дозе. А иногда и вообще погибали люди вроде бы зазря. Так взяли мы с боем сильным один городишко, когда шли развернутым фронтом. Казалось бы, тут фрицами уже и не пахнет. Выстроились мы колонной, вылезли из танков. И тут снайперская пуля скосила нашего командира лейтенанта Гусева.

В Берлине мы шли по кем-то разработанной программе. По заваленным улицам идут три танка. Один правой стороной, другой – левой, третий правой. Задача – разрушать завалы. Перед завалами замаскировались фаустпатронщики – ярые враги наших танков. Это не танк, не пушка. Этому немцу достаточно окошка не только в доме, но и в подвале. И он уничтожит танк. А не обнаружат его – и другим танкам достанется. А обнаружить его некому: с нами не было десантников или просто пехоты. Одни танки, из которых в смотровую щель многого не увидишь.

И наши тройки танков то и дело выходили из строя, хотя для профилактики стреляли направо и налево по окнам и окошечкам, по дверям домов. Не повезло и моему танку, сгорел, когда прошёл уже не один завал.

Один из подбитых, но не сгоревших танков вытащили назад. Водитель был тяжело ранен. Мне приказали отвезти танк в тыл. Увел. Пока танк ремонтировали, вышел я на улицу с автоматом, заглянул в ствол ремонтируемого танка. Облокотился о борт танка. Вдруг взрыв. Убежали в дом. Кто и откуда стрелял – не понял. Выходим на улицу. Тишина. Недалеко от танка лежит весь в крови старшина. Выяснилось: пушка танка была заряжена. Когда провода в танке отремонтировали, соединили пуск. И выстрел. Старшина находился в зоне полета снаряда и воздушной волной его сбilo. Снаряд пробил стоявший впереди трамвай. Старшину подобрали и увезли в санбат.

Мне дали отремонтированный танк. Укомплектовали экипаж. Загрузили снаряды. Поехали к тому месту, где сгорел мой танк. Снова бьем направо и налево, занимаемся профилактикой против фаустпатронов. Но где их узнаешь, этих фашистов. Из любой дырки стрельнут. А тут ещё заряжающий не остерегся: при откате ударила наша пушка ему в лицо. Его заменил командир танка. Вскоре подбили наш танк. Куча осколков вцепилась в мою спину. Попал в санбат, и окончательное взятие Берлина произошло уже без меня.

Но когда наш танковый полк направили в Прагу от Берлина, мы, находящиеся в санбате, удрали и при выходе нашей части из Берлина догнали её, заняли свои места.

В Праге нас встречали с улыбками и цветами. За пределы Праги нас не посылали.

Война для нас закончилась. Но воинская служба – нет. Ещё пять лет служили мы, пока нашим сменщикам в мирное время призыва исполнилось 22 года, а нам 24.

Пять лет работал на Челябинском тракторном заводе, а в 1955 году из Челябинска приехал на Курганский машиностроительный завод с тягачем, который тут ещё предстояло осваивать и производить.

Работал испытателем-водителем тягачей, пока позволяло здоровье, потом слесарем по ремонту оборудования в сталелитейном цехе. Занимался рационализацией и стал первым рабочим изобретателем, а потом и дважды изобретателем.

записал Андрей Кутин

Алексей Бурнатов

ВОДИТЕЛЬ ТАНКА И ТРАКТОРА

В народе нередко можно слышать, что “медали за бой, медали за труд из одного металла льют”, тем самым подтверждается значимость для человека государственных наград. Алексей Федорович Бурнатов вполне разделяет такое мнение. Для него медаль “За трудовую доблесть”, которой он удостоен за труд в послевоенные годы, не менее значима, чем имеющиеся у ветерана ордена Отечественной войны I степени и Красной Звезды.

Боевые награды он заслужил, когда был механиком — водителем танка Т-34 на фронте в 1942 году. В тот год старший сержант Бурнатов был дважды ранен, стал инвалидом на всю оставшуюся жизнь.

Государственную награду за героический труд трактористу Алексею Бурнатову нелегко было заслужить. Даже трудно представить, что человек с протезом вместо ноги почти четверть века работал трактористом, начиная с 1945-го. Только в 1970 году сменил трактор на ЗАВ-20 и стал трудиться на зернотоке совхоза “Тобол”. За рабочую смену трактористу приходится много раз подняться в кабину трактора и спуститься вниз. ЗАВ-20 тоже установлен на солидной высоте, и лестницу на протезе тоже нелегко преодолевать. Но Алексей Федорович работал без ропота и хныканья и только в 55 лет вышел на пенсию, то есть в 1976 году. Без сомнения, очень дорога для

него трудовая медаль, она как орден стойкости и славы.

На фронте в танк он садился здоровым, а на трактор - инвалидом. Надо сказать, что Алексею Федоровичу установлена инвалидность I группы.

Алексей Федорович признался, что и сам сейчас удивляется, откуда брались силы быть механизатором, наверное, стремился не отстать от здоровых парней, не показывать своего нездоровья. Солдатом остался он навсегда. Победителем!

Заглянем в начало трудовой и боевой биографии ветерана. Начал работать в колхозе в 1934 году, на быке возил молоко с фермы из деревни Куликово в Белозерку на маслозавод. Через год уже был учетчиком тракторной бригады МТС, изучил трактор, а с 1939 года стал трактористом, пахарем колхозных полей.

С этой должности в 1940 году был призван на действительную военную службу на Дальний Восток, в 262-й отдельный танковый батальон, где обучили его управлять танком. В марте 1941-го отдельный батальон с Востока перебазировали на Запад, примерно в ста километрах от города Бреста. Там и встретился с войной наш хлебороб ранним утром 22 июня 1941 года.

В августе 1942-го, под Воронежем, был ранен осколком в грудь. В госпитале подлечили - и вновь танкист Бурнатов в бою. 13 декабря 1942 года второй раз враг подбил его танк. Ранило командира танка и его, механика — водителя. Ранение оказалось очень тяжелым. Вернулся инвалидом домой в июне 1943 года, но не покорился судьбе инвалида, стал снова пахарем. Да еще каким!

*О фронтовике Алексее Федоровиче Бурнатове
написал Леонид Иванович Шуравин,
кавалер орденов Красного Знамени,
Отечественной войны, Славы II и III степени,
«Знак Почета» и многих боевых и трудовых медалей*

Вера Боброва

ПО СТАЛИНСКОМУ ПРИЗЫВУ

Боброва Вера Алексеевна родилась 12 сентября 1923 года в селе Бараба Кетовского района. В 1941 году окончила Шадринский финансовый техникум. Была направлена на работу в Башкирию. С поста главного бухгалтера центральной сберкассы города Буздяк ушла добровольцем в Красную Армию по первому Сталинскому призыву девушек-комсомолок. Защищала Сталинград. Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями “За оборону Сталинграда”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Живет в Кургане.

Учеба в Шадринском финансовом техникуме близилась к завершению. Главные экзамены по специальности были уже позади. Мы приехали в спортивный лагерь, чтобы здесь пройти практику и сдать экзамены по военному делу и санитарной подготовке, здесь нас и застало сообщение о нападении гитлеровской Германии на нашу страну и обращение Председателя Совета Народных Комиссаров, Народного Комиссара Иностранных дел СССР Вячеслава Михайловича Молотова к советскому народу.

Сегодняшней молодежи даже не представить, с какой комсомольской ответственностью мы сдавали эти экзамены в те

трагические и полные патриотизма дни. Готовились, как к важнейшей специальной дисциплине.

Мы очень переживали отступление наших войск от западных границ Родины. Просто не верилось, что враг с таким наглым нахрапом берет наши города и села, рвется к самой матушке Москве. Даже часто задавали сами себе вопрос – “Да что же такое происходит? Где же наши доблестные бойцы и командиры?”

Хотелось самим быть там. Изменить обстановку. И вот весной 1942 года прозвучал первый Сталинский призыв к девушкам-комсомолкам – встать в ряды бойцов Красной Армии для защиты Родины. Сколько заявлений было подано в те дни в городские и районные комитеты комсомола, в военные комиссариаты! Помню наши эшелоны, уходящие тогда из Башкирии. Более трех тысяч девушек уехали тогда только на защиту Сталинграда.

Я попала служить в 1083-й зенитно-артиллерийский полк Сталинградского противовоздушного корпуса. Сейчас без содрогания не могу вспоминать мое боевое крещение – массированный налет фашистских самолетов на город и войска, защищавшие его, 22 мая 1942 года. Волна воздушных стервятников следовала за волной. От разрывов снарядов небо сделалось серым, полыхало все и гремело вокруг на земле. Жутко. Страх Божий, как говорили тогда пожилые люди.

Мы обеспечивали охрану переправы 62-й армии. Наша 7-я батарея третьего дивизиона стояла неподалеку от рабочего поселка “Спартановка” Сталинградского тракторного завода. Стреляли почти непрерывно. Вели так называемый заградительный огонь. Но и сами попадали нередко под воздушные атаки немцев и артобстрелы. Особенно опасно это случалось после появления в воздухе немецких самолетов-корректировщиков FW-189, так называемых “рам”.

Все лето, а особенно в июле-августе, немцы делали до двух тысяч самолето-вылетов в сутки. Гул самолетов сутками не смолкал.

С началом осени нам приходилось часто менять свою дислокацию. Почему-то чаще всего соседствовали с гвардейцами Героя Советского Союза генерала Александра Ильича Родимцева, с “катюшниками”, как мы их называли.

Запомнились тяжелейшие бои во второй половине ноября 1942 года, особенно – 19 числа. Все стволы, что были в Сталинграде, били по наземным целям противника. Мы, зенитчики, тоже. Казалось земля-матушка под ногами дрожала и качалась. Устояли.

Перезимовали в ежедневных, памятных, жарких боях. Сколько было радости и слез, когда узнали, что немцы стали сдаваться, а один из виднейших военачальников немцев под Сталинградом фельдмаршал Паулюс пленен бойцами 64-й армии генерала Михаила Степановича Шумилова.

В первых числах февраля 1943 года, при смене позиций, проехали через весь Сталинград, точнее через то, что осталось от города.

А самое страшное, но вселяющее веру в победу, увидели за городом – там, где “поработали” наши соседи “катюшники”: обгорелые глыбы немецкой техники и всюду валяющихся побитых обугленных оккупантов. И как ни странно, эта картина радовала, вселяла твердую уверенность, что мы увидим сокрушенный в боях гитлеризм и его логово – Берлин.

СТАЛИНГРАД

*Открытые степному ветру,
Дома разбитые стоят.
На шестьдесят два километра
В длину раскинут Сталинград.*

*Как будто он по Волге синей
В цепь развернулся, принял бой,
Встал фронтом поперек России –
И всю ее прикрыл собой!*

Сергей ОРЛОВ

Константин Казанцев

Я СЧАСТЛИВ И ГОРД

Константин Алексеевич Казанцев родился в 1924 году в городе Кургане. Четыре брата и сестра уже были в армии, а Константин работал «по брони» на военном заводе. Добился, что его взяли добровольцем. Участвовал в боях в составе 1-го и 3-го Белорусских фронтов. Имеет два тяжелых ранения. Награжден двумя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды, медалями “За взятие Кенигсберга”, “За взятие Берлина” и другими. После войны семнадцать лет работал на заводе Дорожных машин, потом более двадцати лет – на Курганском машиностроительном заводе имени Ленина начальником цехового технологического бюро, затем старшим инженером службы стандартизации.

В 1942 году меня наконец-то призвали в армию и направили в Тюмень в пехотное училище, где нас готовили на стрелков противотанковых ружей в течение четырех месяцев. Затем направили под Кунгур в школу младших командиров. В 1943 году отправили нас на 3-й Белорусский фронт. Прошли с боями Могилев, Пинск. Ужасные бои были в районе Пинских болот. Здорово нас потрепали здесь немцы. Поэтому были отведены на переформирование.

В Восточной Пруссии мы стояли в обороне три месяца,

хорошо укрепились и мы, и немцы. Мы находились в городе Гросс Тракенеп, а в четырех километрах от нас, на станции, немцы. Перед наступлением к нам пришло небольшое пополнение из Средней Азии и Северного Кавказа. Ночью с 13 на 14 января 1945 года началась артподготовка с обеих сторон. Мы покинули свои землянки и бросились в ходы сообщения. Сразу же на нашем пути разорвались снаряды.

Моему отделению, как и всей роте, было приказано занять первую линию обороны противника. По красной ракете мы выскочили из траншеи и с криком "Ура" побежали вперед. А наше молодое пополнение стало скапливаться около раненых и убитых. Кое-как удалось поднять их в атаку.

Ворвались мы в первую траншею. Немцы покинули ее, а оставили в ней власовцев и бандеровцев, которые бились насмерть, так как боялись ответственности перед советским народом. Тут уж не зевай: или ты врага, или он тебя отправит к праотцам. Сильно проредили эти бандиты наш строй.

Двигаться дальше мешают немецкие пулеметы MG-34, расположенные в ДЗОТе, они ураганом пуль прижимают нас к земле. Уничтожили мы эту огневую точку гранатами и тогда смогли ворваться в следующую траншею. Выбегаю я из-за угла траншеи, а там бандеровец с карабином. Нажал я на спусковой крючок автомата. Осечка. Мигом я отступил назад, за угол, но наступил на свисающую с меня плащ-палатку и упал. А враг уже передо мной. Следовавший за мной автоматчик прошил врага автоматной очередью. Тот упал, а штык его карабина воткнулся мне в грудь.

Наш батальон, в том числе и наш взвод, задание выполнил. Взятые траншеи, а к концу дня и станция, где стояли бронепоезда и артиллерия на платформах. Я же попал в санбат. Через три дня рана нагноилась от попавших вместе со штыком ниток и ваты из телогрейки.

Отправили в армейский госпиталь. Там вскрыли рану и закачали головами: вот-вот могла начаться гангрена. Одна из молодых врачниц, выпускница ленинградского института, попросила разрешить ей применить стрептоцидовую терапию. Сделала операцию по очистке раны, затем еще раз. Наступило большое облегчение. Спал сутками. Будили всякий раз для приема пищи. Через десять дней рана начала рубцеваться. А

через двадцать пять – годен на фронт, в свою часть. Командир роты первое время держал меня при себе вроде ординарца.

Вскоре был зачислен во взвод автоматчиком при командире батальона. Практически это был взвод разведки, а когда почти не оставалось в ротах, взводах бойцов, мы становились в них пополнением.

Прибыли мы как-то, пройдя лесом, на берег реки Алле, которая в том месте в полтора раза шире нашего Тобола. Немцы на противоположном берегу хорошо укреплены.

У нас быстро освоились и окопались артиллеристы со своими сорокопятками и минометчики с 82-мм орудиями. Неподалеку и командный пункт батальона со взводом разведки. Выполняя приказ, одна рота перешла реку по льду, но на берегу, немцы не дают им двигаться дальше, открывают ураганный автоматный и пулеметный огонь, находясь всего метрах в сорока от берега. И вдоль реки немцы стреляют из пулеметов и автоматов. Ночью комбат Петрусь поручил помощнику командира взвода разведки доставить на противоположный берег патроны, гранаты, оружие, питание и водку. А перед рассветом выдвинуться вперед залегшей там роты, выше обрыва, и по сигналу с КП открыть плотный огонь по врагу, чтобы обнаружить его огневые точки.

И двинулись мы двумя отделениями. Немцы обнаружили нас и обстреливали с флангов. Мы поторопились, и я, не заметив майну, провалился в нее с карабином и большим термосом на плечах и автоматом в руке. Ладно глубина была всего по пояс. Вылез – и дальше.

Очень взбодрились бойцы, получив принесенное нами: значит, о них не забыли, заботятся.

Когда с командного пункта был подан сигнал, мы, разведчики, вместе с выделенными нам стрелками из роты, выскочили из-под обрыва и открыли огонь. Вражеская пехота открыла по нам огонь из автоматов и пулеметов.

Артиллерия и минометчики противника по нам не открывали огня, боясь поразить своих, но ударили по нашему берегу, где находился батальон, и тем обнаружили себя. Вскоре большинство немецких огневых точек было уничтожено. Рота пошла в атаку, выбила врага и двинулась его преследовать.

Разведчики вернулись на КП батальона. Комбат, увидев, что одежда на мне обледенела, приказал раздеть меня и по пояс обмыть водкой, затем укрыл своей безрукавкой и шубой, посадил около печки. Через три дня я перестал чихать.

Встретился нам однажды господский двор, занятый фрицами. Там один двухэтажный дом и шесть одноэтажных. Окопалась во дворе пехота. Наготове зенитные орудия и минометы.

Наш батальон установил на опушке леса грозу танков, сорокопятаки и минометы. А слева от нас на опушке леса, идущего к господскому двору, спуют немцы. Приказано взять господскую усадьбу. А кем брать? В ротах осталось по 50-60 бойцов, во взводах – 10-12. Разведвзвод расформировали и пополнили чуточку этими бойцами подразделения. Больше командиру батальона Петрусью взять пополнение неоткуда.

Командир роты капитан Тютчев приказал мне, только что испеченному исполняющему обязанности командира взвода, наступать вдоль опушки леса слева, занятой немцами. Наши минометы и сорокопятаки дали несколько залпов по домам, а мой взвод перебежками с боем двинулся по опушке. Наконец подобралась метров на 40-50 до домов.

Фрицы бьют через наши головы по батальону, по нашей артиллерии. Лежу за навозной кучей, под деревом. Немецкий снаряд ударил по дереву, и мне достался, на мой взгляд, удар по голове, как кирпичом. Мигом поднял глаза кверху: кто там кидается? А тут еще один снаряд по дереву. Осколок воткнулся в нос, вышел из ноздри, прочертил дорогу по верхней губе, по нижней челюсти и воткнулся в грудь.

Сообразил, что меня здесь добьют. Моментально вспомнил дом, родных, которые меня ждут. Кровь идет с головы по затылку, спереди – по всему лицу. Куда укрыться на чистом поле? Встаю. Автомат в левой руке. Осколок ударил в пальцы, автомат отлетел в сторону. Хватаю его правой рукой и вперед, к домам, где засел враг, которого выбить приказано.

Мои бойцы поднялись в атаку за мной. Справа соседний взвод тоже переходит в атаку на дома. Немцы идут в контратаку. Отбили мы ее.

Тут пришла помощь: влились в наш строй командир роты с ординарцем, командир батальона с ординарцем, адъютантом,

посыльными бойцами, связистами, писарем, санитарями и другими.

Командир роты Тютчев спрашивает:

– Где мой сынок?

Он всегда звал меня так, хотя я ему не был даже дальним родственником. Видимо, из-за малого роста.

Повернулся я к нему. Он не узнал: все лицо окровавлено.

– Что с тобой? – спрашивает.

А у меня губы опухли, сказать ничего не могу. Санинструктор тут же забинтовал меня аккуратненько, оставив отверстия в бинтах только для глаз и чуточку для рта.

А тут снова немецкая атака. Отбили мы ее. Даже я крошил гитлеровцев из автомата. Потом командир роты отправил меня в санитарный взвод. Дошел я до ручейка, достал из-за голенища ложку и минут десять черпал ей воду такую желанную. В санвзводе дали мне готовую закрутку табака, но я не мог ее прикурить или затяжку хоть сделать от прикуренной.

Лечился месяц в госпитале. И снова на фронт.

Много еще было жестоких боев. Когда отрезали Кенигсберг, чтобы по суше фрицы не могли удрать. Когда дрались в самом Кенигсберге. Когда в уличных боях с огромными потерями шли по Берлину до Бранденбургских ворот.

Выслушали поздравления с победой в Берлине. А в четыре часа дня по тревоге подняли нас, сделали танковыми десантниками и отправили за 60 километров выручать Первую польскую армию, окруженную немцами и кругом заминированную. Пока два дня мы выискивали и обезвреживали мины, немцы удрали к американцам.

Приказ – срочно двинуть в Чехословакию. Утром 9 мая вошли на окраину Праги без особого боя. Вдруг объявляют построение. Какое построение на торжественную линейку? Выстроились. “Смирно!” Вытянулись каждый в свой рост.

Выходят из здания знаменосцы, окруженные автоматчиками со всякими, положенными в торжественный момент, прибабасами. Выходят высшие командиры в новехоньких мундирах и при всех начищенных наградах.

Короткий митинг. Главное – конец войне! Что тут было! “Ура!” Смех и слезы, поцелуи, обнимания. Столько лет мы шли к этому дню, ждали этого момента! Затем праздничный обед с

фронтowymi 100 граммами.

После обеда боевая тревога: надо уничтожить в горах Чехословакии фашистов, не признавших капитуляцию. Выдвинулись мы в горы, окружили врага. Ночью появились наши бомбардировщики. Вместо бомб сбросили на головы фрицев многие тысячи листовок с обещанием сохранить жизнь всем сдавшимся в плен, и эта же листовка становилась пропуском после того, как на ней будет поставлена печать советской воинской части. Утром десятого мая вышли посланцы немцев с кипами листовок. Мы их направили к штабу. Вскоре они вернулись с печатями на пропусках.

И пошло! Нас мизерное количество, а немцы тысячными колоннами идут, бросают оружие. Отправляем их дальше в тыл. Нас удивило сохранившееся чиновничество в их армии. Все колонны возглавляли старшие командиры, и никто не смел нарушить строй. Возглавляющим колонны командирам мы даже давали по два-три автоматчика для охраны.

Сотни, даже тысячи километров прошли под огнем миллионы советских солдат, вырыли множество окопов, траншей, которые для одних стали убежищем, для других могилой. Если бы окопы могли говорить, они рассказали бы многое. А мы уже не так молоды, чтобы многое вспомнить.

Я счастлив, что внес свою долю в разгром фашистов советской армией в Германии и Чехословакии. Я горжусь тем, что после войны работал на Курганском машиностроительном заводе и внес определенный вклад в развитие этого флагмана Зауральской индустрии, в укрепление обороноспособности нашей прекрасной Родины.

Записал Андрей КУТИН

Фаина Селиверстова

ТРЕВОЖНАЯ ПАМЯТЬ

Селиверстова Фаина Афанасьевна родилась 29 августа 1923 года в селе Дубровном Варгашинского района. Младший сержант, зенитчица, служила на Первом Украинском фронте. Награждена орденом Отечественной войны I степени, семью медалями. Инвалид II группы.

Закончила я школу-семилетку перед самой войной. Начала работать в сельпо. Что только не приходилось в те годы делать, помимо основной работы.

В июне 1943 года призвали на службу в Красную Армию и направили вместе с другими девушками в учебный батальон в город Пермь. До войны там были лагеря ПВО ОСОАВИАХИМ. Зачислили бойцом-курсантом в команду по обучению воздушному наблюдению, оповещению и связи. Учили нас распознавать все марки вражеских самолетов по контурам и даже по звуку моторов. Ну и, конечно, изучили и знали хорошо марки всех наших самолетов, чтобы не спутать с немецкими.

Наша служба называлась ВНОС – это разведка и оповещение зенитчиков о приближении самолетов противника, выработке и даче координат для огня.

Летом 1944 года прибыли мы на фронт. Почти все время находились на передовой, своевременно передавали на позиции зенитных батарей данные о подходе вражеских само-

летов. Конечно и сами попадали под обстрелы немцев. Как-то при налете немцев погибли девушки-зенитчицы. Потребовалась заряжающая на батарею. Я выразила желание пойти в зенитный расчет заряжающей. Вскоре при очередной штурмовке с воздуха погибла командир орудия. Я ее заменила и почти полгода, до контузии, воевала в качестве командира боевого расчета 85-миллиметрового зенитного орудия.

Много было страшных, смертельно опасных моментов на фронте. Это случилось почти при каждом налете гитлеровцев. Но самой ужасной трагедией стала гибель всего моего расчета. А произошло это так. Меня вызвали на совещание в штаб полка. В это время произошел очередной налет фашистской авиации на наши позиции. От прямого попадания бомбы погиб весь мой боевой расчет – шесть девушек. При похоронах их останков я даже онемела от горя, не могла ни говорить, ни плакать.

Не забыть до конца жизни, как во время одного сильного контрнаступления немцев мы оказались на самой передовой. Пришлось стрелять по их танкам прямой наводкой, а после перевязывать раненых пехотинцев. Также и своих раненых девчонок-зенитчиц. Мы выстояли, а гитлеровцы прорвались с фланга. Через несколько дней их выбили обратно. У девчонок-зенитчиц, что оказались на их пути, фашисты выкололи глаза, отрезали груди, кинжалами вспороли животы. Этого не забыть никогда. И очень точно звучат строки поэта:

*Отгремела война,
Уже давней историей стала,
Но никак не отпустит
Суровую память бойца.
От фугасок и мин
Мы очистили наши кварталы,
Но какой же сапер
Разминировать наши сердца?*

После войны Фаина Афанасьевна работала воспитателем в детдоме, продавцом в магазине, поваром, пекарем. Ушла на заслуженный отдых из бухгалтерии Дубровского сельпо.

Записала Ангелина ГРИГОРЬЕВА

Иван Бабанский

НА ЗАПАДЕ И НА ВОСТОКЕ

Бабанский Иван Никитович, родился в 1926 году. Призван в армию в сентябре 1943 года. Участвовал в боях в составе II и III Украинского и III Забайкальского фронтов. Награжден орденом Отечественной войны, медалями «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.», «За победу над Японией» и другими. После войны работал на Курганском машиностроительном заводе более двадцати лет.

До сентября 1943 года я находился в оккупации. На следующий день после освобождения призван в армию, без какой-либо подготовки направлен в действующую армию около Днепродзержинска в состав Степного фронта. Там три дня нас обучали владению стрелковым оружием и пошли мы на форсирование Днепра. Бои были ужасно тяжелые. Да еще фашистские самолеты сильно бомбили наши войска.

Через месяц нас, группу понюхавших порошу солдат, направили в Муром, в учебный батальон. Там занимались по 10-12 часов муштрой перемежавшееся издевательствами: «Ложись в лужу! «Встать!» «Ложись!» А стрелять путем не научились: у наших командиров не хватило на это времени. Обещали сделать из нас командиров отделений, но ни одному звания не присвоили.

И влили нас в 20-й танковый корпус который находился под Корсунь-Шевченковским. Там я простыл и оказался в госпитале.

В 6-й танковой армии был я рядовым во взводе разведки. Шли мы всегда впереди нашего переднего края, добывали «языков», выясняли, где находятся немцы, сколько их там, есть ли артиллерия, танки, сколько их. Постоянно бои.

В Венгрии мы десантом на танках двинулись в обход одного небольшого города, чтобы брать его с тыла. Дошли до речки, взялись делать настил для переправы танков, тут прилетели девять наших самолетов и кружат над нами. Кое-как они поняли наши сигналы и улетели. А мы с тыла переправились через речку и разгромили немцев в городке. Поехали дальше и столкнулись на шоссе с колонной фрицев. Одних перестреляли, других раздавили гусеницами танков.

Выполняя задание, подъехали к железной дороге. Немцы открыли страшной силы артиллерийский огонь. Но мы, десантники, с пятнадцатью единицами бронетехники сломали врага.

В этом бою один снаряд попал недалеко от меня в акацию. Осколки разорвали на рукаве и груди телогрейку и часть моей кожи. В санбат не пошел, так как вполне мог шевелиться и стрелять. Обошелся перевязкой медсестры. А командир батальона увидел меня и удивился:

– Что это за реможная форма на тебе? Смени немедленно, не позорь армию.

Выполнил приказ.

Однажды в разведке на противоположном от нас берегу речушки заметили какое-то строение. А из него начали обстреливать из пулемета нашу группу. Мы переползли по месту, обезвредили пулеметчика и обнаружили идущие от этого строения провода к мосту, к которому присоединены ящики со взрывчаткой. Доложили полковнику. Саперы разминировали мост.

Помню, что в Вене особенно жестокие бои достались на нашу долю в районе канала. Долго никак не могли выбить фрицев, они там хорошо устроились. И только когда на помощь пришли огнеметчики, они и выжгли немцев.

В Вену заходили мы с тыла, с Запада, когда уже приличная часть города была освобождена от противника. Комбат приказал нам, разведчикам, взять лошадей и достать хлеба, а то

давным-давно мы его запах забыли. Объехали мы ряд улиц. Унюхали: хлебом пахнет, а здание закрыто.

На наши настойчивые стуки двери открылись. А там полным ходом идет выпечка хлеба. Привезли мы его горяченького полтонны. Заслужили похвалу командира, а еще больше благодарностей от бойцов.

Довелось мне на фронте встретить соседа по дому. Вместе когда-то призывались в армию. А произошло это так. Заняли мы одну деревеньку. А из другой, расположенной неподалеку, по нам стреляет пулемет. Да слышу, не немецкий, а наш родной «максим». Зашли мы в тыл деревни, атаковали немцев, они бежать из траншеи через дорогу. Мой дружок косит их из ручного пулемета «Дегтярева». Скрылись враги. Мы вошли в деревню, встретились с местными жителями. Улыбаются они нам, приветствуют. Смотрю, а откуда-то тянут трое станковый пулемет «Максим». В нашем подразделении, опять вспоминаю, такого не было. Пулеметчики одеты в советскую военную форму. В одном из ведущих «Максим» я узнал своего соседа из деревни. Крикнул ему:

– Сосед, не узнаешь меня?

Тут взорвался откуда-то прилетевший снаряд. Мы юркнули в калитку ближнего двора. Тишина. Больше снаряды не летают. Выходим, а мой бывший сосед ранен осколком в ногу. Ребята унесли раненого, чтобы отправить в госпиталь. А тех двоих, что были вместе с моим соседом у пулемета, след простыл. Потом уж, после боя, один из наших солдат говорил, что те двое перед взрывом снаряда срывали на рукавах повязки «РОА» (российская освободительная армия). И подумал я, что сосед стал предателем. Других-то пулеметов в деревне не было и стрелял по нам один.

После войны я делал несколько запросов в разные адреса, но получал один ответ по поводу своего соседа: пропал без вести. А видел я его 28 апреля 1945 года.

В Чехословакии закончили мы боевые действия только в конце мая. А потом успели на войну с Японией на Дальнем Востоке.

После войны более двадцати лет работал на Курганском машиностроительном заводе фрезеровщиком, карусельщиком, расточником.

Записал Андрей КУТИН

Виктор Губанов

ОТ СТАЛИНГРАДА ДО КЕНИГСБЕРГА

Виктор Ильич Губанов родился в 1923 году в Кургане. В сентябре 1941 года через Курганский комитет комсомола добровольцем ушел в Красную Армию. Его фронтовая жизнь связана со Сталинградом и III Украинским фронтом. На фронте получил контузию и тяжелое ранение. Награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды. После войны тридцать девять лет работал на Курганском машиностроительном заводе референтом директора завода, затем старшим инженером отдела главного механика.

Из военкомата нас направили в Пермь, в военно-морское авиационное училище. Проучились мы около года, не получив командирских званий, из-за тяжелой обстановки на фронте по приказу командования были срочно брошены в Сталинград. Там определили нас в пехоту. И никак не могли разобраться в моем звании – старший краснофлотец. Решили, что раз учился чуть не год, пусть будет старшим сержантом, вместо передовой, на которую мы все тогда рвались, поручили перевозить раненых на левый берег Волги. Как мы переживали: молодые, здоровые, и нас не допускают до боя.

Но оказалось, что порученная нам служба требует от каждого не меньше, чем на передовой, выдержки, выносливости,

храбрости, смекалки. Переправляли раненых на паромках и лодках под частыми бомбежками и артобстрелами. Лодки переворачивались, паромы разлетались на куски. Раненых приходилось вылавливать из воды и поднимать на оставшиеся плавсредства или вплавь доставлять до берега, и так днем и ночью.

В одну из таких переправ меня контузило. Оказался сам в госпитале. Через полтора месяца лечения был зачислен в Тюменское пехотное училище. Через полгода младшим лейтенантом отправился на фронт.

Теперь фронтовую жизнь начал уже командиром взвода. Много было боев и успешных, и провальных. Особенно ожесточенными были бои в районе Витебска. До этого мы после упорных боев, выбив из очередного укрепленного района фрицев, двигались вперед, иногда даже на очень большие расстояния. А тут наши многочисленные атаки не привели к успеху. И сил, видимо, у нас было маловато, и погода вредила нам. Днем солнце грело до десяти градусов, а ночью температура опускалась до минус четырех. Солдаты чувствовали себя скованными, потому что их одежда каменела от льда и грязи. Все окопы, траншеи, воронки от бомб и снарядов были заполнены водой. Бойцы лишились естественных укрытий. Мы несли большие потери убитыми. Дороги развезло. Невозможно подвезти боеприпасы и питание. Мы выдыхались.

В половине марта наступил для нас желанный период передышки. Нас сменили другие части, а мы отошли на переформировку. Занялись боевой подготовкой и приемом нового пополнения, бойцов, прошедших трех-четыре месячное обучение в запасных полках, хорошо одетых, подтянутых, настроенных по боевому. Поступило и новое вооружение. Особенно мы были рады автоматом ППС и ППСШ. Передышка длилась более двух месяцев. А потом марш в сотни километров к фронту.

Довелось нам участвовать в «Операции Багратион». Первым сильно укрепленным немцами районом был город Орша. Он занимал важное место в системе обороны противника на минском направлении, потому что являлся узлом шоссейных и железных дорог. Непосредственно за город мы дрались двое суток, непрерывно, днем и ночью. И разгромили гитлеровцев на указанном нам участке.

Большие потери понесли мы при штурме Кенигсберга. Мно-

гочисленные наши атаки на пригороды оказались безуспешными. Нас переформировывали, перебрасывали с участка на участок. Бои шли весь февраль и март, вплоть до штурма города.

В Кенигсберге мы столкнулись с невиданными нами сооружениями – фортами. Они были трехэтажными, стены их огромной толщины, сделаны из кирпича и бетона. Множество дотов и дзотов, соединенных между собой многочисленными траншеями.

Перед последним штурмом Кенигсберга артподготовка длилась три часа. Сквозь посеревший воздух было видно, как наши тяжелые снаряды сносят земляные покрытия с фортов, как взлетают в воздух куски бревен и бетона, исковерканные детали боевой техники. Но после такого урагана огня трудно было биться, и в самом городе, где все улицы были пересечены баррикадами, на перекрестках устроены железобетонные огневые точки. Множество дотов и дзотов. Но ничто не помогло врагу устоять. И эту крепость мы взяли.

Хорошо продуманная система бетонных и бронированных дотов, бетонных площадок для тяжелых орудий, а также множество траншей, ходов сообщения и противотанковых рвов была создана на подступах и к крепости Пиллау. Но и эта крепость была нами взята, конечно с большими потерями в людях и технике.

Меня ранило в одном из боев, когда поднимал в атаку бойцов. Поднимать было трудно. Представители Средней Азии, они втыкались лицом в землю и не поднимали головы, не только сами. Подбежишь, дашь пинка – соскочит. А тут снаряды рвутся. От одного осколок ударил мне в стопу. Пока соображал – перевязаться или дальше двигаться, – вблизи взорвался другой снаряд. Осколок в бедро, и меня засыпало землей. Ординарец откопал, помог добраться до санбата. На этом для меня война закончилась. Да и дивизия моя за две недели до Дня Победы завершила боевые действия.

После войны я почти сорок лет, в том числе одиннадцать лет уже будучи пенсионером, работал на Курганском машиностроительном заводе и по мере своих возможностей занимался рационализацией производства, за что много раз поощрялся дирекцией, а еще больше находил творческого удовлетворения.

Записал Андрей КУТИН

БРАТЯ ОРЛОВЫ

Колхозник деревни Мокино Белозерского района Яков Григорьевич Орлов проводил на Отечественную войну пять своих сыновей: Леонида, Степана, Петра, Андрея и Алексея. Провожая, каждому наказывал: “Не урони чести, сынок. Обороняй землю России-матушки, как семью свою родную и дом”.

И они защищали и дом, и страну, как просил отец. В бою с гитлеровскими танками в ноябре 1941 года у деревни Гурьевской, под Тулой, пал героически Петр Яковлевич.

Гвардии младший лейтенант Леонид Орлов, заместитель командира лыжного батальона Первой Московской Гвардейской мотострелковой дивизии, погиб в бою 2 апреля 1942 года на Смоленщине, у деревни Березки.

Рядовой Степан Яковлевич Орлов погиб в жестоких боях на Сталинградском направлении в сентябре 1942 года.

Весной 1944 года рядовой 330-го стрелкового полка Андрей Яковлевич Орлов героически пал в смертельной схватке с гитлеровцами у деревни Ворониной на Псковской земле.

Вернулся домой только Алексей. Войну он прошел в разведроты. Пять раз был ранен. Но дошел до Берлина. Боевых наград – полная грудь. Только медалей “За отвагу” – четыре. Он один такой оказался во всем районе.

Рассказывать о службе в разведке Алексей Яковлевич не

любил. Жестокая это работа – добывать сведения о противнике: и смекалка нужна, и сила, и выносливость, и бесстрашие. А в разговоре всегда подчеркивал: “Дружба у нас была крепкая во взводе, один за всех, все – за одного. Пять раз ранили меня, и даже в голову такое не приходило, что ребята оставят, не донесут к своим”, – только и говорил бывалый разведчик.

После войны Алексей Яковлевич вернулся в родной колхоз, возглавлял комплексную бригаду. Трудностей было невпроворот, но он перед ними никогда не пасовал. Так же, как и на фронте, верил в своих людей, вместе с ними растил хлеб, добивался высоких урожаев.

Записал Геннадий Устюжанин

* * *

*Если я на поле ратном,
Испустив предсмертный стон,
Упаду в огне закатном,
Вражьей пулею сражен,*

*Если ворон, словно в песне,
Надо мною круг замкнет, -
Я хочу, чтоб мой ровесник
Через труп шагнул вперед.*

*Пусть ускорит он походку
Среди выжженной травы,
Пропотевшую пилотку
Не снимая с головы.*

*И, зажав винтовку твердо,
Отомстит за смерть мою,
За страдания народа
И за Родину свою!*

Владимир ЧУГУНОВ

Гайнулла Рахматуллин

В ЕДИНСТВЕ МОЩИ БРОНИ И ХАРАКТЕРА

Родился я 13 февраля 1924 года в деревне Тузово Альменевского района. В 1940 году вместе со своими сверстниками поехал в Челябинск и поступил в ФЗУ.

Отучившись, стал работать. Началась война, к тому времени я уже сам обучал “фэззушников”, бронь имел. Однако это меня не устраивало. Трижды ходил в военкомат, чтобы записали добровольцем, не брали. Потом военный комиссар даже с каким-то сожалением сказал: “Ну и иди, узнаешь там кузькину мать”.

Попал в 10-й гвардейский Уральский добровольческий танковый корпус. Формировался он на территории трех областей: Челябинской, Свердловской, Пермской. Брали туда далеко не каждого, только физически крепких, сильных духом людей, больше всего коммунистов, комсомольцев, ударников.

Ребята молодые были, по 20-25 лет. Я войну до этого только в кино видел. Думал, шустрый, из любой сложной ситуации вывернусь. Сначала страшно было, просто жутко, потом страх притупился. О смерти как-то и не думали, но в боях туго пришлось. Корпус был отборный, механизированный, все мы хорошо экипированы: имели финки, 5-миллиметровый панцирь нагрудный. Экипировали нас по высшему классу. Обеспечение – уральское! Бросали нас на прорывы, туда, где особенно трудно приходилось. Жива у меня карта боевого пути красно-

знаменного корпуса, которую уже после войны нам вручили в Челябинском обкоме комсомола. На ней отмечены все крупные военные операции, в которых участвовал корпус. И о каждой из боевых операций есть что рассказать.

К примеру, на Орловско-Курской дуге перед наступлением за ночь обезвредил один 115 мин (был я и минером – подрывником, и танкистом). Сильные бои были под Каменец–Подольском, когда мы попали в так называемое тройное кольцо. Штурмовали Берлин, освобождали Прагу. Последний бой тоже памятен. После освобождения Праги выбили власовцев и эсэсовцев, засевших в бору. 23 мая стал для меня последним днем войны. В том бою с власовцами меня контузило. Потом – госпиталь. И только 14 апреля 1946 года вернулся я домой инвалидом 2 группы. Прожив много лет, и сегодня помню всех своих командиров поименно.

* * *

Грудь ветерана украшали ордена Славы II и III степеней, Красной Звезды, Отечественной войны I степени, многочисленные медали, среди которых “За отвагу”. Имел Рахматуллин 22 Благодарности от Верховного Главнокомандующего.

И за послевоенные годы было что вспомнить Рахматуллину. Трудился там, куда направляли: заведовал библиотекой, работал председателем сельского Совета, возглавлял спорткомитет при райисполкоме. Но фронтовые ранения давали о себе знать, пришлось оставить активную общественную деятельность. Стал жить в колхозе. Часто болел, но сложа руки не сидел, трудился на разных работах.

Умер Гайнулла Насибович 27 марта 1993 года, похоронен на кладбище деревни Вишняково.

...В истории района оставил свой след бывший фронтовик Гайнулла Насибович РАХМАТУЛЛИН, сохранится он в памяти и наших потомков.

Ольга Дзени́т

ЗАВОД НА КОЛЕСАХ

Ольга Васильевна Дзени́т родилась в 1923 году в городе Верхнеуральске Челябинской области. В Красную Армию призвана Верхнеуральским военкоматом в июне 1942 года. Служила в авиации дальнего действия, которая находилась в ведении Верховного Главного командования. После войны работала двадцать четыре года на Курганском машиностроительном заводе.

Училась я в Челябинском учительском институте. 22 июня пошла с подружкой в сквер готовиться к экзамену. День был теплый, и окна расположенных от нас недалеко домиков были открыты. Радио донесло до нас какое-то тревожное сообщение, которое мы не до конца поняли. Поспешили в институт. Там актовый зал уже почти полон студентов, и все взволнованно говорили о начавшейся войне с Германией.

В институте был у нас староста группы, которого мы звали «Батько». Без него никогда никакой серьезный коллективный вопрос не решался. Он рассказал нам о вероломном нападении Германии на Советский Союз и задал вопрос: «Что мы должны делать?»

Все в один голос отвечали: «Добровольцами идти на защиту своей Родины!» Проголосовали. Староста дал команду постро-

иться. Строем пришли в военкомат. В военкомате народу уже было очень много и все подходили и подходили люди разных возрастов.

Военком принял нашего старосту и сказал, что когда понадобится – позовем, продолжайте учебу. Но просил оставить несколько студентов, чтобы разнести повестки. Когда пришли мы с повестками к железнодорожникам, те уже были готовы идти в военкомат: собраны сумки с ложками, кружками, продуктами питания. И задавали нам эти люди один вопрос: «Почему так долго пришлось ждать Вас с повесткой?» Чувствовалось желание людей помочь Красной Армии уничтожить врага.

Мы продолжали учиться. А через год, в июне 1942 года, по рекомендации райкома комсомола нас призвали в армию. Правда, мою подружку Марию Юрченко, военкомат отказывался брать: она была моложе призывного возраста на один год, но Маша настояла на своем, и ее призвали добровольцем. Первая партия из 10 девушек, посланцев комсомола, была отправлена до нас. А мы, одиннадцать девушек, были уже вторыми. Провожали нас все жители города Верхнеуральска. Машины шли медленно, а за ними весь народ. Провожали нас с песнями, слезами и добрыми пожеланиями.

Наша военная часть находилась в районе Орска, селение Кумак. Личный состав – в основном харьковчане разных производственных профессий: слесари, токари, фрезеровщики, сверловщики и инженеры.

В конце июля прибыл железнодорожный состав – подвижные авиационные мастерские ПАМ-10, и нас направили под Москву на Глуховский аэродром. В течение войны мы перемещались на запад. Последнее наше расположение было в районе Вильнюса. Обслуживали мы самолеты ТБ-3, ТБ-7, ЛИ-2, ЯК, У-2, П-2 и другие. Наша задача была поддерживать самолеты в состоянии боевой готовности.

Проводили ревизию, осуществляли технический и капитальный ремонты, снимали с самолетов моторы, разбирали их. Чистили, мыли в ваннах с особым горячим раствором. После выполнения всех технологических операций испытывали моторы на специальных стендах и устанавливали на самолеты. В это же время проходила проверка всех узлов самолета. Проводилась замена изношенных узлов и деталей. После

окончания всех работ самолет собирали, и он проходил испытания.

Работу по чистке и мойке моторов делали в основном мужчины – это адский труд. Но и нас с Машей не обошла эта работа. Решили мы «покататься» на самолете, который должен был пройти испытания. Летчики разрешили. А в воздухе с самолетом что-то случилось. Летчики чудом спасли самолет и наши жизни. И получили мы с Машей взыскание от командира. Разбирали нас и на комсомольском собрании. Для меня было страшным предложение принять решение собрания – сообщить коммунисту Попову Ивану Михайловичу, который дал мне рекомендацию в комсомол, о моем проступке. Но это большинством голосов не было принято, и тогда появилось в «Боевом листке» стихотворение:

*...Захотелось им подняться
До высоких неба сфер,
И решили в ЛИ забраться
Маша Ю и Оля Р,
И теперь моторы моют,
Пряча в горсть слезу свою...*

Работы для девушек было всегда с избытком. Часто приходилось восстанавливать крылья самолетов У-2 и П-2. Снятые крылья помещали в специальный вагон. Снимали старую обшивку, покрывали новым материалом (перкалью) и пришивали. А затем надо было покрасить, как мы говорили – проэмалитать. Эти операции надо было сделать в строго определенное время, которое нельзя ни сократить, ни увеличить, чтобы краска высохла, как положено по технологии.

Операции прервать тоже нельзя. И мы делали все это при очень высокой температуре, задыхаясь до невозможности от ядовитых паров красителей. А потом выползали из вагона на улицу и валились на траву, а зимой – на снег, чтобы отдышаться и прийти в себя.

Самолеты же ТБ-3 и ТБ-7 (транспортные самолеты в мирное время возили скот) возвращались с боевого задания закопченными. Потому как было у них по четыре мотора с громадными баками для горючего. И всю эту махину (от одного конца крыла самолета до другого 41 метр) надлежало очистить от масляной копоти, не оставив малейшего загрязнения.

Для выполнения этой работы мы подвязывались к двигателям, беря с собой коробки из-под патронов, заполненные американским оцинкованным бензином. Иногда по неосторожности коробка перевертывалась, облив нас теперь уже бензином с копотью.

Бензином же стирали свою рабочую одежду, отмывали волосы, лицо, руки от краски, масла и копоти. Въевшаяся копоть оставалась в порах кожи рук до локтей еще длительное время после войны.

Я и Маша Юрченко красили самолеты ТБ-3, ТБ-7, ЛИ-2 из пульверизатора. Тут надо было нанести точно определенной толщины слой краски, чтобы не увеличить вес самолета и не уменьшить его воздушную обтекаемость. И, хотя выполняли эту работу на улице, на свежем воздухе, а его-то и не хватало. Стоишь в полный рост, направишь пульверизатор вверх, а брызги, хоть и мельчайшие, покрывают тебе лицо, волосы, руки. А когда нижнюю часть фюзеляжа, особенно его конечную часть, красишь лежа на спине, краска еще больше заливает тебя. Очень тяжело было отмывать кровь, когда кого-нибудь из экипажа ранило или убило.

Ходили мы и в дозор по периметру аэродрома с винтовками. Идешь, настораживаешься. Вдруг видишь: кто-то стоит около самолета. Винтовку на изготовку, подходишь, а там березка или пенек, не замеченные тобой днем. Охраняли склад боеприпасов, склад продуктов.

Но самое страшное – охрана вагонов-мастерских, стоящих в лесу. Идешь – и вдруг сильные вопли. Страх хуже некуда! А это плачет или хохочет сова.

Случалось у нас, что не возвращался самолет с задания, а приземлялся где-то. Необходимо было установить его состояние. Командование направляло в зону нахождения самолета опытных мастеров, таких как инженер авиадвигательного строительства Михалёв Владимир Владимирович, для определения возможности восстановить самолет.

Не каждый из нас знал, что этот очень нужный воинской части замечательный человек, вопреки всем законам, служил с одним легким. И однажды он вернулся с поиска самолета тяжело больным. Но врачи сделали все, чтобы поставить его на ноги. И он снова оказался в строю. Специалистов, как Ми-

халёв Владимир Владимирович, было мало и их ценили «на вес золота».

Не могу умолчать о таком случае. Прилетел с бомбежки самолет, а летчик выходит из самолета весь белый, посидел за один полет. К сожалению, не помню фамилию летчика. Он, выполняя приказ, бомбил заданный ему квадрат, в котором жила его семья. Командир этого не знал, и летчик ему не сказал об этом. Задание выполнил.

Нелегко далась нам эта война, не всегда с питанием было нормально. Мужчины, обслуживающие аэродром и делающие самую тяжелую работу, еле волочили ноги. Как-то мы, девчонки, более легко переносили голодный паек. А когда наш командир части съездил в Москву, этот вопрос решили. Было у нас радости, как у детей на елке.

А девушки наши выдержали все невзгоды. Как могли, мы ковали победу. Вот они, девушки с Урала: Наташа Самбур – офицер медицинской службы, она ушла от нас на передовую; Катя Лесова – старшина, и мы, рядовые, Мария Плотникова, Вера Овчинникова, Аня Загрыценко, Надя Ануфриева, Надя Кеба, Жанна Корнечук, Нюся Синютина, Клава Коновалова, Женя Баранова, Ася Асичкина, Евдокия Гаврикова, Мария Юрченко, Ольга Рыкова-Дзенит, Фрося Колонюк.

Все мы дослужили до Победы, и только Маша Юрченко была демобилизована досрочно из-за тяжелой болезни.

Наградой нам за военную службу была Великая Победа над гитлеризмом и медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

Потом мне вручили медаль «50 лет Победы».

А на Курганском машиностроительном заводе наградили медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина» и «Ветеран труда».

Из моей семьи на фронте было пятеро – четыре моих брата и я. Один из братьев не вернулся, погиб.

Записал Андрей КУТИН

Алексей Балашов

НА ФРОНТЕ ВСЯКОЕ СЛУЧАЛОСЬ

Балашов Алексей Андреевич родился 25 октября 1926 года в селе Нижний Миасс Щучанского района. Рядовой. Воевал с июня 1944 в составе 1175-го стрелкового полка 347-й стрелковой дивизии. Ранен. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны I степени, медалью "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.". Умер в 2002 году 15 ноября. Похоронен на городском кладбище.

Призвать меня в армию вместе с одногодками военкомат отказывался из-за моего малого роста: всего 151 сантиметр. Я много раз обращался с просьбой призвать меня, в конце концов мою просьбу удовлетворили и отправили в Чебаркульские лагеря для обучения военному делу. Через три месяца поехали мы на фронт. Дорогой нас один раз немцы бомбили, но ни железнодорожное полотно, ни наш эшелон не пострадали. Под городом Полоцк выгрузились, где закончилась железная дорога, и пошли за 800 километров к фронту.

Там мы получили первую боевую задачу: выдвинуться к мосту через реку и охранять его, чтобы немцы не взорвали. Но немцы опередили нас, взорвали.

На следующий день после артиллерийской подготовки мы двинулись вперед. В результате жестокого боя освободили

один город. Через два дня после тяжелой контратаки фрицы у нас его отобрали. И только после многочисленных бомбежек и артиллерийских налетов мы снова выбили фашистов и пошли дальше.

На нашем пути встречались в основном хутора, в которых крепко сидели немцы, прячась за стенами, построенными из гранитных камней. А когда выбьем врага, нас выгнать из хутора тоже было нелегким делом: нам помогали обороняться те же стены.

В одном из боев мы заняли оборону на опушке леса. Идут на нас фрицы в атаку с двумя «Тиграми». Неподалеку от меня пулеметчики из «Максима» дали очередь по наступающим. А «Тигр» ответил за свою пехоту снарядом. Пулемет искорежило. Расчет бросил свой окоп, решив переменить позицию. Один из бойцов по узкой траншее подбежал и хотел через меня сидячего перелезть. Но был он могучим парнем, спина его высунулась над бруствером и была тут же прошита пулеметной очередью. Он повис на мне, прижав к земле. Я распластался на дне траншеи, но освободиться от такой тяжелой ноши не смог. Пытался докричаться до командира роты или старшины, чтобы сказали мне, если рота будет отступать. Ответа не получил (потом оказалось, что они уже были убиты). Шевелиться не могу. С убитого пулеметчика кровь залила мою голову, лицо. К ночи бой затих. От непомерной тяжести временами терял сознание. Решил уже в темноте позвать на помощь. Отозвался один солдат, раненый в обе ноги, лежащий не в траншее, а за ней, на голом месте. Я попросил его доползти до меня и освободить, чтобы я перевязал ему раны. И тут рядом послышалась немецкая речь, которая вскоре смолкла, но я боялся подать голос: вдруг фрицы разместились в траншее.

Утром наши пошли в атаку. Один солдат заметил, что я шевелю ногой, оставшейся непридавленной. «Кажется, живой», – сказал он и высвободил меня. Все обмундирование мое уже покорибилось от засохшей крови. Сам шевельнуться не могу. Только язык еще работал. Доставили меня в медсанбат, отмыли, переодели. А о судьбе того раненого в ноги я так и не смог узнать. Может его раньше меня обнаружили и унесли. А, может, и фрицы забрали.

Стояли мы как-то в обороне. А немцы всего метрах в двухстах от нас. Ночью, бывало, перестреливались, а днем и мы,

и они свободно выбирались из траншей и ходили во весь рост. Приходит к командиру нашей роты связной с пакетом. Пожилой боец. Остановился около меня, а я стою, смотрю на свой ботинок с оторванной подошвой. Связной расспросил меня, кто я, откуда, и пообещал похлопотать, чтобы меня перевели в штаб батальона. Согласился. Перевели. Старшина сводил на склад. Я подобрал себе трофейные немецкие сапоги и зеленую английскую шинель.

Пошел батальон в наступление. Из одной роты сообщили командиру батальона, что закончились боеприпасы. А людей за ними не прислали. Мы быстро сделали из лыж сани, погрузили на них патроны и гранаты. Доставить в роту послали меня. Немного не довез, когда меня ранило: небольшой осколок мины угодил под глаз, кровь льется. Но я доставил груз до командира роты.

Отправили в санбат. Перебинтовали. Через два дня ново-
явленный мой командир медсанбата приказывает:

– Бери вот эту повозку, будешь ездить куда пошлем. Лежа-
чих раненых вози по два человека, а других – по четыре.

Еду однажды ночью в указанном направлении. Идет студе-
беккер без огней. Не успел я отвернуть. Утром очнулся. Ло-
шадь одна не может подняться, а вторая встала. Телега пере-
вернута, солома из нее вывалилась, на ней лежат бинокль и
планшет. Взял я их и верхом приехал в санбат. Один офицер
увидел находку и обвинил меня в воровстве. Отправили в мою
роту. А подумал бы он, зачем мне, бойцу, ненужный лишний
груз. Потом уж выяснилось, что этот командир однажды спал
в этой повозке на соломе, а во время тревоги убежал в укры-
тие, забыв нужные ему вещи.

И снова мое место на самом переднем крае. Берем хутор
за хутором. Сколько взяли – кто их считал!

И вот очередной раз окопались на опушке леса. Мы, два
солдата, в дозоре, впереди роты. Прилетает фашистский сна-
ряд и взрывается недалеко от нас. Один осколок впивается
мне в ягодицу и вылетает через ширинку. Больше трех меся-
цев лечили в госпитале. 8 мая выписывают годным на фронт.
Садимся в поезд. А утром радость – война окончилась!

Записал Андрей КУТИН

Петр Лапин

НА БЕРЛИН!

Лапин Петр Кузьмич родился 11 сентября 1926 года в деревне Мокино. Не успел школу окончить, а тут война. В Чебаркуле окончил минометную школу младших командиров – и на фронт. Награжден: орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». Инвалид войны.

Шагаем по Белоруссии. Полностью выжжены деревни, торчат только печные трубы. Ни одной живой души. В Барановичах разрушена станция, разорваны железнодорожные рельсы и шпалы, валяются цистерны, вагоны... Шли ночью и днем. Пить хочется. На пути колодец, все к нему, но воды нет: завален трупами. Второй колодец – то же самое. Ужас! И ненависть к врагу.

А это было уже зимой. В лесу под Люблиным нас встретили по-братски фронтовики-кавказцы, все в орденах, медалях, завоевались на Тамани, Керчи, в Севастополе. Несколько дней вместе роем траншеи, блиндажи, устанавливаем противотанковые мины. Потом двухчасовая артподготовка. Ринулись в атаку. Прорвали линию обороны немцев и прошли до середины реки, покрытой льдом. И вдруг прошел пулемет с той стороны. Залегли на льду. А немец бьет и бьет, головы не под-

нять, промерзли до костей. Наконец, красная ракета. В атаку! Немцы драпанули. Идем обратно к берегу. Прощаемся с убитыми товарищами – с Дмитриевым Николаем Васильевичем из Белозерского района, с Косачевым Павлом из моей деревни, с убитым командиром батареи, кавказцем...

Походным маршем идем день-два-три... Прошли десятки километров без отдыха, без сна. Обессилели, клонит ко сну, тянем за собой – «максимы», гранаты, подсумки с патронами, на спине у каждого вещевой мешок. Идем, от усталости наваливаясь один на другого, полусонные. Обгоняет нас кавалерия. Приказ: идти боковым дозором. Вдвоем идем в разведку. Заходим в ближайший хутор. Пожилая женщина снимает с меня шапку, шарит по голове: искала у меня рога. Немцы им говорили: «бойтесь сибиряков, будут колоть вас рогами».

Под ночь устроили привал в небольшом лесочке, недалеко готовится к привалу артдивизион. Выставлены дозоры. Под утро началась стрельба. В темноте мелькают силуэты, ничего не разберешь, где немцы, где свои. Смотрим, перед нами три машины с немецкими автоматчиками. Выручили нас артиллеристы. В этой короткой схватке получил пулевое ранение в поясницу. Меня положили в повозку на ящики с патронами. И вдруг в небе два немецких самолета. Пулеметные очереди на бреющем полете. Ранена лошадь, задымились ящики с патронами, на которых лежит моя голова. Пронесло, в госпитале ходил на костылях, но зажили раны быстро, тело молодое.

Франкфурт-на-Одере. Все ближе Берлин. 16 апреля началась артподготовка. Через наши головы с воем и свистом, шипением понеслись на фашистов снаряды и мины. Дым, грохот, огненные хвосты наших «катюш». Вдруг все смолкло. Началось общее наступление. Пошла пехота, артиллерия, танки, все задвигалось. Через два дня были у Берлина. Чего здесь только ни понаделали гитлеровцы – противотанковые ежи, рвы, траншеи. Горело все, что могло гореть. Кругом оглушительная стрельба, пушки бьют прямой наводкой по укреплениям немцев, а они по нам. Выстояли. И победили!

Война не ожесточила этого человека. Он любит жизнь, любит труд. Он человек с разносторонними интересами. У него прекрасный сад с теплицей, засаженной элитными томатами. У него много книг о Великой Отечественной войне, и рядом

книги «Анатомия человека», «Справочник практического врача» по фитотерапии. Он вырыл 14-метровый колодец-скважину и каждое утро выпивает ковш чистой воды.

Молодая семья Лапиных – Петр, Анна и Тонечка

Петр Кузьмич на войне был два года. Но запомнилась она ему на всю жизнь. «Не дай бог пережить этого никому», – говорит он и всеми силами старается продлить жизнь, сделать ее здоровой, полезной для семьи, окружающих его людей.

Записал Геннадий УСТЮЖАНИН

Сергей Антропов

ВОЕВАТЬ УЧИЛИСЬ В БОЯХ

Антропов Сергей Михайлович родился 31 марта 1925 года в селе Троицкое Катайского района. Призван в Красную Армию в июле 1943 года. Старший сержант. Воевал в составе 47-й Духовщинской мотобригады, 153-й отдельной танковой бригады на Западном фронте. Награжден орденами Славы III степени, Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями “За взятие Кенигсберга”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Демобилизован летом 1946 года. Работал электромонтером на Катайском насосном заводе, затем в отделе снабжения. Награжден медалью “Ветеран труда”. Живет в городе Катайске.

В июле 1943 года меня призвали в армию. Направили в Чебаркуль в учебную роту автоматчиков. Осенью нашу роту бросили на Западный фронт, здесь, на Смоленщине, шли тяжелые бои. Воевать пришлось под Оршей, затем под Витебском. Бои шли жестокие, а в сводке сообщалось, что идут бои местного масштаба.

Однажды наша часть под Витебском освободила деревню и должна была удерживать ее от контратакующих гитлеровцев. Я вместе со своим другом – пулеметчиком Сашей Кудрявцевым из Москвы – вели огонь и не заметили, как по при-

казу командира роты отступила. Немцы быстро заняли деревню. По открытой местности перебежать к своим было уже нельзя. Мы затаились. Начало темнеть. А тут совсем близко подошла немецкая самоходка. Из нее вылез командир и стал давать указания. Когда немцы отошли, я подобрался к самоходке, бросил в открытый люк гранату и с Сашей бросились вниз, в лощину. В самоходке прогремел взрыв, немцы всполошились, пока разбирались, что произошло, мы уже были в кустах, затем поднялись и присоединились к своим.

Пока шли по Белоруссии – не видели ни одной целой деревни, одни пепелища да печи с трубами. Фашисты уничтожали все, колодцы засыпали, воду травили. Много было повешено виселиц. Бои продолжались тяжелые. К 11 января 1944 года из 600 человек в живых у нас осталось всего 14. Нас вывели на пополнение, стали из нас готовить танкистов. Я вскоре получил назначение в 153-ю отдельную танковую бригаду – радистом в командирский танк.

Осенью 1944 года с тяжелыми боями бригада первой вышла к прусской границе. Здесь развернулись кровопролитные бои. В ночь на 7 ноября пришлось закапывать танки по самые башни, создавая опорные пункты. На другой день шел жаркий бой. Напротив сектора обстрела нашего танка командование насчитало больше всего убитых гитлеровцев и подбитых машин противника, за что я и получил свой первый орден – Красной Звезды.

Вскоре нашим двум Т-34 был дан приказ – выйти в тыл врага и на станции уничтожить склад боеприпасов. Двигались мы по лесной дороге. На пути неожиданно встретили большой вражеский обоз. Решили с ними разделаться и начали давить повозки гусеницами, только хруст стоял, ворвались на станцию, огнем из пушек уничтожили склад боеприпасов и новые орудия гитлеровцев.

6 апреля 1945 года наши войска начали наступление на Кенингсберг. Наш танк подорвался на противотанковойmine, разорвало гусеницу, он по инерции въехал в заполненный водой ров и выбраться из него уже не мог. Но экипаж продолжал бой. Вскоре из форта немцы с поднятыми руками и белым флагом стали перебираться через застрявший русский танк и сдаваться на милость победителей. 7 апреля я уже воевал в

другом танке, где не было радиста, участвовал в уличных боях, получил серьезное ранение в голову. Механик Золотухин через передний люк вытащил меня. В этот момент вражеская пуля попала мне прямо в лоб. Спасло то, что она была уже на излете, и еще помог танкистский шлем. Сейчас та пуля хранится в заводском музее, а от нее вмятина у меня на лбу.

За штурм Кенингсберга я получил орден Славы III степени.

Атакуют танкисты

Ирина Ватолина

В ПРИФРОНТОВОЙ ДЕРЕВНЕ

Ирина Семеновна Ватолина родилась в 1930 году в деревне Овинец Калининской области. Детские годы прожила в условиях оккупации. После войны с семьей переехала в Курган и до пенсии работала на машиностроительном заводе имени Ленина.

Северо-западнее города Калинина, за сотни километров от областного центра, среди непроходимых болот и богатых ягодами и грибами лесов, рядом с озером Селигер, лежит моя родная деревенька Овинец. Обычная, колхозная. Жили там люди спокойно, дружно. Но в один из жарких солнечных дней приехали нарочные с повестками военкомата и страшной вестью о начавшейся войне.

Мне тогда не исполнилось еще и одиннадцати лет, и не помню, что говорили люди о характере войны. Но жизнь в деревне круто изменилась. Голосили женщины, собирая в дальний путь мужчин. Ушел на фронт и отец мой Семен Лукич Еврафов. А вскоре с колхозного двора отправили на фронт лошадей, остались лишь старые да больные. А тракторов и автомашин в хозяйстве вообще не было. На работу в поле выходили дети, женщины и старики.

Урожай выдался отличный, но не все успели убрать до зимы, хотя работали от зари до зари. А по ночам копали кар-

тошку в своих огородах, обмолачивали ячмень. Колхозное зерно почти все сдали государству, оставили лишь на семена и на выдачу по трудодням.

Убрали рожь и тут же готовили пашню под озимь. Запрягли коров, быков. На них и пахали, и боронили.

Однажды я с подружкой пахала на коровах с одного края поля, а двое мальчишек на быках – с другого. Не зря говорят: упрямый, как бык. Утянули быки плуг к кустам, легли, и никакими силами их не поднимешь. Хорошо, что ребята помогли норму выполнить, спрос был с нас, как со взрослых.

Зима выдалась морозная и снежная. А фашистские войска подходили все ближе и ближе. Появились в нашей деревне красноармейцы. Днем рыли траншеи. Ночевали по домам. И у нас были постояльцы. Варили им на ужин по ведру картошки и ведру супа. В первый вечер нарезали хлеба в общую чашку. Так один солдат, пока другие ели суп, успевал несколько кусков хлеба проглотить. Тогда стали выдавать каждому по большому куску хлеба, чтобы одинаково доставалось.

Когда немцы заняли соседнюю деревню, красноармейцы ушли. И стали появляться разведчики: то наши, то немецкие. О немецких разведчиках жители деревни старались сразу же сообщить нашим, расположенным неподалеку. Но не всегда это удавалось. Часто случались перестрелки. Сколько их видели жители Овинца! А в соседней деревне фашисты уничтожили почти всех, даже маленьких детей расстреляли.

Как-то на Овинец упали две бомбы. Одна взорвалась около клуба и убила и без того еле живых от старости и голода пять лошадей. Вторая упала возле жилого дома, но не взорвалась. Погодившиеся тут красноармейцы изъяли боевую головку, а внутри бомбы лежали молотки, куски железа и записка: «Чем можем - поможем. Румянцев». Сколько тут было радости! Союзники – империалисты еще только обещают открыть второй фронт, и неизвестно, когда откроют, а там, в фашистской Германии, наши военнопленные, работающие на военных заводах, уже открыли второй фронт. Слезы радости были в глазах многих жителей нашей деревни.

Где он сейчас, герой Румянцев? Жив ли? А если нет, то знают ли его родственники, получившие шестьдесят с лишнем лет назад извещение о его смерти или как о пропавшем без вести,

что он и после этого бесстрашно сражался за Родину?!

Во время войны нам неоднократно приходилось сниматься с насиженных мест. На военных машинах всех жителей деревни увезли за озеро Селигер. Там и зимовали. А когда вернулись, исчезли закопанные в землю рожь, ячмень, картошка. Летом снова увозили за озеро спасать нас от наступающих фашистов. Однажды даже объявили, что эвакуируют в глубь страны. Велели резать коров. Зарезали. Но тут пришел приказ об отмене эвакуации. А как жить? Продуктов – никаких. Оставшиеся в живых колхозные лошади, быки и коровы от голода не могли стоять на ногах, хотя со склада выдавали мизерное количество сена. Но вот ведь что интересно: у одних коровы лежали, у других были на ходу. Потом на них даже мало-мальски пахали и боронить можно было.

Оказывается, получив охапку сена для коров, некоторые девчата сдабривали ее собственной мочой, и коровы становились на ноги. Но мало их было таких. Пришлось нам вместе с матерями и стариками впрягаться в плуг или борону. А некоторым – копать поле вручную, лопатами.

Бабушка моя Прасковья Яковлевна носила на себе сеяльницу с зернами и разбрасывала его, а я ходила рядом и втыкала в землю прутики, чтобы бабушке было видно, куда она посеяла зерно.

А продуктов питания к посевной совсем не осталось. Собирали крапиву, лебеду, смешивали их с мятой и пекли лепешки, собирали в лесу ягоды и грибы.

О конце войны, как и о ее начале колхозники узнали в поле. Шла из соседней деревни женщина и удивилась:

– Что это вы в праздник работаете?

– А какой сегодня праздник?

– У нас на каждом доме красный флаг висит: Победа! Вы что, не знаете?

И пошел народ домой, 1418 дней ждали такого дня. Родовались и горевали о погибших.

Отец, Семен Лукич, вернулся раненый, прямо из госпиталя в 1945 году. А на следующий год мы переехали в Курганскую область. Сменив несколько мест работы, я остановилась на Курганском машиностроительном заводе, где освоила три профессии, которые по силам лишь крепким мужчинам: формовщик,

стерженщик, земледел сталелитейного цеха. Но, хотя я плотно сбитая и мускулистая, выдержала только около двадцати лет на этой адской работе. Ушла на пенсию по инвалидности.

День Великой Победы никогда не надо забывать. Это тысячекратно заслуженный праздник народа нашей страны.

записал Андрей КУТИН

НАВОДЧИК

*Не позабыть мне ночи той короткой.
Был май. В лесу черемуха цвела.
Мы наступали, и прямой наводкой
Артиллеристы били вдоль села.*

*И, пробираясь меж коряг и кочек,
Когда рассвет вставал от пепла сед,
Я слышал, приговаривал наводчик:
- Вот, в самый раз... Прости меня, сосед!*

*И вновь взлетало облако рябое,
И вновь шаталась от разрываев мгла...
А мы узнали только после боя,
Что парень был из этого села.*

Николай РЫЛЕНКО

Людмила Мелкобродова

В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Людмила Николаевна Мелкобродова родилась в Ленинграде в 1932 году. Почти весь период блокады прожила в городе. Потом вместе с матерью по «дороге жизни» была эвакуирована в город Фрунзе. Еще в войну из Фрунзе уехали вместе с матерью в Москву, оттуда – в Белоруссию, куда направили мать организовать связь между воинскими частями. И следовали за фронтом.

После войны Людмила Николаевна работала на Курганском машиностроительном заводе, награждена медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина» и «Ветеран труда».

В пять лет я уже читала и писала, а потому меня отдали сразу в третий класс. Вскоре после того, как начались бомбежки, воздушные тревоги, артиллерийские налеты, мы, дети, стали одни оставаться дома, когда взрослые уходили на работу.

Потом началась эвакуация детей. Мой возраст подходил к этой операции. У меня были младшие братья – близнецы и сестренка, не подлежащие эвакуации. Жители дома договорились, что мы, ребята, будем дежурить, ждать машину для эвакуации и позвоним во все квартиры при ее появлении. Я убежала в маленькую кладовку, дверь которой отворялась

вовнутрь. Сняла ванну, поставила перед собой и дверь, чтобы никто не зашел. Звонок прозвенел. В квартире лежит мой чемоданчик с бельем, а меня нет. Мама всюду искала меня – не нашла. Устала. Сидит. Из всей квартиры (а было три семьи), из подлежащих эвакуации детей, я осталась одна. Когда я вышла, мама обрадовалась, что я не уехала.

Фашисты приблизились к городу и многое разбили, у нас не стало тепла в батареях и воды в кранах. Мы набирали снег на улице и таяли воду. Отчим находился на «брони», как начальник дистанции пути. Но на дистанции делать было почти нечего, поезда уже не ходили. Отчим рвался на фронт. И добился. Первое время приходили от него письма-треугольнички. Потом их не стало.

До войны крупа у нас находилась в глиняных горшочках, и в первое время мы находили в них остатки, но вскоре это блаженство закончилось. От чима у нас сохранились широкие массивные ремни. Мы их размачивали и варили по маленькому кусочку на каждого в нашей комнате.

Чтобы согреться, жгли газеты, журналы, книги, потом табуретки и стулья.

Мои братишки – близнецы заболели крупозным воспалением легких, их положили в больницу, где они и умерли.

Мама работала где-то в центральном узле связи. Она работала там еще до войны, при живом Кирове, которого считала простым, хорошим человеком.

Все работали допоздна. Разбомбили немцы соседний дом, а под ним убежище. Долго из развалин выкапывали людей. Когда объявлялась воздушная тревога, мы просто ложились в квартире на пол и ждали отбоя.

Женщины и старики строили баррикады, рыли окопы, траншеи. Но были в городе и прохвосты, которые приходили, осматривали квартиру и предлагали буханку хлеба за антиквариат или золотые вещи.

Вскоре из четырехкомнатной коммунальной квартиры все жильцы, оставшиеся в живых, перебрались в одну, самую маленькую комнату, сложили на полу матрасы и спали вповалку на них, а окна закрывали одеялами. Мальчишки забирались на чердак и гасили песком зажигательные бомбы.

В городе не стало собак, кошек, крыс и даже воробьев. Все

съели. Умерших людей многие скрывали, чтобы сохранить хлебные карточки.

Взрослые из нашей коммунальной квартиры уже не могли ежедневно навещать своих родственников, а потому приходили к нам с работы по очереди.

Умерли моя сестричка Галиночка и бабушка из соседней квартиры. Я уже только лежала, ноги не ходили. Какая-то общественная организация присылала нам баланду, неизвестно из чего сваренную. Уезжавшие из города соседи приносили нам ключи от квартир. Брала мы там табуретки и стулья на отопление. Крапиву и лебеду в городе найти было почти невозможно.

В течение всей блокады у нас было одно на уме: было бы чистое небо и был хлеб. Больше ничего не надо.

Наконец открылась «дорога жизни» по Ладоге. Нам стали выдавать по небольшой порции питания, чтобы мы не погибли после голодовки.

Стали писать письма на большую землю. Из города Фрунзе пришла телеграмма, что тяжело больна наша бабушка. Маму отпустили с работы, и мы поехали. При выезде из Ленинграда налетели самолеты немцев, поезд бомбили. А мы в это время лежали на полу вагона и остались целыми.

На остановках жители станций и раненые солдаты, ехавшие с нами в одном поезде, давали нам продукты, зная, что мы из голодающего Ленинграда, но сопровождавшие нас люди предупреждали, что потреблять можно лишь то, что нам дают по медицинской норме.

Доехали мы до города Фрунзе. Здесь заболели тифом мама, потом я, за мной бабушка и дед. Нас всех побрили и долго лечили.

А после выздоровления мы с мамой поехали в Москву по вызову. Она была очень опытным работником связи, и ее направили в Белоруссию для налаживания связи между воинскими частями. Она набрала необходимый штат работников, и мы двигались с ее организацией вслед за фронтом.

Записал Андрей КУТИН

Андрей Кутин

МАЛЬЧИШКАМИ МЫ УХОДИЛИ ВОЕВАТЬ

Андрей Федорович Кутин родился в 1926 году в селе Каширино Кетовского района. Призван в армию в 1943 году из 10-го класса. Воевал в составе Второго Белорусского фронта. После демобилизации многие годы работал редактором газеты “Машиностроитель” завода имени Ленина. Живет в Кургане.

Многие тысячи наших земляков, призванных на войну, прошли подготовку в Чебаркульских военных лагерях. Но я не встретил человека, который сказал бы доброе слово об этом месте военной поры. Да и за что хвалить? Выматывающие все силы 10-12-часовые строевые и тактические занятия, по ночам тревоги, походы за многие километры за дровами для отопления. Кормили плохо: в ведре супа, что давали на обед на 10 солдат, плавают один листочек мороженой капусты, а под ним на дне видно «Свиная тушенка» – надпись на банках, из которых склепано ведро. Многие солдаты стали там дистрофиками, опухали с голоду.

Попасть оттуда на фронт как можно скорее стремились многие. Мой старший брат Николай был призван в армию в 1942 году. Прошёл в Чебаркуле школу младших командиров за три месяца. Получил звание сержанта. Отлично владел оружием. И его оставили обучать других. Конечно, быть инст-

руктором важно и почетно, но брат думал иначе: зачем торчать в тылу, если уже готов к бою? Замирать здесь с голоду?

Был он не из робкого десятка. В селе, где мы с ним выросли, его верховенство признавали все пацаны. И вот они с другом решили удрать на фронт.

Приехали они в Сталинград в самое тяжелое время. Их зачислили в часть. В день решающего наступления на группировку Паулюса брата тяжело ранило. После госпиталя он вернулся в свою воинскую часть, стал разведчиком и прошел до Берлина, еще три раза был ранен. Демобилизовался по ранениям в 1945 году.

Судьба привела и меня в те же Чебаркульские лагеря. Та же школа младших командиров, сержантское звание, и та же история: учи других.

Поступить как старший брат не мог: всю жизнь был тише воды, ниже травы. Первый встречный патруль по моим глазам увидит, что удрал из части, значит – дезертир.

Шли месяцы. Отощал, устал. Веду как-то занятия с солдатами по изучению станкового пулемета. Подходит командир батальона. Командую «Встать!» и докладываю, чем занимается отделение.

– А где наставление? – спрашивает комбат.

– Вот, – отвечаю, доставая его из-за пазухи.

– Оно должно быть в руках и открыто на той странице, по которой рассказываешь.

– Так точно, товарищ майор, – отвечаю, – но если я буду читать по книжке, солдаты подумают, что сам ни черта не знаю, а я пулемет с завязанными глазами соберу и разберу, объясню назначение любой детали.

– Хватит болтать! – оборвал майор. – Чтобы больше такого не было! Передай командиру роты, чтобы наказал тебя своей властью.

«Вот то, что поможет мне осуществить мечту», – решил я. Перепалка с майором повторилась. И он велел командиру роты, чтобы меня перевели в маршевый полк для отправки на фронт.

А благодарен я Чебаркульскому лагерю за то, что там офицеры-фронтовики научили нас владеть не только советским стрелковым оружием, но и немецким, что здорово пригоди-

лось на фронте. Помню как-то целый день бились мы за одну деревеньку. Понесли немалые потери. Патроны для винтовок и автоматов на исходе. Для двух станковых пулеметов было еще несколько коробок с лентами, вынимать из которых патроны я запретил, хотя солдаты просили об этом. А с чем наступать завтра, если ленты разукомплектовать?

Залегли мы, за ночь окопались рядом с деревней. Наступил рассвет. Фрицы спокойно ходят между домами, а нам стрелять нечем. Из печных труб начали подыматься дымки. Где-то через час - полтора хождение прекратилось.

– А чего мы лежим? – говорит мне солдат, – они там завтракать сели, а мы голодные, слюнки глотаем. Давайте атакуем их, патронов много не надо, только громче «Ура» кричи. И получим готовый завтрак.

И в самом деле, рванули в атаку с шумом... И получилось. Немцы рукопашный бой не приняли, в домах достался нам их завтрак, горяченький.

Но враг рядом, хотя и быстро убрался, может, ловушку устроить? Пока бойцы ели немецкий завтрак, я обнаружил два пулемета МГ-34, брошенных немцами. Эти пулеметы в то время считались лучшими в мире. Один висел на верховом коне, привязанный к седлу, а с другой стороны – коробка с лентами. Второй пулемет брошен неподалеку с несколькими коробками снаряженных лент. Позвал пулеметчиков, приказал занять оборону на окраине деревни: поставить наш «Максим» недалеко от МГ-34, а метров через 100 – еще такая же пара.

Минут через двадцать-тридцать немцы пошли в атаку. Услышав стрельбу, мои бойцы выскочили из домов и заняли удобные позиции на окраине деревни, готовясь к рукопашному бою, так как стрелять было нечем. Выручили пулеметчики. Они уничтожили больше половины наступающих, а остальные гитлеровцы позорно бежали.

Как нередко бывало на фронте, при наступлении отставали походные кухни. Два дня мы питались сухарями. И вдруг повезло. В одной из деревень оказался сырзавод. Ребята прихватили по буханке сыра, режут, на ходу едят. Отрезали мне, попробовал и бросил: он же портянками пахнет. А мне бойцы объясняют: сыр голландский, высшего сорта, а чем выше сорт, тем он «запашистее». Теперь-то знаю, что это правда, но в

семье, где росло нас восьмеро при одном работающем отце, и до войны было не до деликатесов.

Пока съели сыр, дошли до леса, а он встретил нас ураганным огнем. Рассредоточились и пошли в атаку. Быстро закончили с засевшими в лесу гитлеровцами, кроме одного. Бежали мы на него человек 10-12, а он по нам из автомата палит, даже тогда, когда до него осталось пара шагов. Один боец прыгнул на него, выбил автомат и завернул руки к затылку.

Оказалось, это власовец. Пленный был рослым, толсто-мордым парнем.

– Братцы, – умолял он, – не убивайте меня. Я русский, из Ленинграда.

– Ах, ты из Ленинграда! – вскричала наш санинструктор Маша. – Я ленинградка, а ты – подлый предатель, мразь! – Выхватила пистолет и пристрелила власовца.

Мы все были просто ошарашены этим. Машу будто охватил озноб, она дрожала, затем разревелась. Ушла от нас и долго плакала.

Наша 70-я армия окружила польский город Торунь с 30 тысячной группировкой противника.

Мы к тому времени заняли спиртзавод и находившийся рядом с ним рабочий поселок. И тут прискакал на коне ординарец командира полка.

– Кто у вас старший?

Посмотрели мы друг на друга: из 150 человек в роте осталось нас 26. По званию самый старший я.

Ординарец объявил: «Именем командира полка вы, сержант, назначаетесь главным в этом гарнизоне. Приказано: занять круговую оборону. К северу от вас в двух километрах идет шоссе. По нему будут отходить тысячи немцев, из окружения в Торунь. Ваша задача: держать спиртзавод, но бой с врагом самим не начинать. Немцы будут идти и ехать днем и ночью, но нападать на вас не должны, потому что главное для них – выйти из окружения».

Ординарец умчался на своем замечательном коне.

А какой из меня – мальчишки – начальник гарнизона?! Хоть бы усы для солидности иметь, так они еще и не начинали расти. Обошел доставшееся хозяйство. У цистерн со спиртом выставил часовых и предупредил, что расстреляю, если уви-

жу хоть одного пьяного солдата. Пулеметы выставил со всех четырех сторон. Солдат назначил в постоянный караул по периметру завода.

Одному везде не успеть, назначил себе в адъютанты Сашку-белоруса, к сожалению, фамилию сейчас не помню. Узнал я его еще в прифронтовой полосе, где у нас были организованы учения с боевой стрельбой. Я, в составе наступающей роты, бежал к траншее «противника», вынимая из гранаты предохранительную чеку, конечно, приотстал, а бросать надо. Размахнулся и бросил что есть силы, рассчитывая, что она упадет далеко впереди бегущих. А она упала почти рядом, и осколок снес бойцу часть брови. Я подбежал к нему, но он не дал мне сделать перевязку. И мы побежали дальше.

После учений нас выстроили для подведения итогов. И в речи командира услышал, что боец, получив ранение в бою, не покинул поле, до конца находился в строю. Я ужаснулся: сейчас объявят, кто бросал гранату, и меня арестуют. Но командир объявил другое: раненый, не покинувший наступающих товарищей, награждается медалью «За боевые заслуги». Этот солдат и стал моим адъютантом. Правда, вскоре после окружения Саше снова не повезло: разрывная пуля попала в мушку его карабина и ему выбило глаз под раненой мной бровью.

На следующий день адъютант пришел и пригласил меня помыться в бане.

– Какая, – говорю, – баня? У них здесь такие заведения не водятся.

– А мы оборудовали, истопили, нашли сотню комплектов белья, новенькие, с иголочки.

Помылся, попарился, одел новенькое белье. Преподносят полную стопку.

– Что это?

– Спирт.

– Кто позволил?! Сейчас расстреляю часовых! – возмутился я.

– Товарищ сержант, расстреливай меня, но по русскому обычаю после бани положено. А пьяных в гарнизоне, гарантирую, не будет.

Пришлось первый раз в жизни принять спиртное. Обожгло в горле,хватило дух...

Как и предсказывал ординарец командира полка, наступать на нас немцы не собирались. Однажды часовые у амбразур, проделанных в кирпичной стене, увидели на рассвете, как в нескольких метрах от них поднялись два фрица и с поднятыми руками направились в нашу сторону, что-то бормоча посвоему. Ординарец позвал меня. Немецкий язык я знал и понимал, что они голодные. Немцев взяли в плен.

В тот же день к нам прибыли шесть пушек-сорокопяток. Младший лейтенант попросил представить его начальнику гарнизона.

– Я начальник гарнизона, – представился я.

– Товарищ начальник гарнизона, – усмехаясь в лицо мне – мальчишке, доложил бравый артиллерист, чем-то напомнивший мне моего старшего брата. – Бог войны, в составе шести самых страшных для фашистских танков орудий, прибыл в ваше распоряжение.

– Прекрасно. Устанавливайте свою батарею стволами в сторону шоссе, хотя вряд ли танки в нашу сторону пойдут.

– Чем черт не шутит, когда Бог спит, – ответил, улыбаясь, командир артиллеристов, – а вдруг пойдут. Мы им и покажем, на что способны.

Артиллеристы имели полный боекомплект и большой запас винтовочных и автоматных патронов, чем и поделились с нами.

Мысли младшего лейтенанта подтвердились. На четвертый день четыре немецких бронетранспортера с шоссе свернули к спиртзаводу. Они не стреляли.

Но младший лейтенант не выдержал: «Подъедут, высадят десант, откроют огонь... Нет уж, не выйдет!».

Я ему говорю, что они подышают от голода, им не до боя.

– Не учи, салага, – заявил мне до сих пор послушный бравый младший лейтенант, – знаю я этих сволочей!

И скомандовал:

– Орудия, к бою! По головному! Наводи...

Подбили транспортер первым же снарядом, остальные бросились в бегство.

Так вот и удержали оборону у стен спиртзавода, без больших происшествий, наблюдая, как из города днем и ночью уходили пехота, артиллерия и танки противника.

Потом получили приказ и двинулись вперед мы.

Через двое суток марш-броска, когда ноги от усталости еле переступали, раздался команда:

– Большой привал!

Запах хвойного леса. Вершины сосен уходят высоко. Дождя нет. Но воздух, как часто бывает на севере Польши и Германии, так напоен влагой, что шинель хоть выжимай. В лесу нет ни поваленных деревьев, ни сучьев, ни даже сосновых шишек, нет, лишь мелкий жухлый кустарничек, забытый солнцем и самой природой. Все не наше.

Объявили построение. И – о радость! Одну-две ночи проведем здесь. Приказ: вырыть на два-три человека ямы-землянки.

Копать нам не привыкать. А тут еще появилась походная кухня: с супом-лапшой, с гречневой кашей, с американской свиной тушенкой и фронтowymi ста граммами, которые я, правда, продолжал отдавать товарищам.

Двое суток позади. И вот команда:

– Построиться!

Выступил командир полка:

– Настал исторический момент. В двух километрах от нас граница Германии. Враг еще силен. За свою землю будут драться стойко. Мы вступаем на вражескую землю, идем в бой, чтобы уничтожить фашизм, а не мстить немецкому народу, помните это, товарищи.

Вышел из строя седой старшина:

– Родом я со смоленщины. На моих глазах фашисты сожгли мою деревню, расстреляли деда, мать и сестренку. Но у меня никогда не поднимется рука, чтобы обидеть немецкого ребенка, женщину или старика, а фашистов – гадов буду бить, пока живой.

– Правильно, старшина! Ни одного мирного жителя и пальцем не трогать, – продолжил свою речь полковник. – Есть приказ Сталина. Всех, кто его нарушит, ждет трибунал!

Через два дня командующий фронтом Рокоссовский издал Приказ, который повторял Приказ Верховного. Нарушивший его будет осужден военным трибуналом. И Приказ неукоснительно исполнялся.

На своей территории гитлеровцы очень укрепились и вое-

вали отчаянно.

С большими потерями взяла наша часть первый городишко, который по масштабам меньше рабочего поселка Варгаши. Кривые узенькие улицы, выложенные булыжником. Странные, островерхие, толстостенные, с маленькими окошечками дома.

– Нет, – сказал пожилой солдат, отирая пот со лба и осматриваясь, – здесь добрый человек жить не стал бы. Ни тебе солнца в доме, ни простора на улице, тесно душе и телу.

Вошли мы с бойцами в двухэтажный дом. Удивило меня убранство комнат: сверкали зеркала от пола до потолка, ковры на полу, красивые занавески на окнах, мебель с фигурными украшениями. В жизни я такого не видел.

И тут меня привлек разговор солдат:

– Вот гад! Вот сволочь! Собака!

Солдаты рассматривали семейный альбом с фотографиями хозяев дома. В хронологическом порядке расположены фотографии. Следом – хозяин-мальчишка с отцом и матерью. У отца вся грудь в орденах. Вот уже пышущий здоровьем юноша с кинжалом (знаком члена союза гитлеровской молодежи). Вот его свадьба. А здесь он уже с женой и двумя сыновьями. Портрет с орденом. Следующая фотография – документальное доказательство верной службы фюреру: молодой фашист на фоне украинской хаты-мазанки держит за шиворот почти грудного ребенка, наставил на него нож, а рядом из рук двух верзил отчаянно вырывается женщина, видимо, мать ребенка. На фотографии четкая надпись готическим шрифтом, которую я перевел солдатам на русский: «Мы наведем немецкий порядок в стране русских варваров!» Посылать такие фотографии домой было модным у гитлеровских вояк.

Для меня в то время сделать перевод с немецкого не составляло труда. К нам в школу в 1941 году приехала эвакуированная из Москвы учительница немецкого языка. Она страшно удивилась, что ученики 8-го класса не понимают по-немецки, добилась внеклассных занятий немецким языком и за две зимы научила нас вполне сносно разговаривать по-немецки.

Едва ли кто из бойцов, насмотревшись фотографий, мог спать спокойно. Утром выяснилось, что часть мирных жителей вернулась в город: путь к бегству им отрезали наши танки.

Эти люди забились в подвалы и дрожали от страха. Я попросил хозяйку дома, убедив, что ей ничего не грозит, накормить обедом солдат.

Она взяла с собой детей и еще женщину, видимо, служанку. Я не отходил ни на секунду от поварих, наблюдал.

Удивило меня то, что готовили они все строго по времени: столько-то минут варили мясо, столько-то картошку и так далее.

Но самое удивительное случилось после того, как мы пообедали.

Солдаты решили покурить, нашли махорку, но ни у кого не оказалось бумаги, чтобы свернуть самокрутки. Попросили хозяйку принести газету. Она принесла, да не такую, как у нас, а на лощеной бумаге. Бойцы тут же порвали ее на клочки, завернули махорку и стали прикуривать.

Тут хозяйка схватилась за голову и вскрикнула:

– О, ужас!

Я повернулся к ней:

– В чем дело?

Она бледная, как стена, не могла внятно говорить. Наконец я понял, что повергло ее в такое смятение. Она объяснила, что на газете типографская краска, это же яд, люди отравятся.

Я улыбнулся и объяснил ей, что от этого не умер еще ни один человек.

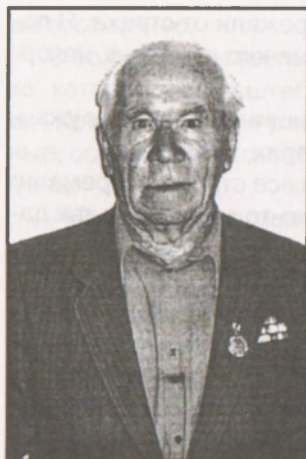
Пока разговаривал с хозяйкой, солдаты заволновались: что случилось? Я объяснил, и попросил, чтобы они принесли альбом с фотографиями ее мужа. Показываю ей и объясняю:

– Вот это есть ужас!

Она бросилась к своим детям, прижала их к себе, завывала, затряслась. Может быть, она впервые представила себя на месте русских матерей. Но никто ни на нее, ни на ее детей не покушался. Пришлось ей объяснять, что мы не фашисты и подобного не творим.

Через час мы ушли, оставив жену фашиста и ее детей.

Мы ушли уверенные в том, что победив фашистских варваров, построим в нашей стране счастливую жизнь.

Иван Бахарев

ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ

*Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду –
На всех, на все четыре года.
Она такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что сколько ни прошло бы лет,
Живым не верится, что живы.*

Константин Симонов

По вспаханному минами полю шли усталые польские солдаты-санитары, ища раненых и собирая убитых. Совсем недавно здесь земля летела клочьями, а свист от разрыва бомб заглушал все звуки мирного времени. Под синеголубым небом лежала распластанная, в глубоких воронках, израненная земля. Зеленая трава, перемешанная с черноземом и песком, почернела от крови и гари. То там, то тут валялись брошенные винтовки, каски, чей-то сапог, и раздавались тихие стоны и крики раненых.

Осторожно обходя воронки и рытвины, они подбирали раненых, укладывая их на телегу, а убитых складывали в одно место, чтобы потом похоронить в братской могиле. Среди нагромождения земли, травы и обломков деревьев они увидели засыпанные ноги. Не говоря ни слова, стали сноровисто раз-

гребать и убирать мусор, не надеясь на чудо. С большим трудом удалось освободить грудь, а потом и самого человека. Пока очищали голову от земли, нащупали едва слышимый пульс, но дыхание еле-еле ощущалось. Документов с собой у солдата не было, но по форме догадались – русский.

Уложив раненого, погнали лошадей в госпиталь города Познань, дорога была каждая минута. По дороге оказали первую необходимую помощь.

Но никто не ожидал, что пережитое отнимет у человека разум и он будет видеть в каждом своего врага – фашиста, готово убить его в любую минуту, и каждую минуту защищаться.

В углу темной, грязной комнаты сидело заросшее, в лохмотьях, человеческое существо с безумным взглядом. “Тишина, темнота, грязь и ни одного человека. Где я, что со мной?” Тихой птахой забились мысли: “Неужели плен? Где все? Как долго я здесь?” Но измученный мозг тут же отключился.

Придя в себя, ощупывая стены, стал медленно продвигаться по часовой стрелке, обходя темную, грязную комнату. Наткнувшись на железную дверь, замер, пытаюсь, что-то вспомнить, но от усталости заснул. Вот уже на протяжении трех месяцев к нему не могли подойти, боялись, что, оказывая сопротивление, он кого-нибудь сможет убить. Только один санитар отважился заходить к нему, чтобы накормить и мало-мальски прибраться. Но и ему приходилось быть постоянно начеку.

Заметив, что молодой солдат стал понемногу приходить в себя и перестал буянить, его привязали к столбу во дворе и стали поливать из шланга, чтобы немного вымыть. “Вода? Откуда? Свет!” – и снова мрак. Так, по крупицам, возвращалась память в измученное тело. Сначала всплыли в памяти детские годы, когда ему приходилось ходить по деревням и подрабатывать за кусок хлеба, картошку. Тяжелые были годы.

После маленьких ярких картинок из детства наступал мрак, и ему становилось страшно.

Память возвращалась тяжело, все чаще и чаще стали проясняться годы учебы в Златоустовском фабрично-заводском училище. Об этом училище он узнал, прочитав в газете “Крестьянские ребята”, сразу собрался и поступил туда учиться. Веселое было время, многие его сверстники учились в таких училищах при заводах. Практику вместе со всеми проходил на

инструментальном заводе. После окончания учебы стал работать на заводе.

Вспомнилось ему, как в армию призывали в 1939 году, сколько напутственных слов было сказано, и путь в далекий город Челябинск, а потом и на Дальний Восток, в город Уссурийск. Здесь впервые он сел механиком в танк и уверенной рукой повел его по дорогам. Но часто счастливые минуты юности и детства в воспоминаниях прерывал шум в голове и раскаты взрывов.

Лечил его польский профессор, который с интересом наблюдал за ним и помогал выкарабкаться из сложной ситуации.

Обрывками всплывали воспоминания о войне. Вот первый бой под Москвой, на Калининском фронте Их, еще неопытных, молодых солдат бросили в неравный бой. Не было чувства страха, просто на это не было времени, да и бой шел не на жизнь, а на смерть. Совсем еще молодой лейтенант, только после военного училища, командовавший танком, растерявшись в первом своем бою, во время обстрела зацепился сапогом за люк, и его заклинило. Сам сгорел, а вместе с ним и заряжающий. Но этого он не видел, помнит только, что был перед ним люк, но не смог вспомнить, как выскочил. Горела одежда, и благодаря пехотинцам, сбившим с него огонь, не получил ожогов. Оглянувшись, увидел – танк горит, как спичка, снаряд попал в бак, и бензин загорелся, вместе с остальными погиб и башнер.

Одна картина боя сменялась другой. Вспомнилась другая палата, где он лежал после ранения в переносицу. И как сбегал после пяти дней лечения, боясь отстать от своей части.

Всплывали в памяти дороги, сменяющиеся перелесками, накатанные грунтовок - слякотью и непролазной жижей. Яркой вспышкой пронеслось воспоминание, как его награждали медалью "За отвагу" за бой под Сталинградом. В этом месиве из танков, взрывов и смертей их подразделение сумело подавить несколько оружейных батарей гитлеровцев. И он, первым из всех, получил награду.

Провалы в памяти становились все меньше и меньше. Постепенно жизнь вырисовывалась.

Вспомнил, как служил в разведроты. Назначили его командиром броневика, и нужно было вызывать огонь на себя, чтобы наши оружейные расчеты смогли засечь огневые позиции врага. Труд-

но было и опасно, но щадили свой “броневичок” и больше двух раз в день не посылали в разведку, боялись “стравить” его.

Ходил вместе с бойцами в тыл за “языком”. Однажды, приведя немецкого пленного в штаб, назвал его фашистом, а тот плюнул, метаясь в лицо. Не удержался горячий солдат и в порыве гнева так стукнул его, что гитлеровец мгновенно умер. Пришлось второй раз за ночь идти за “языком”, ведь получили приказ – без него не возвращаться. Переодев в фашистскую форму солдата, который хорошо разговаривал на немецком языке, рискнули задержаться в тылу на день. Заняли удобное местечко возле развилки дорог, залегли в небольших зарослях кустарника. Только на рассвете увидели подходящую машину, где могли находиться важные чины. С боем взяли в плен офицера и благополучно доставили его в штаб. За эту операцию получил медаль “За отвагу”.

Тяжело возвращалась память к солдату. Вспомнил он все: и как воевал с немцами, власовскими и бендеровскими соединениями.

Быстро пролетел месяц интенсивного лечения у польского профессора. Теперь он знал о себе все, и тот последний бой уже не мучил его взрывами и болью в голове.

После лечения направили его в запасной полк, а затем в авиаполк – заведующим столовой для обслуживающего персонала.

Демобилизовался Иван Федорович Бахарев в 1946 году и приехал к себе в Ровки Чашинского района. Пошел работать агентом по заготовкам, направили молодого солдата в село Пьянково.

Никто не знал, даже родная мама, что с ним было на войне, а документы из польского госпиталя он уничтожил, боясь, что, зная о них, ни одна девушка не посмотрит на него. Здесь он встретил свою судьбу – Галину Петровну. Невеста была почти на 11 лет моложе жениха. Хоть разница и большая, но прожили вместе 54 года. Еще много пришлось им поездить по России, но вернулись они в ставшее родным село. Сейчас семья уже разрослась – трое детей, семь внуков и пять правнуков.

Опасно было на фронте, не менее тяжела была жизнь, но ничего бы не захотел изменить в своей судьбе Иван Федорович Бахарев.

Регина СИМОНКЕВИЧУС

Валентин Шушарин

КАВАЛЕР СОЛДАТСКОЙ СЛАВЫ

Шушарин Валентин Данилович родился в 1925 году в селе Рассвет Мокроусовского района. Призван в Красную Армию в 1943 году. Старшина 47-го стрелкового полка. Умер от ран 20 мая 1945 года в эвакогоспитале №1108. Похоронен в Германии, воинское захоронение города Заряц, могила №10.

Это письмо пришло из города Хасавюрта Республики Дагестан от заслуженного учителя, действительного члена-корреспондента Московской Международной Академии детско-юношеского туризма и краеведения Болаткана Хали Лулаевича Халилулаева. Он пишет, что, к сожалению, дагестанские дети очень мало знают об истории Великой Отечественной войны советского народа против фашистской Германии и о судьбах фронтовиков, даже о Героях Советского Союза и полных кавалерах ордена Славы. В этой связи в Дагестане, как и у нас в области, собираются материалы о таких воинах-земляках для издания Книги Славы и Памяти. Как сообщает автор, некоторое время судьба дагестанского народа была связана и с нашим земляком Валентином Даниловичем Шушариным. О нём в издаваемой Книге будет помещён небольшой очерк, но материалов для этого еще недостаточно. Поэтому историк и краевед Халилулаев попросил нас, земля-

ков Шушарина, поделиться воспоминаниями об этом замечательном человеке и, по возможности, выслать фотографию.

Письмо автора наполнено подробными данными о боевых подвигах мокроусовца, в том числе и то, что Валентин Данилович является полным кавалером ордена Славы. Приводим строки из письма уважаемого человека и краеведа: "Валентин Данилович Шушарин родился в 1925 году в селе Могильное Мокроусовского района Курганской области в простой русской крестьянской семье. В Красную Армию его призвали в январе 1943 года, а на следующий месяц он был уже в окопах... Командир отделения взвода разведки 47-го Гвардейского стрелкового полка 15-й стрелковой дивизии 37-й армии Третьего Украинского фронта гвардии старший сержант Валентин Данилович Шушарин 28 февраля 1944 года в бою за населенный пункт Ингулецкий, что в семи километрах севернее города Кривой Рог Днепропетровской области Украины, добыл важные штабные документы врага. 14 марта этого же года у хутора Привольнянский, в 18 километрах западнее города Новый Буг Николаевской области, разведал систему гитлеровской обороны. Через пять дней (19.03.44 г.) у села Большое Солоное, в 11 километрах юго-западнее посёлка Еланец, подавил пулемет неприятеля. За эти боевые успехи командование наградило старшего сержанта Шушарина орденом Славы III степени...

26 августа 1944 года Шушарин свой полк и дивизию прославил ещё одним подвигом. В составе Пятой Гвардейской армии 1-го Украинского фронта у села Смольница, что в 20 километрах юго-западнее города Сташув (Польша), он, проникнув в тыл неприятеля, добыл и доставил в штаб полка документы убитых в схватке фашистов. 22 сентября у села Метель, в 21 километре южнее города Сташув, был ранен командир разведгруппы, тогда ваш земляк без раздумий вынес его с поля боя, уничтожив нескольких вражеских солдат. В ночь на 30 сентября у села Столница Шушарин взял в плен и доставил в часть "языка" для срочного допроса. Приказом от 30 ноября 1944 года за эти военные заслуги Валентин Данилович Шушарин награждён орденом Славы II степени...

Помощник командира взвода разведки гвардии старшина Валентин Шушарин 16 апреля 1945 года при прорыве оборо-

ны врага в районе населенного пункта Мускау, в 26 километрах восточнее германского города Шпремберг, разведгруппой установил состав сил и средств неприятеля. Через два дня после этого эпизода он с этими же разведчиками захватил переправу через реку Шпрее. Гвардейцы-разведчики удерживали данный стратегический объект до подхода основных сил полка, что обеспечило успех дальнейшего продвижения.

26 апреля у населенного пункта Руланд, в девяти километрах южнее города Зенфтемберг, Валентин Шушарин в тяжелом бою уничтожил и пленил нескольких гитлеровцев, но вскоре и сам был тяжело ранен.

За эти подвиги гвардеец Шушарин Указом от 15 мая 1946 года был удостоен ордена Славы I степени. Но об этом он не узнал, так как скончался в госпитале от ран 20 мая в Берлине”.

От редакции: В 17 (дополнительном) томе областной Книги памяти о кончине Валентина Даниловича Шушарина записано так: “Умер от ран 20 мая 1945 года в эвакогоспитале № 1108. Похоронен в городе Заряц, Воинское захоронение, могила 10”. Данных о наградах в этой Книге нет. И никто не знал, что в Мокроусовском районе родился и вырос доблестный сын Отечества Валентин Данилович Шушарин - кавалер трёх боевых орденов Славы.

Сердечное спасибо и низжайший поклон почтеннейшему сыну народа Дагестана Балаткану Хали Лулаевичу Халилулаеву за эту бесценную весть и вклад в сокровищницу Боевой Славы Зауралья.

К сожалению, нам удалось найти только фотографию из детских лет нашего геройского земляка. Но даже по ней можно судить, что бескозырку с названием русского легендарного броненосца мальчонкой он носил не зря.

Александра Козлова

СЛОВО О МОЕЙ МАМОЧКЕ

Моя малая родина – это маленькая деревенька с интересным названием – Добровольное. Так называли ее переселенцы с Украины, которые в тяжелые годы еще первой мировой войны переехали в Зауралье, да так и остались по доброй воле здесь навсегда.

Сколько себя помню, наш дом во все времена утопал в зелени: обычно там мой дедушка Терентий Иванович сажал карагач, вязы, сирень, акацию. Он очень скучал по родным местам и старался превратить свою усадьбу и дом, как он говорил, в кусочек любимой Украины. До сих пор зеленеют деревья, посаженные дедом и моим отцом. Но нет в живых уже и ни того, и ни другого: дед, Георгиевский кавалер, давно умер, а отец, Козлов Макар Иванович, погиб под Орлом в дни страшнейшей Курской битвы.

Дедушка никогда не позволял нам разорять гнезда птиц. Поэтому ласточки в наших надворных строениях чувствовали себя, как дома. А самодельные кормушки для зимующих птиц никогда не пустовали даже в самые тяжелые годы, когда каждая крошка хлеба была на счету. Пересвист скворцов из далекого детства слышится мне до сих пор.

Дедушка Терентий Иванович не умел читать и писать, но как он умел видеть, слышать и понимать жизнь и природу! А главное – нас учил тому же. А бабушка Федосья Максимов-

на?! У нее было священное отношение к земле. В огороде она не позволяла нам полоть тяпкой, говорила, что земля – живая, поэтому мы каждую травинку выдергивали руками, и каждый следил за своим участком.

С горечью смотрю я сейчас на порубленные вишни, на сломанные деревья, развороченные в лесу грибницы. Нет, не голод сегодня заставляет так относиться к природе. Это делают те, кто сам никогда не посадил ни одного дерева, не вырастил ни цветочка. Сможет ли такой человек воспитать себе достойную смену, сына или дочь, настоящими хозяевами земли? Уверена – не сможет.

Воспитывала нас, шестерых детей, любимая наша мамочка Александра Андреевна. В тридцать три года стала она солдатской вдовой...

Милые, славные, добрые женщины России, вдовы, сумевшие сохранить верность погибшим солдатам. Перед вами, перед вашим жизненным подвигом склоняем мы головы!

...Получив страшную весть о гибели папы, наша мама не ожесточилась, не опустила руки. Ее нежности и терпения хватило не только на нас, ее родных детей, но и на свекра со свекровью и их детей. Мы никогда не слышали в доме слова брани, ругани, не видели злых и сердитых лиц.

Мама трудилась в колхозе. Помню, как в зимние вечера мы часто сидели на печке, бабушка рассказывала нам сказки, а в трубе выл ветер. И вот, наконец, они – мамины шаги в сенях. Скрипнули замерзшие валенки, открылась дверь – и сквозь густой белый клубок тепла и холода мы видим улыбающееся лицо мамы. Она снова принесла нам "подарок от зайчика" – маленькие кусочки хлеба каждому. Вкусней этого хлеба я не едала в жизни! Только потом, через годы, я поняла, что это были те ломти, которые утром мама брала на работу, чтобы там перекусить, а сберегала их для нас, отказывая себе даже в пище.

Маме не пришлось самой учиться, но она настойчиво прививала нам любовь к знаниям. Трое из пяти сестер стали учителями, брат, добросовестнейший трудяга, был награжден многими медалями.

Мамы не стало в 2001 году. Она ушла в мир иной спокойно, оставив на земле 12 внуков и 18 правнуков, неуверяемую па-

мать о своей неповторимой и прекрасной душе, с осознанием, что прожила на этом свете честно и праведно. Нет в нашем роду выдающихся личностей, но все мы – люди упорные, трудолюбивые, доброжелательные и гостеприимные. Живем в селах Куртамышского района. Мама передала нам самое главное – любовь к родной зауральской земле, привязанность к месту, где мы родились. Солдатская вдова исполнила свой долг и завет погибшего мужа: сохранить ребятишек, научить их добру. Спи спокойно, отец, твои дети достойны памяти воина, павшего за Родину.

Екатерина ПОНОМАРЕВА,

Отличник просвещения, руководитель краеведческого музея села Советское Куртамышского района, председатель Совета ветеранов села.

ВДОВА

*Пришла на мужа похоронка.
Вдова проплакала весь день
И ночь... Назавтра шла с буренкой
На пашню – вслед тянулась тень.
Не видела вдова дороги,
И птиц не слышала она.
Слабея, подгибались ноги,
А в голове: война, война...
Свою беду в кулак зажала.
В сухих глазах лишь серый дым...
Подругам вечером сказала:
На фронте нужен хлеб живым.*

Дмитрий БЕЛОУСОВ

Григорий Фатеев

ШРАМЫ ВОЙНЫ

Григорий Иванович Фатеев родился в 1925 году в деревне Пищальное Половинского района. После окончания 9 классов был призван в Красную Армию. Воевал на Брянском направлении, где был так тяжело ранен, что это ранение всю жизнь не давало ему покоя.

Июнь 1941 года. Обычный летний жаркий день. Несмотря на воскресенье, все взрослые в поле. Одно необычно: все жители деревни Пищальное ожидают известие об итогах легкоатлетического кросса, проходящего в райцентре, на который с утра уехали ребята-допризывники. Жду и я, только-только сдавший экзамен за восьмилетку. Все-таки для деревни эти соревнования – событие!

Вернулись спортсмены только к вечеру – и все пьяные. Чтобы молодежь напивалась – такого не помнили даже глубокие старики. Объяснение ударило по сердцам людей, как гром среди ясного неба: война!

Через год, когда мне еще и восемнадцати лет не исполнилось, призвали в армию. Скорая учеба стрельбе из станкового пулемета «Максим» и – отправка на фронт.

Пулеметчиком попал я на Брянское направление к зиме. Большинство бойцов – безумные пацаны, которым приходилось ночевать в снегу, под открытым небом. Куда денешься: во всех

населенных пунктах дома разрушены, а рыть землю зимой... За день боя или переброски на новые позиции вся одежда намокала, а ночью смерзалась так, что не только бежать - пуговицы не расстегнуть, чтобы нужду справить. Выходили из положения просто: перед рассветом боролись друг с другом, кувыркались – лед на одежде разбивали.

К тому времени немцы были разгромлены под Москвой и отброшены за сотни километров на запад, где у них находились укрепленные районы. Наши войска, не сумевшие взять их с ходу, начали подтягивать свежие силы. И наступило удивившее молодых бойцов утро. В один миг загрохоло, поднялся страшный гул – началась артиллерийская подготовка. Через два часа – наступление. В этот день нашим войскам удалось продвинуться вперед больше чем на десять километров. На следующий день – еще столько же.

Продвигались, тесня врага. Ряды бойцов редели на глазах: от тысячи в батальоне осталось не более 150 человек. И вот, меняя очередную позицию рано утром, эти полтора человека попали в западню на лесной просеке. Ураганным огнем немцы уложили нас на снег, и стоило кому-то из бойцов шевельнуть рукой или ногой, в него моментально летела пуля. Второй уже не требовалось. Оставшиеся в живых глубокой ночью уползли в лес. Вместе с командиром их оказалось всего тринадцать.

Двинулись по заданному ранее батальону направлению. После короткой перестрелки заняли небольшую деревеньку, но фрицам это не понравилось. Начался минометный обстрел горстки бойцов. Одна из мин взорвалась поблизости от меня. Ее осколки ударили меня по всему телу. Сильно зацепило еще двоих. Восемь ребят, в том числе и командир, остались лежать на перемешанной со снегом земле. Раненых утащили за деревню, где в полуразрушенной землянке перевязали прямо по одежде, не раздевая.

Вскоре появились санитары на подводах. Одежду разрезали, перебинтовали раны, где нужно – наложили жгуты, лангеты. На следующий день отправили подальше от передовой, предварительно сделав повязку, не снимая старых бинтов. Через день еще один слой бинтов лег поверх старых, и раненые были отправлены на санитарной машине в полевой гос-

питаль. Там не было ни чистого просторного помещения, ни сантехнического оборудования, ни столов для операций, ни наркоза. Раненые многие часы, а некоторые и сутки, лежали на носилках, дожидаясь своей очереди к валившимся с ног от усталости врачам.

У меня началась гангрена дважды перебитой левой руки. Пришлось ампутировать. Когда после операции пришел в себя, возмутился:

– Почему без спроса отняли руку?

Врач только хмыкнул:

– Когда речь идет о жизни или смерти, мы разрешения не спрашиваем.

Перебитую левую ногу просто заново перевязали, а затем отправили меня в Москву. Долго пришлось ехать... В столичном лазарете выяснилось: ниже колена мышцы разорваны в ключья, от одной кости отломлен кусок, вторая – перебита надвое. Мышцы полетели в таз, кости чуть подправили.

Пришли однажды в госпиталь школьники с концертом. Во время беседы с ранеными одна девочка поинтересовалась у меня:

– А что это ты, дяденька, прищуриваешь левый глаз? Он тоже болит?

На фоне других ран я не чувствовал боли в глазу. Но попросил врачей проверить. В этом госпитале окулистов не было. Пришла старая-престарая, еле передвигающаяся женщина. Показала палец:

– Видишь?

– Вижу.

Согнула палец:

– Видишь?

– Вижу.

– Все в порядке, – и ушла.

Только через 40 лет после такого «обследования» я почувствовал, что зрачок левого глаза уходит куда-то в сторону, а потом и совсем повернулся на 180 градусов. Обратился к врачам. Оказалось, глазная мышца была повреждена и постоянно съживалась, сохла. Что-то исправить было уже поздно. Глаз пришлось удалить. А в медицинских документах московского госпиталя ни слова о поврежденном глазе, только о руке и ноге.

... Сделав свое дело и загипсовав ногу, москвичи меня отправили санитарным поездом аж в Улан-Удэ. Через несколько дней у меня резко поднялась температура, а из под гипса пошла невыносимая вонь. Соседи по купе вызвали главного врача, потребовали осмотреть меня. Тот отказался. Ребята все же настояли на своем. Когда гипс сняли, обомлели: нога превратилась в сплошной гнойник. Обмыли, обработали каким-то раствором, наложили гипс, и, спустя месяц я прибыл к месту назначения.

В 1944 году, без руки, со сросшимися на ноге костями, но не обросшими кожей, опираясь на тросточку, вернулся я в родную деревню. Инвалид в неполные девятнадцать лет. Был уверен, что с войной и ранами покончено. Поступил на работу агентом райуполнаркомзага.

А фашистская мина вскоре дала о себе знать: стала донимать рана на ноге, а потом потребовала дополнительного лечения. И поехал я в Курган, поближе к докторам. Подремонтировали ногу, вновь пошел работать. Сменил ряд организаций, потом пришел на машиностроительный завод. Сначала кладовщиком, потом заведующим складом металлов, начальником бюро инструментального хозяйства в цехе, затем инженером, старшим инженером инструментального отдела.

Но работать пришлось с перерывами. Оголенная берцовая кость не могла примириться со своим неестественным положением. Лег в госпиталь. Там операция за операцией: приращивали кожу с живота на ногу. Когда осталось совсем малую часть кости прикрыть, на ране появилась язва и развилась до злокачественной опухоли. Сделали десятки сеансов облучения, и, наконец, тревоги позади: все стало как нельзя лучше, пришитая кожа приросла на нужном месте. И меня отправили долечиваться на курорт.

Вернулся, узнал, что с завода уже давно уволили как самовольно оставившего свое рабочее место. И обратно не принимают. Ладно, это не сегодня произошло: тогда было куда пожаловаться. Пошел к первому секретарю обкома раскритикованной сегодня в пух и прах КПСС, Сизову Геннадиию Федоровичу. Помог.

После еще не однажды приходилось ложиться в госпиталь, быть уволенным за неявку на работу, а затем вновь восста-

новленным. 23 года отдал этому заводу. Но участились поездки к врачам, на больной ноге стало нельзя много ходить даже с тросточкой. Пришлось уволиться, теперь уже насовсем.

Но и после этого я старался сделать что-то полезное людям.

В период так называемой перестройки и разрушения Советского Союза, когда участникам Великой Отечественной войны по карточкам давали мясо, сахар, колбасу и многое другое, я жил рядом с этим ветеранским магазином, в числе первых узнавал о поступивших продуктах и с домашнего телефона часами звонил, сообщал бывшим воинам о возможности выкупить долгожданный кусок мяса напополам с костями или пригоршню вермишели. Старался хоть этим помочь людям, перенесшим на себе всю тяжесть чудовищной войны. На большее уже стал не способен.

* * *

*Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему, как мавзoley, земля –
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатках тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзoley...*

Сергей ОРЛОВ

Иван Селиванов

СПАСАЛО БОЕВОЕ БРАТСТВО

Селиванов Иван Андрианович родился 10 августа 1923 года в деревне Соколово. Младший сержант, разведчик. Воевал с августа 1942 года в составе Сталинградского, Степного, 1-го и 2-го Украинского фронтов. Награжден орденами Отечественной войны, Славы III степени, медалями “За боевые заслуги”, “За Отвагу”, “За оборону Сталинграда”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Работал в совхозе «Западный». Умер 24 сентября 1988 года, похоронен на кладбище села Сулейманово.

Дорогой ценой досталась Победа нашему народу; да что там народу – почти каждой семье. И чем ближе была она, тем сильнее, ожесточеннее дрался враг. В сентябре 1943 года наши воиска подошли к Днепру. При форсировании наша разведрота потерь не имела. Отогнали немцев от берега Днепра километров на 8-10. Но у села Днепрово-Каменка враг бросил против нас танки. Целыми днями вражеские самолеты висели над рекой и плацдармом. Дважды я был засыпан землей от взрывов бомб. Ребята откапывали. Мы следили очень друг за другом, как братья родные. Не дай Бог если что-то с товарищем случилось тяжелое!

В апреле 1945 года враг, неся большие потери, с упорным

ожесточением рвался к переднему краю нашей обороны. Эти кровопролитные, ожесточенные бои шли теперь уже на немецкой земле, на участке от станции Кодерфсдорф до села Мюкенхаин. Вся местность была изрыта минами, бомбами, снарядами. Все что могло гореть – выжжено.

Во время одной контратаки мы вырвались вперед и заняли один из домов села. Еще группа бойцов присоединилась к нам и заняла оборону. В это время немцы начали сильный артобстрел. Один снаряд разорвался на чердаке дома. Связисты передали в штаб о нашем критическом положении. Линия связи прервалась: еще один снаряд разорвался в смежной комнате. Взрывной волной выбило окна и двери. Возник пожар. Мы отошли и заняли новый рубеж для обороны. Танки противника двинулись на нас из села Мюкенхаин. Кругом бушевала смерть, вырывая бойцов из наших рядов. Но мы выстояли. Вовремя нас поддержали артиллеристы и летчики. Враг отступил.

Так на фронте не раз нас спасало боевое товарищество. Нас в роте не интересовало, кто ты: русский или казах, украинец или армянин, все мы были братьями по оружию, созидателями победы над врагом. Одной на всех, как в песне поется.

ПОСЕДЕВШЕМУ ДРУГУ

*На войну ушел ты рыжим,
А придешь домой седым.
Холода и пытки выжил,
Покорил огонь и дым.
Ранен был на переправе,
В двух озерах шел ко дну.
И тебя никто не вправе
Упрекнуть за седину.
Если тяжко, зубы стисни,
Легче будет враз тебе.
Седина ценою жизни
Добывается в борьбе.*

Григорий ЛЮШНИН

Дмитрий Антонов

ОФИЦЕРОМ ТАК И НЕ СТАЛ

Дмитрий Дмитриевич Антонов родился в 1925 году в деревне Ключи Щучанского района. Призван в армию в июле 1943 года Щучанским райвоенкоматом. Участвовал в боях в составе 1-го Украинского фронта. Получил контузию и три ранения. После демобилизации работал в различных организациях, а с 1966 по 1988 год – на Курганском машиностроительном заводе начальником цехового бюро труда и заработной платы.

Военную подготовку по программе молодого бойца прошёл я в запасном полку под Кунгуром в течение трех месяцев. В октябре 1943 года, нас, молодых бойцов, направили под Брянск, где формировалась одна из бригад 10-го Гвардейского добровольческого Уральского танкового корпуса. Зачислили автоматчиком в танковый десант. В праздничный день 7 ноября мы приняли гвардейскую присягу. Торжественно, вдохновенно

Перебросили нас под Киев. В феврале дождалось прибытия танков. Танковым десантом мы направились на передовую.

Интересной была одна из первых наших встреч с врагом. Подъехали мы к мосту через Днестр. Остановились, замаскировались. Наступила ночь. Нам, солдатам, было неизвестно,

зачем сюда прибыли, какая задача поставлена. Рассредоточились танки и десантники. Ждем чего-то. В полной темноте из-за поворота на дороге показались огни: десятки, сотни. Идут грузовые машины к мосту. Только первая зашла на мост – наш танк выстрелил по ней. Она развалилась, перегородив дорогу другим. По команде мы открыли пулеметный и автоматный огонь. Вначале немцы было огрызнулись, но вскоре затихли. Колонна осталась на дороге. А фрицев не слышно.

Потом выяснилось, что это шла колонна машин с продуктами питания, скотом, гусями. Все это, награбленное у нас, везли или для своих солдат, или в Германию. Охрана и водители от внезапного нападения на них в темноте перепугались и разбежались. Обоз был приличный: на этой и других дорогах и в ближайших населенных пунктах нашими войсками было захвачено более двух тысяч машин.

В один из ненастных дней, когда кругом образовалась непролазная грязь, десантники разместились в деревушке по квартирам. Присутствия немцев поблизости не ощущалось. Внезапно тревога: отступают наши войска, не имеющие боеприпасов. Немцы прижимают к деревне. Мы бросились на фрицев, а они вокруг деревни и в лес, напротив наших окопов. Немцы окапываются, а мы на них из нашей низины идти не можем: земля перепахана, сплошная грязь, а перед лесом крутой подъем. Нас до леса всех перебьют. На следующий день фрицы прут на нас с другой стороны деревни. Перебросили туда наши командиры половину роты. Из пулеметов и автоматов открыли мы огонь, но где нам с такой тучей фашистов справиться! И тут подошли наши танки, стали крошить из орудий. Рассеялись стройные ряды гитлеровцев, в панике покинули они поле боя.

Вернулись мы в свои окопы на другой окраине деревни. И пошел я с командиром роты проверить состояние наших позиций. А улицы деревни были устроены так, что фрицы их простреливали из недалекого леса. Нам же надо было пересекать улицы. И перебежали по одному. На обратной дороге нам не повезло. Принесло откуда-то немецкую мину. Метрах в десяти от нас взорвалась. Меня оглушило, небольшие осколки попали в ногу и руку. Командиру роты осколок попал в висок. Не сразу упал наш славный воин. Немного постоял, по-

том приседал, приседал медленно и упал. Бойцы на плащ-палатке унесли его в санбат.

Два дня был я глухим. Раны, забинтованные, со временем зажили. Роту не покидал.

Жестокие бой шли за освобождение города Каменец-Подольска. Немцы собрали там большие силы. И танки, и артиллерия, и пехота. Мы наступали танковым десантом. Когда фрицы обрушили на нас ураганный огонь, мы соскочили с танков и в их сопровождении бежали вперед, с ними вошли и в город в назначенном нам районе.

На следующее утро нас, двадцать автоматчиков и один танк, направили на новое задание. На ночевку остановились в деревне, свободной от фрицев. На рассвете пришел к нам местный житель и сообщил, что ночью появились немцы, как только уехал отсюда штаб бригады. У нас же собралось уже пять танков. И двинулись мы вдоль деревни. Половину ее прошли, автоматчики впереди, за ними – танки. Смотрим, а впереди у одной стороны улицы составлен огромный штабель ящиков. И тут фрицы открыли огонь по нашим танкам. Три подбили, оставшиеся два ушли в лес. В подбитые танки снова полетели снаряды. Тут-то мы заметили, что летят они из штабеля ящиков. Сгорела наша техника. Штабель развалился, выполз «Тигр». Из башни высунулся офицер. Мы из автоматов скосили его и перебежками бросились в сад, в свои окопы, потому что драться с этим зверем у нас было нечем. Вскоре подошел немецкий бронетранспортер, дал несколько очередей по нашим ячейкам из крупнокалиберного пулемета и ушел.

Решили переменить позицию, выскочили из окопов. Пуля ударила мне в ногу. Все равно бегу. А когда набрался полный сапог крови, не смог даже идти. Один солдат хотел подхватить меня, но его тут же ударила пуля в руку. Двое других подхватили меня. Добрались до центра деревни, там оказались еще несколько раненых. На подводе увезли нас в другую деревню, где была больница.

Но у дежурного врача абсолютно ничего для нас не нашлось. Он снял с нас бинты, постирал их, высушил и перебинтовал раны. Утром местные женщины принесли нам хлеба и молока. На перекладных наконец-то добрались мы до

госпиталя, потом до другого. Через месяц – в команду выздоравливающих. И снова – фронт.

Были и жестокие бои, и легкие. И снова оставались без командиров. Командовали сержанты. И опять ранили меня в руку. После выздоровления направили меня в учебный батальон в прифронтовой полосе. После курсов звание сержанта присвоили и отправили на командирские шестимесячные курсы. Было нас там (опять же недалеко от фронта) три батальона.

Через пять месяцев учебы оказалось, что гитлеровцы где-то прорвали нашу оборону. Надо строить укрепрайон. Один батальон (не мой) оставили учить, а два – на строительство. Выполнили мы задание, а немцы так и не дошли до нас. Мы же, не доучившись, не получили лейтенантских званий. Доучиваться уже после войны послали нас в Ташкент. Но и там не получилось учебы.

Демобилизовавшись сержантом, до пенсии работал в различных организациях, в том числе двадцать два года на Курганском машиностроительном заводе, где был награжден медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина».

Записал Андрей КУТИН

СТО ШАГОВ

*День февральский от вьюги ослеп,
День израненный гложет от шума.
Можно только мечтать о тепле,
О тепле можно только подумать.
На высоте село. Вот бы в нем
Отогреться и выспаться сладко!
Но к нему сто шагов под огнем
И одна рукопашная схватка!*

Борис ШАХОВСКИЙ

Петр Демин

СТРЕЛЯТЬ НЕ ПРИХОДИЛОСЬ

Петра Васильевича Демина у нас в округе знают и стар, и мал. Не просто знают, многие боготворят. Не заводится у кого-то машина или рулевое, скажем, ослабло – бегут к нему: «Петр Васильевич, выручи, пожалуйста». Сломался у ребятишек мопед: «Дядя Петя, посмотри!». И он без слов идет, прихватив свою сумку с инструментом. Работает увлеченно, с настроением. У него не только руки золотые, понимание техники самим Богом дано.

На заводе точно такая же картина. В цехе он слесарь-сборщик, но где что-то не идет, не ладится, обращаются к нему: «Выручай, Петр Васильевич». И он безотказный. Домой его часто привозят на «Жигулях» и «Москвичах». Для собственного успокоения знакомые автолюбители стараются залучить Демина, чтобы он взглянул на их «мотор». Петр Васильевич прослушает машину, как доктор, подрегулирует, если что не так. И довольный товарищ распахивает дверцу кабины: «Садись, дорогой, довезу до самого порога».

Как-то перед днем Победы комсомольцы цеха вручили Демину солдатский треугольник. В нем приглашение и просьба, чтобы при всех наградах на фронтовой огонек явился. Петр Васильевич, как человек дисциплинированный, приколот к пиджаку свои медали. У него их три: – «За отвагу», «Партизану Отечественной войны» второй степени и «За Победу над Германией в

Великой Отечественной войне 1941-1945гг.». Бывшие фронтовики собрались после смены в красном уголке. А там уже и столы вдоль стен. Девчата из цеха каждому кисет вручили, котелок солдатский с кашей и кружку с фронтовой нормой поставили. В застойные времена это было. Правда, никто тогда еще не знал, что они застойные, считали, что вполне нормальные.

Поздравили фронтовиков и начальник цеха, и секретарь партийной организации, и от комсомола, а профсоюзный лидер на подарки показал, мол, и мы не лыком шиты. Предложил тост за Великую Победу и за здоровье фронтовиков. Вообще, праздник получился, что надо. Начались душевные разговоры, воспоминания. Люди слушали со вниманием. Говорили уважительно, с достоинством, конечно, кому было что сказать.

Очередь дошла и до Петра Васильевича. Он смутился. Это вам не депутат думы Владимир Жириновский, готовый целый день байки рассказывать.

– Мне, – говорит, – рассказывать особо нечего. Я ведь всю войну шофером был. Баранку крутил. Можно сказать, даже стрелять не приходилось.

Люди засомневались: как же так? А медаль «За отвагу»? А партизанская медаль?

– И медаль моя за шоферскую работу получена, – начал Петр Васильевич. – Правда, перед тем я в партизаны попал. А если по порядку, то дело было так. В наш полк запрос поступил аж из самого штаба партизанского движения. Просили для заброски в тыл к немцам, в партизанский отряд, опытного шофера, знающего трофейные автомашины. Решили, что я подойду, потому как и с немецкими, и с итальянскими, и с французскими возиться мне уже приходилось. Я в их устройство быстро вник.

Ночью посадили в самолет. Парашют на меня надели. Летим. Вот и костры уже внизу загорелись. Пора прыгать. А на меня страх напал: а вдруг, парашют не раскроется? Перед люком стою, а переступить порог – страшусь. Кто-то из летчиков «помог» мне этот страх преодолеть. Очухался на земле. А там, и правда, с радостью встретили.

Ездить приходилось мало, немцы же кругом. Пулеметы ремонтировал, иногда партизан возил до крайних постов. За продуктами приходилось ездить в села, с охраной, конечно.

Медаль «За отвагу» дали за то, что снаряды с немецкого скла-

да привез. В отряде пушки трофейные были. Снаряды к ним давно кончились и они бездействовали, а бросить жалко. А тут засада на дороге немецкую автомашину подорвала. У убитого офицера в сумке документы на снаряды оказались. В отряде решили этим воспользоваться. Меня одели под немецкого солдата, а переводчика Николая Сушко обрядили в офицерскую форму. Ну с ним и поехали. Ох, уж поездка выпала! Не приведи Господь!

Век не забыть. В дороге еще терпимо было, а когда к складам подъехали, оробел. Я ведь по-немецки не бельмеса. Только «Хальт» могу, да «Хенде хох!»

Из караульного помещения офицер ихний нам навстречу идет! Вдруг, думаю, что спросит? Чувствую ручеек меж лопаток потек. А Николай, как ни в чем не бывало, из кабины вышел. Козырнул, предъявил документы и пошел с немцем в караульное помещение.

Поднялся шлагбаум. Я на территорию базы въехал и остановился неподалеку. Гляжу, ко мне двое фрицев идут. Я из кабины – шашь, капот открыл и нырнул головой под него, свечу выкручиваю. Слышу: подошли. Один из них со смешком меня по спине хлопнул, лопочет что-то. Я в ответ только рукой махнул... Не мешайте, мол. А сам продолжаю копать.

Николай выручил. Слышу: что-то кричит. Немцы и отошли. А он уже меня за штанину дергает и шепчет: «Поехали».

Сел я в кабину. А он мне: “Молодец Петро. Хорошо со свечой придумал, они закурить просили, а я их отшил”.

К штабелям со снарядами подрулил. Грузили немцы вроде и расторопно, а мне за вечность показалось. Наконец, поехали. Я готов на всю железку жимануть. А Николай мне:

– Спокойней, Петр. Не торопись.

У шлагбаума остановились. Он снова в караулку сходил. И поехали. Миновали свой первый контрольный пост. Сушко меня просит остановиться. Вышли мы из кабины. Смотрю я на Николая, а он, как бы не в себе, хохотать начал. Потом пал на траву и заревел. Долго так лежал, то плачет, то хохочет, то плачет, то хохочет. И на мне мундир мокрый.

Так снаряды мы с ним и привезли. Они потом здорово пригодились. Вот за это и медаль. А стрелять мне, правда, не приходилось. Только на стрельбище, по мишеням.

Записал Геннадий УСТЮЖАНИН

Михаил Урмашев

В РАЗВЕДКЕ

Урмашев Михаил Васильевич родился 7 ноября 1924 года в селе Звериноголовское. Старшина, разведчик. Воювал с 1942 года в составе 274-й стрелковой Ярцевской Краснознаменной ордена Суворова дивизии. Награжден орденом Славы III степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.».

Я ушел на войну в 17 лет. В Звериноголовском тогда многие уходили в таком возрасте, но уже кое-что знающими и понимающими в военном деле. Еще в школе учили нас азам армейской жизни: мы изучали винтовку и противогаз, проходили строевую подготовку, участвовали в детских военных играх, которые проводились не только в летнюю пору, но и во время зимних каникул. Намерзнемся, полные пимы снега наберем, лазая по сугробам, а довольнехонькие – “синих” обхитрили, пробрались к ним незамеченными в тыл и в плен взяли. Про меня уже в ту пору говорили, что смелый и смысленный казачонок растет. Такая похвала взрослых подбадривала. Среди казачества доброе слово многого стоило.

И вот война. Это уже не игра и не разговоры. В 1942–м попал на фронт. Тяжелейшие бои. И в них человек проявляется как лич-

ность быстро, если, конечно, выживет. Надо сказать, что выживание на войне в немалой степени зависит от того, что ты смыслишь в военном деле, как подготовлен к действиям в любой обстановке.

Особым авторитетом на войне пользовались разведчики. Они ведь глаза и уши подразделения или части, от них многое зависит. Ну, а отбирали в состав разведподразделения тщательно, хотя бывало и так – добровольцы, три шага вперед! Сходил раз, второй к немцам в тыл, потом сами ребята стали называть меня за старшего группы, когда речь заходила, кто лучше справится с поставленной задачей. Мы готовились к каждой ходке в тыл к немцам. Но бывали и срочные, даже срочнейшие задания.

Как-то уже к вечеру вызвал меня майор Кряшев.

– Вот что, срочно нужен “язык”. Обстановку на передке вы знаете, подберите пять – шесть добровольцев и действуйте.

Добровольцы нашлись: Гриша Моцелюк, Павлик Большаков, Володя Костьков, Костя Юдин. Распределив обязанности, группа двинулась к передним траншеям немцев. Наш минер Костя Юдин полз первым, он действовал как хирург, убирая с пути мины. Ракеты на переднем крае – обычное явление, но надо иметь опыт, чтобы использовать моменты их вспышки и сгорания.

Вот Костя опустил в немецкую траншею и дал сигнал остальным. Я оставил у прочищенного от мин прохода Гришу, а с остальными скользнули в траншею и двинулись дальше. Пройдя по траншее в тыл противника метров 150 – 200, ни одного немца не обнаружили. Павлик Большаков предложил поискать на дне траншеи провода связи. Мы стали шарить руками и обнаружили их присыпанными сверху землей! Перерезали их и затаились. Ждать пришлось недолго. В траншее появились двое гитлеровцев. Немцы обнаружили разрыв провода, лопоча что-то меж собой, начали устранять порыв, в это время Володя, Павлик и я свалились на них. Одного немца закололи ножом, а второму скрутили руки, заткнули рот и повели к проходу в минном поле. Павлик поддерживал немца за связанные руки, а немец и не вырывался, с перепугу бежал сам до траншеи, боясь смерти. Выбрались к разминированному проходу, немец и здесь вел себя примерно, понимая, что шарахнись – и взлетишь от взрыва мины. Операция прошла успешно, все разведчики были награждены. Получил орден Славы и я.

Михаил Алексеев

КОНЕЦ «ГОЛУБОЙ ЛИНИИ»

Живет в селе Благовещенское интересной судьбы человек. Зовут его Михаил Петрович Алексеев, которого знает и считает своим первым учителем и наставником не одно поколение благовещенцев. Знают и почитают Михаила Петровича и как участника войны. А еще известен этот человек как прекраснейший живописец, певец родной природы.

Родился Михаил Петрович 20 октября 1922 года в деревне Большое Дюрягино Шумихинского района. В 1940 году закончил Шумихинскую среднюю школу № 1, после учебы работал в Чесноковской начальной школе учителем.

В конце декабря этого же года он был призван в ряды Красной Армии, направлен в Новороссийск, где прошел начальную военную подготовку и был переведен в 31-ю береговую дальнобойную батарею Черноморского флота. Здесь и встретил Михаил Петрович войну. Был ранен.

В мае 1942 года направлен на учебу в школу младших командиров. А после ее окончания – на Северо-Кавказский фронт, под Новороссийск. Вскоре полк был передислоцирован на Карельский фронт. Затем принял участие во взятии Берлина. Победу Михаил Петрович встретил

в 8 километрах от Эльбы. За участие в боях на Одере Михаил Петрович награжден орденом Красной Звезды, за бои на Кавказе – медалью “За оборону Кавказа”, за бои на севере – медалью “За оборону Заполярья”. В сентябре 1945 вернулся домой.

Со своей женой Ниной Степановной прожили 37 лет. Воспитали прекрасных детей. Сын Владимир закончил Курганский педагогический институт по специальности преподаватель физкультуры, в настоящее время - на заслуженном отдыхе. Дочь Людмила закончила Курганский культпросвет, работает в библиотеке им.Лермонтова. Помогли своим детям в воспитании двух внуков.

Вот такой славный жизненный путь у нашего земляка, замечательного учителя, старшего сержанта Михаила Петровича Алексеева.

Жаркое лето 1943 года. Северный Кавказ. Идут бои местного значения. Перестрелка с обеих сторон, мелкие стычки не приносят успеха ни одной стороне.

Продвижение немецкой армии на восток было остановлено еще 11 сентября 1942 года. А в отношении Северного Кавказа гитлеровское командование строило далеко идущие планы и рассматривало его как путь на восток, в Среднюю Азию, а затем и в Индию. Но этому плану не суждено было сбыться. Советские войска остановили армию фашистов, а затем и отбросили на запад. Фронт оставался на линии Краснодар, станица Крымская, город Новороссийск.

Немцы этот участок фронта называли Голубой Линией. Близость двух морей, Черного и Азовского, послужила поводом к такому романтическому названию. Эта линия продержалась 370 дней. За это время гитлеровцы сильно укрепили свою оборону. Создали сеть окопов, минных полей, настроили доты и дзоты. Работу вели ночами, сгоняя мирное население. Наша 87-я бригада морской пехоты держала оборону в направлении станицы Набережаевская, и нам слышны были голоса людей, визг пил, стуки топоров.

Голубую Линию гитлеровцы считали неприступной. Сильно укреплен Новороссийский порт и подступы к станице Крым-

ской. Героический десант моряков под командованием майора Цезаря Кунникова занял небольшой участок земли на окраине города Новороссийска. Он занимал всего 19 квадратных километров и поэтому получил название Малой земли. Предпринятые попытки немцев сбросить десантников в море успеха не имели. Моряки стойко держались несколько месяцев до большого наступления наших войск.

И вот это время пришло. 12 сентября 1943 года начался штурм города. В боях участвовали воинские части Северо-Кавказского фронта, бывшие десантники с Малой земли. Всей операцией руководил командующий фронтом генерал-лейтенант Иван Ефимович Петров. Надо сказать, что гитлеровцы упорно сопротивлялись. Но, несмотря на это, 16 сентября город был освобожден.

В это время севернее Новороссийска на подступах к станции Крымской тоже развернулись бои. На рассвете 12 сентября началась артподготовка. Наш 305-й гвардейский полк вывел свои боевые машины на линию огня. Я в это время вот уже второй месяц служил в парковой батарее. Наша задача — проверка снарядов и доставка их к боевым машинам “Катюша”.

Раннее утро. Рассвет. С шофером Колей Семячко выехали из расположения батареи. Едем к линии фронта. Началась канонада. Такой я еще не слышал. Быстро нашли место стоянки боевой машины. Был сделан уже один залп. Расчет заряжает орудие. Готовится залп. Все уходят в укрытие. Командир орудия и шофер отошли в сторону. Я же остался на месте и жду команды. Никто мне ничего не сказал. Вот залп. Снаряды один за другим отрываются от спарок и какое-то время летят с пучком огня. Затем огонь исчезает. Исчезает и заря.

Я доволен, что увидел весь ход стрельбы. Ведь я уже второй месяц в полку, а близко этого не видел. При стрельбе от орудия летят пыль, мелкие комья земли. Часть этого досталась мне. Едем за другой партией снарядов. Садясь в кабину, шофер с какой-то ухмылкой посмотрел на меня. Я понял в чем дело. Ведь я весь в пыли. Ехать было небезопасно. Густая сеть орудий. Но все обошлось без приключений. Нагрузили новую партию снарядов, однако на прежнем месте орудия уже не было. Часовая артподготовка дала свои результаты.

Немцы в спешке отступали, покидая свои укрепления. На единственной дороге в сторону Тамани – пробки из машин и орудий. Над оставленной огневой позицией стоит облако пыли и дыма. Наступление идет успешно. Все пришло в движение. Радостное чувство переполняет сознание. Вот наконец-то успех! Но наших войск и техники настолько много, что часть из них пришлось остановить и отвести в тыл. Так и наш полк был остановлен. Личный состав расположился в маленьких хуторах по обе стороны дороги. Станица Вотистебелиевская была конечным пунктом полка. Так закончились бои на Северном Кавказе. Побитые гитлеровцы покинули Таманский полуостров на кораблях и катерах через Керченский пролив.

Так была уничтожена неприступная, как считали гитлеровцы, Голубая Линия. Слава нашим бойцам и командирам, одержавшим победу над врагом!

* * *

*Армия родная, я не знаю,
С чем мне сопоставить подвиг твой.
Как бы жили мы, не ощущая
Твоего дыханья за спиной?*

*Сколько б новых бед досталось миру
После "роковых сороковых"
Без твоих железных командиров,
Без твоих бессмертных рядовых.*

*Доказала ты в глобальных спорах
Мужеством и силою огня:
Есть у человечества опора,
Есть у моей Родины Броня!*

Иван КРАСНОВ

Дмитрий Бурмантов

РАСПИСАЛСЯ НА РЕЙХСТАГЕ

Бурмантов Дмитрий Степанович родился 21 июня 1924 года в деревне Кондратьево Свердловской области. В Красную Армию призван 9 сентября 1942 года. Автоматчик 1-го Донского корпуса, помощник командира взвода 428-й отдельной разведроты 369-й стрелковой дивизии. Ранен. Вынес с поля боя Боевое Знамя. Награжден двумя орденами Славы II степени, орденами Славы III степени, Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медалями “За боевые заслуги”, “За освобождение Варшавы”, “За взятие Берлина”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Участник парада Победы в Москве. После войны остался на сверхсрочную службу, окончил военное училище. Служил в Советской Армии 31 год. Подполковник. Живет в городе Кургане.

НАГРАДА ПОСЛЕ ПЕРВОГО БОЯ

Находясь в четырнадцати километрах от нашей столицы, немцы во время войны рассматривали ее в бинокли и стереотрубы, а мне удалось побывать в Берлине около поверженного рейхстага и Бранденбургских ворот, стать там участником самого светлого исторического события – Дня Победы, – сказал подполковник внутренних войск в отставке Дмит-

рий Степанович Бурмантов, награжденный за боевые подвиги тремя орденами Славы, орденом Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды и многочисленными медалями. Медаль “За боевые заслуги” получил после первого боя. В 1943 году, после прохождения курса молодого красноармейца и школы сержантского состава шестого запасного стрелкового полка, находившегося в городе Кунгуре, он попал сразу на поле тяжелейшего сражения. Девятнадцатилетний сержант Дмитрий Бурмантов был направлен пополнением в первый Донской танковый корпус командиром отделения роты автоматчиков. Корпус прибыл на Орловско-Курско-Белгородский выступ, где наши войска готовились к мобильной обороне.

– Копали траншеи в полный рост, делали ходы сообщения, строили блиндажи, оборудовали огневые точки. Ради маскировки частично закапывали в землю танки. За нами, метрах в трехстах, находилась истребительно-противотанковая артиллерия.

Стояли в обороне полтора месяца. Командованием было решено измотать гитлеровцев в оборонительных боях. Ждали, когда они станут наступать. Жестокий бой начался пятого июля 1943 года.

– Восприятие первого боя? – повторил Бурмантов мой вопрос. – Ошеломляющее. Кругом грохот. К нашим окопам идут десятки танков. На душе – жутко. В тот день мы стреляли по пехоте, а танки били – артиллеристы.

В первом бою Дмитрий Степанович Бурмантов был ранен. Отправлен в полевой госпиталь. Подлечившись, прошел медкомиссию и в составе маршевой роты прибыл в расположение 369-й стрелковой дивизии, которая формировалась раньше в Кургане. Попал к землякам.

СТАЛ РАЗВЕДЧИКОМ

В 1225-м стрелковом полку его определили в разведчики. Был в ту пору так называемый взвод пешей разведки при штабе полка. С ним он и пошел дальше по дорогам войны. С этим полком разведчики первыми подошли к Днепру в районе города Могилева, форсировали реку.

– Прошли несколько километров более – менее спокойно.

Но затишье оказалось недолгим. Около деревни Малиновки немцы, выходящие из окружения, ночью напали на штаб полка, где хранилось знамя вместе с секретными документами. Победа в этом бою далась нелегко. Потом продвигались к Минску. Мы, разведчики, шли впереди, добывая необходимые данные. За время войны пришлось брать много раз «языков». За первого из них, взятого здесь, меня наградили орденом Славы третьей степени. Немецкий часовой, которого мы взяли тогда и доставили в штаб, дал важную информацию о своем формировании.

Но бывало и так, что и «языки» не приносили ожидаемой пользы. Одни рассказывали о том, что уже было известно, другие – молчали. За таких мы получали другое поощрение – сто граммов фронтовых, ужин и восьми - десятичасовой отдых, – вспоминает Дмитрий Степанович Бурмантов.

Когда Бурмантов набрался опыта, то из взвода пешей разведки его перевели в 428-ю разведроту, находившуюся при штабе дивизии, где назначили помощником командира разведывательного взвода. С этой ротой Дмитрий Степанович и шел с боями до Варшавы.

Тогда наши части уничтожили большую группировку немцев в районе польских городов Данциг, Гдыня, Цопот. Здесь взяли 16 000 пленных.

За проявленное мужество ему вручили орден Славы второй степени. У Одера за взятие «языка» Дмитрий Степанович был награжден орденом Красной Звезды. Захваченный в плен фельдфебель предоставил ценные данные о расположении немецких войск и количестве орудий.

Немцы в ту пору на этом участке сосредотачивали основные силы. Ведь, как известно, через Восточную Пруссию самый ближний путь до Берлина. Поэтому войска противника здесь оказывали яростное сопротивление.

– Каждый «язык» дорого обходился. Много я тут потерял боевых товарищей, – говорит Дмитрий Степанович. – Расставаться с друзьями – самое страшное. Минуту назад с кем-то, бывало, еще ел кашу из одного котелка – и вот его нет в живых. И закрываем ему лицо выцветшей от солнца пилоткой, если удастся, заворачиваем в плащ-палатку. Оставляем в кар-

мане погибшего гильзу с необходимыми сведениями: фамилией, именем, отчеством, домашним адресом.

В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВОЙНЫ

Дмитрий Степанович на польской земле был ранен, награжден еще одним орденом Славы. После выздоровления на этот раз его направили в 301-ю стрелковую дивизию под командованием полковника Антонова, которая 21 апреля 1945 года с боями подошла к Берлину. Было очевидно, что идут последние дни войны, немцы фанатически сопротивлялись.

– Штурмом приходилось брать каждый дом. Сначала бой шел в подвале, потом на первом и других этажах здания, – продолжал рассказ Дмитрий Степанович. – Ни в один дом не входили без боя.

Восьмого мая 1945 года в пригороде Берлина Карл-Хорсте немцами был подписан Акт о безоговорочной капитуляции.

В день Победы я находился около рейхстага. На его стене, которая уже пестрела различными подписями, написал: “Урал – Бурмантов”. На душе было радостно.

Через некоторое время группу бойцов из нашей части откомандировали в Москву. Принимал участие в параде Победы. От каждого фронта в то время в сводный полк было направлено сюда по тысяче наиболее отличившихся бойцов и привезено по 36 знамен.

Приехали в Москву 10 июня. Разместили, помню, в палатках на Тушинском аэродроме. Через несколько дней нам выдали парадную одежду – китель, брюки, сапоги. Стали обучать ходьбе строевым шагом, о котором мы, фронтовики, имели смутное представление. Ведь мы умели только воевать. Тренировки проходили на Центральном аэродроме. В ночное время – на Красной площади.

Парад состоялся 24 июня и стал для нас, да и всей страны, незабываемым событием. В тот день увидел знаменитых маршалов Победы – Жукова и Рокоссовского, многих командиров, которые проявили особое мужество в боях.

После парада снова возвратился в Германию. Служил в разведроте, неподалеку от Берлина. Был старшиной. Нес комендантскую службу. Занимался боевой и тактической подготовкой. Вместе с солдатами помогал местным жителям рас-

чищать завалы, налаживать мирную жизнь.

Население относилось к нам в основном дружелюбно. Мы с ними делились пищей. Если в котлах оставались суп или каша, предлагали детям. Позднее к нам с котелками стали ходить женщины и старики. Помогали им, как могли. Ведь, находясь в Германии, руководствовались тем, что принесли освобождение немецкому народу.

ТАК ОБРАЗОВАЛАСЬ ДИНАСТИЯ

Дмитрий Степанович Бурмантов в 1947 году перешел на сверхсрочную службу. Прошел обучение в школе пехоты города Львова. Позднее окончил военное училище в городе Орджоникидзе. Служил в Свердловской области. Стаж достаточно большой – тридцать два года. За это время Дмитрий Степанович был и командиром взвода, и роты, и начальником отдела кадров полка, бригады.

Во время службы в Свердловской области познакомился со своей женой Изой Федоровной. Осенью 1949 года создали семью. В 1950 году родилась дочь Светлана, в следующем – сын Константин, через восемь лет – еще дочь Ольга.

Со временем у Бурмантовых образовалась династия военных. Сын Константин закончил Военную академию. Дочь Светлана вышла замуж за военного летчика. Их дети тоже избрали профессию отцов. В настоящее время Сергей и Алексей – капитаны. Леонид учится в военном училище.

Дмитрий Степанович Бурмантов с гордостью рассказывал о детях и внуках. А еще – о хлопотах, дачных. 21 июня 2004 года отметил свой юбилей – восьмидесятилетие. Для него, как я увидела, это не солидный возраст. Он живет такой интересной жизнью, что можно по-доброму позавидовать. По-прежнему много читает. Чаще всего книги о Великой Отечественной войне. Выступает в курганских школах. Нередко в классе, где учится внучка Оксана. Считает, что важнее всего для человека любого возраста – историческая память. Дмитрий Степанович с радостью планирует свое будущее, так как знает, что жить в мирное время – это счастье.

Надежда РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Василий Курицин

КОМАНДИР ЭСКАДРОНА

Василий Федорович Курицин даже не подозревал, что в трудную для Родины годину сможет стать боевым офицером. Родился он в 1912 году в деревне Осеевой Шадринского района. Отец его был знатным на всю округу каменщиком. В начале прошлого века не было в их деревне ни одного дома, в котором бы не стояла печка, сложенная руками Федора Курицина. В 15 лет и Василий освоил отцовскую профессию, вместе с ним клал печи. Мастерски клал.

В ноябре 1934 года Василия призвали в Красную Армию. Служил в 46-м пограничном отряде в городе Ашхабаде. Военскую науку освоил в совершенстве, хоть и нелегка была. Тем более что горы Таджикистана – это тебе не родные поля и перелески. Здесь за каждым бугорком может неприятель прятаться. Да частенько так и бывало, а потому немало нарушителей границы довелось задерживать Василию Курицину вместе с товарищами за годы службы.

После демобилизации его, молодого пограничника, имеющего благодарности от командования, охотно взяли на службу в органы НКВД. В 1938 году получил свое первое повышение – переведен начальником охраны участка Окуневской ИТК. А затем, в 1940 году, вернулся он в родной Шадринск, где и продолжал жить и служить в милиции.

С первых дней войны Василий Федорович Курицин обращал-

ся с просьбой – отправить его на фронт. Наконец, 14 сентября 1941 года солдатская теплушка увезла его из родных мест на долгих пять лет. Служить Василий попал в 9-й запасной кавалерийский полк. Держаться в седле ему было не привыкать: как-никак в деревне вырос, еще пацанами гоняли с друзьями лошадей в ночное, скакали так, что пузырями надувались на спинах ситцевые рубашонки. Здесь же, в кавалерии, потребовалось освоить целую науку действий, как уничтожать врага в боевой обстановке.

В декабре 1941 года Курицина назначили командиром сабельного взвода. А в феврале 1942 года первые схватки с врагом на Центральном фронте, при этом он показал себя достойным конником и командиром. Уже в октябре Василий Курицин был назначен командиром эскадрона 11-го Гвардейского кавалерийского корпуса Белова. “Эскадрон гусар летучих” под командованием Курицина наводил ужас на фашистов, сеял панику. В жестоком бою, в декабре 1942 года, Василий Федорович был ранен. От лечения в госпитале отказался. А вскоре его направили на курсы Высшей офицерской Краснознаменной кавалерийской школы в город Москву. В ноябре 1943 лейтенант Курицин был направлен на Белорусский фронт, опять-таки в должности командира эскадрона.

За отличные боевые действия, исключительную находчивость и отвагу Василий Федорович Курицин имеет пять благодарностей Верховного Главнокомандующего. Награжден: двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Богдана Хмельницкого, Суворова третьей степени, медалями “За освобождение Варшавы”, “За взятие Берлина”.

А сколько сел и городов довелось освобождать и брать с боями Василию Курицину на своем Вороном! Вот лишь некоторые: Седлец и Минск, Луков и Сохачев, Скерневице и Лович, Подзь и Кутно, Томашов и Аргенау, Быдгош и Бервальде, Фалькенбург и Драмбург, Лабес и Регенвальд... А в поверженном Берлине расписался на стене рейхстага: “В.Ф.Курицин из Шадринска”.

Он участник парадов Победы – в Москве и в Берлине.

В 1946 году Василий Курицин вернулся на старое место службы в город Шадринск. И здесь проявил себя достойно.

Юрий ГАВРИЛОВ

Иван Кремлев

ВОЕВАЛ В ВОЗДУХЕ И НА ЗЕМЛЕ

Военная карьера для Ивана Федоровича Кремлева началась задолго до 1941 года. Как все мальчишки 30-х годов, впервые увидевшие в синем небе самолеты, он грезил сесть за штурвал такой «птицы». Поэтому после окончания в 1931 году Шадринского педагогического техникума он поступил в Оренбургскую военную школу летчиков. Быстро промелькнули годы учебы, и в 1937 году молодой выпускник школы летчиков начал службу в 49-м истребительном полку Ленинградского военного округа.

В конце 1939 года началась война с белофиннами, и летчик Кремлев принимал участие в боевых действиях. Неоднократно выполнял задания командования по фоторазведке укреплений противника. Неоднократно его обстреливали, но он провел прицельную фотосъемку, на которой запечатлены были все укрепсооружения. За выполнение этого задания летчик Кремлев был награжден орденом Красной Звезды.

Подобные задания ему приходилось выполнять не один раз. Однажды такой вылет ему едва не стоил жизни. В марте 1940 года было дано задание установить местонахождение зенитной батареи белофиннов, которая причиняла немало хлопот нашей авиации. Изучая местность на низкой высоте, он почувствовал резкую боль в правом боку и увидел развороченное взрывом правое крыло самолета. Хлынувшая из раны кровь быстро начала заполнять летный комбинезон. Уйдя

из-под обстрела, Иван Федорович резко развернул самолет в сторону родного аэродрома. Как посадил самолет, он не помнит. Очнулся уже в санчасти. После выздоровления вновь продолжил службу в своем 49-м истребительном полку. За четыре месяца боевых действий Иван Федорович Кремлев сделал около ста боевых вылетов.

Известие о начале Великой Отечественной войны летчиков 49-го истребительного застало в городе Двинске, где в то время находился полк. Почти сразу же начались бои с немецкой авиацией. Вскоре изрядно поредевший полк был переброшен в тыл для пополнения.

А Иван Федорович Кремлев, как опытный воздушный боец, был направлен старшим преподавателем в школу летчиков №8 в город Кинель-Черкассы Куйбышевской области, где учил молодых летчиков боевому мастерству.

Он хорошо помнит их: безусых, длинноногих, задорных мальчишек, прибывающих на обучение в школу. Несколько месяцев подготовки – и каждого из них ждали боевые вылеты, жаркие схватки с врагом. Не сосчитать, скольких парней научили преподаватели школы тактике и стратегии ведения боя с неприятелем, учили выживать и побеждать в той нелегкой священной войне.

В ноябре 1946 года закончилась для Кремлева воинская служба. Началась другая – по защите законности и правопорядка. До 1951 года служил он в должности следователя управления КГБ по Курганской области. Затем был начальником отдела дознания УВД Курганской области. Показал себя добросовестным, принципиальным сотрудником и замечательным руководителем, организатором. На его счету успешное расследование многочисленных сложных и громких преступлений.

Парадный мундир Ивана Федоровича украшали ордена Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны первой степени, медали “За боевые заслуги”.

В 1967 году подполковник милиции Кремлев вышел в отставку по болезни. Но долгое время Иван Федорович был желанным гостем в коллективе, встречался с сотрудниками и слушателями учебного центра, рассказывал о своей службе, о трудных военных годах, передавал свой ценнейший опыт.

Юрий ГАВРИЛОВ

ШУШАРИНЫ НА ВОЙНЕ... И ДОМА

Большая семья Шушариных проводила на войну четырех мужчин. Первым ушел старший сын Александр – еще в 1940 году его призвали в ряды Красной Армии. Служил в Кремлевской дивизии, когда началась война, написал заявление с просьбой отправить его на фронт. После окончания Люберецкой школы офицеров лейтенант Александр Шушарин был на фронте. Домой пришло несколько писем и – сообщение, что Александр Арсентьевич Шушарин пропал без вести...

В первые дни войны ушел на фронт Арсентий Шушарин – глава семейства. Зимой сорок второго на него пришла похоронка. Порыдала хозяйка дома по мужу, потом насухо вытерла покрасневшие глаза и строго приказала испуганно смотревшим на нее ребятишкам: “Ревя не ревя, а жить как-то надо... Давайте-ка, сынки, за сеном пойдём, корову кормить надо”.

А летом пришло письмо от отца. Мать не знала, реветь ей или радоваться, отправила младшего сына в поле, где работал сын Петр: пусть, мол, срочно бежит домой. Петр повертел письмо в руках, сверил дату его написания с датой похоронки: по всему вышло, что отец живой! Всю войну прошел Арсентий Шушарин. Был четырежды ранен, домой вернулся в августе 1945-го.

В декабре 1942 года пришел черед и Петра. Семнадцатилетнего парня отправили на учебу в школу снайперов, в город Челябинск. Его военные дороги начались под Уманью, в батарее 76-миллиметровых пушек 8-го стрелкового полка 3-й воздушно-десантной стрелковой дивизии.

– Через полгода службы, – вспоминает Петр Арсентьевич, – нашей 3-й воздушно-десантной стрелковой дивизии было присвоено звание Гвардейской. Нам вручили нагрудные значки, и мы гордо стали именовать себя – Гвардией.

После выздоровления был направлен командиром отделения роты охраны на 2-й Украинский фронт. Через два месяца снова был ранен, на этот раз тяжело. В феврале 1945 года медкомиссией был признан годным к нестроевой. И назначили Шушарина командиром отделения роты пулеметного батальона 370-го запасного стрелкового полка. Служил здесь до октября 1945 года.

После демобилизации Петр Арсентьевич Шушарин работал на военной кафедре Курганского сельскохозяйственного института. Получил в вечерней школе среднее образование, поступил заочно в Курганский педагогический институт, который также успешно окончил.

В августе 1952 года пришел на службу в органы внутренних дел. Почти тридцать лет прослужил он в системе ИТУ: был инспектором, старшим инспектором, начальником спецчасти. В звании майора внутренней службы в 1982 году вышел в отставку.

Надо сказать, что за эти долгие тридцать лет Петр Арсентьевич показывал себя так, что за весь период службы у него в личном деле одни только поощрения. Добросовестный, порядочный, умеющий держать слово, принципиальный, честный – только самые добрые эпитеты могут дать Петру Арсентьевичу те, кому довелось служить вместе с ним.

Как ему живется сейчас?

– Да ничего, – смеется Шушарин, – полпенсии вон только на лекарства уходит. А здоровье... Два инфаркта, стенокардия да еще тридцать семь болячек, – шутит он на прощание.

Но старая гвардия не сдается, так ведь, Петр Арсентьевич?

Василий САЛМАНОВ

Михаил Сосновский

**ВСЕМ
СМЕРТЯМ
НАЗЛО...**

Накануне войны семья Михаила Гавриловича Сосновского переехала из села Утятского Притобольного района, где родился и вырос Миша, в Челябинск. Окончив школу, Михаил пошел работать электрообмотчиком на цинковом заводе, затем стал бригадиром строительного-монтажного управления Челябинского электродного завода.

Выданная горвоенкоматом «бронь» надежно охраняла парня от войны. Но разве мог и он, и тысячи его сверстников, отсиживаться в тылу? И Сосновский подал заявление – добровольцем отправить его на фронт. В мае 1942 года его направили на учебу в артиллерийское училище №1. В августе 1943 года младший лейтенант Сосновский был уже командиром огневого взвода в 78-м гвардейском отдельном истребительно-противотанковом дивизионе 7-й армии Второго Украинского фронта. В составе этого соединения участвовал в освобождении Украины, Молдавии, Румынии, разгроме Яссо-Кишиневской группировки немцев.

– Свой боевой путь начал в Днепропетровской области, в городе Пятихатки. В первую же ночь попал под бомбежку, – рассказывает Михаил Гаврилович. – Отсюда начали наступать в сторону Кировограда. Отразили несколько мощных танковых атак противника.

В одном из боев в моем взводе был контужен наводчик пуш-

ки. Встал на его место. Немецкий танк идет прямо на позицию. Подпустил его метров на 100-120, выстрелил, перебил гусеницу. Танк развернуло, он начал поворачивать башню. Вторым выстрелом удалось башню заклинить. Но в ходе боя я не заметил, как прорвавшийся с фланга танк идет прямо на мое орудие. Услышав крик ребят, повернул голову, а танк – вот он! Я едва успел спрыгнуть в ровик наводчика. Танк подмял пушку и развернулся на ней. Я был засыпан землей. Когда танк сошел с пушки, ребята забросали его гранатами и бутылками с горючей смесью. Затем оттащили раздавленную пушку и откопали меня. Вот такое получилось боевое «крещение».

С боями мы дошли до Кировограда. Встретились там с партизанской армией прославленного Ковпака. Затем форсировали Южный Буг. На плотях, под обстрелом переправили пушки на другой берег. Недалеко от берега, рядом с нашим плотом разорвалась мина. Плот накренился, и наша пушка оказалась на дне. Но мы ее все-таки вытащили.

Позже пришлось форсировать реки Днестр, Прут... Вошли на территорию Румынии, участвовали в окружении Яссо-Кишиневского плацдарма немцев.

В июне 1944 года был тяжело ранен в голову. Санитары, которые после боя собирали погибших и раненых, сочли меня убитым. Несколько часов пролежал в одной куче с погибшими. Когда могила была готова, убитых стали относить в нее. И тут медсестра полка случайно заметила, как шевельнулись пальцы у "трупа". Когда внимательно осмотрели, оказалось: действительно, жив! Потерял много крови, находился в бессознательном состоянии.

Было очень тяжелое ранение в голову. На густых волосах кровь запеклась в виде шапочки, кровопотеря прекратилась, пока еще ждал своей очереди на "захоронение". Так я оказался в госпитале города Тульчин Винницкой области. А домой, на Урал, полетело горестное письмо от бойцов взвода, которым командовал: "Погиб смертью храбрых, похоронен в братской могиле..."

Получив письмо, мама долго плакала, но продолжала ждать. Ее материнское ожидание спасло жизнь всем трем сыновьям, которые ушли на фронт и вернулись обратно ранеными, но живыми. Мама постоянно твердила: "Миша жив, не

погиб... Он ранен, ему плохо, но он живой!”

Так было на самом деле. Восемнадцать дней Михаил Гаврилович не приходил в сознание. А когда, наконец, пришел в себя, то долгое время ничего не видел, не слышал, не мог говорить. Левая половина туловища была полностью парализована. По излечении, конечно, был признан инвалидом. Так, на костылях, и вернулся домой – туда, где не верили в его смерть, где продолжали ждать.

Едва окреп, пошел работать электриком на Челябинский хлебозавод, затем в артель инвалидов “20 лет Октября” ретушером портретного цеха. Лечение продолжил. Там же, в Челябинске, судьба столкнула его с пожилой женщиной-врачом. Она-то и строго наказала Михаилу: “Никого не слушай, пусть тебе все запрещают делать, а ты все равно тренируй свое тело. Для тебя движение – это жизнь”. До сих пор признателен ей Михаил Гаврилович за добрый совет, ведь благодаря ему Сосновский смог победить тяжелую болезнь. Стал Михаил заниматься спортом, обливаться холодной водой. Потихоньку парализованные рука и нога стали шевелиться, смог ходить без костылей.

В 1948 году переехал с дочкой в Курган, начал работать рентгенлаборантом в Курганском областном противотуберкулезном диспансере. А в январе 1955-го перешел в поликлинику медицинского отдела УВД, где работал рентгенлаборантом до 10 мая 1995 года – до ухода на пенсию – больше сорока лет.

Самые добрые воспоминания остались о Сосновском в этом коллективе. У него были поистине золотые руки, он мог отремонтировать буквально любой медицинский прибор, и если в каком-то кабинете случалась поломка, бежали, не дожидаясь мастера, за Михаилом Гавриловичем. И он всегда приходил на помощь.

... Раз в году, в День Победы, надевает Михаил Гаврилович Сосновский парадный костюм. На его лацканах поблескивают ордена Отечественной войны I степени, Красной Звезды, многие медали. Всем смертям назло живет на Земле вот уже девятый десяток лет этот человек – тот, которого едва-едва не похоронили в братской могиле под Яссами.

Юрий ГАВРИЛОВ

Алексей Меркурьев

ПЕРЕПРАВУ УДЕРЖИВАЛИ ТРОЕ СУТОК

Родился Алексей Федотович Меркурьев 3 октября 1923 года в деревне Лиственное Кетовского района. Он был десятым ребенком в крестьянской семье. Конечно, столько детей прокормить было нелегко. И в 1930 году отец перевез семью в Курган, где начал работать на железной дороге.

В 1940 году Алексей окончил десятилетку и поступил в школу летчиков при учебной эскадрилье в Кургане. В сентябре 1941 года ее окончил и был направлен в Качинскую военную школу летчиков-истребителей. Время на фронтах было просто отчаянное. Красная Армия с тяжелыми боями отступала, теряя в огромном количестве бойцов и технику. Прибывшим в Качи курсантам, как оказалось, не на чем было летать, постигать основы летного дела – самолетов в школе уже не было. Меркурьева и часть других курсантов направили в город Энгельс, в артиллерийское училище.

А в октябре 1942 года младший лейтенант Меркурьев прибыл в артдивизион 26-го танкового корпуса. И в его составе участвовал в боях по окружению немецкой группировки под Сталинградом.

– Наша часть наступала с Северо-Запада, освободила Се-
рафимовичи, Перелазовский, Калач-на-Дону, – вспоминал
Алексей Федотович. – Здесь были тяжелейшие, просто отча-
янные бои. Переправа через Дон удерживалась нами трое

суток. Мы выстояли. И это определило дальнейшую судьбу всей операции по окружению. Нашему комбригу было присвоено звание Героя Советского Союза. Продолжая бои, мы соединились с южной группой войск. Я в этих боях командовал взводом управления, обеспечивал связь – телефонную и радио. Кроме того, взвод взаимодействовал с отделением разведки и управлял огнем по разведанным целям.

За участие в сталинградских боях нашему корпусу присвоили гвардейское звание и титул “Донской”. Многие тогда удостоились правительственных наград. Я был награжден орденом Красной Звезды. Затем корпус участвовал в сражении на Курской дуге, освобождал город Орел. За эти бои был удостоен второго ордена Красной Звезды. С боями дошел до Днепропетровска.

Дальше пришлось воевать на 1-м и 2-м Белорусских фронтах. Вначале был командиром взвода, после назначили командиром батареи. Дважды был контужен.

Алексею Федотовичу повезло. С начала и до конца своей службы он воевал в одной части – первой отдельной гвардейской мотострелковой Калининградской, дважды Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова бригаде 1-го гвардейского Донского танкового ордена Ленина, Краснознаменного, ордена Суворова корпуса. За мужество и отвагу в боях Меркурьев имеет семь благодарностей от Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина, награжден орденами Отечественной войны первой и второй степени, медалями “За оборону Сталинграда”, “За освобождение Варшавы”, “За взятие Кенигсберга”, «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг».

После войны был секретарем в военном трибунале войск МВД Курганской области, затем Челябинской области. Ушел на пенсию по состоянию здоровья.

Григорий ФОМИН

Михаил Фомин

В БОЯХ ЗА БЕРЛИН

Михаил Иванович Фомин родом из Шадринска. Восемнадцатилетним юношей был призван в армию. После окончания 1-го Ленинградского военного училища, которое в годы войны располагалось в городе Березники Свердловской области, направлен на 3-й Украинский фронт командиром минометного взвода. В ожесточенных боях за город Николаев был тяжело ранен. После выздоровления – снова фронт. И снова 3-й Украинский. Был командиром минометного взвода, второго танкового корпуса 12-й бригады. И вновь ранение, на этот раз тяжелое. В августе 1944 года направлен на первый Белорусский фронт. Участвовал в боях за освобождение Варшавы и взятие Берлина.

Наверное, тем из фронтовиков, кому довелось дойти до Берлина и участвовать в заключительных боях с фашистами, наиболее памятливы мгновения именно этих боев. Вот и Михаил Иванович, на просьбу рассказать о самом памятном событии войны, поведал о последних сражениях в логове врага:

– В последние месяцы войны мне довелось воевать на первом Белорусском фронте в составе 11-го танкового Радомско-Берлинского Краснознаменного орденов Суворова и Кутузова корпуса. Принимал участие в битве за овладение Зееловскими высотами, что в 75 километрах от Берлина. Высоты были очень сильно укреплены на всем протяжении до Берлина. Немцы считали их ключом к своей столице.

Я в то время был командиром полковых 120-миллиметровых минометов. Мы оборудовали наблюдательный пункт на высоте. Но вскоре вынуждены были его оставить – пришел взвод саперов во главе с подполковником, который указал нам место на карте, куда мы должны перебраться, а здесь ему был дан приказ оборудовать наблюдательный пункт для командующего фронтом маршала Георгия Константиновича Жукова. Мы выполнили его распоряжение

После разведки боем, ночью, началось наступление. Противник вел очень сильный и плотный огонь из всех видов оружия. По цепи была дана команда: "Назад не оглядываться!"

В этом бою был взят в плен немецкий офицер, обер-лейтенант. Я был очевидцем допроса гитлеровца Георгием Константиновичем Жуковым. Маршал сказал немцу, что сопротивление бесполезно, через два дня советские войска будут в Берлине. Спокойно так сказал. Немец заносчиво ответил: "Не видать вам Берлина, как своих ушей!"

Пленного увели. Но бои за высоты были действительно жестокие и кровавые.

После штурма Зееловских высот советские войска вошли в Берлин. Враг отчаянно дрался за каждый клочок улицы и каждый дом. Но остановить боевой и сердечный порыв солдат было невозможно. Все понимали – со взятием Берлина придет конец войне.

В дальнейшем наш корпус участвовал в штурме рейхстага. Когда над цитаделью фашизма взметнулось красное знамя, для каждого участника штурма это метавшееся по ветру красное полотнище стало своеобразным маяком, указывающим путь к Победе. И мы упрямо шли вперед, где из-за каждого камешка, каждого поворота ждала солдата смерть. Но мы верили, что если уж дошли до Берлина и над рейхстагом флаг Победы, то впереди нас ждет долгая и счастливая жизнь. До Победы оставались считанные дни...

В апреле 1947 года Михаил Иванович вернулся в Шадринск, стал работать военруком Шадринского финансового техникума.

С мая 1950 года служил в органах исправительно-трудовых учреждений УВД Курганской области на различных должностях культурно-воспитательной работы.

За боевые дела Михаил Иванович награжден: орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медалями "За освобождение Варшавы", "За взятие Берлина", "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг."

Все получилось так, как мечтали наши бойцы: тому, кто дошел до Берлина, уготована долгая и счастливая жизнь. Такая, как у Михаила Ивановича Фомина.

Василий САЛМАНОВ

НА ВЫСОТЕ "Н"

*На развороченные доты
Легли прожектора лучи,
И эти темные высоты
Вдруг стали светлыми в ночи.*

*А мы в снегу, на склонах голых,
Лежали молча, как легли,
Не поднимали век тяжелых
И их увидеть не могли.*

*Но, утверждая наше право,
За нами вслед на горы те
Всходила воинская слава
И нас искала в темноте.*

Владислав ЗНАДВОРОВ

Иван Коломыцин

ЧТО ПЕРЕЖИТО, НЕ ПЕРЕЧЕСТЬ...

Родился Ваня Коломыцин в деревне Утичи Сафакулевского района 5 сентября 1916 года. Родители мальчика были крестьяне. По тогдашним меркам Коломыциным везло: сыновья у них рождались один за другим. Это означало, что вскоре подрастут помощники отцу, но главное: что земельные наделы увеличатся. В те времена землей наделяли по числу мужчин в семье. Чем их больше – тем обширнее получался участок.

К работе Иван был приучен с детства. Никто не считался с возрастом, трудились столько, на сколько хватало сил. Отец умер, когда Ване исполнилось пять лет. Мать осталась с тремя детьми на руках, все тяготы легли на плечи женщины. Сыновья, как могли, помогали матери.

Когда Ивану Коломыцину исполнилось двадцать лет, его призвали в Красную Армию. Зауральский парень попал служить на Дальний Восток, который удивил нашего земляка необычайной природой и непривычным климатом. Но сильнее всего поразило новобранца, конечно же, море. За четыре года, а именно столько в то время длилась служба краснофлотца береговой обороны, успел привыкнуть и даже полюбить наш герой своеобразную красоту дальневосточного побережья. Как бы там ни было, домой Ивану Андреевичу Коломыцину хотелось больше всего на свете. И каким прекрасным ни было

море, ни с чем не сравнима красота природы нашего края.

В сорок первом вернулся со службы краснофлотец. Вновь начались трудовые будни сельского труженика. Жизнь в колхозах и совхозах начала налаживаться. Люди радовались видам на хороший урожай, уродившийся в том памятном году. Жить бы да жить. Но война разрушила все надежды и чаянья советского народа. После возвращения в родную деревню, а произошло это в январе месяце, Иван устроился на работу. Вскоре он присмотрел себе невесту. Знакомы они были с детства, но и подумать не могли, что так сведет их судьба. Вспоминая о начале своей супружеской жизни, Иван Андреевич и Матрена Титовна смеются:

– Она младше меня на семь лет. Совсем пацанка была, когда я со службы пришел. Но такая шустрая, что я ее сразу заметил. Хоть и знал ее раньше. Когда уходил на службу, ей лет-то было всего-навсего тринадцать. А вернулся – она уже заневестилась. Такая веселая, бойкая. Вот и поженились, – усмехается Иван Андреевич.

Супруга согласно кивает головой, и глаза ее лукаво блестят. Еще бы – жених ей попался видный. Одно слово: моряк-дальневосточник. В те времена парни, отслужившие на флоте, были нарасхват.

Правда, семейная жизнь Коломыциных длилась всего несколько месяцев. В ноябре, в самый канун Октябрьского праздника, Иван Андреевич был призван на место своей недавней службы – на Дальний Восток.

– Попал я на остров Русский. Остров это небольшой, но стратегически очень важный. Со стороны японцев была постоянная угроза нападения. Мы все время находились в боевой готовности. До июня сорок второго года там и служил. А потом меня направили во Владивосток. Там сформировали часть, которую в составе 44-й мотострелковой бригады отправили на Западный фронт.

– В Горьковской нас немного подучили, дали технику необходимую и отправили к Сталинграду. Там остро нуждались в новых силах, – вздыхает мой собеседник, вспоминая то страшное время.

Стояли насмерть. Каждый метр, каждую пядь земли отбивали у фашистов с огромными потерями. В одном из боев Иван

Андреевич Коломыцин был ранен. Произошло это 19 ноября 1942 года.

– Слепое пулевое ранение, – скупо отзывается о случившемся наш герой, – Отправили в госпиталь. А когда выписался из госпиталя, то узнал, что родная бригада ушла уже далеко. Зачислили в 200-й запасной полк Третьего Украинского фронта.

– Почти всю дорогу мы шли пешком, – продолжает разговор Иван Андреевич. – В 20-й гвардейской дивизии попал в разведку. Однажды пошли на задание. Взяли “языка”. Уже возвращались, но попали под обстрел. Меня ранило во второй раз. Но до своих мы добраться все же сумели. Два месяца лечился в Ворошиловградском госпитале, затем отправили меня на учебу. Так стал командиром пулеметного взвода. А война уже ушла далеко вперед.

Началось форсирование Днепра. Ох и страшно было! Не высказать словами, не пересчитать, сколько там солдат полегло. Река огромная. С того берега немцы обстреливают, а нужно переправиться во что бы то ни стало. Две недели без сна и отдыха наши части форсировали. Не могу вспоминать без волнения. Страшно, очень страшно было, – вздыхает Иван Андреевич.

Но на этом не закончилась война для моего собеседника. После переправы через Днепр дивизия, в которой служил Коломыцин, пошла в наступление. В этом бою он снова получил осколочное ранение. Три месяца проходил лечение в госпитале, что располагался в Славянске. Об этом донбасском городе у Ивана Андреевича сохранились очень добрые воспоминания. Быстро пошел он на поправку и вскоре вновь был на фронте. К сожалению, недолго. В бою за поселок Костромки, под городом Кривой Рог, был опять ранен, уже в четвертый раз.

– Ранение было очень серьезное. Сначала отправили обратно в Славянск, затем перевезли меня на Кавказ. Но ни в Баку, ни в Тбилиси места мне не нашлось. И только в ереванском госпитале меня приняли. Наш санпоезд был переполнен.

В мае сорок третьего Коломыцина выписали из госпиталя. Было решено отправить его в школу авиаспециалистов. Там

он проходил обучение до августа. После этого направили на фронт. Война шла уже за пределами нашей Родины, в Польше. Ивана Андреевича назначили мастером по вооружению. В составе 78-го штурмового авиационного полка он и встретил Победу.

В октябре 1945 года вернулся в родную деревню. Дома его ждала жена, которая во время войны очень долго не получила от него никаких известий.

– И он мне писал, и я ему слала письма, но до сорок четвертого года не было ни одной весточки от Ивана. Не знала, жив он или нет. Трудно было так жить, но я верила, что Ваня вернется, – вступает в разговор Матрена Титовна, на долю которой тоже выпало немало испытаний.

После войны жизнь оставалась по-прежнему непростой. Нужно было много работать, а четыре ранения Ивана Андреевича давали о себе знать. Он стал часто болеть. Через несколько лет семья Коломыциных перебралась в Юламаново. Там они и живут до сегодняшнего дня. На протяжении многих лет Матрена Титовна работала телефонисткой, а Иван Андреевич трудился в совхозе. Оба давно находятся на заслуженном отдыхе. За плечами у каждого многолетний трудовой стаж. Сейчас ветераны живут с одной из дочерей. Дети уже давно выросли и теперь у них есть свои семьи. Теперь наши герои заботятся уже даже не о внуках, которых у них пять, а о правнуках. О них, об их благополучии беспокоятся Иван Андреевич и Матрена Титовна, прошагавшие рука об руку более чем шесть десятков лет. И все эти годы ветераны прожили достойно и дружно, душа в душу.

Ольга РУДИНА

Иван Шаляпин

**НЕТ,
Я НЕ БЫЛ
УБИТ**

Иван Иванович Шаляпин родился в 1915 году в деревне Локти в крестьянской семье. С детства познал все тяготы деревенской жизни, голод, болел тифом. За его плечами большая жизнь, в том числе четыре тяжелых года Великой Отечественной войны, несколько ранений. После одного из таких ранений его посчитали убитым и выбили фамилию и имя на памятнике братской могилы в селе Базалия Хмельницкой области, что в Западной Украине. А он обманул смерть и вернулся на отчую землю. Работал учителем, директором школы. Вел активную общественную работу, писал стихи. Они у Ивана Ивановича о главном, о пережитом, их с сердечным трепетом мы читаем сегодня. Их с таким же волнением прочтут наши внуки и правнуки. И еще многие поколения.

В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Да, горькой бедой стало то воскресенье —
В кровавую битву втянули страну.
Ну что же, товарищ: терпенье, терпенье...
Коль Родина скажет, пойдем на войну.

Отчизна родная огнем полыхала,
От грома орудий стонали поля,
Тяжелых потерь понесли мы немало —
Солдатскую кровью умылась земля.

Судьба оказалась для нас невеселой,
Был ход отступленья тяжел и жесток —
В дыму и пожарах оставлены села,
В слезах уходили полки на восток.

Но время пришло — мы врага окружили,
Начался на Волге фашистов разгром.
Да, мы устояли и зло сокрушили...
В Великой войне наступил перелом.

КНИГА ПАМЯТИ

Есть Книга Памяти о павших,
Что рождена былой войной.
Она о каргапольцах наших,
Что с фронта не пришли домой.

Здесь, в записях предельно сжатых,
Вся жизнь солдатская видна,
От светлых дней до мрачной даты,
Здесь их святые имена.

Они свинцовые метели
Остановили над страной
И отстоять ее сумели,
Но только дорогой ценой.

Им не очнуться, не проснуться,
Но в том солдатской нет вины.
Вовек домой им не вернуться
Из тех суровых лет войны.

Их помнит милая сторонка,
Их имена вобрал гранит.
И Книга Памяти потомкам
Их славный подвиг сохранит.

НОЧЬ НА ПЕРЕДОВОЙ

Замолк под вечер гром орудий,
Установилась тишина.
Вздохнул солдат свободно грудью,
Как будто кончилась война.

Бойцы, устроившись в окопе,
Затихли все в коротком сне, —
Несладко матушке-пехоте
В любое время на войне.

Но тишь обманчивой бывает —
Дозорам нашим не до сна.
Опять ракета ввысь взлетает,
Окопы осветив до дна.

Бойцы, накинув маскхалаты,
Идут в секрет к передовой
И, как всегда, берут гранаты,
Надежный пулемет ручной.

Не спят на фронте поздней ночью,
Штабной работе нет конца.
Готов приказ, и снова срочно
С пакетом в полк пошлют бойца.

Взлетит зеленая ракета,
Короткий кончится покой...
Нелегко, тяжок путь к победе,
Но приближает каждый бой.

СОЛДАТ В ОКОПЕ

Как хотелось бы с друзьями
Выпить терпкого вина!
За жену, что ждет годами,
За меня тревог полна.

И готов упрек принять я
За потерянную ночь.
Заключить бы мне в объятия
И жену, и кроху-дочь.

Я заснул, а пули пели.
Я увидел в крепком сне,
Будто дочка в колыбели
Мило улыбалась мне...

Не луны — ракет сиянье
Слабо светит вдоль траншей.
Дождик льет, как в наказанье,
К нам в окоп бежит ручей.

По колено в липкой грязи,
Весь продрогший до костей,
Не теряю с домом связи —
Жду лишь радостных вестей.

Лед, как панцирь на шинелях, —
Пару слов об этих днях:
Замели нас так метели,
Что теперь лежим в снегах...

Бой поднял бойцов из снега,
Ротой двинулись вперед,
Нам уже не до ночлега —
Ночь на марше вся пройдет.

Насиделся в том окопе,
Где терял своих друзей.
Но принес я мир Европе
Вместе с армией своей.

* * *

Я узнал свою державу —
Всю проехал, исходил.
Честь ее берег и славу,
Не жалея своих сил.

В кадровой служил три года
И четыре на войне,
И не трусил я в походах,
Возмужал в боях вполне.

Был огнями опален я,
Покорялись реки мне,
Был окопом закален я —
Все случилось на войне.

Вши меня нещадно ели,
Я в ночи морозной дрог,
А в свинцовые метели
Выручал меня окоп.

Но не зря, земля родная,
За тебя я пролил кровь.
Нет того дороже края,
Где живет моя любовь!

ТИШИНА

Снова в буйном расцвете весна,
Утро песней звенит соловьиной.
В этот час отгремела война,
Стяг Победы зардел над Берлином.

А какая стоит тишина!
Здесь вчера лишь война догорала.
Напилась нашей крови сполна,
А потом навсегда замолчала.

Не забудутся будни войны
И с врагами жестокие схватки.
Где вы, милой Отчизны сыны?
Ждут вас матери, дети, солдатики...

Чтобы мир утвердить на земле,
Чтоб жила, расцветая, планета,
Вы остались лежать в тишине,
Заплатив своей жизнью за это.

Над Европой стоит тишина.
Вы представьте ее на мгновенье!
Сорок пятого года весна —
Словно нового мира рожденье.

НА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЕ

Рвались снаряды, пушки били,
Гудел осколков черный рой,
И дни и ночи бомбы выли
Над безымянной высотой.

Шел смертный бой с врагом когда-то
На безымянной высоте.
Здесь под березами солдаты
Навек остались в темноте.

Покой бойцов хранят березы,
Им песни соловьи поют.
А на холме могильном розы
До самой осени цветут.

ХРАНИТЕ ЖЕНЩИНУ СЕДУЮ

Я встретил женщину седую
У стелы памятной одну —
В годину Родины лихую
Всех проводила на войну.

Уважьте женщину седую.
Она прошла нелегкий путь —
Ее, когда-то молодую,
Война пыталась в рог согнуть.

Преподнесла война такое,
Что невозможно превозмочь —
Остались там на поле боя
И муж ее, и сын, и дочь.

Не дай вам Бог судьбу такую.
Храните женщину седую!

МОЯ ШИНЕЛЬ

О, как ты много испытала,
Моя солдатская шинель!
Зимой меня ты согревала,
Спасала жизнь мою в метель.

От крови с потом ты ржавела,
Пробита пулями в бою,
Со мной тонула и горела,
Вверяла мне судьбу свою.

И укрывался я шинелью,
Когда в мороз и стужу дрог,
Ты лучшею была постелью,
Как друга я тебя берег.

Нет, не оставил я шинели
У переправы в летний зной.
Бои в Европе отгремели,
И я в тебе пришел домой.

Моя подруга боевая,
Как счастлив я, что ты жива.
Тебя в дни Мая надеваю,
Когда в России торжества.

НЕТ, Я НЕ БЫЛ УБИТ

Нет, я не был убит,
А случайно в гранит
Мое имя война записала.
Был я ранен тогда
На холме близ села.
В том бою полегло нас немало.

Мы держали потом
Высоту вчетвером,
Что от полного взвода остались.
Ждали помощи мы,
В бой вступил бог войны —
Как живые, холмы закачались.

Пулеметным огнем,
И надежным штыком,
И гранатами выпало драться.
И не выдержал враг
Наших дерзких атак,
Из села поспешил он убраться.

А теперь над селом
Тишь такая кругом,
Словно здесь не война бушевала.
Внуки молча стоят
У могилы солдат —
Тех, кого после боя не стало.

На могильной плите
Перечислены те,
С кем не раз я в атаку бросался.
Нет, я не был убит,
Нет, я не был убит,
Я живым в это время остался...

До сих пор тот гранит
Мое имя хранит,
Что война записала когда-то.
Был я ранен в бою,
Но, как прежде в строю,
И сейчас остаюсь я солдатом.

К ЛЮБИМОЙ

Любовь моя! Иду я снова в бой.
Земля опять застонет от обстрела.
Я не прощаюсь в этот час с тобой,
Ведь ты домой вернись мне велела.

Я верю в то, что сбудутся мечты
И вновь вернется к нам былое счастье.
А если в это будешь верить ты,
Переживем все беды и ненастья.

Да, на войне горим мы, как в огне.
Мои друзья из строя выбывают...
И все ж везет кому-то. Вдруг и мне?
Не всех же ведь на фронте убивают.

Игнатий Головин

А ПАМЯТЬ ХРАНИТ...

Дорогие земляки! Недавно посетил отчие края и узнал, что вы выпускаете книги под одним названием “Помни войну”. Порадовался за вас, земляков моих. Родился я до войны, детские годы прошли в селе Пепелино Куртамышского района, и я многое помню...

Род наш с древних пор служит Отчизне. Мы потомки Василия Петровича Головина – воеводы, основавшего город Верхотурье. Мой прапрадед Андрей и его брат прибыли на территорию нынешнего Куртамышского района в конце XVIII века на чистопородных орловских рысаках из Екатеринбурга. Обосновались они в деревушке Пепелино.

В русско-японскую войну мой дед Александр Яковлевич принимал активное участие в военных действиях в составе 139-го пехотного Маршанского полка. Вернулся на родину больным, с отбитыми почками, и скончался в 1929 году. Отцу моему в тот год исполнилось четырнадцать лет, его брату, моему дяде Константину, – девятнадцать.

В 1940 году отец, Игнатий Александрович, ушел добровольцем туда, где развивались так называемые «финские события», ушел вслед за братом Константином.

После этих событий – 22 июня 1941 года новые испытания легли на плечи нашего народа. Отец и брат моей матери вместе с земляками вновь поспешили туда, где гроыхала война.

В районе Выдрицы наша 48-я танковая дивизия, в которой служил отец, вступила в бой. В этих схватках отец получил ранение в бедро. Второй раз его ранили в день, когда вышел приказ Ставки о создании Сталинградского фронта. Танковый клин фашистов, прорвав нашу оборону, устремился к Волге. А на поле боя остались раненые наши солдаты, в их числе и мой отец. Только через сутки его обнаружили... коровы.

Вот отрывок из диктофонной записи рассказа моего отца:

– Под Ворошиловградом, на поле второго отделения Ново-Айдарского зерносовхоза меня подобрали. Немцы, опередив отходящих мужиков со скотом, гнали их обратно. Лежал я в поле больше суток, спасло меня то, что во фляжке была вода да в тряпицу завернутый сэкономленный сахар.

Коровы заревели над лужей моей крови. Мужики-пастухи подбежали.

– Бабы, доите скорее коров, тут солдат наш! Может, молоком отпоим его от гибели.

Женщины, видимо, выполнили совет пастухов. Чувствую женщины молоко мне в рот льют, а я двигаться не могу, глотать больно, но через силы великие глотаю. Полегчало малость. Потом стал просить, чтобы отвезли меня в деревню.

– До деревни довезем, но там немцы, как бы худо не случилось.

– Не хочется умирать в поле, – говорю, – может, спрячете где-нибудь.

Довезли до окраины, там кузня сельская была и угольный сарай, в него-то меня и поместили.

Сначала прибежали ребятишки, потом подошли с оглядкой какие-то женщины. Как потом оказалось, они были мобилизованы с Алтая и попали за линию фронта – немцы наступали быстро. Местные боялись меня брать: возьмешь, мол, а потом перед немцами отвечать, побьют, хату спалят.

А алтайские женщины говорили обо мне: “Ну-ка их на хрен всех бояться. Поднять солдата надо. Стенька, давай, ты ведь робила в больнице, перевязывай”.

Взяли меня втроем, таясь завели в пустую хату, крадучись носили мне картошку, яйца... Почти семь месяцев я провалялся. Однажды зашли немцы, увидели полутруп, одетый во что попало, рукой махнули – так сдохнет. Пули пожалели...

Наши стали наступать. Отбили у врага деревню. И меня там подобрали. Выкарабкался я, спасибо сердечное алтайским женщинам. Потом была проверка органов СМЕРШ, и только заступничество всей деревни меня оправдало... Подлечили. Снова вернулся в строй.

В 113-м запасном полку Первой гвардейской армии отец нашел новых друзей. С ними и прошел до конца войны. Вернулся домой с орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, Благодарностями Верховного Главнокомандующего за боевые действия по преодолению Карпатского хребта.

Слава Богу, отец вернулся живым, рана в бедро тревожила его мало, а вот ранение в грудь давало о себе знать постоянно. Он прожил почти 87 лет. Все годы, пока было здоровье, трудился неустанно.

...Сейчас многие ветераны красиво говорят о боях, о своих действиях на фронте. Отец об этом говорил мало, с болью в душе: "Война – это смерть!" Не смотрел кинофильмы о войне: "Там мало правды, да сердцу и без этого больно".

Да, болят сердца у фронтовиков не только от ран, но и от обиды, что их дела и подвиги в сороковые – огневые некоторые «деятели» ставят под сомнение.

Бог им судья, этим перевертышам, для них любовь к Родине – пустой звук, лишь бы чрево жадное набить. А при виде денег – руки трясутся.

А вам, дорогие земляки, спасибо искреннее за Память!

Федор ГОЛОВИН

Афанасий Кандалов

БОЕВЫЕ ВЕХИ МОЕЙ ЖИЗНИ

Афанасий Александрович Кандалов проживает в селе Звериноголовском. Ему 88 лет. Его военная служба началась в 1937 году, в Минском военном училище, которое он в сентябре 1939 года успешно закончил.

Служил я тогда заместителем командира 104-й автороты 95-го стрелкового полка 10-й армии.

Тяжелое было время – отступали. В боях на Смоленщине участвовал в течение трех месяцев. 18 сентября 1941 года за успешное освобождение Ельни было присвоено звание “гвардеец”. Но все равно Ельню оставили, допятились до Волоколамска. Здесь получил первое ранение, правда, легкое. После госпиталя получил приказ готовить автомашины к параду на Красной Площади в честь 24-й годовщины Великого Октября. Участвовал в этом легендарном параде, после которого части уходили прямо на передовые позиции.

Невредимым вышел из боев под Тулой, но 16 декабря был ранен во второй раз. Москва готовилась к немецкому штурму: рыли окопы, в небе висели азростаты, укрепляли улицы, дома... И ждали. Ждали подхода уральских и сибирских дивизий. На них возлагались все надежды – Москву отстоим. И не ошиблись! После битвы за столицу появилась уверенность, что пусть будут потери огромные людей, техники, но мы выс-

тоим и победим!

Потом были тысячи километров фронтовых дорог – и бои, бои, бои...

Противостояние под Сталинградом продолжалось с июля 42-го по февраль 1943 года. Я навсегда запомнил село Малый Бурлак, где мы вынуждены были бросить около двухсот автомашин: оказались без горючего. Сожгли их, а сами только с автоматами и винтовками отступали и оказались в городе Сталинграде.

Когда вспоминаешь былое – возникают яркие и трагические картины: как будто вчера это было. Какие жаркие бои за каждый квартал, улицу, дом, за каждый метр родной земли! За Волгой для нас земли не было. Таков был приказ командования и наших солдатских сердец.

Выстояли, сдюжили! Как молния облетела наши части весть, что генерал Шумилов взял в плен генерал-фельдмаршала Паулюса. Мы, зауральцы-фронтовики, гордились этим особо: Михаил Степанович – наш земляк!

Сталинградцы до сей поры помнят своих защитников. Было очень приятно получить именную Благодарность администрации Волгоградской области и города Волгограда в связи с 50-летием победы в Сталинграде: "...Низкий поклон Вам, защитнику Сталинграда, кровью завоевавшему победу, за стойкость и мужество, беззаветную преданность Отчизне!" Они прислали мне и книгу о боях в городе, панораму Сталинградской битвы, буклет с открытками... Я до сей поры переписываюсь с Советом ветеранов Сталинграда-Волгограда.

В составе третьей гвардейской танковой армии под командованием Павла Семеновича Рыбалко мне довелось участвовать и в Курско-Орловской битве. Трудно описать словами, что творилось на земле и в воздухе: тысячи орудий, лавины бронированных машин с обеих сторон, больше тысячи самолетов... Семь суток шел непрерывный жестокий бой. Массовый героизм проявляли наши бойцы. Никогда не забуду таран лейтенанта Шалыгина, который на своем горящем танке врезался в бок фашистского "тигра". Летчик Горобец в один день сбил девять самолетов врага. В окопах наскоро забинтовав раны, ребята вслед за танками рвались вперед. И сломали хребет гитлеровскому зверю.

И в нашу честь впервые в Москве прозвучали залпы праздничного, да-да, праздничного Победного салюта.

Василий Ермаков

ВОЕННЫЕ ЭПИЗОДЫ ЕРМАКОВЫХ

Родился и вырос Василий Михайлович Ермаков в Омске. С детства мечтал стать военным, но завалил математику и с мечтой распрощался, однако, как выяснилось, ненадолго. В тридцатые годы молодежь, легкая на подъем, жила, руководствуясь призывами партии и правительства, и отправлялась на строительство новой жизни по комсомольским путевкам. Благодаря такой путевке оказался Василий Михайлович на Дальнем Востоке. Конечно, хотел в Комсомольск-на-Амуре, но его направили в поселок Рохлово Зейской области, "поднимать" страховое дело. А в 1938 году был призван в Красную Армию. Службу проходил во Владивостоке, в артиллерии. Принимал участие в событиях на озере Хасан. Во время службы окончил школу политработников, а в сороковом году младший политрук Ермаков отбыл на "гражданку", чтобы снова заниматься страхованием граждан и имущества.

Когда до Дальнего Востока докатилась трагическая весть о начале войны, много полегло уже наших защитников, самоотверженно сдерживавших натиск вооруженных до зубов гитлеровских полчищ.

Уже 3 июля 41-го года Василий Михайлович добровольно вернулся в ряды Красной Армии. Комсорг в пехотном училище в Сретенске, комиссар минометного дивизиона в Даурии, комиссар школы армейского резерва и, наконец, переподго-

товка комиссаров в боевые командиры. Чтобы быстрее попасть на фронт, 17 человек из 2 тысяч сдали экзамены экстерном. Среди этих семнадцати был и Василий Ермаков, командир зенитной батареи.

Фастов, Казачин, Драгобычи, Львов, Раков и Краков, Сандомир, Губин, Риза, Берлин, Глагау, Прага – да разве можно перечислить те города, которые стали отметками на военном пути капитана Ермакова! Капитаном Василий Михайлович закончил войну, а Берлин брал еще старшим лейтенантом, о чем свидетельствует Грамота Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина. “Старшему лейтенанту Ермакову Василию Михайловичу... от 1.04, 2.05, 9.05 1945 года № 327 за овладение г.Глагау, ликвидацию группировки противника северного Берлина и за победу над Германией объявлена Благодарность.”

Война вспоминается эпизодами: красные от крови воды Днепра, когда брали Киев, темное от самолетов противника небо и летящие сверху бомбы. Раскаленный докрасна и уткнувшийся в землю ствол зенитки. Он стал мягким, словно из воска, от невероятного количества снарядов, выпущенных из него. Город под землей и прикованные к станкам пленные – это тоже эпизоды из второй мировой.

Ярким воспоминанием осталась и встреча с американскими солдатами на Эльбе, когда на хвостовство союзников наши бойцы ответили по-русски, с плеча. Узнали тогда американцы вес русского кулака...

Уже на подступах к Берлину привели к командиру трех немецких мальчишек, пытавшихся стрелять по нашим солдатам. Вид у подростков был жалкий, плакали и просили их не расстреливать – воевать их отправили под страхом смерти. Василий Михайлович распорядился отпустить их. Двое без оглядки бросились в лесок, а третий пошел было, но вернулся поблагодарить, а когда снова уходил от “наших”, кто-то среагировал на немецкую форму и выстрелил в него... не промакнул. Доброе движение сердца подростка в этом случае сыграло роковую роль.

Вспоминается и то, как в Праге буквально на следующий день после освобождения открылись киоски по ремонту часов, обуви, продаже “всякой всячины”. Откуда что взялось?

А еще в Праге, когда уже враг капитулировал, русские офицеры “гуляли” знатно. То на двенадцать часов откупят ресторан на реке, а то приглашают всех жителей чешской столицы выпить за победу Красной Армии, предварительно развесив объявления: “Русские офицеры угощают жителей Праги!” “Жителей Праги”, пожелавших угоститься, набралось немало.

Но угощали не только наши, но и наших. В нашей дивизии было подразделение чешских войск, и один чешский офицер, когда освободили Прагу, пригласил в гости нас. Дом был большой, с бассейном, с садом, и столы были накрыты щедро, хлебосольно, да к тому же угощения менялись на столе не один день. Да и не грех, ведь долгий и горький путь потерь был завершен.

Перед немецким городом Котбасом вошла дивизия в маленький городок, до удивления ухоженный и чистый. Не коснулась его разрушительная энергия войны, бушевавшая все эти годы. И жители городка то ли от страха, то ли от радости несли нашим солдатам не только хлеб-соль, но и зазывали в гости, кормили щедро. А наши воины опять удивлялись не столько гостеприимству, сколько бурному изобилию.

Василий Михайлович был контужен, ранен, но сбежал из госпиталя через три дня, считая ранение пустяковым, не стоящим того, чтобы потерять из-за него свою часть.

В войну быстро взрослеют, да и опыта набираются лихо, ведь не сделал вывод сейчас – через мгновение можешь заплатить жизнью, а когда ты отвечаешь не только за свою, но и за жизнь подчиненных тебе бойцов, то просто не объяснить ни какими словами, откуда берется собранность, смелость принятия решений во время боя. “В бою о себе забываешь, смотришь, как спасти, обезопасить окружающих. Война – жестокое занятие, а ты командир, отвечаешь за подчиненных, обязан сохранить...”

Потери – обязательное условие войны, но привыкнуть к ним все равно невозможно, а потому и приобретения ценятся особо. Среди трупов на поле боя нашли едва живого парнишкупехотинца, который со слезами потом просил артиллеристов оставить его у себя. Так Кулеш Леня стал ординарцем старшего лейтенанта Ермакова и до конца войны был рядом.

В каждой части есть свои “Теркины” – вездесущие, наход-

чивые, умеющие найти решение любой проблемы. Таким был Александр Боталенко, которого и сегодня Василий Михайлович вспоминает только с улыбкой: столько поистине веселых эпизодов связано с этим отличным, никогда не унывающим бойцом. Встретиться бы – да потерялись давно, никаких координат не осталось.

Рядом с Василием Михайловичем по жизни прошла его боевая подруга, младший лейтенант медицинской службы Екатерина Ковылкина. Познакомились и поженились Катя и Василий еще в 41-ом, в Даурии, где оба проходили службу. Но муж отправился на запад, а жена осталась в Забайкальском военном округе, в 36-ой армии при 109 военно-полевом госпитале операционной сестрой. Встретились они снова лишь в 1945 году, поздней осенью Екатерина Денисовна приехала к мужу в Молдавию, где стояла его часть после войны. Всю свою жизнь (52 года трудового стажа) посвятила Екатерина Денисовна медицине. Имеет она и боевые и трудовые награды, семь медалей, Почетные грамоты, Благодарственные письма.

Есть о чем вспомнить супругам, что рассказать, ведь молодость пришлось на военные годы. После войны Ермаковы осели в Кургане.

И хотя в юности Василий Михайлович хотел стать военным, навоевался за эти годы на всю оставшуюся жизнь, а потому в итоге вернулся к довоенной специальности страховщика. Энергичный, прекрасный организатор, Василий Михайлович везде и всюду успевал, всё знал. Управление Госстраха Курганской области вывел в своё время на союзный уровень. Не зря на 80-летию Госстраха весь Кремлёвский зал стоя приветствовал ветерана страхового дела.

На праздничном пиджаке Василия Михайловича 3 ордена Великой Отечественной войны, орден Александра Невского и Трудового Красного Знамени, а также 27 медалей!

С женой своей, Екатериной Денисовной, по-прежнему живут душа в душу. От трёх сыновей у Ермаковых внуков и правнуков столько, что пальцев на руках не хватает. Очень мощный “стержень” имеют эти замечательные люди. Долгих вам лет и здоровья, дорогие, и спасибо вам за жизненный подвиг.

Татьяна АНДРЕЕВА

Петр Трубин

ВЫРУЧИЛА ЗАКАЛКА

Война шла к концу. Закопченные в окопном дыму бойцы в перерывах между боями мечтали о том, как вернуться домой, как землю пахать станут или на завод пойдут: стосковались все по настоящей работе. И все удивились, когда Анатолий Алексеевич Запевалов как-то на привале в минуты таких мечтаний со вздохом сказал: “А я, ребята, в физруки подамся, в школе ребятишек учить буду...” Удивились потому, что знали Запевалова как отличного шофера, тракториста. И вдруг – в школу.

– Ребятишек я люблю, – продолжал Анатолий, – Хочется, чтобы они крепкими росли, выносливыми, как мы, бойцы. Если б не эта самая физкультура, меня бы, может быть, и в живых не было. А ведь у Хасана дрался – вынес, в финскую мерз в сугробах – не замерз и теперь, четвертый год немец задушить меня хочет, а не может, я ему хребет сломаю. А почему? Потому, что подготовлен я к этому был. Я ведь до войны физкультурным кружком руководил. Зимой на лыжах, летом – в походах, на турнике солнце крутил и ребятишки мои многие – тоже.

Действительно, в части все любовались выправкой Запевалова, шириной его плеч, груди, на которой сверкали ордена и медали. Случай произошел еще в первый год войны, но в части о нем не забывали.

Однажды наш разведчик сержант Федоров захватил “языка” – немецкого офицера. По дороге Федорова ранили. Но он

все же довел немца до нашей землянки и свалился без сознания от потери крови. Немец воспользовался этим и побежал. Тогда-то и вышел из землянки Запевалов. Смотрит – лежит Федоров, а немец уже метров сто отбежал. Он крикнул ребятам, чтобы подобрали Федорова, а сам бросился догонять немца. Тот уже обогнул деревянный забор и бежал к реке, где у берега маячила лодка. Чтобы не дать немцу первому добежать к лодке, Анатолий с разбегу перемахнул через забор.

За забором начинался крутой берег реки. Немец спускался с обрыва по тропинке, скользил. Дело было весной. Запевалову не повезло: снег обвалился, и он упал в яму. Ледяная вода обожгла тело. Пока он выбирался, немец прыгнул в лодку, схватил тычку и оттолкнулся от берега. Но и ему не повезло. Тычка глубоко вошла в глинистое дно и выскользнула из рук. Немец сел на дно лодки и быстро начал грести руками. Анатолий бросился в воду и поплыл.

Лодка плохо слушалась немца. На середине реки Запевалов достиг его. Началась неравная борьба. Немец приподнялся, поставил одну ногу на борт лодки. Железная подкова каблука поблескивала над водой. Каблук сапога служил немцу хорошей защитой. Первая попытка Анатолия схватиться за борт руками не удалась. Он думал, что немец ударит сапогом по руке, а Анатолий стерпит и перевернет лодку. Но немец, наверное, догадался и ударил по голове. Пришлось нырнуть, спасаясь от удара.

Раза четыре пытался солдат ухватиться за борт, но немец отбивал попытки. Вода сковывала тело. Силы были на исходе. Анатолий нырнул под лодку, нащупал край днища и рывком приподнял вверх. Лодка перевернулась. Теперь положение Запевалова было выгоднее: он сидел верхом на лодке и уже дважды стукнул по голове вынырнувшего немца. Течение воды подносило их к мосту. Там показались бойцы нашего взвода. Они нашли где-то веревку и один конец кинули Анатолию. Обессилевший немец тоже ухватился руками за лодку: тонуть ему не хотелось. Бойцы потянули их к берегу.

Когда пришли в землянку, очухавшийся от раны Федоров слабым голосом с тревогой спросил: «Где немец?»

– Цел твой фриц, – шутили в ответ бойцы. – Его Запевалов купаться водил.

Екатерина Казакова

ЖИЗНЬ ТАК СЛОЖИЛАСЬ...

Есть в нашей стране огромное количество людей, которые всегда жили под девизом. “Раньше думай о Родине, а потом о себе”. Чем была для них Родина? Чем она является сегодня? В своей жизни они не отделяли себя от нее. Они жили не в “этой стране”, как сегодня некоторые презрительно говорят, у них была Родина. Они дорожили ей, даже если за этим понятием стоял маленький, провинциальный, неухоженный городок.

В 30- 40-е годы Курган был действительно маленьким городком, который был застроен в основном деревянными одноэтажными домами. Много лошадей и ни одной мощеной улицы. Время было нелегкое, но и тогда жили здесь молодые и красивые люди, которым хотелось любви, праздников, ярких событий. Они готовы были идти по грязным улицам босиком, неся свою обувь в руках, чтобы уже возле танцплощадки, вымыв ноги в какой-нибудь луже, обуться и натанцеваться до упаду.

На танцплощадке, в народном доме имени Ленина, где давали оперу, или в “Прогрессе” в стайке щебечущих девчонок можно было увидеть высокую, худенькую девушку с голубыми глазами. Звали ее Катя Черемухина. Катя очень любила жизнь и все делала с удовольствием. Работать любила, в чем бы ни заключалась эта работа. Все успевала. Комсомол

давал поручения, отправлял туда, где нужнее, и Катя безоговорочно выполняла поставленные перед ней задачи. И однажды комсорг предложил: "На курсы по страхованию поедешь? Дело новое, специалистов не хватает". Так с 13 апреля 1938 года вся жизнь Екатерины Николаевны оказалась связана с Госстрахом. Катя постепенно стала Екатериной Николаевной, вышла замуж, поменяла фамилию, стала Казаковой.

22 июня словно провело черту, разделив жизнь на яркую цветную – мирную, и черно-белую – военную, когда вся страна жила ожиданием победы. Но победу не только ждали, ее старались приблизить изо всех сил и работали не покладая рук и не считаясь со временем.

Екатерина Николаевна, как многие в то время, жила, не выключая радио. Зимой по утрам из репродукторов передавали сообщение о том, что на железной дороге заносы, а далее следовала просьба ко всем, кто может, выйти на расчистку путей. И она спешила туда.

Пока расчищали пути, радио сообщало: прибывает поезд с ранеными, нужна помощь...

Екатерина Николаевна вместе с другими горожанами разгружала раненых, ходила в госпиталь на дежурства, стирала белье и бинты для госпиталя, ухаживала за ранеными, работала на строительстве дорог. По весне собирала крапиву для детских учреждений. При этом основная работа в инспекции госстраха тоже не стояла, в любом случае восемь положенных, из двадцати четырех, часов отводилось для выполнения обязанностей старшего инспектора.

Сегодня, вспоминая те далекие и трудные годы, Екатерина Николаевна справедливо замечает: "Да, нам было тяжело, особенно когда в госпитале насмотришься на чужую боль и отчаянье, а помочь ничем не можешь и сам от этого болеешь. Да, было холодно и голодно, но тем, кто был на фронте, было еще труднее. Над нами пули не свистели, мы им не кланялись, а там, на фронте, люди все это видели, слышали и ощутили на себе. Вот кто по-настоящему достоин и славы, и почета".

В 43-ем году, с образованием Курганской области, было создано и областное управление Госстраха. Екатерину Николаевну назначили главным бухгалтером управления, которое

разместилось в комнате, принадлежавшей пивоваренному заводу. Екатерина Николаевна вспоминает: "При передаче имущества и дел инспекций Госстраха, которые были переведены в Курганскую область, мы получили два стола, пишущую машинку, арифмометр, счеты и все дела инспекций... Штат в управлении был 19 единиц, но работали реально 5-6 человек".

Говоря о тех временах, Екатерина Николаевна вспоминает, что командировок было много, а ездить было не на чем, что в комнате управления стояла печка-буржуйка, которую топили торфом, что со временем управление приобрело лошадь, что приходили работать вчерашние школьницы, которых нужно было учить считать на счетах.

Екатерина Николаевна даже не пытается сравнить "день нынешний и день минувший", ни разу не возникает в ее речи даже намек на какой-то негатив по поводу перемен в стране.

Екатерина Николаевна не заискивала перед судьбой, но и не кляла ее за то огромное количество невзгод и боли, которые сопровождали ее и в годы войны, и в послевоенной жизни. Она принимала все, что преподносила ей судьба, как данную необходимость: "Это жизнь так сложилась". Главное, она стойко и добросовестно делала все, чтобы день завтрашний был светлее и добрее к людям и к ней.

Татьяна АНДРЕЕВА

ТИШИНА

*Как любил я весной на заре тишину!
Но доверие к ней потерял за войну:
Перед боем всегда наступала она,
В те минуты до дрожи была нам страшна.
Вдруг над нами завоет злоеущий металл –
И глядишь: из бойцов кто-то наземь упал...
Мнится мне, что застонет от боли земля –
Нет доверья с войны к тишине у меня.*

Дмитрий БЕЛОУСОВ

Петр Кривенко

ЗАЩИЩАЯ РОДИНУ- МАТЬ

Фронтовые дороги... О них часто вспоминают ветераны войны. Но как сухи и коротки зачастую рассказы. "Дрался за Волгоград, форсировал Дон, потом освобождал Варшаву и штурмовал Берлин", – скажет так поседевший в боях солдат и умолкнет, задумается, наверное мысленно возвратится к тем далеким, незабываемым дням.

Мы сидим с Петром Никифоровичем Кривенко. Он рассказывает о фронтовых дорогах, что прошел с танковым полком за 4 года войны. У него 10 боевых наград. Мне хочется узнать, за какую боевую доблесть получил их Петр Никифорович. А он все называет и называет города и местечки, где с боями проходил полк, очищая землю от фашистской нечисти. Я жду, что он расскажет о своих личных заслугах. А он все твердит: "Мы с ребятами", "Наш полк".

– А награды за что? – осмеливаюсь я.

– За участие в боях. Их было много. Первую медаль получил за бои в Сталинграде.

Меня интересуют детали сражений, и я снова спрашиваю:

– Как это понять – "за участие в боях"?

– Как это понять? А вот так. Наш гвардейский танковый полк дрался близ города Серафимовича, когда мы получили приказ – форсировать Дон. Немцы ожидали штурм и сосредоточили здесь массу механизированных и огневых сил. Ни днем,

ни ночью не умолкала канонада. Дон буквально кипел от разрывов снарядов и мин. На месте взрыва через секунду возникал другой. В таких условиях мы форсировали реку, выбили немцев из прибрежных укреплений и, несмотря на бешеные атаки фашистов, закрепились там. Так был совершен этот массовый подвиг, за который тысячи человек удостоены высоких наград. Здесь все стояли насмерть. И у кого было больше героизма – сказать трудно. Мы выполняли приказ Родины. Вот это и значит “за участие в боях”.

Такие же жестокие бои наш полк, во взаимодействии с другими, вел при разгроме Корсунь-Шевченковской, Яссо-Кишиневской группировок врага.

Фашисты сделали в Яссах отчаянную попытку изменить ход событий на фронте. В действие были брошены все их резервы. Эшелонированные атаки следовали одна за другой. На земле и в воздухе не смолкал рокот моторов. До 300 танков, более сотни самолетов, пехотные и артиллерийские части фашистов одновременно бросались на наши позиции. Горели, стонали, грохотали земля и небо, и люди, конечно, тоже. Казалось, все живое погибло. Но шквалом огня встречали бойцы фашистов, как только они пытались продвигаться вперед. Десять дней длилась героическая оборона.

Потом мы атаковали врага. Атаковали и рассеяли, погнали на запад по дорогам Румынии. Немцы уже не могли противостоять нашему натиску. 30 августа мы освободили Бухарест. За участие в этой битве я был награжден орденом Красной Звезды.

В Венгрии наш полк провел одну из самых блестящих операций. Ночью мы атаковали врага. Фары танков ослепили фашистов. Они растерялись. После короткого боя мы взяли богатые трофеи и 3 тысячи пленных. За эту операцию я был награжден орденом Отечественной войны I степени.

В разгроме врага нам часто помогали мирные жители. Помню, в Венгрии же одна женщина привела наших солдат к сараям, где спали пьяные фашисты. Около двухсот немецких солдат было обезоружено и взято в плен без единого выстрела.

Люди труда всегда ненавидели и ненавидят войну. И год от года все громче раздается их голос: “За мир! За дружбу! За счастье! – Долой войну!”. И нет на свете ничего сильнее этого голоса.

Олег БУНИН

Евгений Селетков

ЗЕМЛЯК

Евгений Семенович Селетков родился в 1908 году в поселке Боровлянского стеклозавода Белозерского района, известный в области лесовод и краевед. На фронте с 1941 года. Старший сержант. Защищал Москву, воевал на Западном и 1-ом Украинском фронтах. Был дважды ранен, контужен. Награжден орденом Красной Звезды, медалью “За боевые заслуги”.

В послевоенные годы провел много интереснейших и глубоких исследований по истории Зауралья. Вел переписку со многими центральными архивами страны, с архивами других стран по истории декабристов, деятельности советского дипломата Леонида Борисовича Красина.

Годы, прошедшие после Великой Отечественной войны, многое сгладили в памяти из того, что было пережито, что мы видели на фронтовых дорогах. Но есть события и люди, которые остались в сознании и сердце с “вечной пропиской”.

Такую “вечную прописку” получил в моем сердце образ однопольчанина, младшего лейтенанта Дмитрия Михайловича Бекшенева.

Весной 1942 года наш гвардейский мотострелковый полк стоял на отдыхе. В строевую часть штаба вошел высокий, ат-

летического сложения военный в звании младшего лейтенанта и предъявил справку госпиталя. Он объяснил, что других документов, удостоверяющих личность, предъявить не может, так как они были утеряны при перевозке его в госпиталь. Офицер добавил, что сюда он “махнул” по своей воле, узнав от одного из раненых, что эта часть состоит из его земляков – сибиряков и что сам он из Кемеровской области, а до войны работал председателем колхоза.

Пока докладывали командиру полка о вновь прибывшем офицере, Бекшенев запросто, по-домашнему уселся на чурбачок, служивший сиденьем, заложил ногу на ногу и “замахрил”. Выпуская клубы дыма, он завел разговор о лесных охотничьих угодьях, на которых размещен полк, об охоте в сибирской тайге и о невозвратной утрате охотничьей свободы после избрания его на пост председателя колхоза.

Когда Бекшенева вызвали к командиру полка, мы искренне пожалели его, так как знали, что Дроздецкий – человек горячий, не терпящий неряшливости и расхлябанности, а все это у Бекшенева было налицо: и плохо подогнанное обмундирование, и своеобразие в поведении.

Через несколько минут мы услышали голос Дроздецкого, срывавшийся на фальцет:

– Вот фрукт! Сбежал из госпиталя и хочешь, чтобы я тебя принял? Нагоняй от “двадцатого” получать мне, а ты в стороне? Так, что ли?! Вот возьму и отправлю под конвоем обратно. Часть-то ведь наша гвардейская. Посмотри: у нас в каждом бойце и командире особая пружина вставлена. А ты как кашалот на суше. Ты же позорить нашу часть будешь! В боях еще туда-сюда, а в сорока километрах от фронта все должно быть по Уставу! Ясно?

– Ясно, – совершенно невозмутимо повторил Бекшенев.

– И их! – Дроздецкий окончательно терял самообладание.

– Кашу-то, кашу-то проглоти или сплюнь! Чеканить надо каждое слово, а не мямлить, – и, спохватившись, поймав себя на нетактичности, как это всегда бывало в подобных случаях, улыбнулся и примирительно сказал:

– Эх, земляк, земляк... Мы все здесь земляки, люди советской земли. Ну, хорошо, направим тебя в роту автоматчиков командиром взвода, – и, окинув взглядом крупную фигуру Бек-

шенева, – сказал с нескрываемым сожалением: – Направляю, хотя габариты твои не совсем подходят для автоматчиков, хорошая мишень из тебя будет для немцев, а ведь автоматчики – это люди ближнего боя и должны прыгать, как мяч, ползти, как ящерицы. А панцирь? Какой панцирь подойдет на твою грудищу?! – уже восхищенно, разводя руками заметил Дроздецкий.

– Сибиряки – они изнутри бронированы, пули от них рикошетят, товарищ гвардии полковник, – сказал Бекшенев и просто душно улыбнулся.

По приказу Дроздецкого были направлены запросы о прохождении службы Бекшеневым в тех частях, которые он назвал. Вскоре пришли ответы. Они были самые неожиданные, во всех письмах сообщалось, что Бекшенев служил в их части, был ранен, выбыл из госпиталя и разыскивается для вручения награды. Одни сообщали о награждении орденом Ленина, другие – орденом Красного Знамени, третьи – тоже орденом Красного Знамени. При этом выяснилось, что Бекшенев в августе 1941 года, выходя из окружения, захватил в плен немецкого офицера и двух солдат, связал им руки телефонным кабелем и, пройдя 150 километров за двое суток, вышел в район города Нарофоминска, к своим; что Бекшенев ходил неоднократно в расположение немцев, приводил и приносил “языков”.

Ознакомившись с сообщениями о Бекшеневе, Дроздецкий обрадовано воскликнул, что этому трудно поверить, и вызвал Бекшенева к себе.

– Ну, что же ты, сибиряк – бронированное нутро, молчишь? Ведь ты оказывается, кавалер самых больших орденов! Дай-ка я тебя по братски расцелую, дорогой ты мой советский земляк!

В начале августа 1942 года наш полк перешел в наступление в районе города Карманово Смоленской области. В ходе боев сложилась крайне затруднительная обстановка для нашего полка под деревнями Дубки и Подобедово. Немецкие части захватили лесную дорогу и отрезали командный пункт и тыл полка от передовых подразделений. Связь, снабжение были нарушены, и над стрелковыми батальонами нависла угроза. Все попытки в течение двух суток имеющимися резервами исправить положение не дали желаемых результатов. Дроздецкий принял решение бросить на очистку дороги взвод

Бекшенёва, надеялся на то, что этот “таежный следопыт” перехитрит немцев и исправит положение.

Все рассчитав и взвесив, Бекшенев с группой в шестнадцать человек ночью вышел на выполнение задания. Зная все тонкости тактических приемов немцев в лесной обстановке в ночное время, Бекшенев устроил засаду в “хвосте” дороги, то есть ближе всего к той линии, где был стык с нашим соседом, которого немцы потеснили, и просочились в расположение нашей части. В полночь на дороге показалась группа немцев из 30–35 солдат. Они продвигались бесшумно, с остановками, чтобы прислушаться. Подпустив немцев на 30 метров, Бекшенев дал команду открыть огонь, и ливень свинца за несколько секунд скошил фашистов.

– За мной, вперед! – скомандовал Бекшенев. – Не робеть!

Группа сделала перебежку на 300 метров в сторону расположения немцев.

Гитлеровцы ударили из минометов в точку засечек и точным попаданием добились своих же солдат. Через 30 минут на дороге показалась новая колонна немцев, движущихся так же осторожно, плечо к плечу, – и снова ливень свинца автоматчиков Бекшенева скошил колонну. Новая стремительная перебежка, автоматный огонь, и немцы, неся потери, бежали.

Утром выяснилось, что итог ночного боя группы младшего лейтенанта Бекшенева – 160 трупов фашистских солдат и офицеров, большие трофеи. Потери группы Бекшенева – один убитый, один разбитый автомат. Лицо Бекшенева было изранено щепками разбитого ложа автомата, в который попала немецкая пуля.

И снова Дроздецкий обнимал и целовал Бекшенева.

– Вот ты каков, оказывается, земляк-сибиряк, – взволнованно говорил командир полка. – Я ведь тоже красноярский.

– Товарищи автоматчики, от лица Красной Армии объявляю вам благодарность за подвиг! – поздравил бойцов Дроздецкий.

– Служим Советскому Союзу! – раздались дружные голоса. Лишь Бекшенев закончил их с большим опозданием. Дроздецкий поморщился, но продолжал улыбаться.

Иван Ильин

ЗНАМЕНОСЕЦ ПОЛКА

С тоял сентябрь 1941 года – золотая зауральская осень. Обычно человек в эту пору радуется богатству плодородной земли, природной красоте. Но тогда было не до этого. Одна тревожнее другой шли вести с Запада. Страшное слово "война" заслонило все, громовые раскаты орудий заглушили мирную песню труда, оторвали людей от дела. Покинул свой кабинет и бывший тогда председателем Кетовского сельского Совета Иван Петрович Ильин.

Передо мной сидит поседевший мужчина, заслуженный ветеран. Но был Иван Петрович когда-то молодым, дрался с Колчаком, бил фашистов. Два раза брал в руки оружие ветеран, чтобы отстоять честь и независимость своей Родины.

– Как воевал? – переспрашивает Иван Петрович. – Как и подобает русскому солдату. Геройского вроде бы ничего не совершил, но был все время на передовой.

Три года подряд боец Ильин находился в самом пекле войны, пешком дошел до Берлина... Послушаем лучше его самого.

– На память-то я теперь стал слабоват, – начал бывший участник двух войн. – Времени с окончания Отечественной прошло много... Ну, значит, в Кустанае мы формировались. Зачислен я был в минометный батальон стрелкового полка. Первого мая 42-го года получил боевое крещение, попал на

фронт под Калинин. Тяжелые и затяжные бои велись под Старой Руссой. Был я сначала первым номером, заряжающим, потом наводчиком, а после – командиром минометного расчета, получил звание сержанта. Под Старой Руссой мой расчет отличился. Меня тогда наградили орденом Славы третьей степени. В этих же боях я получил и вторую награду – медаль “За отвагу”.

Эпизоды, спрашиваете? Трудно враз припомнить. Конечно, без них не обходилось. Я ведь два года кряду почти без перерыва провел в окопах – в земле, снегу, грязюке – забыл, с какой стороны двери в избу открываются. Ну, вот хотя бы это. Был октябрь 1943 года. Из штаба полка сообщили, чтобы я с передовых позиций явился за получением партийного билета. В партию меня до этого тоже прямо на передовой приняли. Как явиться? Штаб расположен километров за 5–6 от огневых позиций, местность вокруг сильно обстреливается, мы лежим в окопах в ожидании боя. Подняться и идти? Боже сохрани. Если жить надоело – пожалуйста. И вот я ползком, по сырой и израненной земле добираюсь до штабной землянки. Получил партийный билет, честь по чести, спрятал его на груди – и в обратный путь. По грязи, от воронки к воронке, по окопчикам, словом, как пришлось, а добрался на животе до своего расчета. Только нырнул в окоп – как загремело, заухало: кажется, ходуном заходила вся земля. Бой! Переведя дыхание, кричу: “Снаряды! Заряжай! Огонь!”. Бой длился долго, но атаку врага мы отбили. В расчете из семи человек осталось трое. Всех нас представили к награде. Меня за этот бой, который я принял коммунистом и в котором получил контузию, наградили орденом Славы третьей степени (говорил я уже о нем).

Веселее стало на душе, легче было идти вперед, когда мы вышли за пределы своей страны. Наш полк участвовал в боях за Варшаву, где я был награжден еще одной медалью. Там же, в Варшаве, мне, по приказанию командира полка, пришлось оставить свой минометный расчет и перейти в группу по охране полкового Красного знамени. Со знаменем полка я и дошел до самого Берлина. Оно в моих руках развевалось у рейхстага, шел я с ним на парад в честь Победы. За штурм Берлина получил медаль и благодарность командующего 1-ым Белорусским фрон-

том... Что? Первых знаменосцев, водрузивших Красное знамя над Рейхстагом? Они были из нашего полка – Егоров и Канта-рия.

Ну что еще говорить? Воевал как все. В 1945 году демобилизовался. Получил еще одну боевую награду – медаль “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.” Вот удостоверения о наградах, справки, благодарности тут.

Иван Петрович умолкает, кладет на стол потертые, аккуратно свернутые бумаги. Семь благодарностей помимо пяти наград выдано сержанту Ильину за боевые заслуги перед Родиной. Честно, преданно воевал наш земляк.

– Три года не выходил из пекла, а вот уцелел. – Иван Петрович легонько усмехнулся и продолжил:

– А когда вернулся с войны, то стал работать председателем колхоза “Пятилетка” в Кетовском районе. Руководил и артелью “Совет”, что была в деревне Саниной. Теперь эта деревня входит в Кетово. Родиной сроду кетовский. В последние годы занимался плотничным делом в Утятском совхозе. Да и по выходу на пенсию без дела не сидел. Дети? Взрослые все давно. Вот такие дела на мирном фронте.

Кажется, нет ничего тут особенного. Человек воевал, остался жив, вернулся и стал трудиться. Но именно в этом и заключается та самая особенность простого человека, каким прошел через всю жизнь Иван Петрович Ильин! Такие люди на своих плечах вынесли Великую в истории победу над коварным и сильным врагом – гитлеровской Германией. Именно такие обыкновенные, скромные люди, как Ильин, спасли человечество от немецкого порабощения. Разве это не героический подвиг?!

Записал Владимир ЕФАНОВ

Николай Ильченко

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

Ильченко Николай Акимович родился 7 декабря 1924 года в селе Шевченковка Звериноголовского района. Призван в Красную Армию в июле 1942 года. Младший сержант. Воевал в составе 145-го стрелкового полка 3-го Украинского фронта. Тяжело ранен. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны II степени, медалями “За боевые заслуги”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Демобилизован в 1946 году. Работал комбайнером. Награжден медалью “За освоение целинных земель”. Живет в селе Большое Чаусово.

В армию я уходил из станицы Звериноголовской летом 1942 года, а вернулся в родные места только в 1946 году. Сколько я прошел и проехал, где побывал? Задумаюсь – и сам себе не верю! Воевал в армиях прославленных командармов: Конева, Рокоссовского, Баграмяна, в стрелковом взводе и минометчиком, рядовым и сержантом, командиром отделения. Три раза был ранен, раз контужен. Дрался с немцами под Смоленском и на Курской дуге, форсировал Днепр и Сиваш, освобождал Севастополь и Латвию. Помню, как на Украине, под Рогачевом, нашу роту окружили немцы. Схватки с гитлеровцами были отчаяннейшие, от роты в живых осталось

только нас пятеро. Вспоминаю – и волосы шевелятся.

Сколько раз самому приходилось ходить в атаку! Орденом Славы за одну из них и награжден. Было это в Латвии. Перед боем подошли ко мне командир роты и комсорг “Сержант Ильченко, вы у нас командир отделения и комсомолец. Покажете сегодня в бою, что значат эти высокие звания на деле”, – сказал ротный, а комсорг вручил мне красный флаг. Когда раздалась команда идти в атаку, я первым поднялся и с криками: “За Родину! За Сталина! Вперед!” – метнулся навстречу огню из немецких окопов. Бежал и кричал, бежал и кричал. Видел, что немцы стали выскакивать из окопов, но побежали они не на нас, а к следующей линии своей обороны. Мы бежали так стремительно, что их нагоняли, местами даже перемешались, что стрелять было опасно – в своих попадешь.

После боя ребята смотрели на меня совсем по-другому. Ротный подошел, положил руку на плечо и сказал: “Спасибо, брат!” У меня были пулями пробиты в нескольких местах полы шинели и коробка противогаза. Самому не верится, что так удачно обошлось.

Пришлось увидеть под городом Либавой психическую атаку немцев: шли гитлеровцы под барабанный бой, с винтовками наперевес. Были они вусмерть пьяные. А мы не дрогнули. Пришлось им откатиться восвояси.

На востоке, в войне с Японией участвовал в преодолении безводных степей и пустынь Монголии, в форсировании хребта Большого Хингана, в прорыве Манчжуро-Чжэлайнурского и Холуп-Аршанского укрепрайонов Квантунской армии. За эти бои имею Благодарность Верховного Главнокомандующего СССР Генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина.

После войны участвовал в сражениях за хлеб. Ведь надо было в первую очередь накормить досыта изголодавшихся людей. И мы, вчерашние солдаты, с таким же напором и мужеством распахивали поля, залежи и целину. И дали Родине хлеб. А хлеб – всему голова. Награжден медалью “За освоение целинных земель”.

Николай Кустов

КАЗАЧЬЯ ДОЛЯ

Кустов Николай Тимофеевич родился в казачьей семье 16 ноября 1923 года в селе Звериноголовское. В сентябре 1942 года призван в ряды Красной Армии. До ранения служил разведчиком. Был ефрейтором в 4-м Гвардейском истребительном противотанковом полку, в отдельном истребительном батальоне 79-й танковой бригады. Ранен в боях на Курской дуге в июле 1943 года. По ноябрь 1943 года находился на лечении в Эвакогоспитале ХППГ 3291 в городе Фатеж Курской области. С ноября 1943 по март 1944 года обучался на курсах младших командиров 222-го запасного стрелкового полка. Дальнейшую службу проходил в 40-м отдельном Гвардейском Торуньском истребительно-противотанковом дивизионе 38-й Гвардейской Краснознаменной Лозовской стрелковой дивизии командиром отделения разведчиков. Воинскую службу закончил в марте 1947 года. Награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги”, “За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”.

Воспитываясь в казачьей семье, я чётко знал, что наш род всегда считал себя обязанным в трудную годину защищать Отечество не щадя живота своего, как это с честью

и достоинством делали наши предки. Богатая у них боевая история. Но и на нашу долю выпало испытание не легче.

К началу боевых действий на Орловско-Курской дуге на моем боевом счету батальонного разведчика-истребителя было более десятка подавленных огневых точек и артиллерийских батарей противника, ведущих активную массированную пальбу по нашим боевым расчетам.

И в этот раз, в ночь с 7 на 8-е июля 1943 года, перед нами была поставлена задача скрытно выступить перед линией огня на расстояние 400 метров напротив своей батареи с целью наблюдать за противником и докладывать об обнаруженных на видимом фронте изменениях командиру батареи. Впереди нас был широкий овраг с крутыми берегами, за ним – поле с созревающим хлебом. С наступлением темноты, удалившись на заданное расстояние, растянув телефонный кабель, установив телефон и окопавшись на пригорке на безопасную глубину в землю, я доложил комбату, что приступил к выполнению поставленной задачи. Все знали, что после безуспешных попыток прорваться танковой атакой 5 июля, слева от нас, а затем 6 июля – справа, фашисты будут искать слабые позиции в нашей обороне. Утром, перед рассветом, я снова доложил комбату, что ни каких изменений передо мной на видимом направлении не наблюдается.

На рассвете, утомившись от бессонной ночи, видимо, задремал и ушел в забытье на короткое мгновение. Мозговой подкоркой интуитивно почувствовал реальные изменения в обстановке. Взглянув на ржаное поле через “буссоль”, я прямо перед собой увидел вырастающие из-под земли, идвигающиеся на меня в несколько рядов танки, в злобном молчании развернувшиеся в боевую линию. Я срочно доложил комбату о проявившейся по ту сторону оврага картине и попросил разрешения покинуть место наблюдения. Мне было приказано никуда не двигаться и продолжать наблюдение. Через несколько минут в рассветной тишине стал нарастать рокот моторов и звяканье гусениц танков противника. Я снова позвонил и попросил разрешения оставить место наблюдения. После приказа уйти с боевого поста командир батареи разрешил мне оставить в моем окопчике телефон и не сворачивать телефонный провод. Мгновенно схватив автомат, я, быстро пре-

одолев расстояние в полкилометра, оказался на дне в подготовленном мной персональном блиндаже, закрываемом сверху толстой деревянной дверью, снятой с разрушенного дома... А готовили мы эти укрытия заранее, зная о том, что противник перед массированной атакой сделает авиационный налет с бомбардировкой, и кроме тяжелых (до 500кг) бомб будет метать и специальные бомбы, разрывающиеся на высоте и поражающие осколками пехоту даже в окопах. Схоронившись в закрываемом сверху окопе, я имел вероятность выжить, если не будет прямого попадания. Успев только спрыгнуть в подготовленный мною "блиндаж", я увидел, как в небе появились тяжелые бомбардировщики. Пролетая над нашей батареей, авиация противника сделала свое дело.... После оглушительных разрывов бомб наступила снова смертельная тишина.

Лёжа в окопе, я свернул из махорки толстую сигарету и, наслаждаясь жизнью, закурил. Вдруг услышал, что меня окликают командир взвода.

– Николай, ты жив!?

– Жив...

– Выходи!

Я поднялся и выпрыгнул из укрытия.

Вокруг были разбитые орудия нашей батареи и тела погибших товарищей.

На расстоянии, метрах в 30, в "окопе-кармане" стояла пушка «ЗИС-3», не выведенная на боевую позицию. Из ее боевого расчета остался живым только командир орудия.

Немецкие танки двигались все еще по ту сторону оврага. За ними видно было, что технику сопровождают в цепи немецкие автоматчики.

К нам подбежал командир батареи и громко скомандовал: «За мной! Срочно развернуть орудие, которое осталось в «кармане!» После многократных попыток мы кое-как вчетвером, вручную, с Божьей помощью, установили пушку весом в 1116 килограммов, подняв её на боевую площадку, находившуюся выше кармана почти на метр, в положение, удобное для ведения огня. Командир взвода наводил орудие, я подносил снаряды из кармана, где стояла пушка, а командир орудия стрелял. С правого фланга, через дорогу, на значительном рас-

стоянии от нас, вел прицельный огонь пулеметный расчет, а с левого края, рядом с нами, никого не было. Основная часть бойцов погибла во время авиационного бомбометания. Часть солдат с разбитых орудий, не выдержав психологической нагрузки, убежала в тыл, на следующую линию обороны. На земле лежали листовки, размером с разворот газеты, на русском языке, сброшенные немцами с самолетов и агитирующие солдат Красной Армии сдаться в плен с гарантиями сохранения им жизни и обеспеченного достатка.

От орудия до ящиков со снарядами было метров около пятнадцати. Я бегом еле успевал подтаскивать "патроны". Завязался ожесточенный бой. В окопе было несколько ящиков со снарядами, на 64 выстрела. Мы стреляли по танкам, но и танки стреляли по нам. И вот, когда я пошёл за последним снарядом, немецкий танк попал выстрелом под лафет нашего орудия. Произошел взрыв, я оказался лицом на земле. В глазах зеленый дым, голова гудит. Гарь, запах горелого пороха... Когда пришёл в сознание, почувствовал, что по шее течет кровь.

Моих товарищей взрывом разбросало в разные стороны, все остались живы, но все ранены. Мне осколок снаряда ударил в шею, прошел на вылет, не задев кости шейного позвонка, но разорвал и выворотил большим куском мышцы. Командира взвода, младшего лейтенанта, ранило своим же орудием – ему ударило щитом от пушки, подброшенной взрывом танкового выстрела, по голове, и получилось так, что задрало кожу и волосы на затылок...

Командир орудия был ранен в левую руку: осколок от снаряда прошел ниже уровня плеча и остановился почти подмышкой.

Воспользовавшись индивидуальными медицинскими пакетами, мы помогли друг другу перевязаться и своим ходом добрались 8 июля уже к вечеру до 223-го медсанбата в деревне Молтычи, находящейся в полутора километрах от передовой линии. При подходе к деревне нас настигли еще раз немецкие самолеты "хенкели". В этот раз от них мы укрылись в погребе разрушенного дома. 9 июля 1943 года нас перевезли в 3291-й полевой госпиталь по разным лечебным палатам и отделениям.

Как мы узнали позднее, командир батареи, когда собирал разбитые орудия для ремонта, используя для этих целей специально выделенный танк, насчитал в секторе обстрела нашего расчета девять подбитых и сгоревших немецких танков. Через два дня после боя пришел к нам, к каждому отдельно в госпитальную палату, и всем рассказал о результатах проведенного боя, и каждому объявил благодарность за умелые боевые действия, назвав их героическими.

О Высоких Правительственных наградах мы тогда не думали, а были благодарны Господу Богу за то, что остались живы, думали, как бы скорее выздороветь и встать в строй.

Четыре месяца я пролечился в разных госпиталях.

Конечно, боевое ранение бесследно не прошло. В марте 1999 года мне отняли ногу – как дали заключение хирурги из Курганской областной больницы после операции, «по заболеванию, связанному с фронтовым ранением». Вот такой ценой для меня обошлось приостановленное тогда грозное наступление на нашу Родину немецко-фашистских войск, групп армий “Центр” и “Юг” под командованием генералов-фельдмаршалов Клюге и Манштейна.

Уверен, успешные боевые действия на этом участке фронта вели наш Народ к Великой Победе над немецко-фашистской Германией 9 мая 1945 года – Главной Победе двадцатого века.

После войны я всю жизнь проработал на земле моих предков. Вначале шофером в Звериноголовском автотранспортном хозяйстве, затем в совхозе “Алабугский” Звериноголовского района, а после разукрупнения сельхозпредприятия – трактористом в овцесовхозе “Буревестник” в деревне “Жаворонки”.

Благодарен Администрации Президента России и Правительству области за то, что не оставили меня без внимания и выдали мне, как инвалиду Великой Отечественной Войны, специальный автомобиль “ОКА”.

Записал Михаил КУСТОВ

Александра Устюжанина

КЛАНЯЕМСЯ ТЕБЕ, МАМА!

Уважаемая редакция, откликаясь на вашу просьбу, высылаю вам фото нашей мамы, Устюжаниной Александры Михайловны.

Наш отец, Устюжанин Саватий Петрович, погиб 6 февраля 1942 года в Карелии, а мама в 36 лет осталась вдовой с пятью детьми на руках. Не уронив женской чести и достоинства, работая от зари до зари, растила и учила детей. Учились мы по очереди. Пока один учился, другой шел работать, помогая маме содержать семью. И так было многие годы.

После смерти мамы мы нашли у нее записки, одна из них – своеобразный отчет нашему отцу: “Дорогой Саватий Петрович, наказ твой выполнила, как ты писал: “Как тебе, Саня, придется жить, я тебя не спрошу, только учи детей”. Вот я их всех выучила, воспитала, никто о них в плохую сторону пальцем не покажет”.

Да, она одна вырастила и выучила детей своих (у трех высшее, у двоих среднее образование). А вот чего ей это стоило, малограмотной трудяге – женщине? Эти стихи, которые мама нашла где-то в отрывном календаре, она тоже хранила всю свою жизнь, может быть, как талисман, а может быть – как путеводную звезду, которой настойчиво и трепетно следовала всю жизнь. Они были посвящены матери, душой и всеми делами схожей с нашей мамой:

*Никаких гимназий не кончала,
Бога от попа не отличала.
Лишь детей рожала и качала,
Но жила, одну мечту тая:
Вырастут – и в этой жизни серой
Будут мерить самой строгой мерой,
Будут верить самой светлой верой
Дочери твои и сыновья.
Чтобы каждый был из нас умытым,
Сытым, с головы до ног обшитым,
Ты всю жизнь склонялась над корытом,
Над машинкой швейной и плитой.
Всех ты удивляла добротой,
Самой беспросветной темнотою,
Самой ослепительной мечтою...*

Этот снимок и стихи можно считать символом жизни миллионов российских женщин – солдатских матерей и вдов...

Низкий Вам поклон – святые матери Отчизны!.

Клавдия Саватеевна ТИХОНОВА, а также братья мои Николай, Виталий, Владимир УСТЮЖАНИНЫ и сестра Анна Саватеевна ГРЯЗНОВА.

30 АПРЕЛЯ 1945 ГОДА

*Проем окна. Сползла на мостовую
Тень, что копилась долго на дворе.
Поставлены орудья на прямую,
И вздрагивает дом на пустыре...
Опасно оседающая зона.
Всего один осталось сделать шаг.
Сердитый командир у телефона.
Снарядами обглоданный рейхстаг.
Завален плац обломками и шлаком.
Повисли рваных проводов концы.
На этот раз в последнюю атаку
Из темных окон прыгают бойцы.*

Василий СУББОТИН

Маргарита Кобелева

МЫ ВЕРИЛИ СВЯТО В ПОБЕДУ

Кобелева (Стадухина) Маргарита Васильевна, родилась 10 февраля 1926 года в коммуне «Муравейник», Мехонского района. Ушла добровольцем на войну в 1944 году из Шадринска. Рядовая-радиотелеграфист 720-й отдельной горно-стрелковой бригады морской пехоты 126-го отдельного горно-стрелкового морского корпуса. Карельский, 4-й Украинский, Дальневосточный фронты. Ветеран морской пехоты. Награждена медалью «За отвагу» и орденами Отечественной войны и Красной Звезды. Председатель Шадринского Совета ветеранов Карельского, Ленинградского и Волховского фронтов.

Война!.. К этому готовились, ждали – и все-таки она пришла неожиданно. В ночь выпускного школьного бала она стала для нас суровым экзаменом жизни. В том, что выстоим, выдюжим, победим – сомнений не было!

Мне исполнилось 15 лет, перешла в 8 класс 3-й образцовой Шадринской средней школы (угол улиц Ленина и Розы Люксембург). Война стала реальностью для нашей семьи, когда в середине июля 1941 года воинский эшелон папиной части, направляясь на Калининский фронт из Челябинска, прибыл на станцию Шадринск. В последний раз на вокзале собралась вся наша семья. Брат Виктор, курсант Чкаловского

высшего училища военных летчиков (Оренбург), прибыл за полчаса до прихода эшелона по папиной телеграмме с друзьями детства, Колей Архангельским, будущим Героем Советского Союза, и Карпом Волчихиным. Эти два с половиной часа были самым великим испытанием нашей семьи, слез не было, но мы все в те часы стали взрослыми.

Папа сказал: "Война будет долгой, жестокой. Мы с Виктором будем стоять в первых рядах обороны: он в воздухе, я на земле. Если что, вы, дочери, встанете вместо нас!"

Отец с 1930 по 1934 год был шадринским военным комиссаром, с 1935 по 1938 – начальником Шадринского Дома обороны, с 1939 – кадровая армия.

Стадухин Василий Андреевич, 1893 года рождения, капитан, командир мотострелкового батальона 48-го танкового полка 48-й Уральской танковой дивизии, считается без вести пропавшим. В декабре 1941 года был в последнем бою. У нас же есть сведения его сослуживца-шадринца Южакова Николая, что он погиб под Великими Луками 16 августа 1941 года.

Уже в конце 1941 года в небе Ленинграда началась фронтовая жизнь Виктора Стадухина, младшего лейтенанта. Вручил брату "летающий танк" – Ил-2. "Черной смертью" окрестили этот самолет-штурмовик фашисты. Брат писал с фронта: "Работы много. Папа пусть не беспокоится, ему придется только добивать этих гадов. Вы можете спокойно учиться и работать. Никто не сломит силу нашего советского народа".

Его часть стояла в городе Волхове. Три раза он был сбит, но возвращался на базу. В феврале 1942 года Виктор с командой летчиков Ленинградского фронта прибыл в город Серов (Урал) получать новые самолеты, и ему дали отпуск на 2 дня. Он приехал домой в Шадринск. Сколько было радости, рассказов о героизме летчиков и армейцев. Он рассказывал: "Недавно мы шли вдоль железной дороги на Мгу и Синявино. Около Синявина мы увидели много немецких танков, они как бы топтались на одном месте, кругом были топкие болота. Мы их тут же «сварили» в кашу. Нам надо было еще накрыть фашистский полевой аэродром, из-за туч шли низко, отбомбились, и вдруг на нас выскочили юнкерсы. Их было так много, что трудно было разобрать, где наши, где фашисты. Но мы справились, один, я знаю, был мой. Чаще летали ночью".

В начале 1943 года Виктор писал: “Мы были на задании, представляете, бомбили логово Гитлера! Скоро ему конец!” В июле мы получили посылку с вещами Виктора и извещение: “Не вернулся с задания из ночного боя 5 июля 1943 года”. Друзья писали: “Сбит над Берлином”.

Наша сестра Роза в 1941 году поступила учиться в Казанский авиационный институт на факультет “самолетостроение”. Они с братом договорились, что она будет строить самолеты, а он испытывать и совершенствовать. Виктор говорил: “Мы будем летать дальше всех и выше всех!”. В конце 1942 года, пройдя военную подготовку при институте, Роза в 1943 году была направлена в войска “Смерш” под Великие Луки, войну окончила в Одессе младшим лейтенантом. Служила в органах КГБ и МВД, сейчас пенсионер, подполковник в отставке.

В нашей школе в 1941 году занятия начались только в ноябре. В августе старшеклассников собрали и отправили в колхоз на уборку урожая. Наш класс был отправлен в колхоз деревни Верховино. Жили на стане, с нами был наш классный руководитель Теодор Александрович Мехоношин, у которого и воспитывался геройский летчик – Николай Архангельский. Мужчин в деревне уже не было – ушли на фронт. Днем мы подбирали за жаткой-лобогрейкой, которой управлял мальчишка лет 12-13. Скошенный хлеб вязали в снопы, а ночью подветренное зерно тут же, на стане, обмолачивали на молотилке, работающей от мотора старого трактора. Утром мальчишки отвозили зерно в город на элеватор с красными плакатами “Подарок фронту!” Закончили работу, когда пошел снег. Заработали благодарности райкома ВЛКСМ и по два пуда зерна. Учились в три смены. Один день в неделю был отведен на военное дело:

1. Санитарно-медицинскую подготовку вела преподаватель – военврач из Ленинграда Ревекка Ильинична, замечательный и добрый человек. Мы готовились стать медсестрами.

2. Радио-и-телефонную связь преподавал подполковник, фамилию и имя которого не помню.

3. Строевую, лыжную и стрелковую подготовку с нами вел военрук, имеющий много оборонных знаков, среди них “Ворошиловский стрелок”. Занятия велись отдельно. Спрашивали строго, да и мы относились серьезно, с большой ответствен-

ностью.

В 1942 году в Шадринск эвакуировался завод “ЗИС” из Москвы. По призыву райкома ВЛКСМ нас, комсомольцев, освободили от экзаменов и 1 июня направили работать на завод. Меня направили в цех в ОТК на конвейер. Проверяла головки к минам, они были уложены в деревянные ящики по 20 штук и смазаны керосином. Ящики были очень тяжелые, поднимали их только вдвоем. От керосина с рук сходила кожа. Работали по 12 часов. Не жаловались. В школу отпустили только в январе 1943 года. Пришлось, проходя новый материал, сдавать экстерном еще за прошлое полугодие.

Наказ отца – “Если что – замените нас с братом на фронте”, – постоянно бередил мне душу. Военкомат в призыве меня в армию отказывал: мало лет. Первая попытка уехать на фронт с проходящим эшелонем не удалась, сняли в Свердловске и отправили домой.

Тогда мама отвела меня в шадринскую милицию, начальником был Кадников, папин друг. “Возьмем вашу дочь на службу, – сказал он, – повоюем с бандитами, может, и не надо будет ехать на фронт”. Меня определили в паспортный стол к Глинину Петру Филипповичу, затем перевели в военно-учетный стол, который только-только начал создаваться (сейчас 4 отдел военкомата). Начальником назначили Рябинина, а меня – учетчиком. Работы было много, требовалось завести документы на всех военнообязанных города и оформить “бронь”, кто нужен в тылу.

Я написала письмо очень популярному еще до войны военачальнику Клименту Ефремовичу Ворошилову, где настойчиво просила направить меня на фронт независимо от моего возраста, так как готова к защите Родины: “Ворошиловский стрелок”, радиотелеграфист и санинструктор. Ответ пришел быстро. Меня вызвали в военкомат. Начальник 4 отделения Севастьянов сказал, что надо добавить два года, и все будет в порядке. Что и было сделано.

В феврале 1944 года меня направили в Еланские лагеря под Свердловском для прохождения военной подготовки и сдачи экзаменов. Все сдала на отлично. И была отправлена в действующую армию.

Карельский фронт, штаб фронта. После настоятельной

просьбы отправить на передовую попала в 72-ю отдельную горно-стрелковую бригаду морской пехоты радиотелеграфистом отдельного минометно-вьючного дивизиона 107-миллиметровых минометов и артдивизиона 76-миллиметровых пушек на конной тяге. Встретили доброжелательно, но настороженно – справлюсь ли? На весь дивизион нас было восемь девчонок. Надо доказать, что ты – воин, не дать повода к ухаживаниям, дать понять, что все для меня равны и, главное, не хныкать.

Рация РБ-12 – около 30 килограммов, запасное питание – 8 килограммов, противогаз (правда, противогаз выбрасывали и заполняли сумку патронами и бинтами), вещмешок, санитарная сумка и оружие, все при тебе день и ночь. У каждого своя поклажа. Питание – в основном сухой паек – и НЗ.

С января 1945 года – Украинский фронт, 1-я Гвардейская и 38-я армия. Польша: Бельско, Вадовице, Сосковец, Рогозин, Зорау, Рыбник – здесь лежала в госпитале после ранения 1 апреля 1945 года при форсировании реки Одер.

Чехословакия: Моравская-Острава, Градец, Оломоуц, Пардубице, разгром группировки гитлеровских войск под командованием Шернера. Затем наша отдельная горно-стрелковая бригада была переброшена на Дальний Восток для участия в войне с империалистической Японией.

С 26 августа 1945 года – Дальневосточный фронт – Чугуевская группа, Китай, район города Гирина.

Демобилизовалась 2 февраля 1946 года с Чукотки, бухта Провидения, береговая оборона. Вернулась в родные края.

КРЕСТ АННЫ СОЧНЕВОЙ

С Аннушкой Сочневой – старой девой лет тридцати пяти, мы лежим на ворохе теплого свежего зерна, выросшего на целинных землях Катайского совхоза Апыменевского района Курганской области, отдыхая после работы на зернопульте. Тепла и тиха осенняя ночь, лишь изредка полыхают зарницы, да о чем-то перемигиваются меж собой звезды.

– Аннушка, почему ты замуж не выходишь? – осторожно спрашиваю её.

– Жених был, да не мне достался, – тяжело вздохнув, ответила Анна.

– Что, другую нашел?

– Нет, хороший был парень, да на войне поуложили, таков мой крест.

– Какой крест? – спрашиваю наивно.

– Ты знаешь, – сказала она задумчиво, – в канун войны, вон там, на западной стороне неба, прямо над озером Бабые появился огненный крест. Я сама видела. Это чудо наблюдали более трех часов, потом крест стал клониться вправо, угасать и совсем исчез.

Старики всполошились: “Война будет, бабы, кровавая война, более трех лет продлится, но верх мы одержим, победим!”

Господь предупреждал нас о войне, но кто мог знать, что столь народа положат! Жених мой служил на Дальнем Восто-

ке, в Сучане. Невысокого роста, красавец, гармонист. Так с гармошкой и не расстался, ушел с ней в армию.

После, когда та проклятая война на западе разгорелась, их провезли мимо нас на фронт. Он был артиллеристом, так нас даже к составу близко не подпустили, так и не простились, а я ему обет дала, что ждать буду. И жду. Тяжел сей крест, но я привыкла. Без любви не может быть замужества, а такого, как он, я не встречу, да если и встречу – не соблажнюсь: вдруг вернется – что ему скажу? Мой крест – моя судьба, так и помру его невестой... Вот и несу свой крест, не только в душе, но и по жизни...

Мы долго молчали, думая каждый о своем: она вспоминала прошлое, а я под впечатлением её рассказа думал о знаках небесных, почувствовав искренность ее повествования, мечтая воочию увидеть подобное.

Оказалось, моя встреча со знаменьями была впереди.

Много лет минуло после той задушевной беседы с Анютой. Вихрь жизни унес меня из родных краев, но её рассказ запал мне в душу.

Случилось так, что много лет спустя занялся поиском пропавших без вести солдат. Выполнив священный долг по защите Отечества, множество воинов все еще лежат каждый на своем последнем рубеже не похороненными и поныне...

Весной 2000 года мы с ребятами нашли и похоронили под Мясным Бором останки 523 воинов, в их числе найдены и бойцы 77 противотанкового дивизиона из города Сучан. Установили фамилии: Усов, Ильин, Петухов, Егоров, Кондратьев и другие... Их командира Болотова нашли раньше – вблизи Любина Поля. Среди вновь найденных был и сержант малого роста, гармонист - без имени и фамилии. Неожиданный взрыв застал его сидящим спиной к дереву во время принятия пищи и опрокинул на левый бок. Ложку с кашей он не успел донести до рта. Гармошку разнесло вдребезги. Сохранились карманные часы без стекла и стрелок, расческа серого цвета, маленький перочинный нож...

Разобравшись, что к чему, я вспомнил Аннушку Сочневу из Курганской области, не ее ли суженый? Похоронили его в братской могиле Мясного Бора.

Есть фото этих бойцов из 1942 года.

Где найти Аннушку, сохранившую любовь и лебединую верность своему жениху?

Кто опознает сержанта по фотографии? Вот тот снимок, что сохранился через многие годы. А может, и Аннушка еще жива, поищите ее в Альменевском районе.

Бойцы 77-го противотанкового дивизиона из города Сучан.

Верхний ряд слева направо:

Ильин - младший политрук, Марченко - военфельдшер, Петухов Г.В. - политрук, Егоров Ф.О. - младший политрук, ? - сержант (гармонист)

Средний и нижний ряды:

Усов Н.П. старший лейтенант, Болотов Н.П. - капитан, Гаврилин - политрук, Николаев - воентехник, Карлухин - техник-интендант 2-го ранга, Баранов - техник-интендант 2-го ранга

Жду ответа по адресу: 423887, Татарстан, Тукаевский район, п/о М. Шильна, телефон (дом) 88552 - 37-00-94, Головину Федору Игнатьевичу.

Павел Михалев

МОЙ ПУТЬ БОЕВОЙ

В 1942 году мне исполнилось 17. И в это самое время, точнее 17 декабря 1942 года, я вступил в ряды защитников своей страны от гитлеровских захватчиков. В городе Челябинске был зачислен в школу снайперов. На первых порах со мной часто случались конфузы. Ростом я был мал и обмундирования подходящего для меня не нашлось – одели во что пришлось. Рукава шинели болтаются, полы тащатся по земле – ну прямо чучело, а не солдат. Тогда старшина Куприн принял меры: обрезал рукава, укоротил полы. Но плечи шинели так и остались до самых локтей.

И вот построили всю школу на смотр. Капитан Тонконогов осмотрел строй и сразу же задержал взгляд на моей фигуре. Приказал выйти из строя.

– Впервые вижу у нас в школе такое пугало. В огород и то боязно его ставить. Ну что это за солдат?

Командир школы приказал ротному – лейтенанту Макарову – немедленно переобмундировать меня.

Через время приказ капитана Тонконогова был выполнен, и я снова стоял в строю. Однако на этом приключения не кончились. Дали винтовку, а она оказалась выше меня, так как ростом я не достигал и 150 сантиметров. Вобщем, поставлю к ноге приклад – а штык торчит над головой. Неудобно, тяжело было мне ходить на занятия с таким оружием.

Проучился шесть месяцев в Челябинске и в звании сержанта поехал на фронт. Но в Харькове меня и некоторых других, кто имел 7 классов образования, оставили учиться в танковой школе на механиков-водителей.

Первое боевое крещение принял под городом Дубно. Потом с боями так и двигался дальше на запад. Освобождал польские города: Краков, Луков, Хелм, Люблин и другие, пока не получил ранение в спину. А случилось это вот как.

25 июля 1944 года наши войска окружили вражескую группировку у города Седлец. На нашу танковую роту возлагалась задача не пропустить противника в город к выгодным для него позициям. Два дня стояла тишина, но 27 июля противник на танках стал прорываться из окружения. Командир нашего экипажа Василий Моисеев подал команду открыть огонь по приблизившимся к нам немецким машинам.

Орудие заговорило, посылая один снаряд за другим. Командир орудия Аркадий Белобородов – энергичный и веселый парень, метко зажигал немецкие танки. Все члены экипажа держали себя в бою собранно, целеустремленно. И благодаря этому за каких-то полчаса мы подбили 6 танков противника, подбили седьмой, но он успел послать в нас снаряд. Убило Моисеева и Белобородова. Заряжающий Хаснутдинов, пулеметчик Тимофеев и я были тяжело ранены.

Вытащили меня из горящего танка и отправили в госпиталь, в город Люблин.

Отлежался в госпитале, вылезился, но в танкисты больше уже не взяли. Попал в 40-ю Рогачевскую артиллерийскую бригаду, где стал наводчиком орудия. С 4 декабря 1944 года и до конца войны посыпал огнем вражеские позиции. Тут уж хорошо пригодился мне мой малый рост. Дошел до самого фашистского рейхстага. За взятие его награжден орденом Ленина.

Вот так я и защищал от врагов Родину-мать. Начал с конфузов, с приключений, а кончил, как подобает русскому солдату, – геройски. Вместе с Героем Советского Союза Афонасием Федоровичем Стенниковым штурмовал рейхстаг, прикрывал артиллерийским огнем наших солдат, водрузивших на его куполе знамя Победы.

Николай Плотников

НА ПАРАДЕ ПОБЕДЫ

Боевой путь сержанта Николая Ивановича Плотникова начался на огненной Курской дуге. Его родной 457-й минометный полк в составе 23-го танкового корпуса под командованием Героя Советского Союза генерала Пушкина Ефима Григорьевича, прорвав оборону немцев, освобождал Донбасс.

В составе 8-й гвардейской армии генерала Василия Ивановича Чуйкова минометчики вместе с танкистами корпуса вышли за Северный Донец, освобождали Кривой Рог, Одессу, участвовали в разгроме Яссо-Кишиневской группировки немцев, брали Будапешт, освобождали Вену.

За мужество и боевые успехи минометчики были удостоены многих наград. Их полк к завершению войны уже назывался 457-й минометный Краснознаменный орденов Суворова и Александра Невского Ясский полк. И когда гитлеровцы в Берлине капитулировали, минометчиков и танкистов корпуса бросили из-под Вены на освобождение Праги.

Здесь и поставил свою точку в войне наш земляк Николай Плотников. Солдаты радовались Победе, солнцу и весне. Полк стоял вблизи Братиславы. Был банный день. У всех почти домашнее настроение, разговоры о скорой демобилизации...

В подразделение к связистам зашел капитан Милевский.

– Сержант Плотников, срочно к командиру полка. Одна нога

здесь, другая – там.

– Что случилось, товарищ капитан?

– Узнаешь на месте.

Командир полка встретил Николая Ивановича улыбкой и вопросом:

– В Москву поехать хочешь, сержант Плотников?

– Конечно, хочу. А как мои солдаты? Они с кем останутся?

– Тогда через 20 минут в полной форме сюда. Поедешь на машине в штаб корпуса. Как орденосец и геройский боец будешь представлять наш полк на Параде Победы. А солдаты твои подождут, пока из Москвы вернешься.

В Братиславе сформировалось два железнодорожных эшелона участников Парада Победы от 2-го Украинского фронта – 1600 человек.

Эшелоны шли по стране под триумфальные и сердечные встречи с населением. Цветы, крепкие рукопожатия, приветствия, митинги. И так везде, где эшелоны делали остановки.

Москвичи встретили победителей на Киевском вокзале. И снова цветы, приветствия, музыка и море людей.

Разместили бойцов 2-го Украинского фронта близ Сокольников, по улице Стремнинка, 32. Началась подготовка к параду. Вначале строевая подготовка проходила днем. А ближе к дню парада стали заниматься в парке Сокольники с 12 часов ночи и до утра. Все отработали до автоматизма. Получили новую форму: танкистские комбинезоны, шлемы, краги.

И вот оно, 24 июня. Утро выдалось пасмурное. Только колонны построились к маршу на Красную площадь, стал накрапывать мелкий дождичек.

На площади выстроились по фронтам. Главными были части Карельского фронта.

Перед десятью часами утра на площади верхом на конях появились Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский со своим адъютантом, а когда послышались первые удары Кремлевских курантов, из Спасских ворот на белом коне выехал Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. За ним следовал на коне его адъютант. Взоры тысяч солдат-победителей устремились к Маршалу-легенде.

Напротив Мавзолея Ленина маршалы встретились. Рокос-

совский четко отрапортовал, что войска для Парада Победы построены. И развернувшись, Жуков и Рокоссовский поскакали к головной колонне. Два, может быть, самых славных конника страны, будто влитые в седла, как боги, парили перед войсками. Это были самые яркие и трепетные мгновения в жизни каждого из стоящих на площади воинов. Они не чувствовали, что промокли до нитки. Огонь волнительного торжества и восторга переполнял души. Они живы! Они выстояли и победили! Они в сердце Родины, на Красной площади столицы! Гордись их мужеством, Отечество! Дивись, мир!

А по площади уже катились приветствия и дружное “У-р-а! У-р-а! У-р-а!”

После речи Маршала Жукова с трибуны Мавзолея всколыхнулись в едином порыве колонны.

Брошены к подножью Мавзолея знамена и штандарты хваленых и разбитых гитлеровских полков, дивизий и армий. Чеканя шаг, проходит по площади сама Живая Гордость и Слава Вооруженных Сил Отечества!

Почти шесть десятилетий прошло с того памятного дня. А в памяти солдат-победителей он живет и останется навсегда, до последнего вдоха.

Николай Иванович вместе с женой Валентиной Максимовой вырастили четырех дочерей. Всем им дали высшее образование: Нина – учитель, Вера – финансист, Галина – медицинский работник, Ирина – инженер-кибернетик.

Пусть всему роду Плотниковых в жизни повезет, как Николаю Ивановичу. Пусть у каждого его потомка будет своя, достойная гордости и чести высота.

Записал Геннадий УСТЮЖАНИН

Алексей Ульянов

НАХОДЧИВОСТЬ НЕОБЫЧАЙНАЯ

Э то случилось в одну из осенних ночей 1944 года. Наша дивизия вместе с другими частями четвертого Украинского фронта перешагнула Яблоницкий перевал гуцульских Карпат.

Еще утром батальоны, сбив противника с Косовых полонин, спустились по склонам гор и поднялись на безымянные высоты перед селом Ясиня.

И надо вам сказать, что не только командиры, но и солдаты уже знали, что с нашим противником – мадьярскими частями – происходит то же, что произошло на юге фронта с румынскими войсками, – они поняли, что с фашистами им не по пути.

В этот вечер, как обычно, солдат Петр Сахно собирался нести на командный пункт полковнику Лозову ужин. И он решил, что не стоит ждать попутчиков из штаба, а можно пойти на гору одному. Дорогу ему хорошо объяснил его дружок разведчик Вася Чирков.

И когда лощины засерели вечерней мглой, а горы светились последними лучами уходящего солнца, когда там, впереди, постепенно умолкла трескотня пулеметов, а артиллерия прекратила свою "работу", Сахно уже шагал с котелками в руках и с фляжкой на ремне по тропе в гору.

Навстречу попали два связиста с катушками.

– Эй вы, пауки, правильно я иду к “двенадцатому”?

– Топай, топай, тыловая душа, держись правей, не забирай влево, – осклабился один из связистов, отвечая таким же шутливым тоном.

Сумерки стали сгущаться, уже на горе прекратились и одиночные выстрелы, тропу стала скрадывать темнота. Боец почувствовал, что теперь он идет поперек склона, и взял вправо, пошел по другой тропе. Показалось, что идет правильно.

По времени должен бы уже выйти на полонину, на которой КП, а ее все нет. Лес не кончается. Темнота гуще. Сахно взяло сомнение: “Уж не заблудился ли?”.

Стал продвигаться осторожнее. Поворотить назад – не полагается. Да и как повернешь, Командира полка без ужина оставишь. Засмеют. И Сахно продолжал путь. Иногда прямо грудью или плечом наталкивался на деревья. Руки вперед выставить нельзя – в них котелки.

Но вот темнота стала как будто мягче, по потному лицу пробежал ветерок. Лес кончался, впереди – поляна-полонина.

Сахно решил держаться опушки леса. Солдатский опыт подсказывал, что в случае, если наткнешься на противника, за деревьями легче обороняться. А на полонине может сверкнуть огонек папиросы, можно услышать разговор. КП должен быть где-то здесь. Где ж ему еще быть.

Мысли солдата прервал гортанный, но тихий окрик: “Фэлд кээккэл!” – “Руки вверх!” Рядом сверкнул луч карманного фонарика, со стороны деревьев выскочили мадьяры. Их была группа. Вмиг его схватили за руки.

Удивительное ощущение! Испуга у Сахно как будто не было. В памяти мелькнули виновато улыбающиеся лица мадьярских солдат, которые всем своим саперским взводом перешли к нам дня два назад и которых он видел в штабе полка.

А схватившие его солдаты, между тем, уже толкали его в спину, снимали автоматы, кричали что-то непонятное. Видать по всему, приказывали куда-то идти.

– Я прошу вас быстрее доставить меня к командиру, – спокойно сказал Сахно.

И кто-то из солдат понял его. Часто случалось, что мадьярские солдаты, призванные из сел Закарпатья и жившие ря-

дом с украинцами, понимали и по-украински, и по-русски.

– Что ты маешь до командира? – спросил один из мадьяр.

– Я послан нашим полковником к командиру вашего полка. Ведите меня к нему, буду говорить только с ним.

Солдаты переговорили между собой, сказали Сахно, что они его доставят к командиру. Пошли через полонину, стали спускаться под уклон. Где то под ногами, внизу, мелькнул огонек. Прошли мимо окопов – об этом Сахно заключил по тому, что их окликнули откуда-то снизу. Солдаты ответили паролем. Минут через двадцать их снова окликнули. Подошли к какому-то строению. Присмотревшись. Сахно увидел, что они стоят перед обычной гуцульской хатой. Внутри помещения на полу спали солдаты, за столом сидели два мадьяра. Один из них поднялся и что-то сказал, вошедший солдат по-украински перевел Сахно, какого командира он просил видеть.

– Командира вашего полка Королевской дивизии.

Сахно слышал в штабе, что перед нами отступает так называемая Королевская дивизия мадьяр.

– Зачем?

– Наш командир полка вашему командиру полка направил ужин.

Шагнув вперед, Сахно поставил на стол котелки, снял с ремня фляжку с вином и протянул ее офицеру. Вокруг Сахно образовался уже круг из солдат и офицеров, которые поднялись с пола и с любопытством смотрели на русского солдата.

Солдат, говоривший по-украински, перевел ответ Сахно мадьярам. После полуминутной паузы и хате грохнул дружный смех.

Офицер за столом что-то сказал другому офицеру. Тот вышел из дому.

Сахно стали спрашивать, из какой он части, как фамилия командира его полка. Но тот отвечал, что ему приказано только вручить ужин мадьярскому полковнику, а больше он ничего не может говорить.

В хату вошел прежний офицер. Сказал что-то, все опять рассмеялись, офицер приказал Сахно взять котелки и фляжку и идти с ним.

Его привели в другую хату, стоявшую рядом. Она была почище. Посреди нее стоял пожилой человек в форме старше-

го офицера с типичным лицом венгра. На столе горело две свечи.

Сахно остановился у порога. Пожилой офицер что-то сказал другому, молодому офицеру, а тот – Сахно.

– Что солдат хочет передать нашему командиру?

– Наш командир полка вашему командиру направил ужин.

По лицу пожилого офицера скользнула улыбка. Он велел поставить котелки на стол. Пожилой открыл крышки, ткнул вилкой в холодную тушеную баранину, из фляжки налил в стакан вина, понюхал, рассмеялся. Ужин действительно был офицерский.

– Кто твой командир, и что он приказал тебе сказать мне?

– обратился мадьяр через переводчика к Сахно.

– Мне не приказано называть фамилию нашего командира, но он ждет, что вы должны сдаться нам.

После небольшой паузы старший мадьяр что-то крикнул солдату, дремавшему в углу на лавке. Тот взял котелки и фляжку и ушел из хаты. Сахно разрешили сесть на лавку. Через некоторое время вернулся солдат с котелками и фляжкой Сахно. В них был уже мадьярский ужин и мадьярское вино.

Старший мадьяр вновь обратился через переводчика к Сахно, сказал, что он благодарит русского полковника за ужин и направляет ему свой.

Сахно попросил проводить его туда, где он был схвачен мадьярским дозором, а то он потерял ориентировку.

Перед рассветом полковника Лозова разбудил его адъютант лейтенант Селезнев и доложил, что Сахно нашелся, что он побывал на мадьярской кухне и принес к завтраку для полковника мадьярский ужин.

Павел Дудин

НЕ ОТСТУПАЛ – И НЕ ОТСТУПЛЮ

Передо мной пачка писем с 1941 по 1943 годы. Это письма с войны, с передовой линии огня. Писал их Павел Игнатьевич Дудин. Родился и вырос он в Казачьем Кочердыке бывшего Усть-Уйского, ныне Целинного района. Семь лет служил в Красной Армии. Окончил педагогический институт. Был человеком самой мирной профессии, преподавателем географии в школе.

В сентябре 1941 года учитель Павел Игнатьевич Дудин ушел на фронт. Два года писал домой письма. Они типичны для того времени. 1941–1943 годы были тяжелыми, и все-таки наши солдаты и офицеры были уверены в победе, не ныли, не жаловались, были мужественными и выносливыми в самой сложной боевой обстановке.

Вот несколько строк из писем, присланных командиром Красной Армии Дудиным:

“30 октября 1941 года... Нахожусь в артиллерии. Сначала было трудновато, а сейчас ничего – привык...”

“2 ноября 1941 года... “Будь честен!” – наш девиз, данный нам отцом, ты знаешь, я от него не отступал и не отступлю...”

“18 декабря 1941 года... Пишу последнее письмо перед фронтом. Не посраим земли русской...”

“29 декабря 1941 года... Начали гнать врага и погоним до

Берлина..."

"4 января 1942 года... 1 и 2 января были в бою. Помогли нашей пехоте отбить одно село..."

"1 марта 1942 года... Назначен командиром батареи, 5 февраля ранен в ногу..."

"22 марта 1942 года... Из госпиталя выписался. Снова еду на фронт..."

"26 мая 1942 года... Я не могу тебя заверить, что вернусь, но заверяю, что ни тебе, ни ребятам нашим краснеть за меня не придется. Я не трус и от опасности не спрячусь. Лучше быть вдовой героя, чем женою труса..."

"27 августа 1943 года... Приехал на новое место. Освоюсь – напишу".

В конце сентября 1943 года семья получила извещение: «Лейтенант Дудин Павел Игнатьевич в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявил героизм и мужество, убит 30 августа 1943 года».

Письма с фронта. Их надо хранить, как зеницу ока. Пусть эти письма, насквозь пропитанные пороховым дымом, читают наши дети, внуки и правнуки, каждое новое поколение людей. Ради их счастливой жизни шли на свинцовую бурю, побеждали или погибали солдаты в бою. Павел Игнатьевич писал: "Не хочется умирать, но если погибну, то не зря, а за лучшую жизнь для всех".

Разве такое можно забыть? Разве заветы и помыслы фронтовиков можно предать забвению?

Анастасия ДУДИНА,
село Кетово.

ПОДВИГ НАШЕЙ МАМЫ

Моим родителям Наталье Степановне и Илье Федоровичу Клоповым посвящаю.

Мои родители – уроженцы деревни Клопово, которая, к сожалению, уже не значится на карте нашего Мишкинского района. Там они родились, росли, создали семью, вырастили пятерых детей. Примерно в 1936 году наша семья переехала в село Гладышево. К тому времени в семье было уже восемь детей.

Отец работал лесообъездчиком на Бутырской лесной даче. Он с раннего утра до позднего вечера находился в лесу, знал все ягодные и грибные места и часто брал нас, кто постарше, с собой. Помню, однажды нам даже пришлось тушить пожар, только что начавшийся и захвативший еще небольшую площадь. Справились

Зимой отец чаще бывал дома и тогда помогал нам решать школьные задачи, а потом все располагались на полу, застеленном половиками, и отец затевал с нами разные игры, соревнования, играл на балалайке, а мы, особенно девочки, пускались в пляс. А то усаживались за стол и играли в лото, шашки, домино. Как только стали продавать патефоны, появился он и у нас со множеством пластинок. Любимая песня отца – “Ой, да ты, калинушка”. Как он любил ее слушать и подпевать

исполнительнице!

В общем, жизнь нашей семьи была в то время счастливой, безбедной. Родители держали большое хозяйство: корова, обязательно теленок-полуторник, овец до двадцати штук, две свиньи. Словом, мясом и овощами обеспечивали себя сами, как и ягодами, грибами. И всегда на столе были наваристые щи, каши, а к рождественским праздникам всей семьей настряпывали мешок мясных пельменей. Мало ли, вдруг в гости кто нагрянет.

Теперь, оглядываясь на те годы, я с удивлением и восхищением вспоминаю родителей, поражаюсь их трудолюбию, заботе и любви к нам. Потому, думаю, только в любви и согласии родителей могла жить такая многодетная счастливая семья. Нас было уже десятеро!

Наша мама! Как же она умудрялась, где брала силы, чтобы готовить еду для такой семьи, ведь, скажу, чтобы накормить нас блинами, она заводила целое ведро теста. Ее заботами мы всегда были сыты, чисто одеты и обуты, в доме всегда был порядок. Конечно, старшие дети кое в чем помогали: стирали белье малышей, делали ежедневную уборку в доме, мыли полы, ухаживали за младшими, шили кое-какую одежду, вязали носки, варежки, я уже не говорю о работах на огороде и уходе за скотом.

И вот такую нашу безоблачную жизнь в один миг прервала война, будь она проклята. Отца, как и всех мужчин призывного возраста, в тот же день мобилизовали в армию, на эту страшную длинную войну, с которой он не вернулся.

А мама осталась с десятью детьми, да еще под ее сердцем билось одиннадцатое дитя. Старшему брату Васе было семнадцать лет, сестрам Вале – шестнадцать, Тоне – четырнадцать, мне двенадцать. Васю и Валю вскоре направили на лесозаготовки в Кособродск. Чуть позднее Васю призвали в армию, а Валю и Таню направили в Челябинское железнодорожное училище. Я с мамой осталась старшей, а семеро (в декабре 41-го года родилась сестричка Верочка) были младше: Шуре десять лет, Ивану – девять, Руфе – семь, Володе – пять, Нине – три года, Ире – один год.

Из хозяйства осталась только корова, огород. На маму, сорокалетнюю женщину, легли все заботы и тревоги. Сено для

коровы – кормилицы и дрова заготавливали мама, я и девятилетний Ваня. Дрова вывозили на быке, а летом – на тележке, в которую впрягались сами. Одежду, обувь донашивали ту, что была, то, что сохранилось, переделывали от старших к младшим.

Не хочется вспоминать то время. Но помнить надо! Как жили трудно, голодно, пекли хлеб из отрубей, разной травы, мороженой картошки. Как совсем малые ребята летом работали на колхозных полях, чтобы получить кусочек хлеба, пололи картошку, свеклу, пшеницу. Работали и ждали вестей от отца и брата Василия. Почти всю войну прошел отец, но 18 января 1944 года погиб в бою за свою семью, за наш народ, нашу страну. Великое горе пришло в наш дом. Но не сдалась мама, сжав зубы, оплавав, вдова фронтовика продолжала жить и трудиться ради детей, в память о дорогом муже и отце.

В те трудные годы многие женщины отдавали своих детей, чтобы сохранить им жизнь, в детские дома. Наша мама не сделала этого, не могла она оторвать кого-нибудь от своего сердца. Только год или два наша Шура жила у бабушки Веры Поликарповны и дедушки Епифана Николаевича в деревне Пестово. Жила только потому, чтобы могла учиться в Введенской неполной средней школе.

Все остальные были при маме, всех нас она вырастила, выучила, приучила к труду, доброму отношению к людям. Это настоящий подвиг! И не напрасно в конце войны был издан Указ Советского правительства о присвоении многодетным матерям звания “Мать – героиня”. Вместе с этим званием дали материальную и денежную помощь. Этим правительство оказало и нашей семье огромную поддержку, в которой мы очень нуждались, и мы благодарны за это!

Все дети в нашей семье дожили до Дня Победы. Вернулся с фронта брат Василий. И снова все вместе строили жизнь.

Сейчас нас живых семеро. Жизнь, конечно, разбросала: три сестры живут в городе Верхний Уфалей Челябинской области, Шура – в Камышине Волгоградской области, Вера – в Черновце, Володя в Экибастузе. Брат Василий (ныне покойный) и я никогда не уезжали из родного района. Живем дружно, как завещала наша мама. Горюем по нашему отцу и бесконечно благодарим и помним маму, бабушку и прабабушку за

нашу семейную жизнь.

И я думаю, напрасно сейчас отменили звание "Мать – Героиня". Родить, вырастить, воспитать и выучить десять и более детей – это настоящий подвиг!

Анна ВЫПОЛЗОВА,
Рабочий поселок Мишкино

*Сидят: Таня, Аня, Шура, Вера;
Стоят Ира, Вася, Володя, Нина,
дети Натальи Степановны и Ильи Федоровича.*

Алевтина Сереброва

ПОЛИТРУК СЕРЕБРОВА

С Алевтиной Максимовной Серебровой я познакомился, когда работал в музее, но слышал о ней значительно раньше. В частности, о ее встречах с Надеждой Константиновной Крупской. Позднее об этих встречах Алевтина Максимовна мне рассказала подробно, и я написал о них в журнал "Уральский следопыт".

Я совершенно не подозревал, что Сереброва во время войны работала с ранеными одного шадринского госпиталя. Об этом она рассказывала Н. И. Макаровой, в чьей записи и дается этот интересный рассказ.

"Госпиталь?.. Да разве я могу забыть?..

В эвакогоспитале 3108, куда горком ВКП(б) направил меня пропагандистом, я фактически выполняла функции политрука. Эвакогоспиталь располагался на территории Советской больницы. Каждый день старалась побывать во всех пяти отделениях, поговорить с людьми. В палату заходила лишь только в том случае, если в ней был порядок: прибранные постели, ухоженные раненые. Если, зайдя в палату, замечала беспорядок, то только здоровалась и тут же покидала ее.

Однажды, едва успела появиться я на территории госпиталя, мне уже передают: «Метелева вызывает».

Это начальник госпиталя.

– Ну, укротительница, – говорит, – иди в палату номер....

– Ночью было поступление, так один раненый обидел медсестру. Парень красавец, а одной ноги нет. И шевелюра пышная (при поступлении в госпиталь раненых полагалось обязательно стричь). Она к нему, что, мол, надо обрабатывать раненых при поступлении в госпиталь, а он ее матом.

“Ну что ж, – думаю, – будем работать”.

Зашла в палату, а в ней 8 человек, подсаживаюсь к каждому на кровать, разговариваем. У всех порядок, а этот новенький, замечаю, лежит небраный. Поговорила с ранеными и направилась к выходу. А он ко мне с вопросом:

– Вы что же, товарищ политрук, со всеми поговорили, а со мной не хотите? Присаживайтесь, у меня места много. (Это намек на то, что у него нет ноги).

– А кто это у нас появился такой небраный? Новенький, что ли? – спрашиваю.

А ему все:

– Мы тебе говорили, мы тебе говорили!

Так состоялось наше знакомство. Где шуткой, где острым словцом удалось разговорить парня. Родом он оказался из Гомеля. Невесту его фашисты угнали в Германию. Отца повесили, мать, не выдержав горя, умерла.

– Для чего мне жить? К тому же без ноги никакая девушка не полюбит меня, – заключил парень.

В то время мы с семьей жили в доме по улице Уральской, 9 (сейчас здесь милиция). На уплотнение к нам поселили эвакуированных евреев из Ленинграда. Один сын у них погиб, а второй, Саша, был без ноги. Уже в Шадринске он познакомился с девушкой по имени Зина, она работала в фотографии. Поженились. После они все уехали в Ленинград. В тот вечер я завела с Сашей разговор. Договорились, что я похлопочу в артели “Кооператор”, чтобы его отпустили на некоторое время, а Саша тем временем поговорит в госпитале с гомельским парнем. В назначенный день я намеренно пришла в госпиталь попозже, чтобы молодые люди смогли уже поговорить. Меня он (гомельский парень) встретил с большим нетерпением и радостью:

– Товарищ политрук, ко мне человек приходил! Он тоже без ноги, как и я, а женился! Работает!

В общем, договорились мы с нашим «непокорным», что перед медсестрой Надей, которой он нахамил, извинится и

позволит обработать себя по всем правилам.

А с медсестрой я тоже поговорила и дала ей приказ – поухаживать за парнем. Как-то он с радостью сообщил мне, что Надя пригласила его в кино. А я специально только что договорилась о кинопередвижке для госпиталя, чтобы раненые могли посмотреть фильм. И Наде наказала, чтобы в кино сидела с ним рядом. Сама же я намеренно словно этого не замечала. После кино он встретил меня возле госпиталя:

– Товарищ политрук, а я в кино вместе с Надей сидел!

– Ну что, полюбят тебя девушки?

К парню вернулась вера в жизнь...

Имя человека, о котором дальше пойдет речь, я очень хорошо запомнила. Звали его Вася. Шел ему 20-й год. На фронте получил контузию, но его мучила не столько она, сколько воспаление легких. Судя по всему, парень он был избалованный. Тем не менее, поддержать его, помочь подняться на ноги хотелось. По моей просьбе ребята-тимуровцы приносили что-нибудь вкусненькое для Васи.

Представляете, ведь каждая мать старалась хоть что-нибудь выкроить для своего ребенка, а он, в свою очередь, нес это последнее, чтобы спасти солдата. Одним словом, общими усилиями подняли мы Васю. На поправку пошел. А в госпиталь тогда ходили девчата с автоагрегатного завода — шефствовали. Вот он и познакомился с одной девушкой, пришла она как-то, они с нею посидели на травке. Да и день-то был такой солнечный, летний. Для неокрепшего организма это оказалось губительно. У него снова развилось воспаление легких, теперь уже двустороннее. Подхожу однажды к его постели, а он:

– Товарищ политрук, я жить хочу! Спасите, Вы все можете!

Что я могла? Я ничего не могла... Схоронили Васю... Да разве забудешь такое? Никогда! Я даже не смогла поехать на кладбище – начальник госпиталя и комиссар ездили, а на меня оставили госпиталь. Похоронен он на старом кладбище. Когда сын возил меня на могилу к маме, я подошла и к могиле, где похоронен Вася. Поклонилась ему.

Однажды мне сообщили, что в одном из отделений ревет парень, и никто его успокоить не может. Пошла к нему. Зашла в палату и говорю:

– Мне бы красную девицу у вас повидать.

– Нет у нас таких, – отвечают раненые.

– Как нет? А кто ревет – разве не красная девица?

Потом уже к Плотникову (фамилию его помню до сих пор) обращаюсь:

– Что же ты так? Ведь жив остался, – радоваться надо.

– Так я же не могу любимой девушке письмо написать – правая рука не действует (у него было перебито сухожилие).

На другой день я принесла ему карандаш и бумагу и дала задание: ежедневно писать левой рукой два часа.

Он, студент второго курса Ленинградского университета, тяжело переживал свое ранение. Но за тренировки взялся. Уезжая, он подарил мне свою фотографию, на обороте которой собственноручно сделал надпись.

В одной из палат лежало 18 человек. И вот один из них занервничал. Родом он был из Гусь-Хрустального. Когда уходил на фронт, оставил дома жену в положении и четверых сыновей. Без него уже родилась дочка. А занервничал он потому, что из дома долго не было вестей. Начала с ним работать: в помощники взяла аргументы.

– Корова дома есть? Есть. Куры есть? Есть. Да дом, да работа, да дети – за ними же присмотреть надо, прибрать. Да малышка сколько внимания требует. Жене твоей не только писать, прочитав хорошенько письмо твое некогда. Вот и давай считать, пока оно домой идет, пока соберется жена ответ написать, пока к тебе придет... Так что раньше 23 августа и не жди.

И вот иду как-то в госпиталь, а около него столпотворение. Подхожу ближе, а раненые все ко мне:

– Товарищ политрук, скажите, когда я получу письмо?.. И я?.. И я?.. Ему же сказали, он 23-го и получил!

И вот мы всей ватагой вваливаемся в палату, а недавний “пациент” от счастья на седьмом небе. Письмом потрясает, целует его – там старательно обведена детская ручонка.

Ну, пришлось раскрыть секрет, как мы высчитывали это число. И настроение у всех поднялось – а мне то и надо.

Я бы назвал Алевтину Максимовну врачевателем, целителем солдатских душ, вселяющим веру, надежду, любовь в молодые сердца. И там, где недорабатывали врачи, приходила на помощь она – политрук эвакуационного госпиталя Серебров.

Леонид ОСИНЦЕВ

Филипп Засыпкин

АРМИЯ И НАРОД ЕДИНЫ

Филипп Семенович Засыпкин родился в 1914 году в селе Любимово Далматовского района. Призван в Красную Армию в июле 1941 года. Старшина, механик-водитель танка Т-34. Воевал в составе 214-го танкового батальона. Награжден орденами Славы II и III степени, двумя – Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За взятие Берлина», За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.». Демобилизован в сентябре 1945 года.

9 сентября 1978 года. Страна отмечала День танкиста. На развилке дорог около сел Уксянка и Любимово Далматовского района торжественно был установлен на пьедестал легендарный танк "Тракторист Уксянской МТС Курганской области".

Вместе со всеми радостные и гордые стояли пионеры Любимовской восьмилетней школы. Ведь в том, что боевая машина встала на пьедестал, была и их заслуга.

А все началось с письма. Оно пришло в Далматовский военкомат в мае 1974 года. Написал его боевой друг командира танка "Уксянец" Адама Гонжияна. Из далекой республики Закавказья сообщили, что Адам Саркисович жив-здоров и ему хочется узнать о судьбе механика-водителя танка Филиппа Се-

меновича Засыпкина. А Филипп Семенович живет в Любимово! Так следопытам местной школы стал известен адрес командира легендарной “тридцатьчетверки”, судьба которой начиналась так:

...Шел август тысяча девятьсот сорок четвертого года. В Курганской области развернулось движение патриотов за сбор пожертвований на вооружение доблестной и родной Красной Армии. Рабочие Уксянской МТС на строительство танка собрали 100 тысяч рублей и 23 тысячи облигаций госзайма. Написали письмо в Москву товарищу Сталину. В нем просили на собранные коллективом деньги построить танк, назвать эту боевую машину “Тракторист Уксянской МТС Курганской области” и вручить ее их земляку фронтовику, бывшему шоферу Уксянской МТС орденоносцу Филиппу Семеновичу Засыпкину, танк которого сгорел в одном из боев.

Скоро в село пришел ответ за подписью самого Верховного Главнокомандующего: “Прошу передать работникам МТС мой братский привет и искреннюю благодарность. Желание коллектива будет исполнено. И.Сталин”.

Почему именно Филиппу Семеновичу доверили свой танк наши земляки? Потому что знали – не подведет. Он и в работе всегда был впереди, и в бою действовал смело, решительно.

Подарок земляков нашел Засыпкина в Польше. Шел январь сорок пятого. После форсирования реки Вислы бригада, в которой воевал Филипп Семенович, остановилась на отдых. Сюда, на польскую землю, и был доставлен танк. По случаю вручения – митинг. На широкой лесной поляне выстроился личный состав бригады. В середине ее стоял новенький “Т-34”, на башне его крупными буквами было написано: “Тракторист Уксянской МТС Курганской области”.

Около него и встал в шеренгу будущий состав экипажа вместе с механиком – водителем Филиппом Засыпкиным. Танкисты перед знаменем бригады дали клятву довести танк до Берлина и по пути беспощадно громить врага.

Никогда не забывал Филипп Семенович этот день. Гремела музыка, крепко жал ему руку командир бригады Лукьянов, боевые друзья кричали “Ура!”. Смущенный старшина Засыпкин только и смог сказать в наступившей тишине:

– Доверие земляков с честью оправдаю.

В первом же бою экипаж "Т-34" вывел из строя несколько танков противника. "Уксянец" получил боевое крещение, а старшине Засыпкину за умелые действия в бою вручили орден Славы III степени.

На танке Филипп Семенович прошел пол-Европы, штурмовал логово гитлеровцев – Берлин, освобождал Прагу.

За мужество и отвагу, проявленные в этих последних сражениях, его наградили двумя боевыми орденами – орденом Славы II степени и орденом Отечественной войны II степени.

В послевоенные годы Филипп Семенович 32 года трудился шофером, перевозил различные грузы в родном Зауралье. За добросовестный труд награжден медалью "За освоение целинных земель" и медалью "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия В.И. Ленина". В 1974 году Филипп Семенович вышел на заслуженный отдых, постоянно встречался с комсомольцами, пионерами, рассказывал им о славном боевом пути, о единстве армии и народа.

Быстро летит время, новые поколения живут на уксянской земле, но не стирается в памяти народный подвиг танкиста Засыпкина и его замечательных земляков – настоящих патриотов Родины.

*Филипп Засыпкин и его командир
Адам Гонжиян
у своего танка в Уксянке.*

Геннадий УСТЮЖАНИН

Михаил Ревякин

ПИСЬМА ПАМЯТИ

Комбайны, тракторы их хозяйства оставляли в борозде, на полосе. Под причитания матерей и жен, под разногласицу сыновей и братишек уходили на фронт. В перерыве между боями, в полутемном блиндаже, в сыром окопе огрызком карандаша выводили на солдатском треугольнике название далекого родного зауральского села. Одни с победой вернулись домой, от других... от других остались только письма. Письма к родным, близким. Письма к живым...

Полевая почта, 22 июля 1944 года.

“Здравствуй, мама! Получил от тебя недавно письмо, за что сердечно благодарю. О себе писать почти нечего. Жив, здоров, воюю. Идем на запад. Служба идет хорошо. Недавно получил орден Красной Звезды. В часть дали нового врача. Грузин. Хороший мужик. С ним можно жить, можно воевать.

Пиши.

Твой сын Михаил Ревякин”.

Полевая почта, 7 сентября 1944 года.

“Мама! Сегодня идем в бой. Пиши чаще, как можно чаще. Нахожусь в той местности, что у нас жили люди до 1929 года (в общем, в Румынии). Ну, пока. Пиши чаще.

С приветом Михаил”.

Полевая почта, 25 марта 1945 года. Курганская область, Шмаковский сельсовет, Ревякиной Анисье Егоровне.

Уважаемая Анисья Егоровна!

В своем письме Вы просите сообщить, как и где погиб Ваш сын РЕВЯКИН МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ. Погиб он 17 декабря 1944 года в боях на подступах к городу Будапешт и похоронен со всеми воинскими почестями. Его могила была нами украшена, как могила честного воина, который погиб смертью храбрых за свободу и независимость нашей великой Родины. Погиб он от разорвавшегося вблизи вражеского снаряда (был смертельно ранен осколками в грудь и живот). Жил после ранения всего три минуты. Успели его только перевязать, но это уже было бесполезно.

Уважаемая Анисья Егоровна!

Тяжела для Вас эта утрата, тяжела она и для нас. Мы потеряли одного из лучших своих товарищей. Он был бесстрашен в бою и всегда давал пример офицера, коммуниста. За это он был награжден орденом Красной Звезды. Он погиб гвардейцем и славу нашей гвардии с честью нес, хранил ее до последней минуты жизни.

На его смерть мы написали статью в нашу армейскую газету. Ее читали наши бойцы и офицеры и поклялись отомстить врагу. За своего друга и товарища будем мстить до полного разгрома врага.

Статью, напечатанную в газете, я посылаю Вам в этом письме, чтобы жители Вашего села и района сохранили живую память о Вашем сыне".

Заместитель командира части – майор Кузнецов.

МЫ ОТОМСТИМ!

Мне хочется рассказать о нашем бесстрашном боевом товарище, всеми любимом командире-коммунисте Михаиле Степановиче Ревякине. Прошу простить, что, может быть, письмо мое получилось нескладным. Оно писалось глубокой ночью в блиндаже при свете походной коптилки.

Я рядовой солдат. Красиво писать не умею. Но все то, что я изложу в этом письме, сказано от всего сердца. Мне хочется как можно лучше рассказать о том чувстве любви, которое мы, бойцы, питали к нашему командиру.

Два года я вместе с ним воевал, вместе с ним мы действо-

вали на Миусе, форсировали Дунай, преодолевали Балканы. Вместе с ним мы с боями шли по Югославии, Болгарии, Венгрии.

Помню, Михаил часто говорил мне; “Как хорошо, мой дорогой старик, идти вперед, зная, что Родина наша полностью очищена от врага”. Ревякин называл меня “стариком”, а часто даже “отцом”. Ведь мне уже скоро пятьдесят, а Михаилу всего лишь двадцать один. Я по национальности армянин. Ревякина, этого всегда веселого белокурого сибирского паренька, я любил, как родного сына. Да и не только я. Все бойцы, все командиры любили этого бесстрашного офицера. Во время жарких схваток он был всегда там, где кипел бой, где рвались снаряды и свистели пули, где решалась победа. Помню бой у венгерского города Н. Военврач Ревякин находился в боевых порядках. Он перевязывал раненых, а когда требовала обстановка, сам выносил их с поля боя.

В далеком уральском селе живет старушка-мать Михаила. Он часто получал от нее письма и всегда читал их мне. “Замечательная у меня мать, Либарит”, – говорил мне Ревякин. Мать-патриотка, она в каждом письме напоминала сыну о его воинском долге перед Родиной.

Михаил погиб на боевом посту, спасая жизнь раненым воинам. Умирая, он позвал меня к себе и тихо сказал: “Мадаян, ты санитар. Свято выполняй свои обязанности. Береги жизнь наших солдат”.

Я заплакал. Простите, не мог удержаться от слез.

С воинскими почестями похоронили мы своего командира Ревякина на высоком холме. Мы дали салют. Каждый из присутствующих здесь, у свежей могилы, поклялся жестоко отомстить врагу за любимого товарища и командира.

Эту клятву мы выполним.

Ефрейтор Либарит Мадаян».

Александр Фресин

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛИНГРАДА

Летом 1942 года, после окончания Кемеровского пехотного училища младших лейтенантов, я прибыл в Подольск, где формировалась 273-я стрелковая дивизия. Получил назначение взводным командиром в 971-й стрелковый полк. А вскоре дивизию бросили под Сталинград. 1 сентября наш полк разгрузился на станции Иловля. И получил задачу в составе дивизии и 24-й армии Донского фронта продвигаться в сторону Сталинграда.

С первого дня наступления ввязались в отчаянные бои за высоту, занятую немцами, откуда они держали под мощным артогнем не только наступавшие наши войска, но и переправу. Немцев с высоты мы сбили, но потери были ужасными. Полегло больше половины личного состава, погиб в бою и сам комдив Павленко. Я в тех боях был ранен в шею и попал в медсанбат.

После этого я командовал взводом разведки. Из района Большой и Малой Россошки мы выдвинулись к Сталинграду в январе 1943 года. Во второй половине месяца, как раз в день моего 20-летия, 19 января, мы начали наступать в районе завода "Красные Баррикады". А потом я получил приказ с штурмовой группой в 25 человек ворваться в первую траншею немцев, засевших на территории тракторного завода. Действовали осмотрительно. 31 января, не ввязываясь в бой, вели на-

блюдение, а после полуночи, оврагом, ползком, словно ужи, приблизились к немецким окопам и буквально одним броском свалились на головы гитлеровцев. Рукопашная схватка – это сгусток решимости и отчаяния. Мы в ней оказались удачливее противника, наверное, потому, что были нацелены на решительные действия, а немцы в эти минуты такого не ожидали.

Это случилось в 4 часа утра. До рассвета мы отбили их два решительных наскока, и еще три – в течение дня. Удалось отбиться, потому что у немцев оказался в траншее хороший запас гранат, который они оставили при отступлении.

Сейчас, вспоминая о тех днях, сам не могу поверить и измерить, сколько невероятных тягот, страданий, мужества и стойкости проявили воины-сталинградцы, защищая легендарный теперь город-Герой на Волге. Этого никому и никогда не измерить и, не дай Бог, повторить. И какую несказанную радость и торжество испытать, увидев сдающихся в плен, еще вчера, да что вчера, два часа назад до этого момента отчаянно штурмовавших остатки нашей разведгруппы в окопах на тракторном.

И вот они, тоже чудом уцелевшие в этих бешенных боях, появились с белой простынью на штыке винтовки... Идут... А к нам в окоп скатывается боец – с термосом каши... Но разве до еды, хотя двое суток до этого ели только считанные по штукам сухарики.

В эти дни я отмечаю 80 лет со дня рождения, 2 февраля, снова юбилей – 60 лет как я встречал немецких поработителей – капитулировавших в районе тракторного завода, а 6 февраля – в день рождения Курганской области, я получил свой первый боевой орден Красной Звезды.

Много мне пришлось еще выдержать боев и прошагать военных дорог, стать кавалером орденов Александра Невского, Отечественной войны, медали "За отвагу", но Сталинградская земля для меня Высшая Святыня! Сколько в ней погребено светлых жизней и помыслов, впитано горя, крови и слез. И все это ради того, чтобы жила в веках наша Родина, были счастливы и велики духом ее сыны и дочери.

Не забудем об этом.

Николай Рычков

КОМАНДИР ГОЛОВНОГО ТАНКА

В то сентябрьское утро сокурсники то и дело окликали Рычкова в университетском коридоре.

– Николай! Слыхал вчера радиопередачу?

– Рычков! А ты знаешь Гаврилова, Героя Советского Союза?

– Братцы, – отшучивался Николай Яковлевич Рычков. – Вы что, забыли правило студента-заочника? Ночь готовиться, а наутро сдавать хоть китайский язык! Никакие радиопередачи не слушаю, а Гаврилова как не знать: вместе воевали, командовал нашей танковой ротой. Только вот расстались мы с ним в апреле сорок пятого, когда меня отправляли в госпиталь. С той поры ничего о нем не знаю. А, собственно, в чем дело?

– Да вон вчера по радио читали очерк, “Командир головного танка” называется. В нем о тебе рассказывал Герой Советского Союза Гаврилов.

... Словами не передать, как волновался Рычков, когда из телефонной будки наводил справки и, конечно, набрал номер домашнего телефона своего бывшего командира. Шутка ли, не виделись более двадцати лет. Да и вправе ли кто осуждать их, одолевших лютого врага и сумевших в мирное тяжкое время поднять страну из разрухи, голода и нищеты? Как и всем все эти годы, фронтовикам было не до гостеванья, встреч и веселья.

И вот сидят они впервые за столом. Два танкиста, два боевых товарища – майор запаса Гаврилов и капитан запаса Рычков. Одному за пятьдесят, другому – за сорок. Бывший комроты радостно кричит своей жене:

– Смотри, супруга, вот он, живьем, тот самый Рычков, за подвиг которого мне дали Звезду Героя! Николай! Я и в радиопередаче говорил это же самое! Если бы ты тогда не форсировал первым Западную Двину, не сумел бы выполнить приказ штаба фронта, – не было бы у меня на груди Золотой Звезды!

Николай Яковлевич смущенно урезонивает Гаврилова, переводит разговор на другую тему. А вспоминать им было о ком – о погибших и живых однополчанах, о фронтовых дорогах 34-й гвардейской Краснознаменной ордена Суворова Витебской отдельной танковой бригады. Как поется в песне... вино и слезы пополам. Почтили память первого в бригаде Героя Советского Союза Владимира Яковлевича Петрова. Он в бою за село Предместное дважды водил роту в атаку и нанес большой урон врагу в живой силе и технике. А в районе села Мологбек его рота уничтожила 33 танка противника. И это в сентябре сорок второго года! Легендарный майор Петров погиб у себя дома, в бою при изгнании фашистов с территории Псковщины.

Вспомнили веселого украинца Леонида Зинера, гвардии старшего сержанта, командира отделения автоматчиков. Погиб в бою при форсировании Западной Двины, посмертно получил звание Героя...

– Николай! У тебя и память крепкая, и пером ты владеешь, и сам пекло прошел – уважь мою просьбу: напиши ты книгу о нашей бригаде. Не будет нас, кто о войне правду расскажет молодым, внукам нашим? – уговаривал ротный своего отважного взводного.

Конечно, Рычков соглашался, разумеется, пообещал. И еще немало планов строили они при следующей встрече. К сожалению, не довелось Рычкову показать первые главы рукописи другу. Вскоре коварная болезнь века – рак – оборвала жизнь танкиста Гаврилова.

Стопка исписанных листов заметно растет, и “Записки танкиста”, как условно назвал Николай Яковлевич будущую книгу,

становятся солидной рукописью. До последней точки о боевом пути бригады далеко, а память снова и снова воскрешает лица и голоса однополчан, горящие танки, стрельбу, кошмары взрывов...

Возбужденный воспоминаниями, Рычков возвращается в прошлое, в горнило самой жестокой войны...

Горячее июньское солнце выкатилось в безоблачное небо, обласкало мирно спавшее село Бараба, березовую поскотину вдоль извилистой речки Барневки. А парни как сошлись субботним вечером, так и не могли расстаться. Прямо на траве у сельского клуба сидели они дружно, поочередно рассказывали смешные истории из школьной жизни, о своих односельчанах. Заводилой среди них был Николай Рычков – сын колхозного кузнеца, неутомимый охотник и рыбак, неистощимый на смекалку и выдумки. И еще самое главное – грамотей! Он первым из барабинцев на “отлично” окончил девять классов Уксянской средней школы, и тоже первым поедет поступать в институт.

Вдруг по селу из конца в конец поскакали верховые. Что случилось? Пока парни строили догадки, здесь же, у клуба, стали собираться встревоженные и молчаливые барабинцы. В необычной тишине строгий мужчина из военкомата открыл митинг... Так Рычков и его земляки узнали страшную новость: фашистская Германия сегодня утром вероломно напала на Советский Союз, и наше Отечество в смертельной опасности...

В понедельник Николай вывел из сарая свой велосипед и на вопросительный взгляд отца Якова Максимовича тихо ответил:

– В военкомат я, тятя, добровольцем...

– Я так и подумал, сынок. Благословляю...

А еще через пять дней Николай попрощался с отцом и матерью Пелагеей Ивановной, с братом Иваном и сестрой Ниной, пошутил над самым младшим братишкой Витькой. Хорошо, что Нина и Витя не понимали слова “война”, а Ивану через год-другой тоже придется идти в армию.

Рычков не оказался одиночкой. На вокзале в Шадринске

он встретился с замечательными ребятами-однокашниками: выпускниками Уксянской средней школы – Аркадием Ильиных и Алексеем Юровских, выпускниками Ольховской средней школы, жителями деревни Потанино – Николаем Пиджаковым и Александром Антипиным. Все пятеро отправились в Саратовское танковое училище и разъехались только в сентябре сорок второго года. Лейтенанты Юровских и Антипин на учебных танках попали под Сталинград, где оба героически погибли, отстаивая твердыню на Волге. Рычков, Пиджаков и Ильиных прибыли на Урал за новыми танками Т-34.

Пока на заводе готовили машины к отправке на передовую, Рычкова командование отпустило на побывку домой. Холодная и темная октябрьская ночь, времени два часа. Широким шагом пересек Николай безлюдное Далматово, а там – село Затеча. Поднялся в гору и, кажется, не шел, а летел.

Ни одной живой души не встретил лейтенант в селах Пески и Юровка. За деревней Брюхово свернул влево и миновал затерявшийся в лесах хутор Тревянка. К шести утра Рычков закончил на бугре у ветряной мельницы почти сорокакилометровый марш-бросок. Пригодилась закалка на охоте, однодневные походы в Шадринск на киносеансы с барабинскими ребятами.

Не чувствуя усталости, торопился Николай на свидание с родными и земляками. Ведь никто не мог тогда сказать ему, что он вернется живым через несколько лет войны. А она вся для него была еще впереди. Отцу уже не суждено увидеть жену и детей: он погиб в декабре сорок первого под Петрозаводском, будучи солдатом Карельской дивизии, сформированной в Шадринске.

Урал провожал танковый эшелон первым снегом, а вскоре он заметно стоял с бронированных машин. Путь пролегал на юг, и самые горячие и нетерпеливые разочарованно роптали. Им казалось, что их вместо фронта посылают в глубокий тыл. Откуда было знать молодым парням: немцы, увязнув под Сталинградом, ожесточенно рвались в нефтеносные районы – Грозный и Баку.

Задолго до прибытия пополнения рота Петрова блестяще разгромила гитлеровцев: в течение двух сентябрьских дней уничтожила 33 танка противника. Поэтому наступление нем-

цев и первый бой новички встретили без робости и страха. Весь экипаж танка под командованием Рычкова действовал спокойно и уверенно, будто на учебном полигоне. Меткими залпами подбили несколько танков, а пулемет косил пехоту. Но фашисты осатанело рвались вперед.

Когда враг дрогнул и танкисты снова пошли в атаку, машина Рычкова загорелась. Пришлось ее покинуть. Кругом огонь, визг пуль и вой осколков. Поначалу растерялся экипаж, но тут из зарослей кукурузы выскочил замкомроты Королев и командовал:

– Вперед, ребята! Прикройте меня с боков и сзади, а я из автомата спереди срежу фашистов!

Прорвались.

На новом танке до февраля Рычков находился в обороне, затем бригада форсировала Терек, захватила станцию Незлобную и вышла на Минеральные Воды. После Батайска бригаду отправили на формирование в Тамбов. Там Рычков и Пиджаков простились с другом-земляком Аркадием Ильиных. Его направили на Курскую дугу. Под знаменитой Прохоровкой Аркадий Алексеевич Ильиных стоял насмерть, сражался отважно, сжег несколько “тигров”, и только тяжелое ранение в голову вывело из строя мужественного танкиста. Высокой наградой – орденом Отечественной войны 1 степени – отметило командование офицера-танкиста Ильиных.

...Поступили на вооружение экспериментальные Т-34 с огнеметами. Однако новинка оказалась весьма коварной. Если бронебойный снаряд попадал в резервуар, а попросту – в стокilограммовую бочку с особой горючей смесью, взрыв уподоблялся взорвавшемуся фугасу. Следом взрывались и боеприпасы. Получалось, танкисты как бы сами себя минировали. Потихоньку, украдкой от высокого начальства, стали убирать огнеметы. Рычков самовольно снимать вооружение не решился, да и уж очень хотелось испытать огнемет в бою. Такая возможность вскоре представилась при штурме станции Железница, что под Невелем.

Задача танкистов – прорвать вражескую оборону и обеспечить пехоте продвижение вперед. Но произошло непредвиденное: танки напоролась на минное поле, несколько машин подорвалось, и наступление заглохло. В критический момент,

используя местность и искусно маневрируя скоростью, Рычков первым проскочил на своем танке через минное поле, а за ним преодолел опасный рубеж танк лейтенанта Гордиюка. Под артприкрытием наших пушек они прошли удачно в глубь обороны немцев и укрылись в ложине.

Фашисты не видели советские танки и двинулись занимать оставленные ранее позиции. “Подпустим ближе и дадим по ним из огнеметов”, – скомандовал Рычков. И когда немцы приблизились метров на шестьдесят, танк вырвался из ложины и ударил по вражеской пехоте из автоматического огнемета. Десятка три обгоревших гитлеровцев остались на поле боя, а остальные в панике бросились назад. За ними устремились танки Рычкова и Гордиюка. Они ворвались первыми на станцию, обеспечив успех наступления.

Вскоре Николаю Рычкову вручили первую награду – орден Красной Звезды. А за храбрость и отвагу при овладении станцией Гурица его представили к ордену Отечественной войны 1 степени.

По приказу Ставки наши войска приступили к осуществлению операции “Багратион”. На рубеже бригады наступление назначили на четыре часа утра, а танковой разведгруппе под командованием Рычкова приказали продвинуться в тыл противника. Танки и батальон пехоты углубились на восемь километров. Тишина. В чем дело?

– Нету немцев? Пронюхали, сволочи, и сбежали! – сообщил Рычкову командир батальона пехоты.

Рычков связался по радиации с комбатом и получил разрешение идти за пехотой, пока не встретится неприятель.

Ночью группа наткнулась на новую линию обороны и вступила в бой. На большой скорости танки прорвались через артиллерийский огонь врага и вместе с пехотой овладели населенным пунктом, обеспечив успешное наступление основных сил.

Командир взвода – старший лейтенант Рычков – был награжден орденом Александра Невского.

В октябре сорок четвертого экипаж Рычкова добровольно вызвался выполнить боевую задачу для бригады – разведать минные поля фашистов под огнем трех врытых гитлеровцами “пантер”. Неуязвимые “пантеры” подбили машину Рычкова. Он

немедленно пересел на другую, сумел проскочить в тыл и лично сам из пушки сжег все грозные огневые точки. Наступление наших частей на этом участке завершилось разгромом врага.

Отважному танкисту, удостоенному ордена Красного Знамени, высшее командование представило месяц отпуска на родину – великую награду в военное время!

Николай часто думал, как разыскать брата Ивана – младшего лейтенанта, командира разведки. Письма от него он получал через два дня после отправления – значит, воевал братан где-то совсем рядом! Да ведь как искать, коли кругом идут бои...

И опять Николай, как и два года назад, дома. Только радость встречи с родными совпала с новым горем семьи: за два дня до его приезда в дом принесли похоронку на брата...

Отпуск пролетел быстро, и вот он, Рычков, опять в кругу боевых друзей. Добить врага, сполна отомстить ему за отца и брата, за поруганную оккупантами родную землю – такова была цель бесстрашного и опытного офицера.

До апреля сорок пятого года на теле Рычкова не было ни единой царапины, и он крепко уверовал в свое фронтовое счастье. И совершенно случайно, когда шли с механиком-водителем на совещание командиров накануне наступления, вражеская пуля прошила икру ноги и перебила голень. Получил ранение и механик. Полгода пролежал он на госпитальной койке, и не окажись с ним механика – хирурги ампутировали бы ногу. Водитель бдительно оберегал командира. Доктора отступили: провели сложную операцию и спасли ногу. Инвалидом второй группы вернулся Николай Рычков в родное село Бараба...

Позади у ветерана-фронтовика полвека мирной жизни, трудной и напряженной, горестной и счастливой. Отсутствие материальной поддержки не позволило учиться в Челябинском институте по специальности “танкостроение”, и Рычков приступил к работе. В Уксянском районе руководил райкомом комсомола, был на хозяйственной должности в селе Ожигино Шатровского района, возглавлял в Шатрове райком ДОСААФ. Затем партийная работа. Сдал экзамены на аттестат зрелости в вечерней школе и в сорок лет окончил Высшую партийную

школу. Получил диплом и тут же поступил на заочное отделение экономического факультета Уральского госуниверситета.

Подросли сыновья Валерий и Игорь, друг за другом окончили Челябинское военное автомобильное училище и продолжили офицерскую службу в десантных войсках. Они не только пошли по стопам отца, избрав военную профессию, но и оба стали страстными охотниками. А сам Николай Яковлевич занимал в городе и районе ответственные посты, всегда принимал активное участие в работе районного общества охотников и рыболовов. Ему присвоено звание почетного члена областного общества, много лет кряду избирался членом правления общества, был инициатором выпуска стенной газеты, ее самым неугомонным автором.

Задолго до выхода на пенсию Рычков нашел время для написания интересного и ценного труда об охоте в Зауралье. Жаль, рукопись не увидела свет, ибо тогда охотников клеймили все кому не лень, объявили их врагами природы. Конечно, рукописи не горят, но и плохо, когда они не становятся книгами.

Не смог, как мечталось, насладиться охотой и рыбалкой Николай Яковлевич, когда вышел на пенсию. Через полгода перенес сложнейшую операцию, к фронтовому ранению добавились болезни и годы. Однако сдержал он обещанное однополчанам: завершил рукопись книги о боевом пути бригады, о подвигах Героев Советского Союза – комбата Владимира Яковлевича Петрова и своего друга, безвременно ушедшего из жизни далматовского журналиста Николая Николаевича Пиджакова.

Василий ЮРОВСКИХ

Василий Шлемин

СМЕЛЫЙ НАЛЕТ

Шлемин Василий Исаевич родился в 1918 году в селе Каситчино Смоленской области. Призван в Красную Армию 15 сентября 1941 года. Гвардии рядовой, минометчик. Воевал с марта 1942 года в составе 122-го Гвардейского танкового истребительного батальона. Награжден орденом Славы III степени, медалями “За боевые заслуги”, “За освобождение Варшавы”, “За взятие Берлина”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Демобилизован в июле 1946 года. Работал в ОПХ «Садовое». Умер в 15 октября 1993 года, похоронен на кладбище деревни Круталы.

Враг отступал. Не в силах оправиться от сокрушительных ударов, полученных на Волге и Курской дуге, он все дальше и дальше откатывался на запад. Исход войны был предрешен, но фашисты упорно не хотели с этим мириться, цеплялись за малейшую возможность удержаться, отсрочить свой окончательный разгром.

Попытались они сделать это и в Молдавии, под Бендерской крепостью. Их зенитно-пулеметная точка господствовала над окружающей местностью, мешая дальнейшему продвижению советских войск. Овладеть крепостью можно было, лишь уничтожив вражескую зенитно-пулеметную точку. А как заставить ее замолчать, если местность вокруг открытая, про-

стреливается днем и ночью? Казалось, огромных потерь избежать невозможно, без кровопролитного штурма не обойтись. И враг крепко уверовал в надежность своих позиций.

Но бойцы нашей части думали иначе. Среди бела дня противотанковый расчет Василия Самарина неожиданно появился в нескольких сотнях метров от крепости, на совершенно открытом месте, и в упор беглым огнем выпустил по зенитно-пулеметной точке одиннадцать снарядов. Невозможное свершилось. Операция была настолько дерзкой, неожиданной и стремительной, что в ответ не последовало даже выстрела.

За этот подвиг наш земляк Василии Исаевич Шлемин и его боевые друзья были отмечены орденами Славы III степени. Это он, Василий Исаевич, скромный шофер из Зауралья, с молниеносной быстротой вывел противотанковую пушку на огневую позицию.

Шлемин прошел с боями путь от Москвы до Бранденбургских ворот в фашистском логове, отмечен Родиной за мужество и отвагу пятью боевыми наградами. Был дважды ранен, контужен. Спасая однажды свою машину, подоженную вражеским снарядом, получил ожоги второй степени. Уходил Василий Исаевич в 1942 году на войну беспартийным, а вернулся домой, в деревню Большие Крутали, коммунистом.

Василий Исаевич многие годы был шофером, учетчиком-фуражиром на животноводческой ферме. И везде показал себя добросовестным тружеником, о делах которого люди не забыли.

Записал Анатолий КОШЕЛЕВ

Виктор Гаврилов

УДАЛЬ МОЛОДЕЦКАЯ

Гаврилов Виктор Абрамович родился в 1923 году. Старший сержант, танкист-механик. Воевал на 1-м Украинском фронте. Тяжело ранен. Награжден орденом Славы III степени, медалями «За отвагу», «За взятие Вены», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.», «За победу над Японией».

Кетово, Пушкина, 16. Аккуратный домик, небогатые пристройки. Здесь живет семья бывшего фронтовика.

С хозяином встречаюсь во дворе. Он, как всегда, разговорчив, шутит.

– Что мы тут стоим? – спохватывается Виктор Абрамович. – Пройдемте в избу. Значит, про мое участие в войне интересуетесь. Так особенного, геройского, что ли, я ничего не совершил. Воевал, как и все сибиряки.

Эта его гордость – подчеркнуть за сибиряков – имеет небольшие основания.

– Шел декабрь 1940 года. Призвали в Красную Армию. Попал в Одессу, в полковую школу. К июню 1941 года окончил ее, а тут война разразилась, сразу на фронт угодил.

Виктор Абрамович начал вспоминать, а я старался себе представить...

Шумный южный город. Встает жаркое июньское солнце, Черноморское побережье с самого утра забито отдыхающи-

ми. Солдаты чистят орудия, любуются природой. Кажется, вокруг идет беззаботная жизнь. Но что такое? Словно по маговенику волшебной палочки, засуетились люди. Бежит командир батареи старший лейтенант Громов, бегут с встревоженными лицами другие командиры. В ожидании недоброго замерли бойцы... Война!.. Началась война с Германией.

405-й артиллерийский противотанковый полк резерва Главного командования принял первый бой у железнодорожных станций Грязи и Лиски Воронежской области. Вражеские танки шли лавиной, сминали батарею за батареей. И хотя дрались артиллеристы отчаянно, но пришлось, понеся большие потери, отступить на Калач к Дону...

Виктор Абрамович умолкает на минуту, встает на ноги.

– Тяжелое было время. Даже вспоминать о нем не хочется, – с горечью произносит он. – Отступали в спешке, подавленные, расстроенные. Духом воспрянули, когда их, фашистов, под Москвой даванули. Вот тут-то у нас и отлегло от сердца... Нет, под Москвой не был. В сорок втором попал под Сталинград. А потом участвовал чуть ли не во всех великих сражениях. Был под Орлом и Курском, громил Кишиневскую и Зайчарскую группировки, освобождал Варшаву и Будапешт, Белград и Прагу, штурмовал Берлин. Эпизоды? Для меня вся война – эпизод на всю жизнь. Припомнить хотя бы один?..

Под Орлом случилось. Только что меня приняли в партию. Шло тогда железо на железо. Громовая битва не утихала ни днем, ни ночью. Раскалился ствол у орудия, а танки все идут и идут. Почти все товарищи из моего расчета погибли. Я стал и за командира, и за наводчика. Чтобы выжить – мысли не было, все осталось где-то там, далеко, позади. Передо мной враг, сражение, и только. И вот тогда я уничтожил четыре танка. За это наградили орденом Славы третьей степени. Получил я в этом бою и ранение в ногу.

– Ну, это обычный рядовой эпизод, правда? Да у меня, я уже говорил, нет ничего геройского. – Виктор Абрамович снова садится, потом опять встает, жестикулируя, рассказывает о боевых походах.

– Вылечился – снова в строй, в свою часть. Были бои жестокие и беспощадные, смерть ходила рядом. На отдыхе писал письма. Кому? Сестре, да вот ей, Марии, – усмехнулся, указывая на жену. – Даже просил однажды в письме стать моей

женой. А родители у меня до войны еще умерли.

Он говорит об этом просто, как о самом обычном, неутомный по своей натуре, читает нараспев:

«До тебя мне дойти нелегко, а до смерти – четыре шага...»

– Писал и так. Всяко писал, – весело улыбнувшись, проговорила женщина. Потом сделалась серьезной и, выходя из дверей на улицу, сказала:

– Трудное пережили время, все довелось испытать.

– И испытание верностью? – как бы невзначай спрашиваю я.

– И это было, – говорит он. – Любовь сберегла.

И опять оживленно рассказывает: – С 405-м гвардейским полком прошел всю войну, почти всю Европу повидал, участвовал в боях на 1-м Белорусском фронте, где немало было нас, сибиряков. За четыре года был дважды ранен, под Будапештом – контужен. Подучил два ордена Красной Звезды, орден – Славы. Участвовал в параде Победы. Оттуда на Восток. Там, на Тихом океане, и закончил свой боевой поход, свою службу в рядах Красной Армии.

Вернулся в родную Нечаевку зимой в 1945-м под Новый год. Через неделю женился на Маше. Ордена, медали и двенадцать фронтовых благодарностей положил в семейный ящик. Стал работать бригадиром в колхозе. А теперь вот в совхозе пятый год дизелем команду, – продолжает Виктор Абрамович. – Трактор и тракторист всегда в боевой готовности. Дали медаль “За освоение целинных земель”, благодарностями руководство при случае не обходит. Вот так и живем, по-гвардейски в запасе. Правда, со здоровьем уже не то стало. Видите, я какой из себя здоровый, а все-таки дадут знать фронтовые дороги. Осколки все еще ношу. У самого глаза и у виска.

Прощаюсь я с хозяином дома во дворе. Выхожу за ворота и думаю: “Видать, лихим был сержантом на фронте этот Гаврилов, тракторист со второй фермы Утятского совхоза”. Потом оборачиваюсь и окидываю взглядом аккуратный новенький дом из сосны, словно стараюсь запомнить. Да ведь это же о Гаврилове поется та песня, именно о таких, как он, которые мечтали после войны о семейном счастье, о жизни в новых домах под ясным небом, о радости труда. И это здорово, когда мечты человека не покидают, он за них борется и они сбываются!

записал Владимир ЕФАНОВ

Алексей Карташов

Я — БЕРКУТ!

Я прошел всю войну в составе 31-й отдельной бригады грозных реактивных установок, которым солдаты дали нежное девичье название "Катюша". Сформировались мы в Москве и находились в распоряжении ставки Верховного Главнокомандования. Нас сразу же на фронте окрестили "жуковцами". И это потому, что бригаду "Катюш" бросали туда, где планировались крупные наступательные операции. А их, как правило, разрабатывал и осуществлял Георгий Константинович Жуков.

Я начал свой путь от Сталинграда. В районе Котельниково мы первый раз дали немцам "прикурить". Крепко дали. Чадили густым дымом железные чудовища танковой армии генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна.

А сколько было у нас светлой радости лицезреть картину капитуляции другого гитлеровского фельдмаршала – Фридриха фон Паулюса – и его штаба, сотен тысяч немецких солдат, после разгрома немецкой группировки под Сталинградом! К сожалению, мы тогда не знали, что командарм 64-ой армии генерал Михаил Степанович Шумилов – наш земляк-зауралец.

У меня была нелегкая профессия – разведчик-корректировщик огня. Часто приходилось пробираться на нейтральную полосу и оттуда вести наблюдение за противником, обес-

печивать батареи данными для нанесения удара по гитлеровцам. Моими позывными были два слова: “Я – беркут. Я – беркут...”

После Сталинграда нас придали 13-й армии генерала Николая Павловича Пухова на Центральном фронте, которым командовал генерал Константин Константинович Рокоссовский. Как-то в июле, отдежурив свое время, я шел по траншее к штабу бригады. Вдруг вижу: в траншею спускается Георгий Константинович Жуков. В руках у него стереотруба. Он установил ее на бруствер и стал наблюдать за ходом развернувшегося сражения. Был он один, без сопровождения. Я встал неподалеку и наблюдал за полем далекого боя и за Жуковым. Лицо его было сосредоточенным, суровым.

Наблюдение Георгий Константинович вел минут двадцать. Потом взял свой оптический прибор и, не обращая ни на кого внимания, направился в штаб бригады. Я в тот момент заметил в его лице усталость, задумчивость и строгость. О чем думал Жуков в те минуты, трудно сказать. Может быть, смотрел, сбываются ли на поле боя его предположения и задумки?

Была и еще встреча, уже на правобережной Украине, в районе Лютежского плацдарма. Совсем неожиданная, у штаба бригады. Мы, трое разведчиков, вернувшись из нейтралки, рассказывали друг другу новости, что видели, наблюдая за противником. За разговорами не заметили, что кто-то подходит к нам. Подняли головы, ба... – маршал Жуков. Нас как пружиной подбросило, но было уже поздно приветствовать высокое начальство. А Георгий Константинович, улыбнувшись, сказал: “Прохлопали, что маршал Жуков идет? Садитесь...” – и быстро шагнул за порог командного пункта.

Мы несколько минут стояли в растерянности. А потом мой сосед сказал: “А все-таки настоящий он мужик”.

Последний раз Георгия Константиновича я повстречал прямо в окопах. Нас тогда придали какой-то стрелковой дивизии для оказания помощи в отражении наступления немцев. И я прибыл на передовую, чтобы обеспечивать взаимодействие. Гляжу, Жуков в распахнутой шинели идет по позиции, а следом за ним спешит полковник. Георгий Константинович остановился, что-то говорил, советовал, указывал, видимо, на не-

достатки в выполнении земляных работ. А потом я услышал его твердые слова:

– Через час работа должна быть исправлена, – и, взглянув на часы, добавил. – Выполните – доложите лично мне.

И ушел.

Видели бы вы, с каким старанием устраняли замечания маршала бойцы. И никто слова против не сказал. Видимо, замечания Жукова были такие, что от этого действительно зависела жизнь солдат.

Участвовал я и в битве за Берлин. Награды имею. Но не меньше орденов ценю Благодарственное письмо за подписью Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова и члена Военного Совета генерал-лейтенанта Константина Федоровича Телегина, врученное мне при демобилизации 15 октября 1945 года.

Более полувека прошло после войны, а, бывает, всплывает в памяти: “Я – беркут, я – беркут. Орел! Орел! Как слышите меня? Танки идут! ...”. И не спится мне до утра.

Записал Владимир ГРИШАНОВ

СОЛДАТУ

Чтоб стать мужчиной, мало им родиться.

Чтоб стать железом, мало быть рудой.

Ты должен переплавиться. Разбиться.

И, как руда, пожертвовать собой.

Какие бури душу захлестнули!

Но ты – солдат, и все сумеешь принять –

От поцелуя женского до пули,

И научись в бою не отступить.

Готовность к смерти – тоже ведь оружие,

И ты его однажды примени...

Мужчины умирают, если нужно,

И потому живут в веках они.

Михаил ЛЬВОВ

БОЕВЫЕ ДЕЛА НИКОЛАЯ МАЛИКА

Николай Максимович Малик родился 22 мая 1925 года в деревне Бреусенково. Призван в Красную Армию в январе 1943 года. Старшина. Воевал в составе 232-го отдельного истребительного дивизиона. Награжден орденами Красной Звезды, Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Славы III степени, медалями «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.». Работал на заводе «Молмашстрой». Живет в городе Далматово.

Первое знакомство с танками, только с вражескими, у Николая Васильевича Малика состоялось в сорок третьем году. Августовским днем на одном из участков фронта бойцы его роты сдерживали яростный натиск гитлеровцев. Только отбили атаку, как немцы пошли снова, пустили впереди пехоты танки.

Засел в окопе Николай Малик с противотанковым ружьем. Страшно смотреть на надвигающиеся фашистские танки. От солнца и напряжения струйками стекает пот между лопаток. И ни укрыться, ни отступить нельзя. На них, истребителей танков, вся надежда.

“Сейчас попробуем их броню, посмотрим, кто кого?” И, стиснув зубы, истребитель-бронейщик стал выцеливать пере-

днюю машину. Вот танк все ближе и ближе, пора стрелять...

Нажал на спуск, когда эта громада была почти рядом.

Когда танк задымил, Николай Максимович забыл все на свете. Удачный выстрел окрылил его. И он уже уверенно целился в следующую стальную громаду. И когда второй танк без гусеницы, волчком закрутился на месте, по окопам прокатилось громовое "Ура!". И солдаты поднялись в атаку, с новой силой ударили по врагу.

Николая Малика представили тогда к награде – ордену Красной Звезды. Изменчива судьба человека на войне. В следующий раз Николай Васильевич отличился при выходе из окружения, будучи уже артиллеристом: и сами вышли, и пушку свою не бросили. После успешного прорыва из вражеского кольца его представили к ордену Отечественной войны II степени.

Потом старшина Николай Максимович Малик громил немцев уже на танке. Он действовал в бою осмотрительно, так, чтобы нанести наибольший урон противнику, а экипажу уцелеть. Много раз их взвод поддерживал пехоту в наступлении. Туго пришлось бы ей, если бы не танкисты Малика. Его экипаж меткими залпами в одном из боев подавил одиннадцать фашистских огневых точек, обеспечил на своем направлении продвижение пехоты. Командиру танка Николаю Малику вручили сразу после боя тогда орден Славы III степени.

Героизм и мужество проявили танкисты и при форсировании Одера. Выполняя приказ командования, Малик со своими боевыми товарищами удерживал плацдарм целых семь часов. Фашисты атаковали с отчаянной настойчивостью, но танкисты выстояли, мужественно продержались до подхода основных сил. Маленький плацдарм стал основой для наступления. За эти бои Николай Васильевич был награжден орденом Красного Знамени. Участвовал командир танка Малик в боях за Берлин и по освобождению Праги.

После демобилизации этот героический, но скромный человек был многие годы прекрасным специалистом на Далматовском «Молмашзаводе».

Михаил БОЛОТОВ

Александр Серков

ПАРАДНЫМ СТРОЕМ В 45-Й ГОД у БРАНДЕНБУРГСКИХ МЫ ПРОШЛИ ВОРОТ

После парада Победы в Москве состоялся парад союзнических войск в Берлине. Об этом знают у нас немногие. Мне посчастливилось быть его участником.

Кроме советских войск, штурмовавших Берлин, в этом торжестве приняли участие американские, английские и французские войска, которые прибыли сюда для несения оккупационной службы в отведенных им секторах западной части города. И поскольку парад должен был проходить возле поверженного немецкого рейхстага, а принимать его – лично Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, он несколько раз в окружении свиты приезжал на площадь для репетиций или тренировок (не знаю, как лучше выразиться). Мы обступали плотным кольцом машину маршала, заводили беседу с офицерами из его окружения, личным шофером.

Шофер – Александр Николаевич Бучин, как сейчас помню, очень гордился тем, что провозил Жукова всю войну. “В машине, вообще в дороге Георгий Константинович проводил очень много времени. Тут обедали и спали, писали приказы, снимали с высоких постов и награждали, проводили оперативные совещания, – говорил нам как-то водитель Жукова. – За годы войны Георгий Константинович сменил несколько автомобилей. Были у него “Эмка”, “Бьюик”, “Хорьх”...”

“Однажды под Киевом, – продолжал свой рассказ шофер, – Георгий Константинович, побывав в штабе 1-го Украинского фрон-

та, решил детально ознакомиться со сложившейся обстановкой и на соседнем – 2-ом Украинском фронте, штаб которого располагался в городе Кременчуге. Расстояние по карте 500 километров, но по фронтовым дорогам оказалось намного больше. В пути были почти сутки. А вот на Калининском фронте, угодили в распутицу. Из-за бесконечных дождей практически по полному бездорожью 50-километровый отрезок преодолевали более 8 часов...”

Лично мне из рассказов встречавшихся с Жуковым людей особенно запомнились высказывания о его заражавшей всех вере в нашу победу. Его никогда, даже в самые трудные дни, не видели подавленным. Усталым – да, озабоченным – да, а вот подавленным – никогда.

...Три дня я готовил свой танк Т-34 к торжественному прохождению у Бранденбургских ворот и поверженного рейхстага. От мастерства механиков-водителей зависела слаженность и четкость движения всей колонны. Моя «тридцатьчетверка» не подвела: как в бою, так и на марше ни разу не заглохла, не поломалась. Видимо, не зря из всей дивизии именно нашему экипажу было представлено это почетное право – участвовать в Берлинском параде Победы.

Этот церемониал состоялся уже после победы над Японией и как бы подвел черту под всей Второй мировой войной, достойно отметив нашу главную роль в ее победном завершении.

НА АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА

Жестоким, беспощадным катком прошла война по судьбе семьи моего деда Ефима Андреевича и бабушки Татьяны Ивановны Юровских из деревни Юровка Далматовского района. Пятеро их сыновей – Петр, Алексей, Семен, Егор, Константин – были призваны на фронт. Все пятеро храбро сражались в боях за Отчизну.

Старший их сын, мой отец, Петр, 1911 года рождения, успел повоевать до Великой Отечественной, на Финской войне. Был фронтовым шофером, на своей любимой полutorке “дошел” да самого рейхстага. Правда, расписываться на его поверженных стенах не стал из-за религиозного чувства. Потом был Дальний Восток. Бои с японцами. Три войны за плечами – и ни одной царапины. Какое это счастье – вернулись домой живыми отец и его брат – дядя Алеша, уцелевший в Сталинградских кошмарных боях.

За праздничным столом в день Победы мой отец Петр Ефимович всегда пел свою любимую песню:

*Эх, путь-дорожка, фронтовая,
Не страшна нам бомбежка любая.
Эх, помирать нам рановато:
Есть у нас еще дома дела!*

И плакал: трем младшим братьям его – Семену, Егору и Константину – не суждено было больше увидеть отчий дом,

буйную нашу черемуху, которая десятки лет осыпает, как слезы, свой белый цвет без них. Семен прислал последнее письмо после Корсунь-Шевченковской операции. В нем писал брату: "Если бы ты, Петро, видел, как я кошу из своего пулемета проклятую фашистскую нечисть!..." Сложил голову Семен на чужой земле. Где похоронен, родные не ведают.

Егор, танкист, пропал без вести в огне на Курской дуге.

Константин служил во фронтовой разведке. Героем был. Умер от ран в госпитале. Его медаль "За отвагу" через 52 года после Победы была вручена родным.

Петр

Алексей

Семен

Егор

Константин

И сам глава семьи Ефим Андреевич Юровских – Георгиевский кавалер Первой мировой – по возрасту не подлежал призыву в действующую армию, скончался от голода и непосильной работы в трудармии, выпуская для фронтовиков оружие.

А дома от горя и нужды покинула белый свет мать большого семейства Татьяна Ивановна. Опустело шумное когда-то гнездовье Ефима и Татьяны Юровских. Осталось только двое "желторотых птенцов" – 13-летний Вася и 11-летняя Аннушка. Сколько лиха пришлось хлебнуть этим круглым сиротинушкам – сиротам войны, чтобы просто физически выжить в те

суровые, голодные и холодные годы!

И дяде Алеше не повезло, поранился на работе и в 41 год от роду ушел из жизни от заражения крови.

Осмысливая теперь все это, еще и еще раз убеждаюсь, какой неизмеримо дорогой ценой заплатила наша страна и наша семья за Победу. А сколько их, таких гнезд, таких славных семей было разорено проклятой войной?! Когда я слышу берущие за сердце слова песни: "Этот день мы приближали, как могли... этот день Победы!" – то чувствую: это о моих родных, это о миллионах жизней, положенных на святой алтарь Победы.

Но, чтобы оттаяло сердце фронтовика, судьба подарила моему отцу Петру Ефимовичу в 1950 году двух девочек-близняшек, в которых он души не чаял. Ведь мы, двое "довоенных" детей, успели уже подрасти без отца, в войну выросли не по годам. Наверное, поэтому он частенько нас называл – «маленькие мои мудрецы».

Беззаветно преданный шоферской профессии, Петр Ефимович вплоть до выхода на пенсию работал на Далматовском маслозаводе, возил на переработку молоко из деревень всего района. Его фотография постоянно висела на Доске Почета завода. Не забуду его слова, любимые пожелания нам и всем окружающим – «жить вам да радоваться»!

Недаром поется в песне: "ничто на земле не проходит бесследно". Традиции отцов и дедов подхватывают их дети и внуки, неся их дальше по жизни. И вот уже внук Петра Ефимовича, мой сын Олег, окончив школу № 32 города Кургана, выбрал для жизни гордую профессию защитника Отечества, окончил Пермское Высшее Краснознаменное Командно-инженерное училище ракетных войск имени Маршала Василия Ивановича Чуйкова. Сейчас майор Олег Владимирович Заярный – военный инженер по электронике, заместитель командира дивизиона по вооружению. Наследники фронтовика с гордостью докладывают: патриотические традиции рода Юровских и Заярных с честью и достоинством защищать Отечество продолжают их внуки.

Валентина ЗАЯРНАЯ

Иван Климов

ДОСТОЙНАЯ И ПРОСТАЯ СУДЬБА ФРОНТОВИКА

В деревне Бугаево 24 сентября 1923 года в семье Климовых родился сын Иван. Родители его Андриян Тимофеевич и Анна Максимовна жили тогда крестьянским хозяйством. Имели свою лошадь, борону, плуг и земли 3 гектара, которую в то время давали только на мужчин. Когда родились дочери Ольга и Антонина, отец очень загоревал, что земли на них не дадут. Трудное было время.

В 1930 году в Бугаево образовался колхоз имени Молотова. Отец стал работать в совхозе мельником, а мать – свиаркой. Иван рано стал помогать отцу. По всему лету жили в поле, в балаганах, то обрабатывали землю, то сено заготавливали для колхозного стада, а там и уборка хлебов подходила. Дети выполняли такую же работу, что и взрослые. Отец говорил: «Кто рано встаёт, тому Бог даёт». Не было времени для игры в те годы. Дети рано выросли, многое умели делать по хозяйству.

В 9 лет пошёл Ваня Климов в Бугаевскую семилетнюю школу. Учился охотно, с желанием. Часто ходил рыбачить на реку: всё лишнее «добавок к столу». У отца было ружьё, Иван рано пристрастился к охоте, приносил уток, зайцев. Жизнь в колхозе налаживалась, появился достаток, хлеб ели вволю.

В 1940 году Иван закончил семилетку. Его, как активиста, пригласили работать вожатым в пионерский лагерь на две

смены. Лагерь находился на берегу озера Турбань, недалеко от Ясной Поляны. Здесь стояло 6 домов, специально построенных для отдыха детворы. Приезжали дети со всего района. Здесь работали и отдыхали, было весело и интересно. Иван показал себя смышленным пареньком, хорошим организатором. Секретарь райкома комсомола Сухарев пригласил его на работу в Уксянский райком ВЛКСМ. Энергичный Ваня Климов вел комсомольскую документацию, работал с первичными комсомольскими организациями, ездил по сёлам на велосипеде.

В 1941 году райком комсомола направил Ивана Климова в Любимовскую семилетнюю школу пионервожатым. Он увлёк ребят интересной общественной работой. Они ходили в походы, проводили сборы у пионерских костров, готовили парады к праздничным дням. И, конечно, работали.

В Любимово Иван Андриянович познакомился с девушкой, будущей его женой Анной Яковлевной. Они допоздна засиживались в читальне, готовили постановки, концерты.

В первый день войны 22 июня 1941 года Иван Климов записался добровольцем на фронт. Таких, как он, в то время было очень много, военкомат был переполнен. Парни знали, что идут на войну, а насколько это всё было серьёзно, многие еще и не понимали.

Иван, одетый в костюм и рубашку с галстуком, пришёл в военкомат. Его направили в Уфимское пехотное училище. Провожали Климова на войну его подруга Аня и мать.

В январе 1942 года лейтенант Иван Климов уже воевал на Западном фронте в составе 30-й армии. С боями отбивали у врага Ржев. Иван Андриянович был командиром взвода. Солдаты все молодые, неопытные, как и их командир. Не хватало оружия, боеприпасов, перед боем выдавали по 10–15 патронов на бойца.

Питаться приходилось мясом убитых лошадей. Деревни были разрушены, безлюдны.

В апреле 1942 года в бою Иван Климов был ранен. Его увезли в город Торжок, где в классах средней школы были сколочены нары, на которых лежали на соломе раненые бойцы. Не хватало врачей, лекарств, бинтов, многие люди умирали. Климов с группой раненых бойцов добрался до города

Калинина, через двое суток был направлен в Москву. Здесь Ивану Андрияновичу сделали операцию и эвакуировали в тыл. Везли до Кургана, куда была дана телеграмма, чтобы здесь встретили тяжело раненного лейтенанта. В Кургане в то время был Ленинградский госпиталь №444. Только подошёл эшелон к станции, как его уже встретили санитары с носилками. Но носилки негодились. Иван тихонько, с помощью санитаров дошёл до госпиталя, который находился рядом со станцией. Лечили раненых здесь хорошо. Через 5 месяцев Ивану Андрияновичу дали полгода отпуска на поправку. Домой добирался и пешком, и на попутной подводе до Уксянки. На этом закончилась фронтовая жизнь Ивана Андрияновича Климова.

В 1944 году он был назначен в Уксянский райвоенкомат начальником 4-й части. В 1945 году, с приходом с фронта строевых офицеров, фронтовых офицеров-инвалидов уволили в запас. Иван Андриянович пошёл работать военруком в Любимовскую семилетнюю школу, где работала учителем и его жена Анна Яковлевна. У молодой семьи появились дети – погодки Людмила и Валерий. Трудно было с малышами, но помогала мать Ивана Андрияновича.

В ноябре 1946 года Климова Ивана Андрияновича, как хорошего организатора, заботливого и доброго человека, назначили директором Бугаевского детского дома, а в 1949 году перевели в Новопетропавловский детский дом директором.

Сколько сердечных забот и хлопот свалилось на бывшего фронтовика, сколько сирот было отдано на его попечение. С тревогой он смотрел в ребячьи глаза, затуманенные бедой. Человек, сам испытавший ужасы войны, понимал, что нужно отвлечь ребят от горя, найти им дело по душе. И вот они создают музей, мастерят чучела птиц и животных нашей местности. Из многих районов приходили туристы в детдомовский музей, восхищались делами ребят.

О семье Климовых односельчане отзываются уважительно. Анна Яковлевна всю свою жизнь посвятила школе и детям. Иван Андриянович неоднократно избирался председателем сельсовета. Он отдавался работе весь.

Райкомом партии Иван Андриянович был направлен работать директором Новопетропавловского маслозавода. Провёл

реконструкцию здания, сплотил большой коллектив. Завод заработал на полную мощность: производили масло простое и шоколадное, "Вологодское", сметану, сливки, творог, мороженое, сухое молоко. Масло Новопетропавловского маслозавода шло на экспорт.

В 1978 году Иван Андриянович Климов – ветеран войны и труда – ушёл на заслуженный отдых. Проводы были скромными, как и сам он: подарков в те годы не дарили.

Иван Андриянович с Анной Яковлевной воспитали четверых детей. Трое из них – Валерий, Людмила и Татьяна – как добрую эстафету переняли профессию учителя от родителей: получили высшее педагогическое образование, лишь Светлана работает инженером телефонной станции в городе Кургане.

Светлана БАХТЕЕВА

ДРУЗЕЙ ИМЕНА

*Беру газету я, как сводку,
И, как в былые времена,
В суровой траурной обводке
Друзей встречаю имена.
И будто вновь я вижу с болью
Места сражений наяву,
Где шли в атаку роты полем
И люди падали в траву,
Где в танках заживо горели,
Чтоб только лишь не сдаться в плен:
Невосполнимые потери,
Которым в сердце нет замен!
Я с ними был и падал с ними,
И с ними в пламени горел...
Живой, беседую с живыми,
Как все прошел - и уцелел.
Слов необычных, слов не стертых
Найти пытаюсь в миг такой,
Чтоб рассказать живым о мертвых -
Бессмертных в памяти людской.*

Иван БЕЛЯЕВ

Геннадий Вахрин

НАВЕЧНО В СЕРДЦЕ

Вахрин Геннадий Васильевич родился в 1923 году в селе Белом Далматовского района. В сорок первом окончил железнодорожный техникум и работал машинистом паровоза в депо станции Челябинск. В армию призван в мае сорок второго. Участник Курской битвы.

Меня, как машиниста паровоза, в армию не брали. Пришлось долго «осаждать» военкомат просьбами отправить на фронт. Наконец, 3 мая сорок второго года я добился своего – был призван и отправлен на ускоренные курсы командиров. Тогда учили быстро. Через шесть месяцев присвоили мне звание лейтенанта. И стал я артиллеристом, командиром взвода 120-миллиметровых минометов.

В декабре получил назначение в 216-й минометный полк 12-й артиллерийской дивизии старшим офицером минометной батареи. Ее полки и бригады формировались на Урале. В январе сорок третьего мы погрузились в эшелон и поехали на запад. В дороге бодро пели:

Нас не задержит глубокий овраг,

Цель не закроет пурга,

Где бы ни спрятался враг,

Мина догонит врага!

15 января разгрузились в городе Ельце. Получили мино-

меты и автомашины... Боевое крещение полк принял под городом Косторным в феврале сорок третьего. А в марте нас перебросили под Курск, на Малоархангельское направление, в район деревень Троена и Протасова. Здесь мы и приняли участие в Курской битве.

Шел июнь. Над нашими оборонительными рубежами с утра до вечера кружили немецкие самолеты. В небе завязывались воздушные бои. В первых числах июля нам стало известно, что противник готовится к наступлению в полосе 13-й армии, которой мы были приданы.

Ночь на 5 июля была тревожной, никто не спал. В два часа ночи с командного пункта передали условный сигнал – «Солнце». Командир дал команду нам: «Батарея, огонь!» И началось...

Над всем участком видимого нам фронта повис мощный гул от залпов сотен батарей орудий различных систем и калибров. Небо скрылось в клубах пыли и дыма. От грохота орудий у многих солдат из ушей текла кровь. Мы задыхались от едких газов взрывчатки. За полчаса, которые длилась артподготовка, наша батарея израсходовала четверть боекомплекта.

Несмотря на понесенные потери, немцы пошли в атаку. К 9 часам утра бой приблизился к нашим позициям. На нас были брошены танки. Полк оказался без прикрытия пехоты, и командир приказал занять круговую оборону своими силами. Материальная часть в это время отводилась на запасные позиции.

Гитлеровцы вплотную подошли к нашим уже опустевшим окопам, в одном из которых торчал поврежденный миномет. Когда немцы ринулись к нему, ветер отнес в сторону клубы дыма, и перед ними во весь рост встал командир орудия. В руках у него была 16-килограммовая мина. Он ударил ею о плиту. Сильный взрыв потряс воздух. Погибло много фашистов. Но погиб и командир миномета нашей батареи старший сержант Ванзус Ванахун, родом из Киргизии. За этот подвиг он был удостоен звания Героя Советского Союза посмертно. В 1983 году, к 40-летию Курской битвы, на месте гибели ему поставлен памятник.

Последующие дни представляли собой один сплошной бой.

8 июля на станции Поньри враг пять раз в течение дня атаковал наши позиции, но был нами остановлен, а затем отброшен. За этот бой я был награжден орденом Красной Звезды.

В августе 1943 года я был тяжело ранен под городом Севском. Долго лечился в госпиталях, а в мае 1944 года война для меня закончилась.

Едва оправившись от ран, я устроился военруком в школу Конезавода № 7, но проработал здесь недолго. В феврале сорок пятого года был избран первым секретарем Кетовского райкома комсомола. Позже работал в редакции газеты и более тридцати лет – на разных должностях в Курганском ремонтно-строительном тресте.

Связи с боевыми товарищами не теряю – семнадцать раз участвовал во встречах ветеранов своего полка, дивизии, корпуса. Последняя такая встреча ветеранов 12-й артиллерийской трижды орденоносной дивизии состоялась в Малоархангельском районе Орловской области в 1998 году в связи с 55-летием Курской битвы. Мы вспоминали те далекие огненные дни, которые навечно с нами, в наших делах и сердцах.

* * *

*Сколько их? Не считал, дорогая.
Здесь убитых не любят считать.
В этом поле от края до края
Кровью полита каждая пядь...
Если скажет кто: "Переплатили
Здесь за клоч неудобных полей", -
Ты ответь, что у нас не любили
Торговаться с Отчизной своей.*

Леонид РЕШЕТНИКОВ

Май 1942. Малоархангельск

Петр Емельянов

СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

ПРИЗЫВ

Человек, о котором я хочу рассказать, в самых своих лучших устремлениях возвышен и справедлив, широкой кругозора удивляющий окружающих, страстен в увлечении песней и стихами, почти недосягаем в знании истории своего района. Это его лучшие стороны, но это отнюдь не означает, что он не имеет недостатков.

Петру Емельянову было 18 лет, когда в его жизнь ворвалась война. Как и большинство его сверстников, не успел он закончить среднюю школу, а в сентябре 1942 года военный комиссариат прислал по почте повестку. Получив ее, юноша расстроился лишь по одному поводу: матери не было дома. С хлебным обозом она уехала на элеватор, а рейс обычно длился не меньше трех суток. Так и проводил его на фронт один отец. А сыну предстояло пройти пешком 18 километров из Беляковки до Частозерья, а там, если повезет, на попутной машине добираться до Петухово. Этим же путем ушли на фронт два его старших брата – Павел и Осип.

Лишь потом, на фронте, он понял, от чего уходил. Позади осталась не только мать, от несостоявшегося прощания с которой щемило сердце, но и веселая, с гармонью и гитарой юность.

Голубоглазый, с волнистыми светлыми волосами, общи-

тельный Петька Емельянов был душой молодежи своего села. Имея красивый голос, он играл на гитаре, гармони, баяне. В теплые летние вечера молодежь тех лет проводила свой досуг на улице. Проходя вдоль села, пела и плясала под гармонь. На открытой площадке танцевала и играла в нехитрые игры. Здесь и зарождались первые робкие чувства. Легкие прикосновения, мечта о поцелуе. Рождались стихи:

*Полевые цветы я нарвал для букета
И в руке осторожно принес их домой,
Чтобы память о мае до теплого лета
Сохранить в белой вазе с водой.
Может, вечером тихим моя дорогая
На свиданье ко мне переулком придет,
Поглядит на цветы и, меня обнимая,
Аромат их весенний вдохнет.*

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Вместе с группой юношей Петра Ивановича Емельянова направили в Тюменское военно-пехотное училище. А оттуда в феврале 1943 года – на пополнение 8-й гвардейской армии, которая сражалась на Сталинградском фронте. Именно с этого времени судьба все более приближала его к войне. Но боевое крещение было впереди.

В июле 1943 года уже на Третьем Украинском фронте в местечке “Голая долина” завязался кровавый бой с фашистами. Много полегло здесь боевых товарищей Петра Емельянова. Были сожжены дотла хаты станицы. И здесь же молодой боец впервые увидел убитого русского ребенка. Сердце зашлось от жалости к нему, закипело от ненависти к его убийцам. Впоследствии это место окрестили “Долиной смерти”. А сам Петр Иванович вспоминает его как определенный рубеж в своей жизни: “То был день, когда я шагнул из прифронтовой жизни в войну, в мрачный дым боевых пожарищ, в неизвестное будущее”.

24 июля на рассвете, после очередного ночного боя командир отделения, будучи сам ранен в руку, вынес из-под огня раненого молодого бойца и был отправлен в госпиталь. После короткого лечения и окончания офицерских курсов гвардии млад-

ший лейтенант Петр Емельянов в должности командира взвода 82-миллиметровых минометов снова отправился на фронт.

ФРОНТОВАЯ ФОТОГРАФИЯ

Всего одна фотография военного времени хранится у Петра Ивановича в личном архиве. На груди у него, кроме боевых наград, имеются матерчатые нашивки – 9 штук. Это нашивки за ранения, которые носили в войну и некоторое время после нее: 2 желтые, обозначающие особо тяжелые ранения, и 7 красных. Всего 9 ранений.

Кроме этого, в личном архиве хранятся, фронтовые письма, толстая тетрадь, в которой Петр Иванович описал свой боевой путь. Назвал он рассказ “О боях-пожарищах”. В этой тетради десятки имен и фамилии, название городов и сел, за которые пришлось воевать, рек, которые довелось форсировать. Специальный альбом посвящен собственным публикациям о войне и воспоминаниям других авторов за период в не один десяток лет жизни районки. Именно в его личном архиве, а не в каком-то другом можно почерпнуть наиболее полные сведения о нашем районе в годы войны, о фронтовиках-частоозерцах.

ТРИ ДРУГА

После очередного ранения и лечения в госпитале в августе 1944 года Петра Ивановича Емельянова направили в 308-ю латышскую стрелковую дивизию. В составе 2-го Прибалтийского фронта она освобождала Латвию от фашистских оккупантов.

Вместе с друзьями-однополчанами участвуя в ожесточенных боях за освобождение городов Резекне, Мадоне, Крустпилс, Балдоне, Елгаву, он не переставал писать теплые письма домой:

“Здравствуйте, уважаемые мои тятя и мама! Шлю вам свой сыновний привет и свои сердечные пожелания в вашей домашней жизни... Сегодня получил от вас письмо, за что от души вам благодарен. Приятно и радостно читать ваши сообщения о моих родных братьях, что они живы и здоровы. Пусть и их в равной мере радует, что и я, их младший брат, живу и здравствую в такой же обстановке...”

Чтобы добыть счастливое будущее, нужно пережить насто-

ящее. Я знаю, и у вас много домашних неудобств, но ведь эта война. Разве так мы жили до нее? О нет! А впереди еще, быть может, больше счастья. Так поэтому разве не стоит пережить все трудности теперь, чтобы потом быть счастливыми?»

Об освобождении Латвии у Петра Ивановича написана баллада «Трое младших», в которой рассказано о дружбе трех младших лейтенантов: Файбусовича, Емельянова, Симсона – и боях за старинную красавицу Ригу.

Нередко ночью командир батальона звонил комбату и просил ожесточить бой:

*Ну, так фрицу дай гостинец,
Чтобы ног не уволок.
И летят со свистом мины
На фашистский передок.
Путь лежал через Елгаву.
В тот военный грозный год,
Бил ее, как переправу,
Наш и вражий пулемет.*

13 октября 1944 года столица Латвии, Рига, была освобождена от немцев. «Трудно описать волнующие события на улицах латышской столицы, – рассказывает фронтовик, – когда в город вошли советские войска. Усталые, запыленные, но гордые своей победой, шли по освобожденным улицам рядом латышские, русские, белорусские воины. Радости местных жителей не было границ. На стихийно возникавших митингах они благодарили Советскую Армию за свое избавление от фашиского засилья».

За время наступательных боев в Латвии Петр Иванович был награжден орденами Отечественной войны 2 степени и Красной Звезды.

Фронт уходил на Запад. И продвигали его рядовые бесстрашные советские солдаты.

*Серое утро. В синеве рассвета
Висел над полем реденький туман.
Вдали рвались снаряды глухо где-то
Да пулемет стучал, как барабан.*

*Наш батальон, устало маршируя,
Кончал ночной тяжелый переход.
И каждый думал, молча торжествуя,
Что на привале он передохнет...*

Группировка фашистов в Прибалтике была блокирована нашими войсками и прижата к морю в полуостровной части Курляндии. Обреченные гитлеровцы сражались насмерть. Здесь суждено было погибнуть одному из трех друзей, трех младших лейтенантов – Файбусовичу. А два оставшихся друга хранили связь и в послевоенные годы, организовали встречу в Москве, долгое время переписывались, Петр Иванович Емельянов и по сей день вспоминает своего фронтового друга только с добрым чувством.

ТЯЖЕЛОЕ РАНЕНИЕ

Шел последний год войны. Каждому из сражавшихся верилось, что он доживет до счастливого мгновения-Победы над врагом. Верил в свою счастливую звезду и Петр Иванович. Может быть, эта сила духа и помогала ему в трудные, страшные минуты фронтовой жизни. Наверное, именно она даже в самой отчаянной, казалось бы, обстановке позволяла младшему лейтенанту шутить, приободряя подчиненных. Помните, Данте в своей “Божественной комедии” писал: “Здесь нужно, чтоб душа была тверда; здесь страх не должен подавать совета”. Замечательные строки! Именно так и стремился поступать Петр Иванович на войне.

Но встретить в строю День Победы Петру Ивановичу все-таки не пришлось. 5 февраля 1945 года он был серьезно ранен. Проверя огневые данные и намечая новые цели, младший лейтенант продвигался к наблюдательному пункту. Буквально в двухстах метрах были видны немцы. Сделав необходимые записи, он повернул обратно. Но, увы, сзади захлопали частые разрывы мин, и Петра Ивановича ранило в руку. Как сказал позднее хирург, конечность была иссечена осколками от пальцев до локтя.

Понимая, что ему предстоит ампутация руки, юный командир вдруг впервые ощутил жалость к себе и почувствовал, что ему совершенно не хочется жить инвалидом. Он, моло-

дой парень, еще неженатый, вернется домой без руки, станет обузой престарелым родителям? Нет! Мгновенная жалость сменилось злостью и, казалось бы, непоколебимым решением покончить с собой. Поэтому в госпиталь Емельянов тайком прихватил пистолет.

Сосед по койке, адвокат, видя, в каком мрачном состоянии пребывает боец, тактично отговорил его от страшного решения. И был тысячу раз прав, потому что жизнь у Петра Ивановича состоялась полная, насыщенная, интересная. Постепенно он начал пробуждаться к ней, как природа в мае, и писал:

*Снова май соловьиный волнует
Чувства нежные в сердце моем,
И с улыбкой задорной смотрю я
На весну за открытым окном.*

САМЫЙ ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ

Этому весеннему месяцу, которому Петр Иванович Емельянов так много внимания уделяет в стихах, и суждено было сыграть замечательную роль в жизни не только раненого бойца, но и всего советского народа.

Проведя несколько месяцев в госпитале города Горького, Петр Иванович вновь окреп душой. Этому способствовало не только улучшение состояния здоровья, но и радостные ежедневные сводки по радио о наступлении наших войск, загнавших фашистов в их логово – Берлин.

Вечером 8 мая 1945 года больные и персонал госпиталя услышали из репродуктора знакомые позывные и предупреждение о том, что будет передано важное сообщение. И вот в напряженной тишине диктор центрального радио Левитан сообщил о подписании Германией акта о безоговорочной капитуляции.

Этот день наряду с днем боевого крещения стал для Петра Ивановича Емельянова самым ярким, памятным. Только, в отличие от того первого боевого дня, горького и страшного, он нес радость победы, свет мирной жизни, теплоту счастья.

“Что началось после этого сообщения в палатах, – вспоминает защитник Родины. – Раненые, больные играли на гитаре, баяне, гармонии, плясали, кружась и пристукивая костылями, пели, обнимались.

А 9 мая в городе с раннего утра все улицы были запружены народом. Кто пел, кто плясал, кто смеялся, кто плакал....”

МИРНАЯ ЖИЗНЬ

Вернувшись домой, наш герой, повидавшись с родителями, решил продолжать свое образование. В городе Свердловске, закончив подготовительные курсы и сдав экзамены на аттестат зрелости, поступил на заочное отделение Свердловского юридического института. Вспоминая годы учебы в кругу семьи, Петр Иванович обязательно с юмором рассказывает о том, как они с другом Мишей Кузевановым ездили на сессии “зайцами” в товарняках или вообще на крышах вагонов, как хаживали пешком от станции Петухово до своего Частозерья (к этому времени родители перебрались на проживание сюда). Но никто из них, полуголодных, безденежных, плохо одетых, не думал бросать учебу.

После войны Емельянов устроился на работу в районный Дом культуры. Хотя играть на музыкальных инструментах уже не мог, но дома все-таки брал гитару или гармонь и одной правой рукой подыгрывал в такт своим напевам. У Петра Ивановича остался хороший голос. И он по-прежнему собирал вокруг себя поющую молодежь. Не хотелось уходить и из спортивной жизни села. А потому много лет однорукий волейболист удивлял соперников своей сельской команды не только фактом своего присутствия на игровой площадке, но и умелым ведением игры.

За время своей трудовой деятельности Петр Иванович работал на самых разных должностях: учителем, следователем прокуратуры, директором РДК, адвокатом, сотрудником районной газеты “Светлый путь”, а ранее - “Сталинец”, председателем исполкома сельсовета. Количество его общественных нагрузок доходило до шести.

ЧЛЕН СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ

Но где бы ни работал Петр Иванович Емельянов, ведущую роль в его жизни играла журналистика. Его перу были подвластны самые разные жанры: от простой заметки до очерка, от критической статьи до фельетона. Разносторонне использовал он и свой поэтический дар: серьезные стихи, баллады, песни, критические стихотворные подписи к клише сочетались с частуш-

ками, шутками-малютками, юмористическими новогодними пожеланиями. Прав был поэт Борис Пастернак, когда сказал: “Талант – единственная новость, которая всегда нова”. Определенным рубежом в творчестве ветерана войны стал выпущенный областным газетным издательством “Периодика” сборник стихов Петра Ивановича – “Село родное”.

Герой моего повествования был принят в Союз журналистов СССР. Но то была только формальная связь. Его душой уже давно завладела эта беспокойная профессия, с которой он не порывал, даже работая в других сферах и уже находясь на пенсии. Петр Иванович всегда был активным сельским корреспондентом районной газеты “Светлый путь”.

КРАЕВЕД

Творческий портрет Петра Ивановича Емельянова будет неполным, если не сказать о его большой роли в воссоздании истории родного района. В молодые годы, будучи учителем истории Частоозерской средней школы, Петр Иванович много сделал для организации комнаты-музея, собрал обширный исторический материал, свидетельства очевидцев. К сожалению, в связи с переездом школы часть экспонатов была утеряна, комната-музей свернула свою работу.

Сейчас уже несколько лет работает в райцентре краеведческий музей. И нередко его директор обращается за помощью к Емельянову. Идут к нему и студенты ВУЗов, пишущие рефераты или дипломные работы на темы истории родной школы, села, района. По-прежнему выходят под рубрикой “Истории строки” его материалы в районной газете.

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА ПРОШЛОЕ

Оглядываясь на прошлое, Петр Иванович не может себя в чем-то обвинить или о чем-то пожалеть. Жизнь прожита достойно. Вместе с женой Клавдией Николаевной они вырастили дочь и сына, пестовали внука.

Писатель Георгий Гаев сказал: “У личности и у истории разное время: у меня – срок, у нее – бесконечность”. Петр Иванович Емельянов свой срок использовал на все сто для других. В этом, наверное, и есть истинное счастье.

Зинаида ЕМЕЛЬЯНОВА

Василий Серебряков

ПОВОЕВАТЬ ДОВЕЛОСЬ С ФАШИСТАМИ И САМУРАЯМИ

Серебряков Василий Петрович родился 8 августа 1924 года в селе Затече Далматовского района. В многодетной семье подрастали пять братьев и сестра. Родители умерли рано. Василия воспитывал старший брат Яков. Известие о начале войны застало Василия Петровича в Копейске, где он учился в школе ФЗО. Прибавив к своему возрасту год, Серебряков добровольцем ушел на фронт. Участник Сталинградской битвы. Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга».

В рядах Красной Армии я служил с 12 октября 1941 по 5 марта 1947 года. Был рядовым, сержантом. Много пришлось пройти фронтовых путей-дорог, участвовать в больших сражениях. На войне всегда трудно, но особенно, до отчаянности тяжело было в боях под Сталинградом. Там 12 октября 1942 года я был тяжело ранен. Меня привезли в госпиталь города Камышина, недалеко от места боев.

После госпиталя, уже в звании сержанта, меня направили во вновь сформированные минометные части прославленных «Катюш». Воевал в составе Центрального, затем Белорусского фронтов командиром отделения, командиром орудия. До-

велось участвовать в штурме Кенигсберга. Бои здесь были очень тяжелые. Немцы цеплялись буквально за каждый квартал этого города-крепости. Обе стороны понесли огромные потери. Но мы были уже неудержимыми в стремлении победить.

9 мая 1945 года война для нашего гвардейского минометного полка не закончилась. Нас сразу же направили эшелонами на Дальний Восток. Повоевал еще и с японскими самураями. Здесь бои были тоже тяжелыми.

Демобилизовался только 5 марта 1947 года. Вернулся в родное село Затечье, избрали меня председателем колхоза. Это был для меня новый нелегкий фронт. Многому пришлось учиться. Закончил курсы по подготовке руководящих кадров в Кургане и трехгодичную агрономическую школу в Мишкино. Работал и агрономом колхоза, и секретарем парткома – теперь уже в Мишкинском районе. Работал, как и воевал, в полную силу. Вместе с женой вырастили дочь Татьяну, имеем двух внуков и правнучку. Так что жизнь прожита нами не зря.

ФОТОГРАФИИ

*Стоят они на полочке серванта
И старой бабушки весь день ласкают взор:
Внук - рядовой , внук - в звании сержанта,
Внук - лейтенант и даже внук - майор.
А выше в рамке траурно-суровый,
Поблёкший за десятки долгих лет,
В войне погибшего, простого рядового,
Висит святыней вечную портрет.
Портрет не генерала, не героя, -
Каким он был, таким остался тут:
Ему уж выше званья не присвоят
И ни одной награды не дадут.
Но внуку дед - надёжная порука,
Надёжнее любых других порук.
И Родина надеется на внука,
И чести деда не уронит внук.*

Иван БЕЛЯЕВ

ПОЛКОВОДЕЦ СОЛДАТАМИ СИЛЕН

Многие фронтовики, вернувшись домой, привезли благодарственные письма от командования за свою ратную доблесть. Вот одно из них, принадлежащее нашему земляку:

“Боевому товарищу старшему сержанту Зырянову Василию Яковлевичу. Вы прошли большой и тяжелый путь по дорогам войны. Немало суровых испытаний выпало на Вашу долю. Но трудности и лишения, которые пришлось пережить в сражениях и походах, не прошли даром. Одержана небывалая в истории победа над самым сильным и коварным врагом – гитлеровской Германией... За честную службу на благо нашей Родины объявляю Вам благодарность.

Теперь Вам предстоит сменить оружие войны на орудие труда. Желаем Вам успехов на новой работе. Будьте и впредь в первых рядах нашего героического народа. Отдайте мирному труду все свои знания и силы, как отдавали их делу Победы”.

Командующий Советскими оккупационными войсками в Германии Маршал Советского Союза Жуков.

Член Военного совета генерал-лейтенант Телегин”.

С какой теплотой и уважением к простому солдату обратился маршал к каждому возвращающемуся на Родину человеку! Какую великую оценку сделал ему, какие добрые пожелания высказал, как скромно подписал эти благодарности, являясь уже в то время трижды Героем Советского Союза!

Вот почему бережно хранят эти документы, как великую реликвию, бывшие воины, их дети и внуки.

О маршале Георгии Константиновиче Жукове я много узнал, когда в пятидесятые годы служил в Забайкальском военном округе. Встречаться мне с ним не приходилось, но некоторые офицеры нашей части служили под его началом, встречались с ним и знали довольно близко. Они много рассказывали о Георгии Константиновиче. А когда в 1955 году Маршал Жуков был назначен министром обороны Советского Союза, о нем еще с одной стороны узнали все.

Со свойственной ему энергией стал наводить в армии пошатнувшуюся дисциплину. Издал приказ по Вооруженным Силам о принимаемых к нарушителям дисциплины мерах. Помню, в этом приказе говорилось, что отличники боевой и политической подготовки будут иметь право первыми уволиться в запас, имеющие взыскания – последними. Причем те, кто имел взыскания с отбыванием его на гауптвахте, будут после последнего уволенного дослуживать срок, проведенный на гауптвахте. Командирам разрешалось с исправившихся и в дальнейшем отличившихся воинов взыскания снимать. Было все "разложено по полочкам", мудро и справедливо.

Этот приказ был объявлен всему личному составу и произвел на солдат большое впечатление. Его влияние стало сказываться почти сразу: резко уменьшилось количество нарушений воинской дисциплины, а число отличившихся стало резко расти.

Много внимания уделял маршал Жуков развитию в Вооруженных Силах физкультуры и спорта, боевой учебе в войсках.

Не прошли мимо нас и венгерские события 1956 года. Награждение полководца четвертой Золотой Звездой. Но особенно взволновало всех Постановление Пленума ЦК КПСС в 1957 году, когда маршал Жуков был выведен из состава Президиума ЦК и членов ЦК КПСС, а также освобожден от должности Министра обороны СССР.

Мы уже в тогда понимали, что руководящая верхушка вновь испугалась растущей в народе популярности Георгия Константиновича Жукова. И кремлевские "бонзы" постарались убрать легендарного маршала подальше от Москвы. Но народ всегда любил Маршала Великой Победы, помнит и сегодня. Такие имена в памяти народной вечны.

*Петр Ружков,
село Крестовка*

Анна Котова

ДЕВЧАТА В СОЛДАТСКОМ СТРОЮ

Женщине, хранительнице семейного очага, уюта, вовсе не место под пулями, на фронте, и, казалось бы, не к лицу ей грубая солдатская гимнастерка. Но тогда, в мае 1942 года, Анна Григорьевна Котова думала иначе. Она была в числе первых пятнадцати далматовских девушек, уходивших на фронт по призыву комсомола.

Почти весь город провожал их на вокзал, шли от здания военкомата с духовым оркестром. Поезд увез девушек в Челябинск, откуда и предстояло им направляться в части. Последний вечер перед распределением ознаменовался походом в Челябинский театр оперы и балета, а наутро уже уносили вагоны девчонок на войну.

Фронтальная дорога привела Анну Григорьевну в Ленинградскую область, в Крессы. Самого города – Крессы – уже не существовало: он был стерт в ходе боев с лица земли. Расположились девчонки в землянках, вырытых на старом еврейском кладбище. В этот же день и “причастили” их гитлеровцы – несколько немецких самолетов бомбили расположение части с воздуха.

Начались учения. Обмундирования не хватало, ходили кто в шинелях, кто в фуфайках, часть в юбках, а кто и в брюках галифе. Бомбили немцы будто нарочно в те моменты, когда наступало время обеда. Провизия, обмундирование достав-

лялись в часть с большим трудом: машины с грузом немцы расстреливали сверху за милую душу.

Служба ВНОС – воздушного наблюдения, оповещения и связи – так назывались войска, в которых начали служить девчата. За три месяца их научили определять самолеты по шуму, форме фюзеляжа, хвоста, носа. За это время и определили, кто чего стоит. Не все выдерживали. Но Анна Григорьевна уже скоро была старшим сержантом поста связи, под началом у нее – такие же бойцы-девчонки. После долгих месяцев отступлений и тяжелых потерь войска пошли вперед. С радостью и волнением читали девчата названия местечек: Валдай, Бологое, Акуловка..., а потом уже и запоминать стало трудно.

– Героического ничего совершить не пришлось, – говорит Анна Григорьевна. – Тянула связь, да нечаянно забрела в болото. Думала, уже не выбраться, но от отчаяния как-то исхитрилась и уцепилась за березу. Береза–то меня и спасла.

А однажды сбили немецкий самолет “Фоккевульф-178”, или, как его еще называли, “раму”. Самолет-разведчик на этот раз перевозил продукты: колбасу, печенье, тушенку – и все это богатство упало, что называется, с неба на нас. Радости было у всех... Ох, наелись тогда!

А вообще на войне было тяжело и страшно. Постоянные бомбежки, постоянно в дороге, передвигались как придется, чаще всего пешком, спали то в подполах, то в окопе.

В самый канун Победы столкнулись с предательством: поляк – конвоир пленным немцам устроил побег, раздал оружие. У самого в автомате – 72 патрона. Попытка побега не удалась: немцев перестреляли, но предатель – поляк успел прошить очередь из автомата командира части.

Война закончилась. Анна Григорьевна работала в областной прокуратуре, была среди тех, кто осваивал целину, – все-таки характер в ней чувствовался железный. Но и женщина в ней жила всегда: даже на войне. Среди самых больших тягот больно было расставаться с огромной косой. “А все – таки, – добавляет Анна Григорьевна, – солдатом я была красивым, в пилотке набекрень. А волосы потом отросли...”

Галина УСТИНОВА

Николай Дульцев

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ

В нашей стране есть одна особенная, суровая и прекрасная профессия – защитник Отечества. Не велению сердца подчиняются офицеры, выбирая место жизни и службы, а приказу. Всю жизнь, до увольнения в запас, они в строю: получен приказ о переводе – и они летят, плывут, едут в самые отдаленные уголки земли, верные воинской присяге.

У подполковника Николая Павловича Дульцева офицерская служба началась в 20 лет. Он, младший лейтенант Дульцев, 14 мая 1942 года закончил пехотное училище. Их шесть выпускников ехали на фронт вместе, получив назначение в одну часть. Все были распределены по взводам. Получил под команду пулеметный взвод Николай Дульцев. А 24 мая уже участвовал в бою. Через месяц погибли все его товарищи по училищу, с кем приехал в полк. Задумайся над этим, сегодняшней мой читатель! Сердцем пойми!

И вот уже политрук принимает от комсомольца командира взвода Дульцева заявление: “Хочу идти в бой коммунистом”. А это значит – впереди.

В конце сентября 1942 года взводный Дульцев в бою под деревней Медведовка тяжело ранен осколком мины. Он помнит только вспышку и грохот, да сильный удар в левое плечо, поваливший его на землю.

После лечения в госпитале неумолимая медицинская ко-

миссия выносит решение: "Признать ограниченно годным, из действующей армии списать". Поехал Николай Павлович в тыл, получил назначение в снайперскую школу, готовить бойцов – снайперов.

Затем новое назначение – военно-политическое училище. И еще не один приказ о переводах получал офицер Николай Павлович Дульцев.

Последнее место службы – Далматовский военкомат. Здесь готовил он призывников для службы в рядах Советской Армии.

У подполковника Дульцева два ордена Красной Звезды и девять медалей, много Почетных Грамот. Бывают у офицера Дульцева радостные встречи: подходит к нему на улице незнакомый человек и, улыбаясь, говорит: «Спасибо Вам, Николай Павлович, за науку стать достойным воином и человеком, вы наставляли меня на праведный путь в молодые годы. Я это с благодарностью помню!»

И ветеран, боевой офицер, взволнован и горд. Жизнь прожита им достойно.

Софья КОЗЬМИНА

СТАЛИНГРАД

*Открытые степному ветру,
Дома разбитые стоят.
На шестьдесят два километра
В длину раскинут Сталинград.*

*Как будто он по Волге синей
В цепь развернулся, принял бой,
Встал фронтом поперек России –
И всю ее прикрыл собой!*

Сергей ОРЛОВ

Борис Богачев

ОТ ВОЛХОВСКИХ БОЛОТ ДО КРАСАВИЦЫ ВЕНЫ

Наш третий курс Курганского медицинского училища, где застала меня война, – вспоминает Богачев Борис Александрович, – был ускоренного выпуска – фронту требовались медработники. Правда, со сдачей последнего экзамена с медициной у меня все было покончено: после призыва я попал в Златоустовское пулеметное училище. Через шесть месяцев обучения нацепили нам на петлицы по ромбику, означавшему, что отныне мы гордо именуемся младшими лейтенантами, и отправили на Волховский фронт. Стал я командиром пулеметного взвода, имеющим в подчинении три пулеметных расчета.

В январе 1943 года под Ленинградом шли тяжелые бои. Наступали немцы, финны, викинговские норвежцы – добровольцы из фашистской партии Норвегии. Короткие, как выстрелы, крики на разных языках сливались с гулом машин и автоматными очередями. А потом – со стонами раненых. И в этом аду требовалось не только уцелеть, но и победить. Измученная атаками и голодом (выдавалось два сухаря и двести граммов горохового концентрата на день), из последних сил рванулась вперед пехота. А за ней и мы, пулеметчики. И под небывалое ликование произошло соединение Волховского фронта с Ленинградским. Войска встали по ту и другую стороны обширной полосы, по которой стала прокладываться грунтовая и железная дороги, ставшие артерией жизни для блокадного

Ленинграда. По ним в город стало поступать продовольствие, оттуда – раненые, больные люди.

В начале апреля 1943 года, когда отбивали контратаку финнов, я был ранен. Меня увезли в госпиталь, расположенный в городе Бологое. Так закончился мой первый этап боевых действий. Всего же за войну были три ранения и контузия. Я ведь служил в пехоте, а там офицеры находились на передовой вместе с солдатами, потому и ранило нас так же часто, как и рядовых...

В госпитале лечился полтора месяца. После этого был направлен в часть, расположенную в городе Волчанске. Там находилась 48-я гвардейская стрелковая дивизия Степного фронта. Он являлся резервным. Готовился для контрнаступления. И в последних числах июня 1943 года был выдвинут на передний край – исторической Курской битвы.

В ночь на шестое июля началось наступление. Через два дня и наш полк вступил в бой. Заняли вторую линию обороны - крепкую, с противопехотными, противотанковыми и проволочными заграждениями, минным полем. И оттуда вели стрельбу. Впервые увидел немецких "тигров". А через некоторое время произошла еще одна встреча, которая запомнилась на всю жизнь. Я со своим пулеметным взводом продвигался за пехотой. С винтовками и вещмешками за плечами солдаты шли стремительно. Гораздо быстрее, чем пулеметчики. И в какой-то момент мы заметно отстали. Нас после боя осталось гораздо меньше: нелегко было тащить тяжелые пулеметы. Шли по дороге и вдруг заметили, что за нами идет колонна солдат в немецкой форме. Вначале подумали, что какая-то немецкая часть не успела вовремя сбежать из этих мест. Быстро собрали два пулемета и поставили их на катки. Те, что шли в колонне, заметили нас и стали разворачиваться в цепь, готовиться к наступлению. Помню, меня удивило то, что солдаты при продвижении вперед кричали "ура!". Оказалось, что это были власовцы.

Открыли по ним огонь из двух пулеметов. Затем еще из одного. Власовцы залегли. Послал к своим связных. Попросил подкрепления. Комбат отправил на помощь роту бойцов. Так впервые пришлось драться в бою с теми, кто предал Родину.

Особенно тяжелые бои развернулись за станцию Мерефа. Немцы оказали здесь яростное сопротивление, так как через нее выводили свои войска. Уличные бои длились трое суток. Такие

же кровопролитные они потом оказались и в деревне Поповка, которую поочередно занимали то немецкие, то наши войска.

В ночь на двадцать пятое сентября в районе деревни Новый Орлик вышли к Днепру. Нас, пулеметчиков, было четыре расчета. Где-то тридцать человек. Реку форсировали на плотах из связанных бревен, закрепленных на бочках из-под бензина, которые подготовили нам саперы. На плот размещалось по два расчета. Переправлялись ночью. До деревни Бородаевка добрались благополучно.

Затем освободили от немцев хутора Малый и Большой Одинец. Во время боя 7 октября 1943 года был ранен. До вечера командовал ротой, потому что остался только единственным офицером. Потом бойцы переправили через Днепр – в госпиталь.

В конце января 1944 года был направлен из госпиталя командиром пулеметного взвода в 47-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Вскоре назначили командиром взвода разведки. Пошел его принимать – мужики один другого здоровее, в разведку других не берут. Стою перед ними – невысокий, худенький, гимнастерка от шеи на два пальца отстает... Ребята на меня с жалостью смотрят: прислали, мол, на нашу голову юнца. А когда шинель снял, награды мои увидели, нашивки за ранения – подобрели.

В первый же поиск вместе с ними пошел. На Украине уничтожали Никопольскую группировку, и командование дало задание взять “языка”. А хорошим “языком” бывает связист – он многое слышит. Взяли мы его просто: зачистили немецкий кабель, обмотали вокруг финки, воткнули ее в землю. Все, у немцев связи нет, порыв на линии. Выслали связистов. Видим в темноте: идут, согнувшись, два фрица, один катушку тянет, кабель прокладывает. А у меня во взводе мордвин был, сержант, у него кулачищи как кувалды. Он прыгнул, фриц и пикнуть не успел...

А потом мы получили приказ: переправиться на другой берег. Подошли тихонько к реке. Ночь только-только наступила. Залегли. Слышим немецкую речь. А у нас молдаванин хорошо по-немецки знал, переводит: “Быстрее надо переправляться. Русские на хвосте”. Не знаю, кто подал мысль воспользоваться переправой фрицев. Река в ширину метров сто. Натянули мы плащ-палатки, спустились к воде. Три понтона как для нас стоят. Разместились. А молдаванин по-немецки гром-

ко подгоняет нас: “Шнель, шнель!” Пока переправлялись, он еще с немцами-соседями перебросился парой фраз. Договорились, что будем ждать, когда наши атаку начнут. Залегли в трех хатах на чердаках, у нас было два пулемета.

А деревня, Ковалевка называется, кишит немцами. Крики, суматоха, обозы. Еле рассвета дождались. Тут наши ударили. И мы с чердаков пальбу открыли, “ура” кричим. Среди немцев страшная паника началась, побежали, бросая оружие. Подошли пехота, казаки – взяли Ковалевку. Наш взвод наградили, меня представили к ордену Красной Звезды. Только не успели вручить – ранило под Одессой. Лишь в 1964 году получил награду.

Через месяц лечения снова на фронт – в 49-ю дивизию знаменитого генерала Филиппа Маргелова. Вместе с ним в ту пору находилась на передовой и его жена – ведущий хирург дивизии. А также два сына, один из которых в настоящее время является сенатором.

Во время войны генерал Маргелов бывал суров, даже жесток, но справедлив. Его любили солдаты и считали за честь служить под его командованием.

В этой дивизии и прослужил до Победы. Форсировал Днестр, освобождал и Кишинев.

После Кишинева дивизия направилась в Румынию. Вместе с другими воинскими подразделениями нанесла решающий удар румынским войскам. Они стали сдаваться целыми полками вместе со знаменами. Произошли изменения в составе руководства страной, которая после этого объявила войну Германии. Поэтому по Румынии передвигались быстро, без атак.

Тяжелые бои завязались на границе Венгрии. Оказали сопротивление немцы и венгерская армия. На территорию Югославии вошли только в октябре 1944-го. Освободили несколько городов. Но в Белград не попали. Нас перебросили в Венгрию. Длительное время участвовали в уличных боях за Будапешт. Там получил еще одно ранение: взрывной волной выбросило из окна дома на камни. Десять дней пролечился в медсанбате. И снова на передовую. Чувствуя поражение, немцы стали выводить штабы из венгерских городов. Как-то, остановившись в степи на привале неподалеку от железной дороги, услышали - идет поезд. Бросили в состав несколько гранат, уничтожили гитлеровцев.

В Вену вошли днем, с Запада. Город поразил своей красо-

той. Он сохранил неповторимый архитектурный облик. Поражал своей красотой старинный собор, построенный в готическом стиле. Долго любовались другими достопримечательностями. Даже побывали на экскурсии в знаменитом Венском лесу.

Наш полк после взятия Вены стал именоваться Венским.

Затем наша дивизия была брошена в австрийские Альпы, где немцы оказали невероятное сопротивление. Они намеревались сдаться не нам, а американцам. Мы предпринимали все, чтобы не допустить этого. Поэтому седьмого – восьмого мая в горах продолжались ожесточенные бои. Помню, как учебный батальон, где готовили сержантов, сумел пробраться поближе к фашистам и окружил их. Мою роту отправили на поддержку этого батальона. Чувствуя, что к американцам уже не прорваться, немцы сдались. Выстроили автомашины по классам. Солдат и офицеров – в колонны для отправки на пункты сбора военнопленных. Они были угрюмы.

С верой в победу мы тогда двинулись дальше. С восьмого на девятое мая, когда следовали колонной, прозвучал сигнал об остановке и сборе офицеров. Здесь мы и узнали об окончании войны. И такая началась стрельба в воздух! Ни в одном бою, наверное, столько боеприпасов не расходовали... Сколько было радости и слез!

Демобилизовался в двадцать лет. Имел два ордена Красной Звезды, два ордена Отечественной войны, многие медали. Мне предложили пойти на службу в милицию в городе Кургане. Вначале помощником оперуполномоченного ОУР УВД Курганской области. Согласился. В 1947 году поступил учиться заочно в Омскую школу милиции. Вскоре стал оперуполномоченным, потом – старшим оперуполномоченным ОУР УВД, был заместителем начальника городского отдела милиции по оперативной работе.

Окончил Московскую высшую школу МВД. Приказом министра отмечен за отличную учебу. После окончания школы служил начальником Курганского горотдела милиции. Руководил Советским райотделом внутренних дел. Позднее – отделом вневедомственной охраны Октябрьского района Кургана. И в звании подполковника милиции ушел в отставку по состоянию здоровья. Однако продолжал трудиться – преподавал в одной из курганских школ начальную военную подготовку.

записала Надежда РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Емельян Широковских

КАВАЛЕР СОЛДАТСКОЙ СЛАВЫ

В Мокроусовском районе когда-то жил полный кавалер орденов солдатской Славы Широковских Емельян Тихонович, прошедший всю войну. Это известие пришло к нам из города Хасавюрта, республика Дагестан; автор письма Балтакан Халилулаев просил разыскать родственников нашего земляка, рассказать людям об этом человеке.

Кое-что нам удалось установить.

Родился Емельян Тихонович (Омеля, как частенько называли его земляки) в деревне Граматеево в 1917 году. Рано остался без отца, которого беляки расстреляли. В той бойне, когда сын шел на отца, брат на брата, получила увечье и мать Емельяна – Калипатра Никифоровна. Ночью, пробираясь к прятавшимся от белогвардейцев в лесах сельчанам, наткнулась на валежину в густой чаще, поранила глаз. Так и запомнили ее граматеевские старожилы: сухой, жилистой, с изуродованным лицом.

По окончании гражданской войны посватался к Калипатре не молодой уже Тихон Широковских, так же потерявший жену в страшную годину. На руках у мужика остался сын, Петр.

Тихон и Калипатра создали семью тихо, незаметно. Стали вести общее хозяйство. Тихон усыновил Емельяна, которому от роду тогда не было и шести лет. В деревне поговаривали, что Омеля Калипатре не родной, а подобранный ею сирота, каких в гражданскую было много, его Калипатра и забрала

себе. Своих же детей у нее не было.

Супруги Широковских работали в сельхозартели, затем – в колхозе “Хлебороб”. Закончив четыре класса, Емельян пошел на сельскохозяйственные работы. Куда отправляли его, там и трудился парень, благо в колхозе держали много крупнорогатого скота, овец, свиней, даже гусей и кур.

Емельян был тихим, невысокого роста, светло-русый, с улыбочивым прищуром глаз. Познакомился он с Валентиной Важениной из села Пороги, и уехал жить к ней. Устроился работать в МТС, две девочки у них родились. Вроде жили, не тужили, да война с Финляндией в 1940 году оборвала планы на будущее. На финский фронт Емельяна провожали в сентябре 1940 года из родительского дома.

На передовых позициях Великой Отечественной войны он находился с осени 1941 года. Бил врага и отличился во многих операциях. Вот некоторые сведения из наградных реляций: «Командир отделения 837-го стрелкового полка 238-й стрелковой дивизии 49-й армии 2-го Белорусского фронта рядовой Широковских Емельян Тихонович 4 августа 1944 года в бою за освобождение города Кызышан (Польша) забросал гранатами вражеский дзот. Был ранен, но не оставил поле боя». Указом от 5 ноября 1944 года был награжден орденом Славы III степени.

«20 января 1945 года у железнодорожной станции Партцьяки в 12-ти километрах северо-западнее города Баранова (Польша), и 21 января у станции Прусколенка, в 19-ти километрах северо-западнее Бараскова младший сержант Широковских с отделением истребил более десятка фашистов...». Указом от 21 февраля его наградили орденом Славы II степени.

«Помощник командира взвода младший сержант Широковских 24 февраля у населенного пункта Ловеч, в 6-ти километрах северо-восточнее города Черси (Польша) с двумя автоматчиками захватил пулеметную точку врага, отразил контратаку гитлеровцев, обеспечив успех роте». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 года награжден орденом Славы I степени.

После Победы над Германией он демобилизовался. Вернулся на родину, жил и работал в Мокроусово, в городах Норильске и Игарке, где в 1973 году его и нашла награда – орден Славы I степени. Среди его наград есть много медалей.

Умер Емельян Тихонович 25 января 1982 года.

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТЬ РАССКАЖЕТ.....	3
Алексей Белозеров.....	5
Кирилл Достовалов.....	20
Иван Магдибор.....	27
Иван Кулаков.....	36
Александр Бородавкин.....	40
Георгий Воронин.....	44
Иван Балакин.....	51
Степан Бабушкин.....	54
Иван Филатов.....	61
Николай Терещенко.....	64
Иван Комков.....	73
Савватий Перминов.....	76
Мария Медведева.....	79
Зоя Оглуздина.....	85
Василий Дикарев.....	88
Виктор Баев.....	91
Анатолий Белканов.....	95
Иван Плотников.....	97
Иван Беляковцев.....	100
Николай Заика.....	103
Клавдия Никитина.....	107
Лидия Кузеванова.....	110
Дмитрий Семенов.....	117
Николай и Валентина Секисовы.....	120
Аркадий Ендуткин.....	122
Петр Субботин.....	128
Леонид Карепанов.....	130
Дмитрий Мокин.....	135

Борис Макаров.....	139
Алексей Блиновский.....	144
Виталий Жеребцов.....	148
Леонид Ушаков.....	150
Дмитрий Букин.....	153
Степан Кубасов.....	155
Афонасий Белоусов.....	158
Алексей Бурнатов.....	161
Вера Боброва.....	163
Константин Казанцев.....	166
Фаина Селиверстова.....	172
Иван Бабанский.....	174
Виктор Губанов.....	177
Братья Орловы.....	180
Гайнулла Рахматуллин.....	182
Ольга Дзенит.....	184
Алексей Балашов.....	189
Петр Лапин.....	192
Сергей Антропов.....	195
Ирина Ватолина.....	198
Людмила Мелкобродова.....	202
Андрей Кутин.....	205
Иван Бахарев.....	214
Валентин Шушарин.....	218
Александра Козлова.....	221
Григорий Фатеев.....	224
Иван Селиванов.....	229
Дмитрий Антонов.....	231
Петр Демин.....	235
Михаил Урмашев.....	238
Михаил Алексеев.....	240
Дмитрий Бурмантов.....	244
Василий Курицин.....	249
Иван Кремлев.....	251
Шушарины.....	253
Михаил Сосновский.....	255
Алексей Меркурьев.....	258
Михаил Фомин.....	260
Иван Коломыцин.....	263

Иван Шаляпин.....	267
Игнатий Головин.....	277
Афанасий Кандалов.....	280
Василий Ермаков.....	282
Петр Трубин.....	286
Екатерина Казакова.....	288
Петр Кривенко.....	291
Евгений Селетков.....	293
Иван Ильин.....	297
Николай Ильченко.....	300
Николай Кустов.....	302
Александра Устюжанина.....	307
Маргарита Кобелева.....	309
Анна Сочнева.....	314
Павел Михалев.....	317
Николай Плотников.....	319
Алексей Ульянов.....	322
Павел Дудин.....	326
Наталья Клопова.....	328
Алевтина Сереброва.....	332
Филипп Засыпкин.....	336
Михаил Ревякин.....	339
Александр Фресин.....	342
Николай Рычков.....	344
Василий Шлемин.....	352
Виктор Гаврилов.....	354
Алексей Карташов.....	357
Николай Малик.....	360
Александр Серков.....	362
Юровские.....	364
Иван Климов.....	367
Геннадий Вахрин.....	371
Петр Емельянов.....	374
Василий Серебряков.....	382
Полководец солдатами силен.....	384
Анна Котова.....	386
Николай Дульцев.....	388
Борис Богачев.....	390
Емельян Широковских.....	395